Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

На правах рукописи

Баринов Эмиль Эдуардович

КОНСТИТУЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПРАВОСУДИЯ В ЦЕННОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ДОКТРИНА И ПРАКТИКА

Специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук

Научный консультант:

Доктор юридических наук, профессор

Бондарь Николай Семенович

Ростов-на-Дону – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 4

ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЯ ЦЕННОСТНОГО ПОЗНАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПРАВОСУДИЯ В СИСТЕМЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА..... 32

§ 1.1. Социокультурная природа современного российского конституционализма как онтологическая основа ценностных характеристик конституционной культуры правосудия..... 32

§ 1.2. Методология исследования конституционной культуры правосудия как относительно самостоятельной категории конституционной культурологии 59

§ 1.3. Конституционная природа правовой культуры правосудия как особой сферы публичной власти 78

§ 1.4. Судебная практика, ее единообразие как интегральная основа реализации ценностей национальной культуры правосудия 96

ГЛАВА 2. КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВОСУДИЯ: СООТНОШЕНИЕ ФОРМАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИХ И НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИХ НАЧАЛ..... 113

§ 2.1 Суд и правосудие как отражение феномена национальных ценностей в системе отечественного конституционализма 113

§ 2.2. Конституционная культура правосудия: институциональные, функциональные характеристики, формы реализации 132

§ 2.3. Самостоятельность судебной власти – условие и ценностное выражение конституционной культуры правосудия..... 155

§ 2.4. Независимость судей как отражение нормативно-правовых, нравственно-этических, культурологических начал конституционной культуры правосудия 169

ГЛАВА 3. КОНСТИТУЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЕ СУДЕБНЫХ ГАРАНТИЙ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ ИНСТИТУТОВ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА 184

§ 3.1. Национальные традиции и духовно-нравственные ценности в практике конституционного правосудия..... 184

§ 3.2. Конституционно-правовые основы современной модели единой публичной власти сквозь призму конституционной культуры правосудия 219

§ 3.3. Социальная ориентация судебной власти как отражение нового качества конституционной культуры правосудия 263

§ 3.4. Конституционная ответственность как показатель конституционной культуры правосудия: формально-юридические и социально-политические факторы коллизионного сочетания 298

ГЛАВА 4. НАЦИОНАЛЬНОЕ В СООТНОШЕНИИ С УНИВЕРСАЛЬНЫМ В КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВОСУДИЯ..... 315

§ 4.1. Конституционное правосудие – хранитель ценностей культурных традиций судебной юриспруденции России как демократического правового государства..... 315

§ 4.2. Политико-правовой режим судебного обеспечения прямого действия Конституции и ее верховенства как отражение достигнутого уровня культуры правосудия 345

§ 4.3. Культура правосудия как интегральное отражение конституционной идентичности России 361

§ 4.4. Социокультурные и правовые факторы взаимодействия национальной и зарубежных (наднациональных) судебных юрисдикций в условиях глобальных вызовов 381

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 404

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ..... 417

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена фундаментальным значением конституционной культуры для осуществления правосудия, обеспечения национального правопорядка, его укрепления в условиях глобальных вызовов.

Конституционно-правовая политика современной России, концентрированным выражением которой стали поправки к Конституции РФ 2020 г., характеризуется ориентацией на национальные традиции, сохранение исторической памяти, культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, создание условий для взаимного доверия государства и общества, социальное партнерство (Преамбула, ст. 67.1, ч. 2 ст. 69, ст. 75.1 Конституции РФ). В достижении этих целей особое значение имеет эффективное функционирование государственной власти, включая судебную власть.

Глобальный кризис современного международного правопорядка, политика двойных стандартов наднациональных юрисдикционных институтов предопределили необходимость конституционного закрепления новых подходов к пониманию соотношения национальных и наднациональных начал в сфере правосудия на основе укрепления государственного суверенитета, безусловного признания верховенства Конституции РФ, недопустимости игнорирования исторических, культурных, национально-ценностных основ организации судебной системы и осуществления правосудия.

В этих условиях научные исследования в области конституционной культуры правосудия приобретают особую значимость. Настоятельной необходимостью является формирование концептуальных основ как общей теории конституционной культуры современного российского общества, так и ее реализации в отдельных сферах государственной и общественной жизни. Сфера судебной деятельности, где в концентрированном виде проявляются социальные, экономические, административно-управленческие, корпоративные, межличностные, иные конфликты и противоречия общества, заслуживает

особого внимания, включая выработку методологии ценностного познания конституционной культуры правосудия, практики реализации духовно-нравственных ценностей при разрешении судебных дел, выработке и принятии решений судами.

Одновременно актуальность исследований конституционной культуры правосудия как фундаментальной проблемы современного конституционализма и, в особенности, конституционной культурологии определяется важностью решения задач по выработке законодательных и правоприменительных предложений, ориентированных на повышение эффективности правосудия во всех видах и на всех уровнях его осуществления. Культура же правосудия является (с учетом самой природы данной формы государственно-властной деятельности) важнейшим фактором национально ориентированного устойчивого функционирования всей системы российской государственности, защиты прав и свобод на основе их сбалансированности с обязанностями.

Особое значение и актуальность эта проблематика приобретает в контексте современных закономерностей конституционного развития российской государственности, которые были продиктованы глубокими национальными социокультурными предпосылками и что способствовало утверждению традиционных для российского общества нравственно-этических, национальных, конфессиональных, иных социокультурных нормативов. Одновременно важно учитывать, что соответствующая сфера конституционной культурологии испытывает достаточно активное политико-правовое влияние со стороны таких специфических правовых актов, как документы стратегического планирования. Речь идет, в частности, об указах Президента РФ, касающихся защиты традиционных духовно-нравственных ценностей[1] и определяющих фундаментальные направления развития государства Национальных проектах

[1] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351; Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

России. Это существенным образом сказывается на самой природе соответствующей сферы отношений, способствует усилению ценностных (духовно-нравственных) начал, что напрямую отражается на институционных, функциональных и, стало быть, на конституционных характеристиках культуры правосудия как особой сферы реализации публичных (судебно-властных) отношений. Исследование состояния и динамики конституционной культуры правосудия, в которой отражается степень согласованности не только институтов судоустройства и судопроизводства, но и всей правовой системы государства с духовно-нравственными основами российского общества, является важной задачей теоретической и практической юриспруденции.

При этом важно учитывать, что для культурных традиций отечественного правосудия всегда было характерно сочетание формально-юридических и нравственно-этических начал, в рамках которых последним нередко принадлежал приоритет в поиске справедливого судебного разрешения спора. В методологическом плане исследования судебно-правовой культуры это имеет важные гносеологические и мировоззренческие предпосылки, связанные с философским пониманием и обоснованием самой по себе категории «культура». При наличии различных научных подходов к этому вопросу обоснованным представляется – применительно к правотворческой и правоприменительной судебной юриспруденции – ценностно-деятельностный подход к пониманию сущности культуры, так как именно в правосудии ценностно-деятельностные начала (юрисдикционно-правоприменительные, судебно-правотворческие, контрольные) являются концентрированным выражением особенностей соответствующей сферы реализации конституционной культуры.

Актуальность исследования феномена конституционной культуры правосудия обусловлена также необходимостью обращения к судебной деятельности не только как правоприменительной, но и судебно-правотворческой. В этой связи особое значение приобретает исследование на основе современных достижений правовой науки и закономерностей развития судебной практики юридической природы, а также культурологического

значения судебных доктрин, правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Судебная практика, выступая особым (нормативным) источником и сферой реализации конституционной культуры, одновременно формирует ее формально-юридические и ценностные контуры. Это особенно важно, поскольку идея правосудия в общественном сознании воспринимается преимущественно через призму ценностей справедливости, равенства всех перед законом, охраны достоинства личности. В данном контексте конституционная культура правосудия выступает необходимым условием доверия к судебной власти и одним из ключевых факторов легитимности публичной власти в современной России.

Изучение достигнутого уровня конституционной культуры правосудия имеет также важное значение для объективной оценки достигнутого уровня самостоятельности судебной власти и независимости судей, эффективности правосудия. В этой связи существенное место занимает изучение не только самой по себе судебной практики, но также роли судейского самоуправления, деятельности органов судейского сообщества, в особенности – Высшей квалификационной коллегии судей РФ. Как свидетельствует личный многолетний опыт работы автора диссертационного исследования в качестве члена Высшей квалификационной коллегии судей РФ – представителя общественности, практика функционирования данного института, его место и роль в механизме обеспечения профессиональных, нравственно-этических требований к судьям, в формировании конституционной культуры участников (субъектов) правосудия нуждается в пристальном внимании со стороны юридической науки.

Научные исследования закономерностей развития национальной судебно-правовой системы, в том числе в культурологическом плане, естественным образом предполагают возможность использования также зарубежного опыта. Актуальность данной проблематики существенным образом повышается в связи с глобальными вызовами сложившемуся миропорядку, антироссийскими экономическими, юрисдикционными и иными санкциями.

Наконец, важно учитывать, что конституционная культура участников (субъектов) судебной деятельности напрямую влияет на ее эффективность, последовательную реализацию конституционных принципов правосудия и, в конечном счете, на полноту гарантирования каждому судебной защиты его прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ). На решение этих задач направлены практически все сформулированные в диссертационном исследовании предложения.

Степень научной разработанности темы необходимо оценивать с учетом того обстоятельства, что в отечественной науке проблемам социокультурной обусловленности различных сторон правовой жизни традиционно уделяется достаточно большое внимание. Этой проблематике были посвящены труды видных представителей отечественной философии права, посвященные не только общетеоретическим проблемам правоведения, но и анализу теократических, религиозно-политических основ отечественной государственности (в частности, К.С. Аксаков, Н.Н. Алексеев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, И.В. Киреевский, А.Ф. Кони, Н.М. Коркунов, А.Ф. Лосев, Н.О. Лосский, С.А. Муромцев, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, К.П. Победоносцев, В.С. Соловьев, И.Л. Солоневич, Л.А. Тихомиров, Е.Н. Трубецкой, А.С. Хомяков, Б.Н. Чичерин, Г.Ф. Шершеневич и др.). Относительно самостоятельный интерес в этой связи представляют работы дореволюционных церковных правоведов и богословов (С.Н. Булгакова, Н.А. Заозерского, Ю.А. Кулаковского, А.П. Лопухина, Н.Ф. Мухина, Н.С. Суворова, М.М. Тареева, Е.Н. Трубецкого и др.), а также современных ученых, занимающихся разработкой религиозных корней нравственно-этических основ права (Г.Г. Арутюнян, П.Д. Баренбойм, В.Г. Графский, А.А. Гусейнов, А.И. Овчинников, Р.А. Папаян, Д.Ю. Полдников и др.).

Достаточно активно, хотя и с известной идеологической ориентацией, исследовались соответствующие вопросы видными представителями советской юридической науки, в том числе раннего периода, это: А.Я. Вышинский, А.Г.

Гойхбарг, Г.О. Гурвич, Д.А. Магеровский, В.Н. Максимовский, А.Л. Малицкий, Е.Б. Пашуканис, П.И. Стучка и др.

С учетом комплексного, междисциплинарного характера проблем культурологии методологическое значение для разработки авторской концепции конституционной культуры, понимания ее роли в сфере правосудия и правовой системе в целом имели труды ученых-культурологов в области философии, социологии, политологии (Э.А. Баллер, Г.С. Батищев, В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов, М.С. Каган, Л.Б. Коган, Э.С. Маркарян, В.М. Межуев, Е.Я. Режабек, З.И. Файнбург и др.).

Труды ученых-представителей теории права и государства также явились важной методологической основой исследования вопросов конституционной культуры, в их числе: С.С. Алексеев, М.И. Байтин, П.П. Баранов, В.П. Беляев, Н.В. Варламова, А.Б. Венгеров, Н.Н. Вопленко, С.А. Денисов, Д.А. Керимов, А.В. Корнев, В.В. Лазарев, А.В. Малько, М.Д. Марей, Н.И. Матузов, А.Р. Махов, М.А. Мушинский, В.С. Нерсесянц, А.И. Овчинников, Н.И. Полищук, Т.Н. Радько, И.Ф. Рябко, К.Б. Соламчак, Е.В. Титова, Ю.А. Тихомиров, В.А. Туманов, И.Е. Фарбер, Е.И. Холодова, Д.Ю. Шапсугов, Л.С. Явич и др.

Важное значение для исследования феномена конституционной культуры правосудия имеют труды представителей конституционного права, таких как: С.А. Авакьян, И.А. Алебастрова, А.Е. Алехин, К.В. Арановский, А.В. Безруков, М.В. Баглай, С.А. Белов, Л.Г. Берлявский, П.Д. Блохин, Н.А. Богданова, Н.С. Бондарь, О.В. Брежнев, Д.С. Велиева, В.А. Виноградов, Н.В. Витрук, Г.А. Гаджиев, В.В. Гриб, Е.В. Гриценко, А.А. Джагарян, Н.В. Джагарян, Р.М. Дзидзоев, Н.М. Добрынин, А.В. Должиков, И.Г. Дудко, Ю.П. Еременко, С.С. Зенин, Т.Д. Зражевская, В.Т. Кабышев, С.В. Кабышев, А.А. Клишас, С.Д. Князев, А.И. Ковлер, Е.В. Колесников, Н.М. Колосова, В.В. Комарова, А.А. Кондрашев, И.А. Конюхова, А.С. Кочнев, И.А. Кравец, В.И. Крусс, О.Е. Кутафин, В.В. Лапаева, В.А. Лебедев, С.Э. Либанова, В.О. Лучин, О.О. Миронов, М.А. Митюков, Н.А. Михалева, С.В. Нарутто, С.Э. Несмеянова, Ж.И. Овсепян, А.М. Осавелюк, В.И. Осейчук, С.А. Осетров, А.В. Осипов, В.С. Основин, И.Ю.

Остапович, О.Г. Румянцев, С.А. Сайбулаева, М.С. Саликов, И.А. Стародубцева, И.М. Степанов, С.С. Сычев, Е.В. Тарибо, Н.А. Тиханов, Л.А. Тхабисимова, А.А. Уваров, Т.Я. Хабриева, Н.М. Чепурнова, В.Е. Чиркин, Д.Г. Шустров, В.А. Щепачев, Б.С. Эбзеев и др.

Особое внимание было уделено работам, посвященным исследованию феномена конституционной, ценностной и цивилизационной идентичности, защите традиционных национальных ценностей (С.Н. Бабурин, Н.С. Бондарь, Э.Ю. Балаян, Г.Д. Вардумян, С.Д. Вардумян, Е.В. Виноградова, Е.И. Колюшин, И.А. Кравец, В.И. Крусс, А.В. Мохов, В.Л. Петрушак, А.Н. Савенков, Т.А. Сенюшкина, Ю.И. Скуратов, А.А. Суханова и др.). Также в диссертации использовались работы, в которых рассматриваются ценностные характеристики конституционной культуры в конфессионально-религиозном ключе, в том числе с точки зрения их отражения в правотворчестве и правоприменении (Е.В. Епифанова, А.А. Исаева, В.П. Клюева, А.И. Овчинников, О.Н. Петюкова, Ю.П. Францев, И.М. Хиль, А.А. Чупрова и др.).

Особое значение для исследования проблем конституционной культуры правосудия имели работы, посвященные различным аспектам организации и функционирования органов правосудия. В их числе труды таких авторов, как: А.В. Аверин, Т.К. Андреева, В.И. Анишина, М.Г. Вилова, Л.А. Воскобитова, Ю.М. Гайдидей, А.П. Гуськова, В.М. Жуйков, С.К. Загайнова, М.И. Клеандров, А.И. Ковлер, Ю.А. Колесников, Н.А. Колоколов, И.А. Кравец, В.В. Лазарев, Л.В. Лазарев, В.М. Лебедев, А.В. Малько, М.Н. Марченко, М.А. Митюков, И.Б. Михайловская, В.В. Момотов, С.В. Морозов, Т.Г. Морщакова, Н.Г. Муратова, Т.Н. Нешатаева, С.А. Пашин, В.А. Ржевский, Т.К. Рябинина, Д.С. Семикин, П.П. Серков, В.И. Телятников, Л.В. Туманова, Т.Я. Хабриева, А.М. Цалиев, В.В. Ярков, А.А. Яшина и др. В этом же ряду работы таких известных представителей теории и практики судебного конституционализма, как: Н.С. Бондарь, Н.В. Витрук, Г.А. Гаджиев, В.Д. Зорькин, А.Н. Кокотов, С.Д. Князев, В.И. Крусс, Б.С. Эбзеев и др.

Безусловно, важное значение имели научные труды, в которых представлен анализ содержательных, институционных и функциональных характеристик правовой культуры и мировоззрения, правового сознания и воспитания. К ним можно отнести работы таких авторов, как: Е.В. Алферова, Г.Н. Андреева, Н.В. Артамонова, Г.Г. Арутюнян, Р.С. Байниязов, П.П. Баранов, Т.С. Биджоян, Л.В. Бутько, Н.Л. Гранат, В.В. Загородский, З.Н. Каландаришвили, В.И. Каминская, В.В. Комарова, К.П. Краковский, В.И. Крусс, В.А. Кряжков, В.И. Лафитский, Е.А. Лукашева, Е.Б. Лупарев, В.В. Мамонов, М.В. Мархгейм, Г.А. Наквасина, В.В. Никитяева, А.А. Пивоварова, А.Е. Постников, А.Р. Ратинов, И.Ф. Рябко, Е.В. Сазонникова, В.П. Сальников, А.К. Сисакьян, Е.В. Титова, В.А. Толстик, И.Е. Фарбер, В.В. Хрулева, В.П. Худякова, В.М. Чхиквадзе, П.А. Шашин, М.В. Юрченко и др.

Предметом диссертационного исследования выступают нормативные правовые акты различного уровня, правовые позиции высших судов и правоприменительная практика судебных органов различных видов и уровней правосудия.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе научного осмысления и комплексного анализа предложить концептуальное обоснование конституционной культуры правосудия как относительно самостоятельной категории юриспруденции, показать ее значение как неотъемлемого элемента правовой жизни в единстве ее формально-правовых и нравственно-этических, регуляторных и правоприменительных характеристик, определить место и роль конституционной культуры правосудия в национальной системе правопорядка, раскрыть ее внутренние и внешние характеристики, их отражение в правовой доктрине и судебной практике. Достижение этой цели предполагает формирование научно-теоретических и прикладных подходов по совершенствованию механизмов повышения конституционной культуры правосудия.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих **задач:**

– раскрыть социокультурные основания отечественного конституционализма как онтологической базы формирования и реализации конституционной культуры правосудия, исследовать влияние духовно-нравственных и мировоззренческих факторов на формирование ценностных характеристик правосудия;

– обосновать целесообразность ценностно-деятельностной интерпретации культуры правосудия как важной категории конституционной культурологии;

– раскрыть конституционно-правовую сущность судебно-властных отношений, их положение в системе публично-властного управления;

– исследовать судебную практику как интегральную форму реализации конституционной культуры правосудия, определить особенности судебной практики как нетипичного источника права;

– определить место национальных духовно-нравственных традиций правосудия в системе отечественного конституционализма;

– исследовать институциональные и функциональные формы проявления конституционной культуры правосудия как многоуровневого феномена, сочетающего ценностные, нормативные и практико-ориентированные элементы;

– обосновать значение принципа самостоятельности судебной власти как условия и предпосылки формирования конституционной культуры правосудия на основе последовательной реализации ценностных социокультурных начал отечественного конституционализма;

– выявить нормативно-правовые и культурологические характеристики конституционного принципа независимости судей, исследовать роль Высшей квалификационной коллегии судей РФ в повышении конституционной культуры правосудия;

– исследовать механизмы учета и оценки нормативно-доктринальных форм отражения национальных традиций и ценностей в судебной практике, раскрыть нормативный потенциал указов Президента РФ о традиционных ценностях;

– проанализировать культурологический смысл принципа единства публичной власти, исследовать уровни реализации конституционной культуры правосудия в контексте обеспечения единства публичной власти;

– установить ценностные основания социальной ориентации правосудия, обосновать важность рассмотрения социальной солидарности в качестве одной из мировоззренческих основ осуществления судебной власти;

– исследовать конституционную ответственность в системе ценностных координат конституционной культуры правосудия, выявить соотношение юридических и социально-политических факторов ее реализации, определить влияние конституционной ответственности на укрепление стабильности публичной власти;

– определить роль Конституционного Суда РФ в воспроизводстве и преобразовании ценностных оснований правосудия, исследовать юридическую природу правовых позиций Конституционного Суда РФ, проанализировать значение предварительного нормоконтроля в контексте конституционной культуры правосудия;

– определить роль конституционной культуры правосудия в процессах укрепления гражданской нации, интеграции правовых и духовно-нравственных ценностей и поддержки этнокультурного многообразия народов России;

– исследовать соотношение национального правосудия с международной и зарубежными юрисдикциями в условиях глобальных вызовов, изменение практики использования решений ЕСПЧ в отечественной правовой системе;

– в целях повышения эффективности функционирования судебной власти и ее авторитета в обществе, а также формирования нового качества культуры правосудия разработать предложения по совершенствованию законодательства в сфере судоустройства и судопроизводства.

Методологическая основа исследования. Методологическая основа исследования заключается в использовании общенаучных и специальных способов познания, применяемых для выявления сущности, содержания и особенностей конституционной культуры правосудия.

Необходимость использования философского подхода к пониманию конституционной культуры правосудия предопределена философско-правовыми основаниями конституционного мировоззрения, обусловливающего ценностные начала судебной деятельности. В основе такого подхода – фундаментальные категории правды, добра, справедливости, чести, достоинства, равенства в их аксиологическом нравственно-правовом, конституционном значении, что особенно важно для исследования практики конституционного судопроизводства, где эти категории выступают критериями оценки конституционности правовых норм, судебных решений.

Сочетание антропоцентричного и социоцентричного подходов позволяет выявить зависимость культуры правосудия от конкретно-исторических условий, определяющих актуальное состояние развития судебно-правовой системы; теоцентричный подход дает возможность показать связь конституционного мировоззрения и религиозных начал нравственно-этических ценностей как важного духовного компонента, влияющего на формирование культуры правосудия.

Системный и структурно-функциональный методы дают возможность определить место конституционной культуры правосудия в системе государства и права России, установить ее внутреннюю структуру, элементы и механизмы функционирования. Историко-правовой метод позволяет отразить основные тенденции становления и эволюции подходов к конституционной культуре правосудия, выявить ее влияние на развитие отечественных конституционно-правовых институтов и судебной системы.

Аксиологический подход позволяет рассмотреть конституционную культуру правосудия как систему норм, ценностей, духовно-нравственных ориентиров, лежащих в основе деятельности судебной власти и определяющих содержание правосудия. Использование аксиологического подхода дает возможность определить нормативные, социальные, духовные и нравственные основания, формирующие ценностное содержание конституционной судебной практики.

Культурно-цивилизационный подход позволяет установить национально-культурные характеристики, традиции и суверенные основания, влияющие на формирование конституционной культуры правосудия в России. Формально-юридический подход дает возможность объективно оценить современное состояние отечественных конституционно-правовых институтов и законодательства, регулирующего основания отправления правосудия и механизм реализации конституционных ценностей в судебной деятельности.

Научная новизна исследования:

– сформулировано понимание социокультурных начал российского конституционализма как онтологической базы формирования конституционной культуры правосудия;

– выработана методологическая модель исследования конституционной культуры правосудия в рамках относительно нового научного направления – конституционной культурологии;

– обоснована конституционная природа правовой культуры правосудия как обладающей нормативными началами формы выражения духовно-нравственных и аксиологических оснований Конституции;

– раскрыта роль судебной практики как нетипичного источника права, воплощающего единство нормативно-правовых и нравственных начал и являющегося важным фактором формирования современного уровня конституционной культуры суда, ориентированного на поиск справедливых судебных решений;

– определены основные подходы к оценке культурно-исторических оснований сложившейся модели правосудия в системе отечественного конституционализма;

– рассмотрены институциональные и функциональные характеристики конституционной культуры правосудия, представлены базовые основания для классификации форм ее проявления;

– доказано, что самостоятельность судебной власти выступает ключевым индикатором измерения уровня конституционной культуры правосудия, в связи

с чем рассмотрена роль органов судейского сообщества в процессе обеспечения самостоятельности судебной власти;

– конкретизировано ценностное содержание независимости судей через систему нормативно-правовых и нравственно-этических критериев конституционной культуры правосудия;

– исследованы механизмы учета и оценки нормативно-доктринальных форм отражения национальных традиций и ценностей в судебной практике;

– раскрыто влияние достигнутого уровня конституционной культуры правосудия на реализацию конституционных положений о формировании единой системы публичной власти;

– установлено, что социальная ориентация судебной власти отражает качественно новое содержание конституционной культуры правосудия, основанное на идеях солидарности;

– показано, что уровень реализации конституционной ответственности зависит от состояния конституционной культуры правосудия и правосознания субъектов публичной власти;

– определена роль Конституционного Суда РФ в воспроизводстве и преобразовании ценностных оснований правосудия, проанализировано значение предварительного нормоконтроля в контексте конституционной культуры правосудия;

– раскрыто значение культуры правосудия в механизме сохранения конституционной идентичности;

– исследованы теоретико-правовые и конституционные аспекты соотношения национального правосудия и зарубежных (наднациональных) судебных юрисдикций в современных условиях.

На основе изучения доктринальных подходов к исследуемой проблематике, оценки качества современного законодательства и анализа практики осуществления правосудия автором внесены предложения, которые могут быть использованы как в законодательной, так и правоприменительной деятельности:

1) по совершенствованию судоустройственного законодательства;

2) по развитию института выборности мировых судей;

3) по наделению Высшей квалификационной коллегии судей РФ полномочиями дачи обязательных для использования органами судейского сообщества разъяснений, введению процессуальных механизмов отмены решений квалификационных коллегий судей с направлением материалов на новое рассмотрение;

4) по совершенствованию законодательства о конституционном правосудии, включая конкретизацию механизмов взаимодействия Конституционного Суда РФ с научным сообществом, в частности посредством использования инициативных экспертных заключений (amicus curiae) в деятельности Конституционного Суда РФ, создания научно-консультативного совета при Конституционном Суде РФ и т. п.;

5) по нормативному закреплению юридической природы, степени обязательности аналитических материалов Конституционного Суда РФ, включая анализ практики исполнения его решений и определение круга адресатов этих материалов;

6) по нормативному оформлению обязанности субъектов Российской Федерации создавать региональные органы конституционного надзора и определению базовых параметров их компетенции;

7) по конституционализации юридического образования, формированию у будущих юристов конституционно-ценностных ориентиров профессиональной деятельности.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Конституционная культура современного российского общества и государства представляет собой универсальную характеристику отечественного конституционализма, который воплощает единство доктринальных идей, формально-юридических и нравственно-этических нормативов, правового и политического сознания, мировоззренческого восприятия действительности, правоприменительной практики, включая судебную. В сфере правосудия

концентрированно проявляются конституционно значимые процессы разрешения противоречий и конфликтов в обществе, реализация ответственности публичной власти перед обществом и личностью. На этой основе происходит утверждение нормативных, поведенческих, мировоззренческих требований культуры правосудия как особой формы государственно-властной деятельности, с учетом того, что онтологические основания и аксиологические начала культуры правосудия определяются достигнутым уровнем зрелости системы национального конституционализма, единством его правовых, нравственно-этических, социокультурных характеристик.

2. Методологической основой предлагаемой концепции конституционной культуры правосудия являются ценностно-деятельностные начала культуры как социально-философской категории, что в правовой науке позволяет перейти от формально-юридического позитивизма к поведенческой модели юриспруденции и на этой основе рассматривать конституционную культуру правосудия как динамический процесс освоения, воспроизводства, сохранения и распространения конституционных идей, принципов, ценностей, характеризующий различные виды, формы и сферы судебной деятельности. На этой основе получают обоснование ценностно-культурологические характеристики как правоприменительной, так и правотворческой деятельности, в том числе в сфере правосудия.

При этом в качестве универсальной категории, позволяющей системно реализовать основные направления доктринальных и практико-ориентированных исследований культуры правосудия, предлагается междисциплинарная категория конституционной культурологии, которая отражает объективные закономерности конституционализации судебной сферы, обретения судебно-правовой культурой конституционных характеристик.

3. В основе конституционной природы правовой культуры правосудия лежат материальные характеристики отношений, складывающихся в сфере правосудия, – судебно-властных отношений как разновидности составляющих

предмет конституционного права властеотношений, в которых реализуется государственно-властная деятельность по обеспечению права на судебную защиту. Одновременно конституционная природа правовой культуры правосудия имеет формально-юридические предпосылки, связанные с высшим (конституционным) уровнем правового регулирования соответствующих отношений. На этой основе становится возможным переход от формально-правового к ценностному институционально-функциональному подходу в конституционном понимании правовой культуры правосудия, когда само правосудие рассматривается как уникальная форма государственно-властной защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, конституционных требований равенства, справедливости, достоинства личности на основе верховенства права. При этом в основе аксиологических характеристик конституционной культуры правосудия лежат интеграционные начала нравственно-этических и формально-юридических нормативов, социокультурных и иных национально-исторических основ судебной деятельности. Тем самым правовая культура правосудия становится институционно-функциональной основой согласования юридической формы и духовно-нравственного содержания Конституции и текущего законодательства как актов, выступающих не только источником нормативных предписаний, но и мировоззренческой, ценностной основой поиска справедливого разрешения судебных споров на основе баланса несовпадающих интересов сторон.

4. Рассматривая судебную практику как конституционную категорию, отражающую судебно-юрисдикционную деятельность в единстве с судебным правотворчеством, предполагающим возможность принятия решений, обладающих элементами нормативности как особых (нетипичных) источников судебного правоприменения, в работе обосновывается значение судебной практики в качестве своего рода интегральной основы формирования и реализации культуры отправления правосудия. В этом качестве судебная практика воплощает в себе в том числе нормативно значимые конституционные ценности и принципы, являясь основополагающим элементом современного

правопорядка, ориентированным не только на правоприменительную, но и судебно-правотворческую деятельность (при пробельности, противоречивости подлежащих судебному применению правовых норм и др.), что является важной гарантией и условием принятия, отвечающего требованиям справедливости, решения суда.

Значимым показателем достигнутого уровня конституционной культуры правосудия является единообразие судебной практики, что проявляется не только в требованиях единообразия самого по себе применения закона, но и в последовательной, единообразной реализации ценностного нравственно-духовного потенциала Конституции и законов, когда доктринальные и нормативные начала права соединяются с аксиологическими основаниями выработки судебного решения. В практическом, функциональном плане для достижения единообразия судебной практики важное значение имеет уточнение компетенции высших судебных органов, форм их взаимодействия и механизмов реализации соответствующих полномочий. Отмечая особую роль в этом плане решений Конституционного Суда РФ, обладающих нормативно-доктринальной природой и оказывающих активное влияние на обеспечение единообразия как самого по себе судебного правоприменения, так и реализации ценностных культурологических нормативов в законодательной и правоприменительной деятельности, важно учитывать конституционно значимые полномочия Верховного Суда РФ, связанные с возможностью давать разъяснения по вопросам судебной практики. Последние также могут при определенных условиях обладать началами нормативности, что требует как доктринальных исследований их юридической природы, так и законодательных решений.

5. Повышенное значение морально-нравственных и этических начал в сфере отечественного правосудия во многом определяется приоритетом идеи справедливости и основанной на этом ориентацией правосудия на принятие справедливых решений в координатах нравственно-этических требований. В данных условиях сам суд и правосудие как государственные институции являют собой – в историческом плане – отражение феномена национальных ценностей в

системе российского конституционализма. С этим, в свою очередь, связаны исторические традиции и закономерности развития отечественного правосудия, включая выработку оптимальных моделей судебного активизма в контексте обеспечения надлежащих условий для принятия судом решений в соответствии с требованиями справедливости, с одной стороны, и недопущения судейского произвола, с другой, развитие судебного правотворчества и во многом с этим связанное влияние суда на формирование и развитие общей системы отечественного конституционализма, что наиболее ярко проявилось с учреждением Конституционного Суда РФ.

Важной социокультурной, конституционно значимой характеристикой реального положения судебной власти в обществе и государстве является степень доверия граждан, общества в целом к судебной власти. Сегодня в числе актуальных являются вопросы совершенствования процессуальных механизмов доступности правосудия на различных уровнях рассмотрения дел и пересмотра принятых решений, отсутствие избыточных барьеров для реализации конституционного права на судебную защиту, оптимальный размер судебных пошлин, открытость и прозрачность судебной деятельности, справедливость и беспристрастность органов судебной власти, высокий моральный, нравственно-этический облик представителей судейского корпуса, неотвратимость исполнения судебных решений. В этом плане важным является оптимальное сочетание исторических традиций и новаций в развитии правосудия, усилении доверия, в связи с чем есть основания для совершенствования механизмов назначения судей различных уровней (вплоть до использования, например, института выборности мировых судей непосредственно населением или назначения судей Конституционного Суда РФ с участием обеих палат Федерального Собрания), привлечения судей к дисциплинарной и другим видам ответственности и т. д.

6. В ряду системных характеристик конституционной культуры правосудия основополагающее значение имеют, во-первых, институты ее формирования, к которым относятся как общие, социально-политические, так и

специально-правовые институты, включая систему специального (юридического) образования, конституционно-правовую науку, конституционную идеологию, правовые учреждения и т. п.; во-вторых, это функции конституционной культуры правосудия, которые также в системном виде могут быть представлены как общие (универсальные) и специальные функции. В числе последних такие функции конституционной культуры правосудия, как регулятивная, ценностно-нормативная, деятельностно-правореализационная, правопреобразовательная, правосоциализаторская, коммуникативно-правовая, правозащитная и др. Эффективность их реализации во многом определяется состоянием процессуального законодательства, определяющего механизмы осуществления каждого из конституционно установленных видов правосудия.

Социокультурная, ценностно-нормативная ориентация функций конституционной культуры правосудия актуализирована конституционной реформой 2020 года, в ходе которой был придан высший юридический характер традиционным морально-этическим, национальным, религиозным и иным социокультурным нормативам, которые существенно повышают эффективность институционно-функциональной системы культуры правосудия. Одновременно эти тенденции получили политико-правовое признание в документах стратегического планирования, включая указы Президента РФ, направленные на сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей.

В современных условиях развития институционной системы конституционной культуры правосудия повышенного внимания заслуживают проблемы совершенствования юридического образования – целесообразность утверждения в отечественной системе образования конституционной модели подготовки юридических кадров, что предполагает конституционализацию всей системы учебно-образовательной подготовки юристов на основе единства теоретической и практической юриспруденции, баланса частноправовых и публичных начал.

7. Самостоятельность судебной власти является ее важнейшей онтологической характеристикой, демонстрирующей достигнутый уровень конституционной культуры правосудия. В конституционных параметрах данного принципа важно учитывать особенности и пределы проявления организационной и функционально-компетенционной самостоятельности. Культура правосудия исключает его изолированность от всей системы публичной власти и основных направлений политического, экономического и социального развития государства, а свои решения органы судебной власти выносят исходя в том числе из основных целей и направлений государственного строительства.

Важным гарантом поддержания самостоятельности судебной власти является институт судейского самоуправления, получающий свою реализацию на уровне системы квалификационных коллегий судей, иных органов судейского сообщества, выступающих в качестве генераторов и носителей корпоративной судебно-правовой культуры. Совершенствование организации деятельности органов судейского сообщества, включая целесообразность предоставить Высшей квалификационной коллегии судей РФ право давать наряду с рекомендациями официальные разъяснения, обязательные для квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации и иных органов судейского сообщества, а также установить процессуальный механизм отмены решений региональных квалификационных коллегий судей с направлением материалов на новое рассмотрение, способствует усилению единства нормативно-правовых и нравственно-этических начал в федеративной системе отечественного правосудия**.**

8. Единство конституционно-правовых и нравственно-этических начал получает реализацию в статусе судьи, что предполагает наряду с конституционным, судоустройственным, процессуально-правовым законодательным регулированием установление в судейском сообществе морально-этических нормативов (Кодекса судейской этики). Содержащаяся в них система специальных требований к кандидату в судьи, условиям и

основаниям его назначения, привлечения судьи к ответственности придают статусу судьи, его независимости ярко выраженные культурологические начала, что является существенным фактором повышения конституционной культуры отправления правосудия, доверия граждан к суду. Одновременно на законодательном и правоприменительном уровнях актуализируются следующие проблемы: обеспечение оптимального соотношения законодательного и внутрикорпоративного регулирования соответствующих вопросов; уточнение на процессуально-правовом уровне критериев и нормативов возможного применения положений Кодекса судейской этики в судебной практике, в особенности в связи с привлечением судьи к ответственности; конкретизация процессуального механизма определения формально-юридических и нравственно-этических начал в составе дисциплинарного проступка судьи, в том числе при оценке соответствующих деяний в соотношении с судебной ошибкой и т. д.

9. Методология судебной аксиологии в практике конституционного правосудия основывается на последовательном учете национальных традиций, духовно-нравственных ценностей российского общества, что позволяет в конечном счете обеспечивать не только защиту, но и социокультурное преобразование Конституции и национальной системы конституционализма в целом, а в процессе реализации конкретных полномочий по осуществлению конституционного нормоконтроля обеспечивать поиск баланса частных и публичных интересов, основанных на коллизионном единстве институтов власти и свободы, сбалансированности прав и обязанностей в правовой политике государства. Судебная доктрина и практика конституционного развития России подтверждает необходимость последовательного учета социокультурных начал национальной правовой традиции на уровне и правотворческой, и правоприменительной деятельности, включая судебную практику.

В этом контексте деятельность высших судебных органов демонстрирует последовательную защиту традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества, рассматриваемых как важный элемент конституционной

идентичности государства. Относительно самостоятельное значение в этой связи имеет уяснение юридической природы нормативных правовых актов и документов стратегического планирования о защите традиционных ценностей, определение их места и назначения в системе правового регулирования.

10. Конституционная культура правосудия выступает как институт обеспечения легитимности и легальности публичной власти. Именно на уровне конституционно-судебной доктрины, задолго до конституционных поправок 2020 г., был обоснован принцип единства системы публичной власти. В этом смысле конституционная культура выступает аксиологической основой не только самой по себе судебной системы, но и публичной власти в целом, обеспечивая ее целостность, устойчивость, единство. Одновременно сами ценности конституционной культуры, реализуемые в сфере правосудия, аккумулируют идейно-мировоззренческие и формально-юридические характеристики институтов российской государственности, отражают особенности проявления публичных интересов в современных условиях развития российского федерализма и местного самоуправления, объективного усиления единства системы публичной власти. В философско-правовом плане это может быть представлено с позиций теории холизма, что одновременно соответствует традиционному национально-мировоззренческому восприятию власти в российском обществе. Основными ценностными ориентирами в этом отношении выступают: специфика сочетания децентрализации и централизации; иерархизация власти; гармонизация публичных интересов в соотношении и разграничении полномочий органов отдельных ветвей власти при активной роли судебных механизмов; интеграция государственных, муниципально-властных и общественных (самоуправленческих) структур и институтов.

11. Новое качество конституционной культуры правосудия находит концентрированное отражение в идее и практике социальной ориентации суда, что имеет как законодательное, так и судебно-доктринальное обоснование как ценностный ориентир для защиты прав и свобод, обеспечения равенства граждан и справедливости.

Аксиологические начала конституционной культуры получают последовательную реализацию на всех уровнях социальной организации общества на основе конституционных требований социального партнерства, экономической и социальной солидарности, акцентируя и актуализируя роль судебной власти во взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами и, в конечном счете, со всеми социальными общностями, гражданским обществом в целом. Мировозренческой основой социальной солидарности выступает традиционная для отечественного менталитета идея соборности, подразумевающая культуру коллективизма и духовную общность интересов.

12. Конституционная ответственность представляет собой не только формально-юридический институт, но и выражение социально-политической природы государства, основанной на признании приоритета конституционных ценностей, это предполагает учет не только формально-юридических, но и социально-политических факторов ответственности государства и его органов, включая судебные. Особенности конституционной ответственности свидетельствуют, что ее эффективность определяется не столько наличием санкционных механизмов, сколько уровнем правосознания и конституционной культуры субъектов публичной власти. Конституционная культура правосудия обеспечивает баланс между юридической формой ответственности и ее ценностным содержанием. Реализация института конституционной ответственности оказывает непосредственное влияние на авторитет Конституции, обеспечение прямых и обратных связей между государственными и общественными институтами, обеспечение стабильности публично-властной системы, повышение эффективности законодательной и правоприменительной деятельности. Недостаточно высокий уровень эффективности современных институтов конституционной ответственности актуализирует проблему повышения конституционной культуры во всех сферах публично-властной деятельности.

13. Особое место в утверждении, легитимации нормативно-поведенческих ценностей национальной культуры принадлежит конституционному

правосудию, которое по самой природе нормоконктрольной деятельности основывается на идее ценностной обусловленности познания, толкования, проверки на соответствие Конституции нормативных правовых актов. Юридическая природа решений Конституционного Суда РФ как особых источников права и правоприменения характеризуется сочетанием нормоконтрольно-юрисдикционных и правотворческих начал. Сложившаяся практика Конституционного Суда РФ предопределила значительное преобладание в его деятельности конкретного нормоконтроля, что актуализирует выработку и использование социологических, исторических, психологических, нравственно-этических аспектов конституционного правопонимания, характерного для данного вида судопроизводства.

Анализ новых полномочий Конституционного Суда РФ свидетельствует о поиске законодателем оптимальной модели нормоконтроля на основе максимального использования аксиологического потенциала при осуществлении как прежних, так и новых его полномочий. К последним относится, в частности, осуществление предварительного нормоконтроля, что позволяет напрямую распространить судебно-аксиологический потенциал и на законотворческий процесс. При оценке реального значения этих полномочий важно учитывать, что сложившаяся и оправдавшая себя практика конституционного судопроизводства демонстрирует иные способы влияния Конституционного Суда РФ на законотворческую деятельность.

14. Правосудие имеет важное значение не только в сохранении, но и распространении, внедрении конституционной культуры в различные сферы государственной и общественной жизни, что обеспечивается, прежде всего, реализацией принципов открытости и гласности судопроизводства, укреплением доверия к правосудию. Это предполагает необходимость выработки и использования дополнительных институциональных механизмов реализации соответствующих принципов, усиление взаимодействия судебных органов с юридическим сообществом. Применительно к конституционному правосудию в диссертации обосновывается целесообразность: публикации на сайте

Конституционного Суда РФ текстов принятых к рассмотрению обращений; признание инициативных экспертных заключений (amicus curiae); создание научно-консультативного совета при Конституционном Суде РФ (по аналогии с моделью, применяемой в Верховном Суде РФ) как постоянно действующего консультативного органа. Это потребует внести изменения в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации».

15. Одним из важных показателей достигнутого уровня судебно-правовой культуры является обеспечение на основе прямого действия и верховенства Конституции РФ единообразия судебной практики и единого понимания конституционных предписаний. В этом плане роль главного и единственного официального интерпретатора конституционного текста принадлежит Конституционному Суду РФ. На основе деятельности данного судебного органа формируются нормативные конституционные стандарты и ориентиры для всей правовой системы, а посредством правовых позиций Конституционного Суда РФ реализуются требования прямого действия Конституции, что является важным фактором, обеспечивающим единство судебной практики и правового пространства страны в целом.

При этом необходимость обеспечения прямого действия Конституции РФ и преодоления проблем, связанных с исполнением решений Конституционного Суда РФ, обусловливает потребность в учреждении дополнительных конституционно-правовых механизмов. В диссертации обосновывается целесообразность закрепления на законодательном уровне ежегодных аналитических материалов Конституционного Суда РФ и их обязательного рассмотрения в Государственной Думе, Совете Федерации, Министерстве юстиции РФ, а также в иных государственных органах, участвующих в законопроектной и законодательной деятельности. Также обосновывается необходимость закрепления обязанности субъектов Российской Федерации сформировать региональные органы конституционного надзора.

16. Интегративная природа конституционной культуры правосудия как категории, обладающей особыми свойствами социоупорядочивающего

характера, проявляется в ее способности объединять правовые, нравственно-этические и социокультурные нормативы на основе сохранения культурного многообразия многонационального народа России. Это обеспечивается в рамках евразийской модели правовой и социокультурной мировоззренческой общности, отражающей особенности конституционной идентичности, национальные традиции взаимодействия личности, общества и государства, основанные на общей исторической памяти, приоритете духовно-нравственных и коллективистских начал.

При этом конституционная культура правосудия, отражая мировоззренческое и ценностное единство многонационального народа России, интегрирует правовые и духовно-нравственные начала в систему конституционных координат организации общества и государства. Посредством конституционно-судебной практики обеспечивается реализация конституционного требования уважения к этнокультурному многообразию как стандарту правовой жизни. Одновременно конституционная культура правосудия выступает в этом качестве фактором укрепления единства гражданского общества, гарантом целостности Российского государства.

17. В условиях глобального кризиса системы международных отношений специфические формы приобретает взаимодействие национальной и международной судебных юрисдикций, что предполагает разработку новых концептуальных теоретических моделей соотношения международного и национального права при безусловном признании верховенства Конституции РФ и обеспечении суверенитета государства. Они основаны на доктринальных подходах, сформулированных Конституционным Судом РФ и актуализированы по итогам конституционной реформы 2020 года. Актуальной проблемой правовой политики государства в судебной сфере также выступает разработка специальных подходов к проблеме использования решений Европейского Суда, в условиях отсутствия официального сотрудничества с последним.

Теоретическая значимость диссертационного исследования выражается в разработке нового научного направления, характеризуемого

доктринальными представлениями о конституционной культуре правосудия и судебной практике как основном источнике ее формирования и развития, при этом вносится значительный вклад в развитие идеи конституционализма. Положения и выводы исследования могут рассматриваться в качестве теоретической основы совершенствования конституционно-правового законодательства и правоприменительной практики.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы:

– в процессе совершенствования конституционно-правового законодательства, в части регулирования организации деятельности органов судебной власти и органов судейского сообщества;

– в законотворческой и правоприменительной деятельности в сфере защиты прав и свобод, сохранения традиционных ценностей и обеспечения конституционной идентичности;

– в сфере образования и правового просвещения, в процессе формирования конституционного мировоззрения россиян, повышения авторитета публичной власти и укрепления доверия к судебной системе.

Теоретические и практические результаты исследования могут быть востребованы в преподавании конституционного права, теории государства и права, специальных курсов, посвященных конституционной культуре, судебной деятельности и конституционному правосудию.

Апробация результатов исследования. Материалы диссертации неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры конституционализма Южного федерального университета.

Основные теоретические положения и практические выводы диссертации были представлены на научных мероприятиях различного уровня, среди которых: Национальная науч.-практ. конф. «Новые горизонты развития системы правовой помощи и правового просвещения населения в Российской Федерации» (апрель 2020 г., Москва, Совет Федерации Федерального Собрания РФ), Форум экономического конституционализма «Экономический

конституционализм в правотворческом и правоприменительном измерении» (21.05.2021 г., Ростов-на-Дону, ЮФУ), XI Евразийский антикоррупционный форум «Противодействие коррупции как национальный приоритет в практике, науке и образовании» (20.04.2022 г., Москва, ИЗиСП при Правительстве РФ), XVII Междунар. науч.-практ. конф. «Гармонизация национальных правовых систем в условиях современного развития Евразийского экономического союза» (8–10.09.2022 г., Ереван, Российско-Армянский (Славянский) университет), Междунар. круглый стол «Трансформация механизма государства в период становления и развития инновационного электронного государства» (27.10.2023 г., Минск, Белорусский государственный экономический университет), Междунар. науч.-практич. конф. «Проблемы конституционно-правового развития России», посвященная Дню Конституции Российской Федерации (12.12.2024 г., Ростов-на-Дону, РГЭУ (РИНХ), Междунар. науч.-практ. конф. «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики – 2025» (31.10.2025 г., Ростов-на-Дону, ЮФУ), Междунар. науч.-практ. конф. «Конституционализм: симбиоз науки и практики», посвященная памяти профессора Н.В. Витрука (14.11.2025 г., Белгород, НИУ «БелГУ») и др.

Материалы исследования использовались в учебном процессе ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)» по дисциплинам «Конституционная культура», «Конституционное право», «Актуальные проблемы конституционного права», «Конституционные основы обеспечения национальной безопасности», а также ФГАОУ ВО «ЮФУ» по магистерским дисциплинам «Конституционная культура местного сообщества (муниципально-правовые аспекты)» и «Муниципальное право и судебная защита прав местного самоуправления».

Материалы диссертации использовались автором в работе в качестве члена Высшей квалификационной коллегии судей РФ – представителя общественности (с 2020 г. по настоящее время), при обсуждении и принятии решений по вопросам, относящимся к предмету исследования.

Структура диссертационного исследования предопределена поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих шестнадцать параграфов, заключения и списка использованных источников.

ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЯ ЦЕННОСТНОГО ПОЗНАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПРАВОСУДИЯ В СИСТЕМЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

§ 1.1. Социокультурная природа современного российского конституционализма как онтологическая основа ценностных характеристик конституционной культуры правосудия

Последние десятилетия в России ознаменовались пристальным вниманием к проблемам конституционализма, что привело к формированию полноценного научного направления конституционно-правовой науки и появлению значительного количества работ, авторы которых подходят к изучению сущностных и содержательных характеристик процессов конституционно-правового развития, в том числе с позиций различающихся методологических подходов и парадигм[1]. В современных условиях «разнообразие подходов к определению и пониманию конституционализма в России связано с различной методологией исследования, осмыслением российских особенностей конституционного процесса, как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе развития»[2]. Такая научно-исследовательская свобода не являлась отличительным признаком предшествующего этапа развития отечественной науки, находящейся в тесных рамках философского монизма, что делало невозможным существование полноценных научных направлений, критически рассматривающих проблему гармонизации духа и буквы Конституции. Переход к реальному конституционализму, предполагающий использование различных концептуальных подходов к праву, в том числе коммуникативно-интегративного и конституционного правопонимания,

[1] Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. 2-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М., 2016; Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2019; Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М., 2019; и др.

[2] Кравец И.А. Формирование российского конституционализма: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: РГБ, 2003. С. 71.

объективно предопределил признание философско-мировоззренческого плюрализма как доктринального основания конституционных исследований.

Последнее обстоятельство позволило критически и творчески переосмыслить как правовые явления, так и неюридические, включая метаюридические феномены конституционализма социокультурного характера. Морально-этические и духовно-нравственные ориентиры, имеющую национальную, в том числе религиозную основу, выступили основой для гармонизации конституционно-правовых отношений и поиска баланса между конституционными ценностями. Отметим, что в отечественной науке проблемам социокультурной обусловленности различных сторон правовой жизни традиционно уделялось значительное внимание. В трудах видных представителей отечественной философии права (в частности, К.С. Аксаков, Н.Н. Алексеев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, И.В. Киреевский, А.Ф. Кони, Н.М. Коркунов, Н.О. Лосский, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, К.П. Победоносцев, В.С. Соловьев, Л.А. Тихомиров, А.С. Хомяков, Б.Н. Чичерин и др.) анализировались как общетеоретические проблемы права, так и теократические, религиозно-политические основы отечественной государственности[1].

[1] См.: Алексеев Н.Н. Русский народ и государство / Сост. А. Дугин, Д. Тараторин. М.: Аграф, 1998; Наследие семьи Аксаковых и проблемы ценностного выбора в современной культуре: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 14 ноября 2017 года. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2018; Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Философское общество СССР, 1990; Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности [Текст]. Т. 1. СПб.: Тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1907; Ильин И.А. Основы христианской культуры. Мюнхен: Изд. Обители преп. Иова Почаевского, 1990; Ильин И.А. О сущности правосознания / вст. ст. И.Н. Смирнова. М.: Рарогъ, 1993; Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2007; Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003; Лосский Н.О. Условия абсолютного добра; Основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991; Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность / сост., вступ. ст., примечания, именной словарь А.Д. Каплина / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011; Хомяков А.С. Избранные труды. М.: Мир истории, 2004; Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998; Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб.: Лань, 2000; Московский сборник / изд. К.П. Победоносцева. 5-е изд., доп. М.: Синодальная тип., 1901; Соловьев В.С. Право и

Важное место в системе нормативно-нравственных императивов конституционной культуры заняли традиционные духовно-нравственные ценности современной России. Конкретизация идеи сохранения и защиты традиционных ценностей сегодня присутствует и на уровне отраслевого российского законодательства. Однако наиболее полное концептуальное представление о том, как современное Российское государство реализует идею сохранения традиционных ценностей, можно найти на уровне документов программно-политического характера. Более подробно соответствующие вопросы мы рассмотрим в других частях нашего исследования.

Культурологический метод исследования позволил проникнуть в глубинные нравственно-этические пласты конституционализма[1]. Культурологический метод также сделал возможным в полной мере реконструировать сложную систему социокультурных оснований действующей Конституции, выступая как базовый инструмент гармонизации буквы и духа Основного Закона. Различие в доктринальных основаниях исследования сущности конституционно-правовых процессов позволило приблизиться к осознанию важности гармонизации двух типов правопонимания – позитивистского и естественно-правового. Право не тождественно закону. Верховенство права, наряду с приоритетом прав и свобод человека, предполагает правовой характер закона[2]. Идея примирить естественно-правовой и позитивистский подходы, рассматривая их не в плане противопоставления или относительно независимого сосуществования, а в контексте их взаимодополнения и взаимопроникновения, лежит в основе естественным образом синтезированного специального конституционного (конституционно значимого) правопонимания. Это привело к формированию принципиально

нравственность. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001; Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов / вст. ст. А.С. Сенина. М.: ГПИБ, 2002; и др.

[1] Бондарь Н.С. Гармонизация юридических и нравственно-этических начал Конституции: практика конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 1. С. 7.

[2] Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2019. С. 25.

нового типа конституционного мировоззрения, основанного на принципах идеологического плюрализма и научно-исследовательской свободы. В этой связи особое значение для исследуемой проблематики имеют труды видных представителей советской юридической науки, в том числе ее раннего периода[1].

Реальный конституционализм представляет собой понятие не только публично-правовое, но и социокультурное, нравственно-этическое. К его анализу невозможно подходить без учета отечественных нравственных национально-культурных представлений о власти, собственности, труде, свободе и ответственности, о всем том, что составляет глубинные характеристики реального конституционализма[2]. К фундаментальным началам современного конституционализма следует относить: баланс власти и свободы, сочетание частных и публичных интересов, обеспечение единства социокультурных и юридических, нормативно-правовых факторов в процессе конституционализации законодательства и всей системы правопорядка в демократическом правовом государстве[3]. Как справедливо отмечал еще в начале прошлого века Н. Бердяев, русский народ – самый аполитичный и «анархичный» народ, никогда не умевший «устраивать свою землю», «формальный абсолютизм демократической идеи не может быть нами принят... демократия должна быть одухотворена, связана с духовными ценностями и целями»[4]. Соответствующая черта национального характера актуальна и для современной России. Реальный, недостаточно высокий уровень правовой культуры российского общества

---

[1] См.: Вышинский А.Я., Ундревич В.С. Курс уголовного процесса: судоустройство: учебник для правовых вузов. Т. 1. М.: Сов. законодательство, 1936; Магеровский Д.С. Советское право и методы его изучения // Советское право. 1922. № 1. С. 22–35; Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. 3-е изд. М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1929; Стучка П.М. Учение о Советском государстве и его Конституции ССР и РСФСР: учебное пособие для вузов. 6-е изд., перераб. М.: Гос. изд-во; Л.: Печатный двор, 1929; и др.

[2] Бондарь Н.С., Баринов Э.Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть I. Конституционное мировоззрение в ценностном измерении обновленной Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 3–12.

[3] Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд. М., 2016. С. 21.

[4] Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Философское общество СССР, 1990. С. 227–228.

неизбежно сказывается на культуре конституционной, что актуализирует проблему конституционализации общественного порядка.

Для отечественного правосознания свойственно еще и соединение в понятии «правда» юридических и нравственных характеристик, ибо «правда» не только «право карать и миловать», но и высшая справедливость. Национальные традиции поиска и борьбы за правду весьма устойчивы и имеют глубокие корни. Этому не мешает то обстоятельство, что отечественная правовая система традиционно относится к романо-германской правовой семье, ведь обозначенное обстоятельство может рассматриваться и как внешнее проявление, тогда как ценности правды как высшей справедливости по сравнению с ценностью права в России традиционно более значительны. В этой связи предлагается наполнить государственное право России ценностями правды как высшей справедливости, а в качестве первоочередной обосновывается проблема устранения прямой конфронтации между конституционным правом и правдой[1]. Соответствующие предложения вызывают понимание – правда и справедливость имеют общие этимологические корни, а «система господствующих правовых начал всегда позволяла оценивать поступки граждан, действия органов публичной власти в том числе с позиций греховности, добра и зла, правды и лжи, справедливости и несправедливости, честности и долга, т. е. с обязательным учетом этических, нравственных понятий, ценностей и стандартов»[2].

Социокультурные начала современного российского конституционализма выступают человеческим (личностным) измерением конституционной культуры, характеризуя современное состояние общества в его конституционно-правовом срезе. Становление социокультурного пространства происходит в ходе объективного развития общества и государства, а сформировавшиеся на конкретный момент времени социокультурные ценности, характеризуют

---

[1] Колюшин Е.И. Ценности правды в государственном (конституционном) праве России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 8–14.

[2] Бондарь Н.С. Социальная справедливость как методологическая основа функционирования и развития современных судебно-правовых систем // Российская юстиция. 2024. № 8. С. 49–56.

фиксированные и устойчивые мнения индивидов о желаемом и должном. Ценности как часть социокультурного бытия общества становятся основой конституционной культуры личности и управляют поведением индивида в конституционно-значимых сферах. Социокультурные ценности представляют собой «основные жизненные смыслы», соответствующие ценности определяются историей и культурой национальной общности и непрерывно воспроизводятся в процессе жизнедеятельности, как правило, передаваясь от поколения к поколению. В свою очередь, базовые социокультурные ценности связывают воедино поколения на протяжении веков и определяются всей тысячелетней историей России.

Особое положение и роль конституционного права как основы государственного строительства и общественного развития определяет тот факт, что идеализированный нормативно-правовой слепок основных конституционно-правовых ценностных начал охватывает всю совокупность базовых установок государства и общества национального, социального, экономического и иного характера. Духовные и социокультурные начала человеческой жизнедеятельности выступают метаюридическим основанием гармонизации конституционных ценностей. Конституционные ценности, олицетворяя аксиологический, гносеологический и предметно-онтологический эквивалент философии современного конституционализма, выступают необходимым условием формирования конституционного мировоззрения, в основе которого лежит доктринальным образом оформленная идея ценностной обусловленности познания всех сфер человеческой жизнедеятельности. В своем практическом преломлении идея ценностной обусловленности получает развитие на уровне конституционной аксиологии, которая является одним из важнейших направлений развития современной конституционно-правовой науки.

Использование ценностного подхода в исследовании конституционализма предполагает особое внимание к конституционно-правовой аксиологии. В целом правовая аксиология представляет относительно самостоятельный структурный элемент философии права и традиционно предстает в виде учения

о ценностях, их значении для правовой действительности и их иерархии. В рамках конституционно-правовой науки правовая аксиология актуализировалась на уровне конституционно-правовой аксиологии, в большей степени применительно к анализу содержания интерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ, а баланс конституционных ценностей, выступив в качестве важнейшего условия интерпретационной деятельности, одновременно заявлен Конституционным Судом в качестве главного критерия оценки нормативных актов на конституционность[1].

Надо сказать, что ценностный подход к праву, имеющий свое практическое воплощение, в том числе, в процессе осуществления конституционного правосудия не следует абсолютизировать и рассматривать как безгрешный. Существует значительное количество работ, показывающих актуальные основания для критического отношения к такому подходу и богатые возможности для соответствующего критического анализа на примерах конкретных судебных решений[2], в том числе и применительно к категории «принципы права»[3]. Одновременно серьезные научные исследования посвящены богатому потенциалу аксиологического подхода к судебной деятельности на основе изучения судебной практики[4].

Надо сказать, что ценностный подход применительно к правовой культуре всегда был достаточно популярен в отечественной юриспруденции, в частности С.С. Алексеев считал, что правовая культура представляет собой «юридическое богатство, выраженное в достигнутом уровне развития регулятивного качества права, накопленных правовых ценностей, тех особенностей права, юридической

---

[1] Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Варламова Н.В. Права человека и «юриспруденция ценностей» // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6. С. 11–45.

[3] Варламова Н.В. Права человека как принципы права // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6. С. 146–171.

[4] Белов С.А. Роль ценностей в отправлении правосудия // Российская юстиция. 2024. № 12. С. 75–80.

техники, которые относятся к духовной культуре, к правовому прогрессу»[1]. Аналогичные утверждения делаются большинством авторов, рассматривающих содержание правовой культуры, все определения правовой культуры предполагают в качестве его главной центральной составляющей – набор правовых ценностей[2]. Это делает актуальным вопрос о конституционно-правовых ценностях и о том, какие именно правовые ценности актуальны для понимания идеи отечественного конституционализма.

Традиционно в отечественной юридической литературе понятие ценности ассоциируется с положительными качествами правовой материи, характеризуя оценочную сторону различных явлений общественной правовой жизни. Понятие «ценности» с их оценочной точки зрения достаточно близко к понятию «идеалы и убеждения», однако последние могут значительным образом различаться, поэтому юридическое сознание стремится к их унификации на уровне государственной идеологии. Одновременно правовые ценности рассматриваются как цели, к которым нужно стремиться. В этом случае за абсолют принимается идея о возможном наличии схожих ценностных характеристик у относительно обособленных социальных общностей.

Ценность – категория многомерная и характеризует свойство предмета или явления на всех уровнях человеческого существования: политика, идеология, культура, право и др. И если существование относительно самостоятельных ценностей в той или иной сфере путем теоретического моделирования можно допустить, то право традиционно выступает как понятие комплексное и олицетворяющее по своей сути максимальное количество сфер человеческой жизнедеятельности. По этой причине понятие конституционно-правовых ценностей не следует помещать в сколько-нибудь изолированную среду, пытаясь искусственно сосредоточиться на их формально-юридических характеристиках,

---

[1] Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. С. 116.

[2] Глушаченко С.Б., Романов Р.А. Право как элемент общечеловеческой культуры // История государства и права. 2003. № 6. С. 2–3.

однако игнорировать процессы их конституционно-правового оформления также не следует.

Возможность построения в современной российской правовой действительности четкой иерархической системы, в которой каждой конституционной ценности было бы обозначено ее строгое место, многими авторами справедливо ставится под сомнение[1]. Последнее обстоятельство не отрицает важности дальнейших исследований в рамках конституционной аксиологии и теоретической возможности путем абстрактного конструирования, на основе богатого практического материала, выработать систему подходов к разрешению возможных конституционных ценностных коллизий. Так, наряду с особыми концептуальными подходами, предлагающими законченную систему иерархии конституционных ценностей, отдельные авторы предпринимают попытку заранее расписать и просчитать основные контуры и варианты решений всех возможных ценностных конфликтов, в частности на уровне конституционного судопроизводства. На наш взгляд, к таким попыткам необходимо относиться со значительной степенью осторожности, хотя и нельзя не признать справедливость тезиса о необходимости различать абстрактную и реальную (конституционную) аксиологию[2].

Формирование ценностного подхода к тому или иному явлению во всех случаях будет, во-первых, привязанным к конкретному историческому этапу, во-вторых, основываться на критериях полезности, необходимости, целесообразности, оптимальности и иных соображениях как тактического, так и стратегического характера. В современной российской правовой действительности «конституционные ценности» представляют не только общетеоретический, доктринальный и гносеологический интерес, но и являются категорией действующего права. Конституционные ценности выступают и как

---

[1] Суханова А.А. Конституционные ценности современной России: иерархия и конкуренция // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 23 (378). Право. Вып. 44. С. 53–54.

[2] Шустров Д.Г. Аксиология Конституции РФ 1993 года // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 21.

нормативные величины наиболее абстрактного уровня, и как качественные характеристики конституционно-правовых явлений высшего порядка. К конституционным ценностям можно отнести как общие принципы права и различного вида правовые декларации, так и относительно конкретные и определенные конституционно-правовые положения. Именно на уровне своего конституционного закрепления общечеловеческие идеи добра и справедливости трансформируются в формально-юридические предписания, выступающие нормативной основой для регулирования всей системы общественных отношений. Согласно аксиологическому подходу, в первую очередь, Конституция не нейтральна в ценностном отношении. С одной стороны, Конституция фиксирует ценностную систему своих создателей, с другой – ценностные ориентиры общества. Особое внимание в этой связи часто уделяется главе второй Конституции, последовательно закрепляющей основные ценности, на которых основывается государственная политика в различных сферах общественных отношений[1].

Среди конституционных ценностей принципы права занимают особое место. В юридической науке можно встретить мнение, что «правовые принципы изначально являются феноменом правосознания. И лишь с закреплением основополагающих, руководящих идей в Конституции и законах они приобретают юридическую силу и выступают в качестве общего регулятора поведения субъектов права»[2]. Основное назначение и юридическая сущность правовых принципов сформировались в отечественной юридической науке достаточно давно. Традиционно их рассматривают через категорию «идеи». К таковым относят идеи, лежащие в основе ценностных и содержательных характеристик права (в широком смысле), характеризующие механизм правового регулирования, устанавливающие основы политических и экономических отношений в обществе, характеризующие институт прав и

[1] Шустров Д.Г. Аксиология Конституции РФ 1993 года // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 14.

[2] Проблемы правового плюрализма в теории и практике: монография / Г.Э. Адыгезалова, Е.В. Бутенко, В.Д. Ярыш / под общ. ред. Г.Э. Адыгезаловой. Краснодар: КубГУ, 2013. С. 48.

свобод человека и гражданина. Понимание принципов права невозможно вне контекста различных типов правопонимания. И если в рамках нормативистско-позитивистских подходов понимание принципов права больше тяготеет к их объяснению через предписания текущего законодательства, то, естественно, правовые подходы ставят текущее законодательство в зависимость от принципов права. Можно предположить, что формальный позитивистский подход игнорирует разницу в объеме категорий права и законодательства. На этой почве даже возникло разделение категорий «принципы права» и «правовые принципы», не получившее значительной поддержки среди научного сообщества, особенно в контексте выделения первых в качестве элементов правосознания, а вторых – элементов права. Вопрос о том, существуют ли принципы права вне их юридического оформления сегодня, хоть и в несколько смягченном виде, решается в пользу естественно-правовой природы их происхождения. Кроме того, игнорировать тот серьезный идеологический потенциал, который несут на себе принципы права, так же не следует. Особенно в условиях актуальной на сегодняшний день борьбы против диктата универсальных ценностей. Не случайно в свое время профессор Н.Н. Вопленко характеризовал принципы права как важную часть его идеологического арсенала[1].

При этом достаточно логичным выглядит деление на «общие принципы права (общеправовые принципы)» и «отраслевые принципы права». Первые, безусловно, производны от естественно-правовых подходов, вторые, действительно, в некоторой степени зависимы от воли законодателя. Речь не обязательно идет именно об «отраслях права». В данном случае можно говорить и о «подотрослях» и о соответствующих институтах. Так, для конституционного права в целом характерны общеправовые принципы, тогда как для избирательного права характерен набор принципов в той или иной степени от законодателя зависимый. Принципы процессуальных отраслей права также

[1] Вопленко Н.Н. Сущность, принципы и функции права. Волгоград, 1998. С. 34.

зависимы от воли законодателя, что же касается принципов экологического права, то они значительным образом обусловлены сложившейся концепцией взаимодействия общества и окружающей среды. Одновременно отметим, что полностью отрицать естественно-правовую природу принципов отдельных отраслей права также не следует. Общеправовые принципы нередко рассматривают в качестве конституционных принципов, однако нетрудно заметить, что не все они получили свое адекватное опосредование на уровне текста Конституции РФ.

Так, например, конституционный принцип справедливости, хоть и не получил своего содержательного наполнения на уровне текста Основного Закона, достаточно часто используется в практике Конституционного Суда РФ. С другой стороны, тот же принцип справедливости может иметь и свое узкоотраслевое значение и особое содержательное наполнение, как например, принцип справедливости в судебном процессе. В целом же отметим достаточную дискуссионность разнообразных подходов к разграничению принципов права и определению их юридической природы. Можно лишь предположить, что часть принципов имеет больший приоритет и стоит выше на иерархической лестнице в силу их большего содержательного наполнения и большего охвата сфер правового регулирования.

Часть принципов права получила свое закрепление на уровне конституционного текста. Это предполагает оценку текста с точки зрения иерархии ее положений и в данном случае особых разногласий у исследователей не возникало. Глава первая Конституции имеет высшую юридическую силу, о чем можно прочитать в самом тексте (ст. 16). Далее по юридической силе и значимости идут положения главы второй в силу особого характера изменения ее текста, приравненного к пересмотру и принятию новой Конституции. Отметим, что глава вторая развивает положения главы первой так же, как и главы с третьей по восьмую развивают положения главы первой, поэтому юридически противопоставлять положения главы второй и глав с третьей по восьмую, на наш взгляд, не вполне корректно. Отметим, что по итогам конституционной реформы

2020 года глава третья обогатилась дополнительным содержанием, что в некоторой степени нарушило до этого стройную иерархическую логику конституционного текста. Однако именно таким было решение авторов конституционной реформы. Глава девятая носит технический характер и вопрос о ее юридической силе также актуализировался в процессе последней конституционной реформы. Данной проблемы мы еще коснемся. В свою очередь, мнения по поводу юридической силы Преамбулы Конституции могут различаться, как и различаются мнения по поводу возможности изменения ее текста.

Обратим внимание и на тот факт, что между конституционными ценностями и нормами права есть существенное различие. Нормы права распространяются на максимально возможный круг субъектов, тогда как ценности субъективно привязаны к конкретному человеку в конкретный момент времени; нормы права ни при каких случаях не должны вступать в противоречия, порождать правовые коллизии и правовые неопределенности, тогда как ценности, находясь в перманентной конкуренции, стремятся самоорганизоваться посредством определенной иерархии, что закономерно предполагает как наличие иных «нижестоящих» ценностей, так и выделение так называемых «абсолютных ценностей»[1].

В процессе правовой жизни и взаимодействия людей на уровне правоотношений конституционные ценности выполняют важную регулятивную функцию, выступая в качестве руководства к действию в правовых ситуациях. Система конституционных ценностей может являться важнейшим регулятором правовых отношений даже в условиях минимального знакомства индивидуума с конкретной системой нормативных предписаний. На всем протяжении развития правовой аксиологии в науке сложилось определенное представление о разноуровневом характере ценностей, которые представляют собой определенную систему в зависимости от широты охвата участвующих в

[1] Шустров Д.Г. Аксиология Конституции РФ 1993 года // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 17.

правовых отношениях групп населения. В этой связи ценности разделяются на универсальные, общеправовые, такие как добро и справедливость, свобода и равенство, и отраслевые, специфичные для отдельных сфер правовых отношений – принцип разделения властей, презумпция невиновности, право на квалифицированную юридическую помощь и др.

Подходы к систематизации конституционных ценностей могут существенным образом разниться в зависимости от поставленных исследовательских задач. Во-первых, в качестве базовой конституционной ценности выступает непосредственно Конституция РФ как нормативно-правовая основа современного российского конституционализма и документ, наделяющийся юридическими, социальными, политическими и, что не менее важно, воспитательными характеристиками. Во-вторых, это ценности, получившие свое закрепление непосредственно на уровне текста Основного Закона. В большей степени речь идет о положениях первой и второй главы Конституции РФ, однако проводить четкое деление на главы, содержащие конституционные ценности и не содержащие таковых, на наш взгляд, все же не следует. В-третьих, это ценности сформировавшиеся, синтезированные на уровне конституционного правосудия, составляющие практическую сторону конституционной аксиологии. В-четвертых, это конституционные ценности (конституционно значимые ценности) наднационального международно-правого характера, заключенные в международно-правовых документах, ратифицированных Российской Федерацией, а также сформулированные на уровне судебных решений наднациональных органов судебной власти, исполнение которых не противоречит Конституции РФ и не нарушает национальный суверенитет. И, в-пятых, это конституционные ценности, характеризующие современное состояние конституционной культуры, возможно, в недостаточной степени легализованные, однако не менее важные, получившие необходимую поддержку на уровне национального сознания и выступающие необходимым связующим звеном между естественно-правовым и позитивистским правопониманием.

Значимость тех или иных ценностей может различаться в зависимости от конкретного этапа исторического развития. В частности, сегодня особого внимания действительно заслуживают ценности геополитического характера. Проблема защиты своего суверенитета, свобода в принятии решений на международной арене, независимость во внутренней политике от «центров принятия решений» западного мира и др. Сюда же можно отнести обеспечение неприкосновенности границ территории Российской Федерации от внешних посягательств и борьбу с санкционным давлением, которое может использоваться геополитическими противниками России как непосредственно в сфере международных отношений, так и по линии ограничений экономического, производственного, информационного, социального и культурного характера. Попытки недружественных мировых элит лишить Россию возможности выступать в качестве полноценного участника современных международных процессов во всех сферах межгосударственного взаимодействия значительно актуализировали проблему ценностей геополитического характера, выведя ее из общего ряда проблем, стоящих перед современной Россией, на первый план. Конституционные ценности общечеловеческого и общегуманитарного характера также характеризуют современный этап развития отечественного конституционализма в русле следования национальным традициям.

Особенностью данной группы ценностей выступает имеющая место неопределенность их формально юридического содержания. Это не отрицает возможности их частичного или полного закрепления на уровне Конституции и действующего законодательства. Однако даже в ситуации их частичного присутствия в формально-юридическом пространстве их реальное содержание и наполнение значительно шире их нормативного содержания. Подобную ситуацию мы наблюдаем на уровне идеи справедливости, частично представленной в Конституции (в Преамбуле и в контексте характеристики российской пенсионной системы), а также активно представленной в процессуальных отраслях российского права. На самом деле ценностный потенциал идеи справедливости значительно шире, и именно она выступает в

качестве базовой ценности, использующейся при выяснении вопроса о конституционности того или иного нормативно-правового акта.

Аналогичные соображение можно высказать и в отношении таких конституционных ценностей, как добро, равенство (не в значении формального равенства), достоинство и др. Также выделим конституционные ценности, отвечающие за базовые основы российской государственности, которые на уровне конституционного текста и в теории конституционного права получили обозначение в виде основ конституционного строя. Данная группа ценностей представляет из себя определенную систему, начиная с базовых характеристик Российского государства как правового, федеративного, демократического, с республиканской формой правления, правами и свободами в качестве «высшей ценности», светского и социального.

Вопрос о конституционных ценностях как базовой составляющей современного конституционализма закономерно предполагает анализ положений ст. 2 Конституции РФ, в соответствии с которой права и свободы выступают в качестве высшей ценности, что традиционно вызывает значительное количество дискуссий в научной среде. Часть исследователей обвиняют авторов действующей Конституции в излишней либерализации конституционно-правового пространства, другие справедливо обращают внимание на обязательность учета целого ряда обстоятельств, в том числе социально-исторического характера, для точного уяснения смысла и содержания данного конституционного тезиса. Ранее действовавшие советские Конституции не игнорировали институт прав и свобод, однако его следовало воспринимать в неразрывной связи с принципом ответственности перед обществом и государством. Преамбула Конституции СССР 1977 года закрепляла «сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями и ответственностью перед обществом»[1]. Действительно, гораздо в большей степени либерализированные формулировки первой главы действующей Конституции РФ настраивают на

[1] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) (утратила силу) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

более индивидуализированную модель существования личности в социуме. Данное положение Конституции получило свое более развернутое толкование на уровне правовых позиций Конституционного Суда РФ, однако освоение практики Конституционного Суда прерогатива юристов, а не рядовых граждан. Если вспомнить, что Конституция – это не только юридический, политический, но и воспитательный документ, можно констатировать наличие определенной проблемы. При этом практика Конституционного Суда РФ показывает, что обозначение прав и свобод в качестве высшей ценности не отменяет обязательного учета интересов государства в процессе выявления реальных, а не мнимых границ реализации гражданами всего комплекса прав и свобод. Именно конституционная аксиология, получившая свое полноценное развитие и утверждение на уровне современного российского конституционного судопроизводства, позволила преодолеть излишне романтизированные представления о правах и свободах личности, характерные для государственно-правовой науки конца прошлого века. Обращение к возможностям телеологической интерпретации конституционного текста позволило выработать обобщенные научно-методологические подходы к разрешению конфликта частных и публичных интересов в процессе выработки специальных критериев в сфере допустимого ограничения прав и свобод граждан.

Оценивая формально-юридические аспекты закрепления института прав и свобод личности в Конституции РФ, можно попробовать выстроить иерархию соответствующих ценностей. В случае ст. 2 это происходит явно. В остальных случаях прямого указания на соответствующие «ценности» в Конституции не содержится, хотя сам термин «ценность» в Конституции используется применительно к «культурным ценностям» (ч. 2 ст. 44, ч. 2 ст. 74). Отдельные авторы, рассматривая вопрос об иерархии конституционных ценностей, обращают внимание на ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, в соответствии с которой не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46–54, и на этом основании предлагают разделять конституционные права с точки зрения их ценности на «абсолютные», не

подлежащие ограничениям ни в каких случаях, и все остальные[1]. С таким подходом нельзя согласиться и надо сказать, что в современной науке он, как правило, уже не используется. Положения ч. 3 ст. 56, хоть и задают определенную иерархичность системе прав и свобод, однако делают это непосредственно в контексте института чрезвычайного положения, т. е. это не абсолютная иерархия, а система приоритетов, используемая в конкретных обстоятельствах. В подавляющем большинстве случаев необходимо руководствоваться положениями ч. 3 ст. 55. Следует помнить, что и Конституционный Суд РФ не расценивает положения ч. 3 ст. 56 Конституции как основание для выделения группы абсолютных прав. Именно такой подход вытекает из Определения Конституционного Суда РФ от 29.05.2007 № 428-О-О[2]. Сама же возможность ограничений и их характер должны обусловливаться необходимостью защиты конституционно значимых ценностей, а именно основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Сами по себе основания для ограничения прав и свобод рассматриваются Конституционным Судом в качестве конституционных ценностей (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ)[3]. По логике Конституционного Суда к категории конституционно защищаемых ценностей могут относиться достойная жизнь, свободное развитие человека, право каждого на жилище[4]. Анализируя правовые

---

[1] Шустров Д.Г. Аксиология Конституции РФ 1993 года // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 17, 24.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2007 № 428-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шаклеина Владимира Андреевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 2 статьи 8 Федерального закона „О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях“» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2019 № 2620-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кускалиева Самата Бектурсуновича на нарушение его конституционных прав подпунктом 3 пункта 2 статьи 56.3 и подпунктом 4 пункта 4 статьи 56.11 Земельного кодекса Российской Федерации, а также частью второй статьи 25.2 Закона Российской Федерации „О недрах“» // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 456-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Октябрьского районного суда города Ижевска о проверке конституционности абзацев первого и второго пункта 1 статьи 446 Гражданского

позиции Конституционного Суда, можно также заключить, что свобода предпринимательской и иной, не запрещенной законом, экономической деятельности статуса «абсолютной ценности» не получила и может быть ограничена законом[1], как и право частной собственности[2], и право на получение квалифицированной юридической помощи[3]. Справедливости ради следует отметить, что категория «абсолютные конституционные ценности» использовалась только в Особых мнениях судей, но не в самих правовых позициях Конституционного Суда.

Оценивая роль Конституции в процессах конституционализации правопорядка, заметим, что, несмотря на достаточно долгий срок ее существования, отношение к ней со стороны, в том числе, научного сообщества отличается значительной разнородностью даже на уровне понимания базовых системообразующих процессов конституционно-правового развития. Современная российская государственность все еще находится в ситуации перманентного поиска необходимых конституционно-правовых ориентиров, позволивших бы на основе относительно однородных представлений о должном и необходимом выстроить соответствующую российскому менталитету систему политико-государственного устройства.

процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3.

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.07.2001 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона „Об исполнительном производстве“ в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества "Разрез “Изыхский”"» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 32. Ст. 3412.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 № 443-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы публичного акционерного общества „Крымхлеб“ на нарушение конституционных прав и свобод абзацем третьим части 1 и частью 3 статьи 2-1 Закона Республики Крым „Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым“» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2011 № 193-О-О «По жалобе гражданина Соколова Алексея Вениаминовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 20 Федерального закона „О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений“» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 3.

Подчеркнем, что полноценная конституционализация общественного порядка на сегодняшний день невозможна на базе одного лишь обращения к действующему российскому законодательству. Огромное значение в этих процессах приобретает деятельность Конституционного Суда. Соответственно, актуализируется проблема конституционализации всей системы образования и правового просвещения. Обозначенная ситуация характеризует необходимость постоянного повышения уровня конституционной культуры населения и практикующих юристов. Именно на уровне конституционной культуры можно «победить» разобщенность современного гражданского общества. Речь идет о том, что современный облик права существенным образом изменился. Последнее утверждение распространяется не только на идею позитивного права, развиваемого в легистских, нормативистских, позитивистских и неопозитивистских подходах. Современная российская наука давно ушла от исключительно нормативистского или узкоклассового понимания права, развиваемого в советской юридической науке, когда под правом понимались исключительно нормы, санкционированные государством и обеспечиваемые его принудительной силой. Современное понимание права основано на системных подходах и активно использует достижения интегративной юриспруденции.

Именно конституционно-правовое просвещение могло бы стать реальным средством повышения конституционной культуры и на этом уровне консолидации общества и обычных граждан в процессе обеспечения реализации субъективных прав и свобод, а также контроля со стороны общественности за деятельностью органов публичной власти. Современное российское общество, видя в новом цифровом мире массу новых преимуществ и способов облегчить и оптимизировать традиционные жизненно важные процессы, частично игнорирует те новые глобальные и инновационные возможности для конституционно-правового самообразования, которые могли бы существенным образом повлиять на дальнейшие пути интеграции в современное конституционно-правовое пространство.

Конституция не только важнейший юридический, но и главный политико-идеологический документ государства. В этой связи согласимся с тем, что формальный подход к редактированию конституционного документа не применим. Все без исключения положения Конституции должны находиться в тесной взаимосвязи не только между собой, но и соответствовать сложившемуся уровню конституционной культуры. В истории нашего государства уже был пример не самой удачной попытки формального редактирования текста конституционных актов. Речь идет о последних конституциях СССР и РСФСР, из которых были изъяты основные идеологические и политические основы функционирования общества и государства, оставшиеся со времен строительства социализма. Однако такая формальная редакция абсолютно не соответствовала сложившимся на тот момент политическим и историческим реалиям. В итоге мы получили два полноценных конституционных кризиса. Один из них привел к прекращению существования СССР, несмотря на все имеющиеся предпосылки сохранить большую часть территорий в границах единого государства. Да и опасность потерять Россию как единое государство на тот момент также существовала вполне объективно. Другой кризис случился в 1993 году и чуть не привел к разрушению всей системы государственного управления и риску гражданской войны. Как отмечается в этой связи в юридической литературе, «одной из причин политико-конституционного кризиса было отсутствие основного правового акта, который регулировал бы все стороны общественной и государственной жизни. Устаревшая Конституция РФ не соответствовала произошедшим изменениям в стране, несмотря на попытки внесения изменений и поправок»[1]. Принятие новой Конституции 1993 года было обязательным условием сохранения государства и обеспечения конституционного правопорядка на всей территории России.

[1] Поняев И.М. К вопросу о перспективах создания единой теории конфликта в российской политологической литературе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2017. № 5. С. 212.

Отдельно останавливаясь на вопросах конституционной реформы 2020 г., отметим, что ее ход наглядно высветил многочисленные проблемы, накопившиеся в сфере конституционного мировоззрения и конституционной культуры россиян. Надо сказать, что сами по себе разговоры о необходимости масштабной конституционно-правовой реформы велись достаточно давно. Речь шла как об активном обсуждении таких неоднозначно зарекомендовавших себя институтов, как институт местного самоуправления и его места в сложившейся системе публичной власти, так и о необходимости серьезной концептуальной доработки текста Основного Закона в контексте защиты суверенитета России и в целом обеспечения конституционной и национальной безопасности государства. Достаточно популярный в свое время тезис о том, что сам факт наличия «образцовой» Конституции ни в коей мере не отменяет необходимости создания реально действующих механизмов внедрения конституционных ценностей во все сферы общественной и государственной жизни[1], все чаще подменялся тезисом о необходимости пересмотра всей системы конституционных ценностей, в том числе путем изменения конституционного текста. Однако о том, как именно должна протекать конституционная реформа, мнения ученых всегда разнились. Часть из них придерживается идеи «гибкой», «живой» Конституции, что подразумевает соответствующую социально и политически обусловленную интерпретацию положений Основного Закона на уровне правовых позиций Конституционного Суда РФ[2]. Другие ученые, не принимая неограниченно широкие правотворческие полномочия Конституционного Суда РФ, отмечали, что зачастую Конституционный Суд занимается ликвидацией пробелов в конституционном тексте в ситуации

---

[1] Лучин В.О. Социально-психологические факторы реализации Конституции Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 133.

[2] Бондарь Н.С. Конституционный суд в системе юрисдикционных органов (О «Богоугодных грехах» конституционного правосудия) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1. С. 30.

отсутствия опоры на реальные конституционно-правовые нормы[1]. В науке также сложилось мнение, что в целом поддерживаемая конституционной правоприменительной практикой «псевдостабильность» конституционно-правового поля, характеризующая гибкость ныне действующей Конституции, создает неограниченные возможности для трансформации конституционно-правовой действительности без изменения конституционного текста, что не во всех случаях отвечает задачам дальнейшего демократического развития России[2].

В конечном итоге конституционная реформа 2020 г. пошла по своему особому пути. В новом варианте главы третьей закрепляется целый ряд положений, символизирующих своеобразный возврат к традиционным консервативным ценностям, однако, учитывая тот факт, что положения главы третьей по формальным критериям выступают в качестве второстепенных по отношению к главам первой и второй, говорить о каких-либо радикальных изменениях в системе ценностных приоритетов, на наш взгляд, не следует. Нельзя также не обратить внимание на то, что многие из предложенных новелл уже получили свое обоснование на уровне правовых позиций Конституционного Суда РФ. Другими словами, идея живой Конституции, продолжающей свое саморазвитие на уровне конституционного правосудия, получила пусть и неоднозначное, но все же подтверждение. С другой стороны, аксиологическая сущность Основного Закона стала еще более сложной и неоднозначной для восприятия как носителями научного и профессионального сознания, так и рядовыми гражданами.

Положительно оценивая конституционные новеллы 2020 года, отметим незаконченность конституционных преобразований. Базовый конституционный тезис о правах и свободах как высшей ценности (ст. 2 Конституции РФ), получивший свое развитие в конституционном положении о том, что именно права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов, а также

---

[1] Лапаева В.В. Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правопонимания // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 107–108.

[2] Добрынин Н.М. Конституционно-правовая наука и российский конституционализм: в поисках выхода из системного кризиса // Право и политика. 2007. № 6. С. 5–10.

деятельность законодательной и исполнительной власти (ст. 18 Конституции РФ), как и раньше вызывает вопросы, особенно в условиях набирающей все большее количество сторонников идеи о несомненном и безусловном приоритете публичных интересов над частными. Тем более, что современные конституционно-правовые реалии наглядно демонстрируют как минимум уравнивание прав личности и прав государства, а также усиление этатистских тенденций в системе публичного управления.

Также отметим, что конституционная реформа, вызвав вполне ожидаемую критику со стороны либерально настроенных авторов, не смогла в полной мере удовлетворить и авторов консервативного крыла. Сторонники традиционных ценностей так и не получили однозначного конституционного обоснования ценности семьи как основной «ячейки» общества и государства и традиционных религий как источника морально-нравственных ценностей не просто традиционного, а государствообразующего характера. Нельзя забывать и тех, кто, наоборот, недоволен повсеместным внедрением религиозных ценностей в многочисленные сферы и отрасли государственной и общественной жизни и искренне желает возвращения к ситуации, когда религия, благодаря стараниям государства, была оттеснена на задний план, а ценность государства и государственной идеологии не подвергалась ни малейшему сомнению. Часть консервативно настроенного общества считает такие «косметические» правки Конституции недостаточными и не отражающими реальных запросов населения на актуализацию принципов равноправия, социальной защищенности и социальной справедливости.

Современная конституционная реформа наглядно демонстрирует, что конституционная культура россиян сформировалась в условиях активного противоборства различных конституционно-правовых теорий и объективной неопределенности в выборе дальнейших путей конституционно-правового развития. Отсутствие в государстве и обществе четких идеологических конституционно-правовых установок, неспособность современной

политической элиты сформировать сколько-нибудь ясный и понятный облик современной конституционно-правовой политики вполне ощутимо.

Вспоминая о процедурных особенностях конституционной реформы, в частности не указанной в главе девятой Конституции и соответствующем законе процедуре «общероссийского голосования по поправкам», нельзя не признать данную конституционно-правовую новеллу удачной, значительным образом поспособствовавшей дополнительной легитимизации конституционных поправок и повышению уровню конституционной культуры россиян. Однако вопросы, касающиеся данной процедуры, остались, в частности, почему законодатель упорно отказывается ее закреплять, как минимум, на уровне соответствующего федерального закона. Что же касается содержательной части реформы, то они были положительно приняты большой частью населения и получили свое дальнейшее развитие на уровне отраслевого законодательства, как в части дополнения и развития ценностных основ Конституции, так и в части новелл в сфере организации и функционирования публичной власти. Однако даже сегодня актуальным остается вопрос: нужно ли было ограничивать масштаб конституционной реформы исключительно внесением конституционных поправок или же следовало прибегнуть к процедуре пересмотра Конституции и принятия новой?

Долгое время в отечественной юридической науке была актуальна точка зрения о том, что современная российская Конституция, если и нуждается в некоторой коррекции, то исключительно точечной и по большей части технической, затрагивая в необходимых случаях организацию и порядок публичного управления, а не, например, основные ценностные характеристики нашего государства. Собственно, такие поправки в текст Конституции и вносились: сроки полномочий Президента РФ и Государственной Думы, упразднение Высшего арбитражного Суда РФ, уточнение порядка формирования Совета Федерации и др. В остальных случаях было вполне достаточно правовых позиций Конституционного Суда РФ. Таким образом, поддерживалась модель «живой» Конституции и одновременно сохранялась

достаточная стабильность самого конституционного текста. Однако объективно наметившийся на уровне конституционно-правовой культуры кризис национальной ценностной идентичности потребовал достаточно масштабного вмешательства в содержание конституционного текста.

И если тактические успехи в деле защиты традиционных ценностей и обеспечения конституционной безопасности никаких вопросов не вызывают, то вопросы, касающиеся стратегических целей конституционной реформы 2020 года, все еще остаются. В юридической науке сложилось устойчивое мнение, что любое конституционное реформирование должно исходить из теоретико-правовых моделей конституционного правопорядка, которые могли быть идеальными, фактическими и прогрессивными[1]. Как долго будет сохранятся положительный эффект конституционной реформы, покажет время. Однако уже сейчас очевидно, что полноценная и научно-теоретически обоснованная модель дальнейшего конституционно-правового развития на уровне конституционной культуры в современной Росси не сформировалась. Россия все еще в поиске своей конституционной идентичности и основная задача конституционно-правовой науки в этой связи помочь в выработке ее оптимальной модели, исходя из потребностей не только политической элиты, но и всех граждан России.

Интересным в этой связи представляется резкое изменение отношения к категории «либерализм», отчетливо наблюдаемое на примере политического и юридического сообщества. Если в конце прошлого века данная категория употреблялась в положительном или нейтральном значении, то сегодня, как правило, в негативном. Однако и это не вполне соответствует действительности. Достаточно посмотреть на формулировки, используемые в «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы», в частности, такие как «либерализация законодательства Российской Федерации в отношении женщин, в том числе женщин, имеющих детей, находящихся в местах лишения

[1] Безруков А.В., Тепляшин И.В. Современная модель конституционного правопорядка: контуры формирования // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 77–88.

свободы»[1]. Обращает на себя внимание и само содержание данного документа в свете активно обсуждаемой проблемы традиционных ценностей, однако это уже тема для отдельной дискуссии.

В заключение отметим следующее. Понимание сущности современного российского конституционализма имеет принципиальное значение для характеристики природы отечественного правосудия. Национально-исторические особенности правового развития России обусловливают специфику восприятия конституционных норм участниками конституционно-правовых отношений. Культурно-историческая среда формирует представления о праве, власти, справедливости, свободе и ответственности государства перед личностью, характеризующие состояние конституционной культуры; в свою очередь, именно конституционная культура задает основы формирования ценностных характеристик правосудия. Важность процесса конституционализации правопорядка предопределена универсальным механизмом приведения всей системы отраслевого законодательства и правоприменительной практики в соответствие с конституционными принципами, идеями и ценностями, особой формой воспроизводства конституционных идеалов в юридической реальности. Сам по себе процесс конституционализации правопорядка не следует сводить к формальной проверке нормативных актов на соответствие Конституции РФ, искусственно выдвигая на первый план нормативно-правовой аспект. Речь следует вести о гораздо более универсальном социально-культурном и политическом феномене, предполагающем утверждение конституционных стандартов в конкретных юридических конструкциях и процедурах реализации права. Уяснение сущности данного процесса имеет принципиальное значение для понимания конституционной культуры правосудия и осуществления судебной власти.

---

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4356-р «Об утверждении национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (ч. III). Ст. 477.

Социокультурная природа отечественного конституционализма предполагает учет особой роли конституционного нормоконтроля в системе правосудия. Конституционный Суд РФ выступает не только как генератор нормативно-доктринальных правовых позиций, формирующих основные стандарты конституционного правопонимания и мировоззрения. Посредством интерпретации конституционных норм обеспечивается наполнение их ценностным содержанием социокультурного характера, ориентированным на поддержание социальной стабильности и доверия к публичной власти. Конституционная культура правосудия предполагает способность судебной системы воспроизводить и транслировать конституционные ценности таким образом, чтобы они воспринимались обществом как нормативные и социально значимые. Социокультурная природа отечественного конституционализма предопределяет содержание и направленность судебной деятельности, задает ценностные координаты правосудия и обеспечивает связь между конституционными идеями и практикой их реализации. В этой связи конституционная культура правосудия может рассматриваться как один из показателей укорененности конституционных ценностей в правовой и социокультурной реальности.

§ 1.2. Методология исследования конституционной культуры правосудия как относительно самостоятельной категории конституционной культурологии

Культура, ее функции, структурные элементы и сущностные характеристики всегда находились под пристальным вниманием представителей гуманитарного знания. Можно сказать, что и сам феномен культуры существует столько, сколько существует гуманитарная мысль. Однако даже на уровне философии, социологии и, непосредственно, культурологии, в рамках которых предметно исследуется феномен культуры, единого понимания того, что же представляет из себя культура, все еще нет. Сложность единообразного понимания культуры объясняется не только многогранностью данного понятия,

сильно зависящего от специального контекста его использования, но и различными методологическими установками авторов, рассматривающих тот или иной аспект культуры, в зависимости от субъективных задач научного исследования. Тот факт, что культура выступает в качестве достаточно абстрактного понятия, также предполагает значительные затруднения в поиске ее истинного содержания. На сегодняшний день традиционным стало утверждение: «В общественных науках не выработано универсального (синтетического) определения культуры, которое имело бы общепризнанное распространение»[1].

Значительное внимание в отечественной науке уделялось развитию деятельностной концепции культуры. Деятельностный подход к культуре представлен в работах Э.А. Баллера, В.Е. Давидовича, Ю.А. Жданова, Е.С. Маркаряна, М.С. Кагана и многих других отечественных ученых [2]. Определяя функции культуры, Ю.А. Жданов рассматривал их как заключенные в системе человеческой деятельности способы ее осуществления, необходимые для осуществления самой этой деятельности. В свою очередь, культура – такое социальное образование, которое имеет своей основной двуединой функцией историческое (диахронное) и структурно-системное (синхронное) поддержание единства и целостности человеческой деятельности[3]. При этом автор выступал против полного отождествления «культурного» и «социального», и производного от него противопоставления культуры и природы человека, тогда как «природному противостоит не культура, как одна их характеристик общества, а все общество, социальная форма движения материи в целом»[4].

---

[1] Панфилов А.Н. Культура и местное самоуправление: конституционно-правовые аспекты взаимодействия: монография. М.: ИНФРА-М., 2020. С. 10.

[2] Маркарян Э.С. Культурология в контексте глобальной безопасности // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. 1: Теория культуры. СПб., 2008. С. 95–114; Баллер Э.А. Преемственность в развитии культуры. М.: Наука, 1969; Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997; Межуев В.М. История, цивилизация, культура: опыт исторического истолкования. СПб.: СПбГУП, 2011; Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология. М.: Алетейя, 2010; и др.

[3] Жданов Ю.А., Давидович В.Е. Сущность культуры. 2-е изд., перераб. Ростов н/Д: Наука-пресс, 2005. С. 388.

[4] Ю. А. Жданов о культуре / Отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д: ГЮР, 2014. С. 44.

На сегодняшний день деятельностное понимание культуры выступает как одно из наиболее влиятельных течений в современных исследованиях культуры, однако акценты в рамках данной концепции могут расставляться по-разному. Зачастую упор делается на общественную жизнь, общественный процесс и сложную систему внебиологических механизмов. Таким образом, культура характеризует технологический аспект общественного процесса, транслируемый от поколения к поколению внебиологическим путем, одновременно, не игнорируя особенности органической деятельности, свойственной любой живой системе[1]. В другом случае акцентируется внимание на личностном становлении человека, его влиянии на окружающую действительность и посредством этого преобразовании самих индивидов. Так, Э.А. Баллер рассматривал культуру как «процесс человеческой деятельности, воплощающий производство, хранение, распределение и потребление духовных ценностей», в свою очередь, именно «народ в конечном счете в любых условиях пробуждает, развивает и сохраняет духовные силы общества, превращая своим творчеством окружающую действительность в действительность человеческую»[2].

Категория «культура» не обязательно выступает в качестве явления высшего порядка и в, например, пространстве может иметь узко прикладное значение в зависимости от контекста ее использования, например, «физическая культура», «объекты культурного наследия», «памятники культуры» и др. Если продолжить правовой контекст, то наиболее полное представление об исследуемом феномене должны были бы дать «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»[3], однако нетрудно заметить, что и в данном нормативном правом акте само понятие «культура» не фигурирует. Основной упор делается на отдельные качественные характеристики исследуемого феномена применительно к различным сторонам общественной и

---

[1] Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1973.

[2] Культура. Творчество. Человек: сборник статей / сост. Э.А. Баллер, Н.С. Злобин. М.: Молодая гвардия, 1970. С. 39, 34.

[3] Российская газета. 1992. 17 ноября.

государственной жизни. Развитию данного подхода к изучению феномена культуры посвящена работа Е.В. Сазонниковой. По мнению автора, «конституционное культуроведение – компонент, объединяющий конституционно-правовое знание о культуре, обособление которого обусловлено необходимостью формирования современных представлений о конституционно-правовом воздействии (в том числе регулировании) на духовную сферу жизни общества, в целях совершенствования конституционного законодательства и реализации культурной составляющей конституционно-правового образования»[1]. Одновременно частные проявления культуры рассматриваются в контексте общих и традиционных компонентов конституционно-правовой науки.

Советская юридическая наука могла оперировать понятием «правовая культура», не могла позволить себе изучение феномена конституционной культуры. Сам термин «конституционный», в значении напрямую не привязанном к «конституционному тексту», стал активно применяться в последние десятилетия прошлого века. Практически вплоть до 1990-х годов учебники по соответствующей отрасли права носили название «государственное право» или «государственное строительство». Однако советская юридическая наука достаточно активно оперировала понятием «правовая культура», выработав определенные подходы к пониманию его сущности и содержания, чему посвящено немало научных исследований[2]. В частности, в советской юридической науке правовая культура не сводилась исключительно к знанию формально-юридических норм права и правомерному поведению. Носители правовой культуры наделялись также знанием особого идейно-патриотического содержания. А сама правовая культура включала, помимо правосознания,

---

[1] Сазонникова Е.В. Наука конституционного права России и концепт «культура»: вопросы теории и практики: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 14.

[2] Каминская В.И., Ратинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974; Сальников В.П. Правовая культура советского человека. Л., 1982; и др.

«уровень правоисполнительной деятельности в интересах обеспечения и упрочения правопорядка и законности»[1].

В целом актуализация изучения проблем правовой культуры как самостоятельного правового феномена пришлась на вторую половину XX века. Концепт правовой культуры был политически и идеологически окрашен и связывал необходимость изучения правовой культуры с конечными целями построения коммунизма. Однако понимание важности изучения содержательных характеристик правовой культуры (в ее современном понимании) и основные методологические подходы к ее изучению были заложены именно на уровне советской юридической науки[2].

Феномен правовой культуры исследовался в большей степени на уровне общей теории права. Отдельную нишу в теории права заняли работы по правосознанию, категории не тождественной, но достаточно близкой правовой культуре. Оценивая содержание и сущность правовой культуры, Н.Л. Гранат отмечала, что, в отличие от правового сознания, она содержит лишь то, что есть в правовых явлениях относительно прогрессивного, социально-полезного и ценного, например, нормативно-правовые акты, олицетворяющие произвол, правовая культура не рассматривает как источник права, так как понимается и как образ мышления, а нормы и стандарты поведения олицетворяют личностный менталитет[3]. В свою очередь, выделение различных видов и уровней правосознания сделало возможным адаптировать соответствующие идеи к отдельным категориям представителей правоохранительной системы[4].

---

[1] Красавчиков О.А. Основные черты и значение социалистической правовой культуры // Советское государство и право. 1968. № 6. С. 24.

[2] Лукашева Е.А. О воспитании правосознания и правовой культуры в период развитого строительства коммунизма // Советское государство и право. 1962. № 7; Красавчиков О.А. Основные черты и значение социалистической правовой культуры // Советское государство и право. 1968. № 6; Чхиквадзе В.М. Законность и правовая культура на современном этапе коммунистического строительства // Коммунист. 1970. № 14; и др.

[3] Гранат Н.Л. Правосознание и правовая культура // Юрист. 1998. № 11/12. С. 6.

[4] Баранов П.П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел (теоретические проблемы): учебное пособие. М.: ВЮЗШМВД СССР, 1991; Пивоварова А.А. Правосознание и усмотрение судьи: соотношение понятий, роль при назначении наказания: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2009; и др.

Аналогичная ситуация наблюдалась и при исследовании феномена правовой культуры в контексте различных видов правоохранительной деятельности[1].

При этом на уровне общей теории права правовая культура рассматривалась с максимально широких методологических позиций, сочетающих использование различных типов правопонимания и активное использование аксиологических и деятельностных подходов к оценке феномена правовой культуры, что позволило сделать ряд ценных выводов. Т.В. Синюкова отмечала, что правовая культура должна рассматриваться как система правовых норм, ценностей, институтов, процессов и форм, выполняющих функцию социоправовой ориентации в конкретном обществе[2]. Однако отказ от преобладания диалектико-материалистических позиций в научном исследовании не избавил отдельные научные работы, посвященные правовой культуре правоохранителей, от некоторой инерции нормативистских подходов.

Сегодня, когда исследование правовой и конституционной культуры можно проводить с широких методологических позиций, феномен культуры в его правовом представлении можно представить в его максимально широкой содержательно-смысловой палитре, однако мы сосредоточимся на нескольких традиционных подходах к понятию «культура», которые позволяют максимально приблизиться к пониманию конституционной культуры правосудия. Одновременно отметим, что методология исследования конституционной культуры в широком смысле[3] вполне применима и к феномену конституционной культуры правосудия с учетом специфики исследуемой проблематики.

---

[1] Кониченко Е.Б. Правовая культура сотрудников пенитенциарной системы в современном российском обществе: общеправовой анализ: дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2005; Огурцов А.Е. Правовая культура сотрудников оперативно-поисковых подразделений органов внутренних дел Российской Федерации // Закон и право. 2019. № 2. С. 139–141; Сухоруков В.А. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел // Социально-политическое развитие России как комплексная проблема гуманитарного знания: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 271–275; и др.

[2] Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 1995. С. 571.

[3] Подобнее см.: Баринов Э.Э. Конституционная культура как объект научного анализа // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 6. С. 2–7.

Философский подход к познанию конституционной культуры правосудия наиболее абстрактен и позволяет рассматривать соответствующее явление в бесконечно широких смыслах. Кажущаяся неприменимость философского подхода к феномену конституционной культуры правосудия может быть объяснена инерцией легистско-позитивистского сознания, преобладавшего в советской юридической науке. Однако, как показывает практика, значительную выгоду из данного подхода, вне всякого сомнения, можно и необходимо извлечь. Именно философия, являясь «матерью» всех наук, заложила основные подходы к самой системе научного знания и именно благодаря достижениям философии мы сегодня можем пользоваться всем тем научным инструментарием, в том числе и в рамках юриспруденции, который позволяет адекватно оценивать различные явления правовой и общественной жизни. Не случайно в последнее десятилетие прошлого столетия активизировались научные изыскания в рамках «философии права» и таких ее структурных составляющих, как правовая антропология, правовая онтология, правовая аксиология и др. Именно на основе философско-правовых подходов была выработана идея либертарного правопонимания как способа примирения легистских и натурфилософских подходов к праву. Подобный подход к пониманию идеи права активно используется и на уровне конституционного судопроизводства.

Именно широкий философский подход к анализу категории «конституционная культура правосудия» позволяет в максимальной степени охватить все грани этого явления, не сосредотачиваясь целиком и полностью на его узко-нормативных позитивистских характеристиках. Вся история философии, теснейшим образом связанная с историей политико-правовой мысли, дает огромный потенциал для исследования феномена конституционной культуры правосудия. Это делает возможным выработку адекватного не только конкретному историческому этапу, но и соответствующему типу национальной общности понимания конституционной культуры правосудия как важнейшей конституционно-правовой характеристики судебной деятельности. При этом философский подход позволяет не ограничивать себя анализом

конституционных ценностей, получивших исключительно формально-юридическое наполнение, а оперировать такими ценностями, как добро, справедливость (в широком смысле), честь, достоинство и др. Не случайно Н.С. Бондарь рассматривает «конституционализм» как одну из «фундаментальных философско-правовых категорий юриспруденции», которая не только характеризует мировое культурное наследие всего человечества, но и является «национально-культурным достоянием каждого отдельного народа, нации, государства»[1]. Именно на основе философско-правовых подходов была выработана идея либертарного правопонимания как способ примирения легистских и натурфилософских подходов к праву. Своеобразной вехой в этой связи стали труды известного российского ученого В.С. Нерсесянца, не теряющие актуальности и сегодня[2].

Антропоцентричный подход традиционно предлагает рассмотрение конституционной культуры как «побочного» продукта жизнедеятельности человека. В целом соглашаясь с тем, что феномен конституционной культуры правосудия неразрывным образом связан с жизнедеятельностью человека и человеческого социума, отметим, что антропоцентричный подход, как и антропоцентризм в целом, страдает целым рядом недостатков. Тот факт, что человек ставится во главу угла и определяется как «мера всех вещей», предполагает отсутствие культуры вне человеческого социума. Именно человек или человеческая цивилизация объявляются творцом культуры и составляющих ее элементов. В контексте феномена конституционной культуры Советского государства также можно констатировать преобладание нормативистско-позитивистских подходов, когда именно человек является творцом права и системы общественно-политического устройства. Однако в советской науке категория «антропоцентризм» утвердилась скорее в ее околорелигиозном

[1] Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. 2-е изд., перераб. М.: Норма; ИНФРА-М., 2021. С. 26–29.

[2] Нерсесянц В.С. Философия права. Учебник для вузов. – М.: Издательская группа ИНФРА-М -НОРМА, 1997.

значении, используемом в теологическом дискурсе[1], поэтому официальным вектором развития правовой системы антропоцентризм не стал.

Отметим, что использование антропоцентричного подхода при анализе конституционной культуры правосудия позволяет сосредоточиться на конкретных субъектах и участниках судебной деятельности, их правах и обязанностях. Достаточно оригинально в контексте антропоцентричного подхода можно представить и проблему прав и свобод человека как высшей ценности (ст. 2 Конституции РФ). Не отрицая важности антропоцентричного подхода к пониманию сущности конституционной культуры правосудия, предполагающем, в том числе, неукоснительное следование установленным государством правилам поведения и специальным процедурам, отметим его однобокость и необходимость коррекции в рамках иных подходов.

В качестве противоположного подхода к изучению конституционной культуры может выступить теоцентризм. В ходе конституционной реформы 2020 года был сделан большой шаг к юридической легализации религиозной картины мира, в частности была внесена поправка о «вере в Бога» (ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ), которая не только спровоцировала активные дискуссии в отечественной юридической науке, но и открыла новый этап изучения религиозного компонента конституционной культуры. И если для представителей общетеоретической науки обсуждение проблем, в частности теоцентризма в истории отечественной философии права, давно и прочно вошло в обиход[2], то обращение к отдельным аспектам теоцентризма представителей конституционно-правовой науки – это актуальные реалии дня сегодняшнего[3]. Отметим, что одной из задач отечественной судебной системы сегодня

---

[1] Прудченко Е.А., Дюпина Ю.В., Дизер Я.Э. История понятия "антропоцентризм" в контексте современных размышлений о человеке и цивилизации // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 5. С. 152.

[2] Овчинников А.И., Фетисов Т.А. Теоцентризм русской философии права: история и современность // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 59–71.

[3] Бондарь Н.С. Равенство в этико-правовом измерении человека как юридической личности (от равенства перед Богом – к конституционному равенству) // Журнал российского права. 2023. Т. 2. № 4. С. 5–21.

выступает защита традиционных духовно-нравственных ценностей. И пусть религиозная принадлежность в качестве таковых буквально и прямо не заявлена, современное российское законодательство ориентировано на защиту традиционных религиозных ценностей.

Ценностный (аксиологический) подход к конституционной культуре правосудия, наиболее актуальный в контексте проводимого исследования, предполагает обращение к ценностному потенциалу Конституции, что особенно актуально для конституционного правосудия. Одновременно аксиологический подход позволяет максимальным образом представить всю систему конституционно-значимых ценностей (конституционные идеи, конституционные идеалы, конституционные принципы и др.), что значительным образом облегчает, в том числе, например оценочное понимание конституционной культуры в целом. Надо сказать, что конституционная аксиология – это одно из активно развивающихся направлений современной конституционно-правовой науки. И пусть до окончательной систематизации и иерархизации конституционных ценностей в теории еще достаточно далеко (а возможно, эта цель в принципе недостижима), однако уже сейчас на уровне правовых позиций Конституционного Суда РФ активно разрабатывается особая «методология конституционной аксиологии»[1].

В рамках оценочного подхода идея конституционной культуры правосудия предполагает определенный набор относительно устоявшихся конституционно-правовых «стереотипов», в сравнении с которыми и определяется: присутствует ли в обозначенных исследователем рамках в сфере судебной деятельности «необходимый» уровень конституционной культуры правосудия или присутствует ли у данного субъекта (участника) конституционная культура правосудия как таковая. Ощутимо слабым местом оценочного подхода выступает необходимость выработки сколько-нибудь

[1] Пермиловский М.С., Вилова М.Г. Методология конституционной аксиологии в разъяснениях Конституционного Суда России // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 28–31.

единообразного понимания «правильного» или «неправильного» видения конституционно-правовой действительности в обозначенной сфере, которое может быть субъективным, конъюнктурным, политически ангажированным и разделяемым или неразделяемым той или иной частью общества и представителей юридической науки. Нельзя не согласиться с утверждением, что «даже при создании общезначимых критериев оценки правовых явлений в качестве положительных или отрицательных просматривается их исторически относительный характер»[1]. Наименее субъективной представляется конституционная культура судьи. Говоря об оценочном подходе, вспомним и этноцентричный подход в его нейтральном, лишенном негативной окраски значении. Именно такой подход позволяет сформировать особый набор конституционных ценностей на примере сопоставления его с конституционными ценностями отличного характера.

Деятельностный подход к конституционной культуре правосудия позволяет оценить отдельные функциональные сферы судебной деятельности, а если рассматривать феномен правосудия максимально широко, то и отдельные сферы юридической деятельности, или юридически значимой деятельности. Так, одной из наиболее актуальных проблем современного отечественного законодателя выступает недостаточно оперативное исполнение правовых позиций Конституционного Суда РФ. Деятельностный подход также позволяет оценить правоприменение в конституционно значимых сферах. Отдельной и не менее важной сферой также будет выступать интерпретационная деятельность Конституционного Суда РФ. В рамках данного подхода также можно обозначить функциональные характеристики конституционной культуры правосудия.

В целом, подходя к исследованию феномена конституционной культуры правосудия в системно-интегративном ключе, предполагающем использование в том числе нормативистских подходов, конституционная культура правосудия может быть определена как высшая форма восприятия степени упорядоченности

[1] Шашин П.А. Правовая культура в правовой системе общества: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 7.

отношений в сфере осуществления правосудия, как динамический процесс освоения, воспроизводства, сохранения и распространения конституционных идей, принципов, ценностей, характеризующий различные виды, формы и сферы судебной деятельности. Ценностно-деятельностный подход к исследованию данного феномена позволяет определить саму культуру как динамический процесс освоения, воспроизводства, сохранения и распространения конституционных идей, принципов, ценностей. Также конституционная культура правосудия может выступать в качестве показателя конституционно-правовой цивилизованности государства, общества и отдельной личности, позволяющего оценивать объективную конституционно-правовую реальность. Конституционная культура правосудия – это не только качественный показатель конституционного развития судебной системы. Конституционная культура правосудия оказывает значительное влияние на все конституционно-правовые процессы, протекающие в рамках относительно обособленных национальных, государственных, этнических общностей и других социальных групп. Кроме того, конституционная культура правосудия выступает обязательным фактором и условием саморазвития и качественного изменения собственного состояния.

Основное назначение культуры в ее общекультурологическом значении – сделать окружающий мир более пригодным для существования, расширить горизонты восприятия событий и явлений, выстроить на основе полученных результатов, возможно, несколько идеализированную, но более совершенную картину мира. Именно в этом видится и основное предназначение конституционной культуры правосудия – на основе богатого накопленного опыта создать реальные предпосылки для движения общества в направлении максимальной реализации своего конституционно-правового потенциала.

Было бы откровенной ошибкой оставаться в процессе исследования конституционной культуры правосудия в узких догматических рамках нормативистских, позитивистских и легистских подходов. Современная отечественная наука давно ушла от свойственного советской юридической науке понимания права как норм поведения, санкционированных государством.

Конституционная культура правосудия является продуктом развития человеческой цивилизации, как и универсальные ценности являются побочным продуктом человеческой жизнедеятельности. Однако следует абстрагироваться от давления на исследователя заблуждений о непогрешимости международного опыта, проецируемого в том числе на уровне надгосударственных судебных органов власти. Геополитические потрясения последнего времени наглядно продемонстрировали их ангажированность, «заточенность» под решение конкретных геополитических задач, в частности – подогнать современную разнообразную конституционно-правовую картину мира под единые либерально-демократические лекала.

Деятельностно-ценностный подход к конституционной культуре правосудия позволяет оценить отдельные сферы осуществления правосудия применительно к историческим, политическим, социально-экономическим и иным обстоятельствам. Даниел Белл, американский социолог и публицист, создатель теории постиндустриального (информационного) общества, заявив основной тематикой своих исследований проблему современной разобщенности общества, также обращал внимание и на объективную необходимость постоянного обращения к тексту основного закона страны в смысле его интерпретации в новых исторических и социально-экономических условиях. По мнению автора, во все времена существует объективная необходимость «достраивать» заложенные в Конституции смыслы применительно к новым ситуациям. «Это „достраивание“ – важнейшая функция законодательной (а отчасти и судебной) власти, и потому в основных законах не постулируют малосущественных моментов»[1]. В рамках данного подхода можно выявить функциональные характеристики конституционной культуры правосудия, затрагивающие основные проблемы конституционного правотворчества, правоприменения, выявить роль конституционно-правового воспитания в процессе формирования конституционной культуры правосудия и

[1] Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. С. 128–129.

конституционной культуры в широком смысле, соотнести установки конституционного правосознания с конституционно-значимым поведением.

Деятельностно-ценностный подход дает возможность представить систему осуществления правосудия в ее систематизированном виде. Позволяет выделить в качестве самостоятельных систему конституционно-правового образования и просвещения в их взаимосвязи с уровнем конституционной культуры правосудия. Деятельностный подход не выступает в качестве самостоятельного и обособленного от других подходов. В деятельностно-ценностном подходе активно проявляется творческая оставляющая конституционной культуры правосудия, ведь в общетеоретическом понимании культура неразрывно связано с элементами творческой деятельности. И если на уровне традиционного правоприменения творческая составляющая, как правило, сведена к минимуму, то на уровне «судебного правотворчества» элемент творчества, без сомнения, присутствует. Деятельностный подход также позволяет оценить правоприменение в конституционно значимых сферах. Отдельной и не менее важной сферой также будет выступать интерпретационная деятельность Конституционного Суда РФ.

В контексте исследуемой проблематики актуальным представляется вопрос о соотношении правовой и конституционной культуры в широком смысле. Теоретические изыскания в части определения содержания и сущности конституционной культуры как самодостаточного явления и понятия в отечественной юридической науке не стали традиционными. Безусловно, отдельные авторы уделяют внимание изучению влияния конституционной культуры на окружающую конституционную действительность, процессы государственного строительства и обеспечения полноценной реализации прав и свобод человека и гражданина. Однако в большинстве случаев конституционная культура рассматривается не как «цель», а как «средство», посредством обращения к которому у исследователя появляется возможность обратить внимание на те или иные конституционные процессы или актуализировать те или иные проблемы конституционного развития.

Отметим, что в отечественном юридическом дискурсе гораздо активнее обсуждается проблематика конституционного правосознания, представленная как на уровне отдельных научных статей (конституционное правосознание рассматривается как ведущая форма правового сознания, показатель развития правовой и демократической культуры российского общества, фактор реализации конституционных идей в России и т. д.[1]), так и на уровне самостоятельных монографических исследований[2].

Имеющиеся монографические исследования, которые формально и номинально заявляются как исследования, посвященные конституционной культуре, не уделяют должного внимания внутренним содержательным характеристикам данной категории и данному явлению конституционно-правовой жизни, а рассматривают соответствующую тематику в максимально широком ключе, анализируя сущность конституционно-правовых процессов, конституционно-правовой политики, конституционализма, вплоть до отождествления конституционной культуры с конституционными системами современности. Одновременно отметим, что отдельные сущностные и содержательные характеристики конституционной культуры так или иначе выделяются пусть и исключительно в функциональном ключе. В частности, отмечается, что конституционная культура «не только предполагает определенный уровень общественного согласия и социальной роли человека, возможность гарантирования упорядоченного развития общественного бытия на

---

[1] Мамитова Н.В. Конституционное правосознание в российском обществе как фактор реализации конституционных идей в России // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 4. С. 11–14; Наквасина Г.А., Хрулева В.В. Конституционное правосознание и правовая культура в механизме правового регулирования // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 3. С. 133–138; Титова Е.В. К вопросу о структуре конституционного правосознания и его особенностях // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 4. С. 118–125; и др.

[2] Никитяева В.В. Конституционное правосознание (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002; Павленко Е.М. Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Баринов Э.Э. Конституционное правосознание в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001; Сисакьян А.К. Философско-правовые аспекты конституционного правосознания: монография. М.: Юрлитинформ, 2011; и др.

основе разумно осмысленных ценностей и принципов, но и способность превратить эту способность в реальность». При этом под элементами конституционной культуры понимаются «разумное осмысление социального общежития, наличие основополагающих ценностей бытия, общественное согласие относительно них, их воспроизводство в образе жизней и образе действий посредством правил и норм общеобязательного поведения, придание им определенно систематизированного правового характера»[1].

В специальном сборнике научных трудов «Конституционная культура: универсальные ценности и национальные особенности»[2] буквально несколько работ косвенно посвящено собственно теории конституционной культуры. Остальные работы посвящены традиционным для обозначенного дискурса темам: соотношение надгосударственных и национальных ценностей, конституционные традиции, конституционная идентичность, конституционализм, конституционная компаративистика и др. Подобный собирательный подход (обходящий теоретико-методологические проблемы явления) нередко используется и в сборниках научных трудов, посвященных правовой культуре, однако в условиях достаточной разработанности самой теории правовой культуры обозначенная проблема не выглядит такой актуальной. Что же касается теории конституционной культуры, то основной вывод сводится к тому, что целостной теории конституционной культуры в России еще не создано, как и не разработана и специальная методология, адекватная объекту исследования[3]. Надо сказать, что тезис о том, что теория конституционной культуры находится в зачаточной стадии, в России стал традиционным для современной отечественной науки[4].

---

[1] Арутюнян Г.Г. Конституционная культура: уроки истории и вызовы времени. Ереван: Нжар, 2016. С. 529, 511.

[2] Алферова Е.В., Андреева Г.Н., Лафитский В.И. и др. Конституционная культура: универсальные ценности и национальные особенности: сб. науч. тр. М., 2011.

[3] Там же. С. 12.

[4] Андреева Г.Н. Значение теории конституционной культуры для России: приглашение к обсуждению // Конституционная культура: универсальные ценности и национальные особенности: сборник научных трудов. М., 2011. С. 11.

В большинстве случаев исследователи ограничиваются заявлением о важности изучения проблем конституционной культуры на современном этапе развития российского общества – «от выбора модели конституционной культуры и ее жизнеспособности сейчас зависит сохранение России как государства и будущее российской государственности», указывают минимальный набор ее содержательных характеристик, например, «конституционная культура – это знание, уважение, соблюдение и защита Конституции РФ, конституций и уставов субъектов РФ. Конституционная культура – это Конституция в действии»[1].

Указание на слабую проработку теории конституционной культуры в широком смысле в отечественной науке не умаляет того факта, что отдельные представители научного сообщества уделяют заявленной проблеме должное внимание и стараются выстроить относительно самостоятельную и отличную от феномена правовой культуры обособленную теоретическую конструкцию. В частности отмечается, что конституционная культура – это системное явление, «обладающее, с одной стороны, ценностно-социальными составляющими, в числе которых – знание и уважение прав человека, исполнение каждым своих обязанностей, а также осознание социальной ответственности перед обществом, а с другой стороны, правовыми составляющими, к которым относятся нормы (в первую очередь нормы Конституции, определяющие основные направления развития правового государства), а также правоотношения между участниками конституционно-правовых отношений». При этом результатом формирования конституционной культуры является конституционное правосознание[2]. По мнению других авторов, сочетание естественно-правового, позитивистского и историко-правового подходов «дает возможность сформировать целостное понимание феномена конституционной культуры, под которой… следует понимать сложившуюся в результате социально-правового развития общества в его культурном контексте когнитивно-аксиологическую систему, выражающую

[1] Мамонов В.В. Конституционная культура – основа Российского государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1/96. С. 56.

[2] Худякова В.П. К вопросу об определении понятия «конституционная культура» // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2019. Т. 19. № 1. С. 114.

качественное состояние правовой реальности общества и отражающую меры реализации конституционных идей, лежащих в основе правового поведения людей»[1]. Одновременно можно встретить указание на то, что конституционная культура – разновидность общей, и, в частности, правовой, культуры[2]. Последний тезис, вне всякого сомнения, вызывает значительное количество возражений.

В целях упорядочения и систематизации сложившихся представлений о конституционной культуре в целом и конституционной культуре правосудия в частности целесообразно на основе междисциплинарного подхода разработать необходимые методологические основания и исследовательские рамки специальной отрасли научного знания – конституционной культурологии. Понятие конституционной культурологии целесообразно рассматривать не как механическое объединение различных отраслей научного знания, а как специальную исследовательскую систему, позволяющую увидеть процессы конституционного развития как общее проявление культуры. При таком подходе культура должна пониматься максимально широко – как система ценностей, норм поведения, национальных традиций, нравственных и этических идеалов, исторической памяти, механизмов передачи опыта, произведений культуры и искусства и др. Такое понимание в той или иной степени соответствует Основам законодательства Российской Федерации о культуре, когда культурная деятельность определяется как деятельность по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей. При таком подходе конституционная культурология может быть определена как междисциплинарное направление научных исследований, изучающее, каким образом конституционные институты, идеи, ценности и даже символы характеризуют культуру общества в целом, находят закрепление в правосознании, воспроизводятся в социальных и конституционно значимых

[1] Каландриашвили З.Н. Конституционная культура: генезис и эволюция: монография / под науч. ред. А.А. Ливеровского. СПб.: Алетейя, 2025. С. 19.

[2] Кряжков В.А. Конституционная культура в зеркале правосудия Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 3.

практиках и влияют на поведение личности, жизнедеятельность публично-властных институтов и необходимое развитие институтов гражданского общества. Конституционная культурология позволит оценивать состояние конституционно-правовых отношений не только на нормативном и институциональном уровнях, но и культурном в его максимально широком понимании.

В заключение отметим следующее. Отечественная юридическая наука достаточно активно оперировала понятием правовой культуры, выработав ряд подходов к пониманию ее сущности. Эти подходы, прежде всего философский, деятельностный и аксиологический, заложили основу для настоящего исследования конституционной культуры правосудия. Необходимость использования философского подхода к пониманию конституционной культуры правосудия предопределена философско-правовыми основаниями современного конституционного мировоззрения, определяющего характер отечественного конституционализма. Философский подход позволяет оперировать такими категориями, как правда, добро, справедливость, честь, достоинство, равенство в их максимально широком, а не только узкоотраслевом значении, которое придается некоторым из них на уровне законодательства. Деятельностный подход позволяет выявить конкретные формы реализации конституционной культуры правосудия в судебной деятельности. Основное назначение конституционной культуры правосудия, в этой связи, состоит в том, чтобы на основе накопленного конституционно-правового опыта и судебной практики создавать реальные предпосылки для развития общества в направлении максимальной реализации его конституционно-правового потенциала. Аксиологический подход позволяет выявить систему конституционно значимых ценностей, которые становятся основой конституционной культуры правосудия.

Для анализа конституционной культуры правосудия важно использовать антропоцентричный подход, который позволяет выстраивать систему причинно-следственных связей в развитии и функционировании судебной системы с учетом комплекса конкретно-исторических, политических, геополитических,

этнополитических, правовых и социально-экономических факторов. В свою очередь, теоцентричный подход позволяет выйти за рамки антропоцентризма и показать связь конституционного мировоззрения и религиозного сознания как элементов духовного мира современного человека, влияющих на восприятие нравственных оснований судебной деятельности.

В системно-интегративном ключе, предполагающем использование в том числе нормативистских подходов, конституционная культура правосудия может быть определена как высшая форма восприятия степени упорядоченности отношений в сфере осуществления правосудия. Ценностно-деятельностный подход к исследованию данного феномена позволяет определить саму культуру как динамический процесс освоения, воспроизводства, сохранения и распространения конституционных идей, принципов, ценностей. В свою очередь, в рамках междисциплинарного подхода актуальным представляется обоснование категории конституционной культурологии, позволяющей характеризовать процесс доктринального обретения судебно-правовой культурой конституционных характеристик.

§ 1.3. Конституционная природа правовой культуры правосудия как особой сферы публичной власти

Оценивая институт судебной власти с точки зрения его функциональных и ценностных характеристик, обратим внимание на его особое место в системе разделения властей (принцип самостоятельности и независимости судебной власти мы более подробно рассмотрим в следующих частях нашего исследования). Достаточная обособленность данного института от иных ветвей публичной власти и особая характеристика его функциональных составляющих дает основание отдельным авторам рассматривать его, в том числе, в качестве «общеправового феномена»[1]. При этом четкого понимания того, что же представляет из себя судебная власть в общетеоретическом плане, ни в

[1] Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен. М.: Юрист, 2007.

отечественном законодательстве, ни в отечественной науке нет. Надо сказать, что такая ситуация, в общетеоретическом плане, стандартна для определения судебной власти вообще и публичной власти в частности, однако в отношении судебной власти данный вопрос имеет особое значение.

Обращаясь к феномену власти как общетеоретической категории, отметим, что нормативных и теоретических положений, которые могли бы претендовать на базовые, современная отечественная юриспруденция пока еще не предложила. В рамках гуманитарных наук сформировалось достаточно большое количество различных подходов к пониманию власти: поведенческий, когда под властью понимается доминирующая черта человеческой психики; структурно-организационный, когда власть производна от объективной необходимости в иерархической структуре и системе подчинения одних индивидуумов другим, как необходимой составляющей человеческого социума; элитарный, когда власть предполагает деление социума на элиты и всех остальных; классовый (марксистский), когда власть происходит из необходимости господства одного класса над другим и т. д.

Рассматривая концептуальный аспект понимания судебной власти, который имеет определяющее значение в том числе для судебной власти, обратим внимание на традиционный вопрос о понимании власти и свободы. Традиционным считается мнение, что государство невозможно без власти, а власть всегда предполагает специальные механизмы принуждения и систему ограничений личной свободы граждан. При этом власть и принуждение нередко рассматриваются как своеобразный временный переходный этап в развитии человеческой цивилизации, как «неизбежное зло», без которого современный человек в силу неразвитости правовой культуры и правового сознания все еще не может обойтись. В свою очередь, свобода противопоставляется власти и рассматривается в иногда идеализированном ключе как единственно возможное естественное состояние личности, а достижение полной свободы будет возможным в момент отмирания всех государственно-властных институтов по причине их ненадобности. Сегодня, в условиях, когда необходимость в

национальных государствах все еще сохраняется, свобода и ее идеалы выступают не только фактором, сдерживающим репрессивный уклон в деятельности государственно-властной машины, но и показателем цивилизованности и развитости общества и государства.

Теоретические исследования, посвященные изучению зависимости между двумя феноменами – власть и свобода, наглядно демонстрируют, что не во всех случаях власть необходимо рассматривать как фактор угнетения, принуждения, источник страданий, ограничений, ущемлений и др. Современная наука давно исследовала обратный аспект данной проблемы – заинтересованность людей во власти, стремление находиться под властью, понимание и осознание необходимости власти и органов, ее олицетворяющих. Сегодня власть может рассматриваться как необходимое условие консолидации интересов общества. Как отмечают исследователи, «подчинение власти – это сила „нравственного тяготения“, потребность воздействия одной личности на другую»[1].

В философском аспекте даже сам факт стремления человеческой личности к свободе может рассматриваться не только как процесс положительный. Стремление к свободе может породить отсутствие моральных обязательств перед другими людьми, нежелание соответствовать традиционным правилам коммуникации, презрение к правам других лиц и их интересам, ощущение безнаказанности, вседозволенности др. С другой стороны, желание «починяться» можно рассматривать не как изъян человеческой личности, или слабость конкретного индивида, но и как следование таким ориентирам, как мораль, нравственность, духовность, желание добра своей социальной группе, без которых невозможно нормальное развитие и функционирование общественного организма.

Стремление человека к свободе не всегда благо, как и стремление к подчинению – не есть абсолютное зло. Свобода, которая по формальным характеристикам представляется как наивысшее благо для человека, его

[1] Юрченко М. Власть и свобода: антитезы либерализму и марксизму // Власть. 2010. № 1. С. 57.

идеальное и естественное состояние, на деле может означать общественную пассивность и невовлеченность индивида в процессы общественного взаимодействия. При этом нельзя забывать, что все общественное бытие неразрывно связано с отношениями власти и подчинения. Именно на такой основе строится современное общество. В современном мире власть является не только порождением человеческого сознания, но и реальной необходимостью, характеризующей традиционный и естественный порядок вещей. С морально-нравственных позиций сам факт наличия власти не может быть ни положительной, ни отрицательной характеристикой человеческого социума. Прилагающийся к власти механизм государственного принуждения также не может рассматриваться, однозначно, как зло или благо. Принуждение не может осуществляться ради самого принуждения. Ни один политический режим современности, претендующий на цивилизованность, не может опираться исключительно на репрессии. Власть во всех случаях должна быть социально обусловлена и по возможности опираться на значительную поддержку населения.

Легитимность власти – одна из важнейших и необходимых ее характеристик. В нашем случае легитимность судебной власти – один из важнейших показателей доверия граждан к государству и его правоохранительному аппарату. И если легальность власти означает соблюдение ее носителями официальных и формально определенных процедур, касающихся обладания ею, то легитимность затрагивает совершенно иные пласты человеческого и общественного сознания. Именно моральное одобрение и принятие личностью власти выступает главным условием ее легитимности. В христианской религиозной традиции путь к свободе лежит через любовь к создателю. Аналогичное заключение, с соблюдением некоторого ряда условностей, можно сделать и относительно публичной власти и, в частности, судебной власти. Истинная свобода приходит через принятие власти, одобрение ее деятельности и готовность участвовать в процессах государственного строительства.

Достигнутый уровень человеческой свободы, без сомнения, будет выступать одной из важнейших характеристик любого государства и эффективности его властных институтов. Вспомним также, что достигнутый уровень свободы в государстве характеризует уровень правой культуры и правового сознания индивида. Современная наука давно отошла от буквального позитивистко-нормативисткого понимания права и его производных. Достигнутая в обществе саморегуляция, не нуждающаяся в постоянном надзоре и контроле со стороны государства, – это важнейший показатель соответствующего уровня правовой и конституционной культуры, достижение которого также невозможно без помощи со стороны государства. Тем не менее власть и свобода все еще воспринимаются в современном дискурсе как феномены, противостоящие друг другу.

В современном отечественном юридическом дискурсе присутствует несколько подходов к определению власти: власть как функциональная характеристика любого человеческого сообщества; власть как система взаимоотношений между властными и подвластными субъектами; власть как возможность навязывать свою волю другим индивидам; власть как сила, способная принудительно подчинять волю отдельного человека и группы людей.

Главное в предлагаемых формулировках власти то, что в целом они отвечают ее основным признакам – возможностям (объективно обусловленным и неизбежным) подчинять и подчиняться. В свою очередь, подчинение происходит путем ограничения свободы индивида, а в ее юридическом преломлении – ограничении его субъективных прав и свобод. При этом само осуществление власти может происходить разными способами, но наиболее действенным из них все же выступает принуждение. Принуждение может происходить по разным направлениям, и не во всех случаях это обязательно будет буквальное использование всех возможностей государственного репрессивного аппарата. Однако в любом случае человек будет поставлен в ситуацию, когда легче согласиться с утратой части своей свободы и автономии, чем войти в конфликт с публичной властью.

Как правило, возможности власти ограничены теми или иными факторами и обстоятельствами. Иногда это естественные пределы, иногда – соответствующие ограничения выстраиваются самой властью. В этом заключается определенный механизм самосохранения власти – пойти на самоограничения, чтобы не лишиться главного. В современном государстве это может быть реализовано путем учреждения специального механизма разделения властей. Распределение полномочий, как и элементы взаимного контроля внутри публичной власти, помогают сделать власть более восприимчивой к внутренним вызовам и обеспечить дополнительные гарантии своего существования. Кроме того, официально учрежденный «внутренний аудит» позволяет власти хотя бы формально быть более открытой для населения и, следовательно, пользоваться дополнительной легитимностью. Однако история Российского государства знала примеры так называемой абсолютной власти, легитимность которой также была на достаточно высоком уровне. В этой связи отметим, что не во всех случаях легитимность власти производна от ряда традиционных требований к последней. В отдельных случаях можно вести речь о так называемой «легитимности по умолчанию», в основе которой лежит особый правовой и политический менталитет, особенности национального правого сознания и мировоззрения.

Отметим, что в общетеоретическом и философском смысле власть может быть абсолютной только при условии полного подчинения личности. Речь в данном случае идет и о психологическом подчинении, когда человек, подчиняясь чужой власти, будет выполнять действия, которые могут принести ощутимый и осознаваемый вред самому человеку, его близким, представителям его социума и т. д. В данной ситуации человек, по сути, является зависимым и психологически подавленным. Что же касается юриспруденции и политологии, то в их представлении абсолютная власть – это власть никак не ограниченная ни внешними, ни внутренними сдерживающими факторами. Не отрицая того обстоятельства, что в основе абсолютной власти будет превалировать аппарат принуждения, легитимность ее может быть, как мы уже сказали, достаточно высокой. В отдельных случаях само осознание личностью того факта, что над

ним стоит жесткая централизованная и ничем не ограниченная власть, как это ни парадоксально, выступает условием ее дополнительной легитимности. Так называемая и уже ставшая привычной для отечественного политико-правового дискурса «тоска по сильной власти» и желание перенести всю полноту ответственности за управление государством и обществом на одного конкретного человека, перманентно выступают отличительной чертой современного правового мировоззрения россиян. Насколько эту схему можно признать «рабочей» – как правило, показывает время.

Если в основе функционирования власти лежит сложная и многоступенчатая система ограничений членов социума, то в основе свободы находится возможность выбора различных вариантов поведения, как и отказ от такого выбора. В соответствии с христианской традицией истинная свобода обретается через любовь и самоограничение. Однако функционирование современных институтов публичной власти не может опираться исключительно на свободную волю членов социума. Особенности правовой регламентации всей системы общественных отношений в государстве предполагают более формальный, прагматичный подход к проблеме как обеспечения, так и ограничения свободы личности. В этой связи представляют интерес формальные характеристики свободы в государстве.

Свобода предполагает наличие так называемых «поведенческих альтернатив». Как мы уже отметили, одним из способов проявления свободы может быть и соответствующий отказ от выбора. Речь идет о внутренней готовности индивида воспользоваться своим «правом на свободу». В этой связи актуально обращение к феномену «внутренней свободы». Внутренняя свобода – это психологическая характеристика личности. Отсутствие или наличие у индивида внутренней свободы может быть следствием ряда обстоятельств. Как правило, в основе данной характеристики человеческой личности лежит целый ряд факторов социокультурного характера: воспитание в семье, исповедуемая религия, традиции и обычаи определенной этнической группы. На формирование внутренней свободы значительное влияние оказывают

актуальная политическая и геополитическая ситуация, история политического развития государственности в целом, система правового воспитания и образования. В том числе и в руках самой власти – возможность развивать или не развивать в личности феномен внутренней свободы. Идеологическая и воспитательная функция государства в этой связи выступает, зачастую, одним из важнейших факторов в данном процессе.

В контексте заявленной проблемы наибольший интерес, безусловно, представляет судебная власть в тесной взаимосвязи ее соотношения с индивидуальной свободой. Отметим, что на почве столкновения интересов личности и интересов публичной власти происходит один из главных конфликтов в конституционном праве – конфликт частных и публичных интересов. В частности, деятельность Конституционного Суда РФ в большей степени направлена именно на ликвидацию и предупреждение соответствующих конфликтов. Обращаясь к актуальным полномочиям Конституционного Суда РФ, напомним, что изначально граждане могли жаловаться в Конституционный Суд РФ на закон, подлежащий применению в конкретном деле, затем – на закон, примененный в конкретном деле, а в соответствии с последними изменениями (по итогам конституционной реформы 2020 года) – на закон, примененный в конкретном деле, при условии использования всех иных средств внутригосударственной защиты. При этом количество жалоб от граждан, как показывает практика деятельности Конституционного Суда РФ, практически не сократилось. В таком контексте прослеживается центральная линия взаимоотношений власти (судебной власти) и личности – в подавляющем большинстве случаев именно власть выступает источником самоограничения в отношениях с гражданами, олицетворяя, в том числе, механизм защиты от себя самой.

Одной из базовых характеристик современной российской конституционной культуры правосудия выступает идея «достоинства личности». Как отмечает Н.С Бондарь, «формально-юридические свойства данной категории, получающие реализацию в российской социокультурной

среде, тесно связаны с нравственно-этическими началами, с глубокими национальными традициями, связанными с верой в добро и справедливость (преамбула Конституции РФ), что также существенным образом усиливает ценностные характеристики конституционной категории достоинства человека». При этом «высокой концентрацией ценностных – нормативно-правовых, нравственно-этических, национально-конфессиональных и т. п. – начал конституционной категории достоинства человека предопределяются особые, повышенные требования к нормативно-интерпретационному уяснению их смысла на основе оценки соответствующих конституционных положений в системном единстве с нормами отраслевого законодательства, что является, в свою очередь, важным условием их последовательной реализации в единстве буквы и духа Конституции»[1].

В современной науке категории «достоинство» и «человеческое достоинство» выступают часто упоминаемыми и дискуссионными. Идея человеческого достоинства вполне применима в различных областях человеческой жизнедеятельности, как и в отдельных сферах правового регулирования. Развиваясь преимущественно в философском ключе на первых этапах своего развития, идея человеческого достоинства на сегодняшний день трансформировалась в один из важнейших принципов современного отечественного конституционализма. Нельзя также не отметить, что в своем формально-юридическом воплощении термины «достоинство человеческой личности» и «человеческое достоинство» относятся к тем правовым категориям, которые не имеют четкого юридического наполнения, несмотря на их закрепление как на международном уровне, так и на уровне внутригосударственного законодательства. В этой связи на первый план зачастую выходит не точное нормативное правое уяснение смысла категории, а адекватное проблеме рассмотрение сложной системы взаимных связей с

[1] Бондарь Н.С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.

другими юридическими и социокультурными феноменами. Даже в отсутствии точного понимания сущности данной категории, с достаточной степенью уверенности всегда можно утверждать, нанесен ли вред человеческому достоинству или нет, так как в основе человеческого достоинства лежит сложная система социокультурных факторов, распознаваемых индивидом на уровне подсознания и имманентно присущих каждому человеку. Идея человеческого достоинства неразрывно связана с самой идеей человеческой личности в ее широком культурно-философском понимании. При таком подходе в отсутствии достоинства говорить о существовании личности не приходится. Охрана личности (не в значении физического лица) и охрана достоинства могут выступать и синонимами.

Как отмечают исследователи, уважение достоинства личности может рассматриваться с нескольких сторон: 1) почитание человеческих качеств и достоинства в частности; 2) почтительное отношение к личности, ее правам, учет особенностей ее правового положения и индивидуального статуса; 3) признание достоинства в качестве неотъемлемой ценности человеческой личности; 4) учет кантианского предписания рассматривать каждого человека как цель, а не как средство (с позиций идеала), следовательно, в правовом смысле не должны быть оправданы посягательства на достоинство или его умаление в целях реализации необоснованной и неправомерной государственной воли, а также государственных интересов, не согласованных с правами и интересами личности. В свою очередь, конституционализация достоинства личности определяет параметры воздействия на иные отрасли права, необходимость соблюдения конституционных гарантий охраны достоинства личности в иных отраслях права[1].

В компаративном конституционном анализе признаются три концепции о природе и роли достоинства: концепция достоинства как высшей

[1] Кравец И.А. Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 116.

конституционной ценности, а именно ценности человечества и человеческой жизни; концепция достоинства как главного личного права предполагает акцентирование внимания на связь человеческого достоинства с правами и свободами как субъективными притязаниями; концепция достоинства как важного элемента конституционно-правового статуса личности. В свою очередь, в российской конституционной юриспруденции пока не преобладает какая-либо концепция достоинства личности, скорее «наблюдается поиск баланса между ними и их применимости в ходе осуществления конституционного правосудия и законотворческой деятельности», а конституционно-аргументационный характер использования категории «достоинство личности» в деятельности органов конституционного правосудия подготавливает почву для ее предстоящих изменений и трансформаций в правовой системе[1].

Не вызывает сомнения, что идея достоинства личности не может быть осмыслена вне рамок социальных взаимодействий людей, представлений о пределах свободы, о долге, об обязанностях перед государством и обществом и др[2]. Особое внимание в этой связи следует обратить на национальную обусловленность данной категории. В частности, именно в отечественной правовой традиции категория достоинство может рассматриваться не только через призму индивидуалистических, но и коллективистских начал. В этой связи часто подчеркивается противоречивость и фрагментарность западноевропейского подхода к пониманию рассматриваемой категории, тогда как достоинство личности определяет не только права индивида, но и его обязанности по отношению к обществу и государству[3]. Не случайно в ходе

---

[1] Кравец И.А. Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 124–125.

[2] Добрынин Н.М. Конституционные поправки 2020 года: к вопросу о действительном авторитете и независимости судебной власти как ключевых гарантиях этико-правового обеспечения достоинства личности в России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 5. С. 21–29.

[3] Джагарян А. Достоинство личности как глобальная ценность в русской конституционной среде: взаимные права, обязанности и ответственность человека, народа, государства // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4 (61).

конституционной реформы 2020 года гарантии защиты достоинства личности были упомянуты еще раз (ст. 75.1 Конституции РФ), однако сделано это было в контексте упоминания взаимного доверия государства и общества, уважения человека труда, сбалансированности прав и обязанностей гражданина, социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности.

Обратим внимание и на тот факт, что отсутствие универсального определения категории «достоинство личности» не является «минусом», а наоборот – позволяет выступать ценностным ориентиром для всей правовой системы, т. е. данная неопределенность играет положительную роль для конкретных правоотношений. Именно за счет «гибкости» конституционной нормы о достоинстве личности у правоприменителя имеется возможность использовать это понятие для характеристики широкого круга правоотношений[1]. Конституционализация категории «достоинство» предполагает его воплощение в идее «достойной жизни», в том числе как важнейшей характеристике социального государства[2].

Собственно, на данное понимание проблемы буквально обращает внимание и сам Конституционный Суд РФ, подчеркивая, что сочетание принципа уважения достоинства с другими конституционными принципами позволяет выявлять и в последующем применять в конституционно-контрольной практике конструкции, имплицитно присутствующие в тексте Основного Закона. Так, например, «сочетание принципа уважения достоинства с другими конституционными принципами позволяет выявлять и в последующем

[1] Кротов В.В. Достоинство личности в фокусе современной доктрины и практики // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 124–135.

[2] Бондарь Н.С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.

применять в конституционно-контрольной практике конструкции, имплицитно присутствующие в тексте Основного Закона»[1].

В тесной взаимозависимости с достоинством личности находятся идеи равенства и справедливости, «которые, обладая самостоятельным нормативным содержанием, одновременно воплощают в себе высокий удельный вес универсальных требований человеческого социума. В конечном итоге, «достоинство личности выступает: во-первых, необходимым и неотъемлемым атрибутивным свойством человека как биосоциального существа, конституирующим его в качестве полноправного и равноправного субъекта социальной жизнедеятельности; во-вторых, как мера самооценки человека в рамках взаимоотношений с обществом и государством, которая лежит в основе притязаний личности к обществу и государству по поводу пользования теми благами, которые как раз и определяют ее достойное существование»[2].

В современной науке отмечается тесная взаимосвязь социальной государственности, заявленной по итогам конституционной реформы как одного из главных ориентиров государственного развития России, и «триединства достоинства человеческой личности, равенства и справедливости». По мнению А.А. Джагарян, «именно в них коренится фундаментальная нравственно-юридическая основа правового строя социального государства, его высшие цели, задачи, принципы, предметно-функциональное содержание»[3]. При этом идея равенства с точки зрения общественного сознания выступает идеей крайне сложно реализуемой.

Важно помнить, что конституционный принцип равенства в правовом пространстве современной России, в том числе, означает равенство в

---

[1] Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Бондарь Н.С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.

[3] Джагарян А.А. Достоинство личности, равенство и справедливость как сущностные характеристики социальной государственности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 8. С. 41–50.

правоприменении. При этом практика показывает, что юридическое равенство не отрицает социального неравенства. Традиционно речь следует вести о формальном равенстве, то есть равенстве правовых возможностей, равенстве в законопослушании, равенстве перед законом и судом. Тогда как объективно сложившегося экономического неравенства, как и возрастного, физиологического, никто не отменял. С другой стороны, отдельные социальные характеристики человеческой личности могут быть учтены при реализации формального принципа равенства перед законом и судом[1]. Н.С. Бондарь в этой связи справедливо указывает на тот факт, что «проблема обеспечения равенства имеет универсальный, всеобщий, всеобъемлющий характер как для национальных правовых систем, так и для современного международного права, наднациональных юрисдикционных систем при всей сложности их современного состояния и развития. Очевидным является и тот факт, что соответствующие задачи, пути их решения должны оцениваться и соотноситься с глобальными процессами углубляющегося неравенства; дефицит равенства становится в нынешних условиях показателем глобального кризиса современного конституционализма»[2].

Идеи достоинства, равенства и справедливости лежат в основе отечественной конституционной культуры правосудия, одновременно выступая и как правовой, и как морально-нравственный ориентир развития общества и государства. Национальная обусловленность данных феноменов выступает необходимым условием легитимности политической организации государства и его правовой системы. Идея триединства справедливости, равенства и достоинства основывается не на субъективных представлениях различных индивидов о субъективных правах и притязаниях, а на идее всеобщего блага для всех и каждого, как ценности вышестоящего порядка.

---

[1] Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. С. 144.

[2] Бондарь Н.С. Равенство в этико-правовом измерении человека как юридической личности (от равенства перед Богом – к конституционному равенству) // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 4. С. 7.

Тот факт, что на уровне юриспруденции судебная власть не получила своей четкой формулировки, создает определенные теоретические сложности в практико-ориентированном познании данного феномена. В этой связи напомним, что в Конституции РФ судебная власть определяется через виды судопроизводств (ч. 2 ст. 118), а судебная система определяется через органы, входящие в ее состав (ч. 3 ст. 118). Одновременно в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» судебная власть раскрывается как через органы, ее осуществляющие, так и через виды судопроизводств, что, в конечном итоге, и дает выступать с аналогичных подходов представителям юридической науки. По причине традиционно двоякого определения судебной власти часть авторов говорит о возможности двух ее определений – и как совокупности судов, и как деятельности судов и результатах их деятельности[1].

Интересным представляется определение судебной власти через «социально-правовое явление», берущее начало в общетеоретических науках. Данное социально-правовое явление выражается в «государственно-властных взаимоотношениях между судом и субъектами, вовлеченными для защиты своих прав, свобод и законных интересов или публичных интересов в разрешение правового вопроса, спора или конфликта, а также во взаимоотношениях внутри судебной системы, обеспечивающих функционирование суда как единственного носителя судебной власти, и во взаимоотношениях с законодательной и исполнительной ветвями власти, позволяющих судебной власти проявиться как независимой и самостоятельной ветви государственной власти, оставаясь при этом частью всей системы государственной власти»[2]. Обратим внимание на тот факт, что, во-первых, перечисляются все возможные функциональные характеристики судебной власти, а, во-вторых, – вопрос о необходимости

[1] Воскобитова Л.А. Сущностные характеристики судебной власти. Ставрополь, 2003. С. 67.

[2] Рябинина Т.К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2021. С. 12.

взаимодействия между ветвями власти все чаще и чаще обсуждается в последнее время в юридической науке и, как правило, решается в пользу последнего. Также дискуссионным является вопрос: следует ли ассоциировать судебную власть с деятельностью той части аппарата судов, которая занята на административной работе.

Глава 7 Конституции целиком посвящена судебной власти, правда включает статью о прокуратуре, по причине чего данная глава стала единственной, название которой впоследствии было изменено. Этот феномен, даже несмотря на его спорную актуальность в практическом смысле, представляет несомненный теоретический интерес. Отвечая на вопрос, почему в изначальный вариант Конституции закралась такая спорная дифиниция и почему вообще положения о прокуратуре были расположены в главе о судебной власти, можно предположить, что дело в отечественной правовой традиции. Напомним, что советские конституции не закрепляли принцип разделения властей. Безусловно, функционально различные органы обладали своими специфическими полномочиями, которые можно разделить в соответствии с современной традицией на «ветви власти», однако еще раз подчеркнем, сам принцип разделения властей официально не провозглашался. В тексте советских конституций положения о прокуратуре всегда соседствовали в разделах (главах) с положениями о судебной системе. Возможно, именно поэтому в Конституции РФ 1993 года положения о прокуратуре не только расположились в главе о судебной власти (как «дань традиции»), но и какое-либо упоминание о прокуратуре в названии главы отсутствовало. Как мы знаем, в 2014 году данная «ситуация» была исправлена путем изменения названия главы[1], одновременно не сняв все возможные дискуссионные вопросы о правильности именно такого решения.

[1] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 548.

Возвращаясь к вышеупомянутой главе, отметим, что она закрепляет виды судопроизводств, которыми осуществляется судебная власть – конституционное, гражданское, арбитражное, административное и уголовное, а также конкретные виды судов, которые ее осуществляют – Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов Российской Федерации. Последнее уточнение появилось по итогам конституционной реформы 2020 года. Таким образом, из перечня соответствующих судов были «изъяты» конституционные (уставные) суды субъектов, возможность создания которых предусматривалась ст. 27 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[1], уже утратившей свою актуальность (на этой проблеме мы еще остановимся достаточно подробно).

Надо сказать, что проблема судоустройства имеет важное конституционно-правовое значение. В системе судебной юриспруденции судоустройство не может рассматриваться исключительно как техническая составляющая, характеризующая организацию органов правосудия. Речь должна идти об относительно самостоятельной и конституционно значимой сфере правового регулирования, объединяющей непосредственно устройство судебной системы, формы судопроизводства и морально-нравственные, этические характеристики осуществления судебной власти в целом. В свою очередь, закрепление форм судопроизводства составляет конституционно значимую основу предназначения системы правосудия, рамки реализации его основных функций. В этой связи судоустройственные отношения должны рассматриваться в качестве особых судебно-властных, или «юстициарных», отношений[2]. Такой

---

[1] Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

[2] Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики: монография / отв. ред. Н.С. Бондарь. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма: ИНФРА-М., 2024. С. 135–146.

подход позволяет увидеть в последних не только функционально-организационный, но и содержательный конституционно-правовой смысл.

Отличительный признак данной сферы отношений состоит в самой конституционной природе правосудия. Правосудие в конституционном смысле – не просто способ разрешения споров, а особая область общественных отношений, в которой реализуется защита таких определяющих для правовой системы ценностей, как права и свободы, достоинство личности и публичный правопорядок. Судебная система при таком подходе олицетворяет не внешний контроль над правом, а его реальное и непосредственное действие. Посредством правосудия конституционные идеалы получают не декларативное, а практическое выражение, характеризуя центральный элемент конституционно-правового регулирования, основанного на властеотношениях. Современное развитие законодательства о судоустройстве не может ограничиваться исключительно организационно-правовым подходом. Объектом анализа должна выступать сама природа юстициарных отношений, в значении судебно-властных, но характеризующихся известной степенью независимости и самостоятельности. Конституционно-правовая природа данной сферы отношений предполагает единство формально-организационной стороны функционирования судебной власти, ее процессуальной формы и базовых принципов, заложенных в Конституции РФ. Различие в видах судопроизводства, их дифференциация, не должны нарушать общих конституционных требований к осуществлению правосудия.

В заключение отметим следующее. В основе сущностных характеристик правовой культуры правосудия лежат материальные предпосылки, отражающие специфику судебно-властных отношений. Эти отношения, являясь разновидностью отношений властвования как предмета конституционного права, включают судоустройство и судопроизводство. Именно конституционно-правовая природа судебно-властных отношений предопределяет специфику методов правового воздействия и процессуально-правовые механизмы правосудия как публично-властной деятельности. Одновременно

конституционная природа правовой культуры правосудия имеет формально-юридическую основу: ключевые элементы организации и функционирования судебной власти, гарантии справедливого осуществления правосудия закреплены непосредственно в Конституции РФ.

Правосудие, рассматриваемое через призму Конституции, является не только механизмом разрешения юридических споров, но и уникальной формой выражения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в том числе равенства, справедливости, достоинства личности и верховенства права. Эти конституционные ценности, выполняя аксиологическую, гносеологическую и онтологическую функции, становятся необходимым условием формирования правовой культуры правосудия и задают смысловые рамки интерпретации и применения норм отраслевого законодательства. Такое понимание обусловливает необходимость перехода от формально-догматического к институционально-функциональному и ценностному анализу правовой культуры правосудия.

Исследование правовой культуры правосудия имеет фундаментальное значение для конституционно-правовой науки, поскольку позволяет выявить глубинные зависимости между юридической формой, ценностным содержанием Конституции РФ и реалиями правоприменительной деятельности. Правовая культура правосудия выступает механизмом согласования юридической формы требований Конституции РФ и нравственно-этических ценностей общества, в связи с чем и сама Конституция выступает не только источником нормативных предписаний, но и мировоззренческой, политико-правовой основой для поиска общественного согласия, баланса интересов и разрешения конфликтов.

§ 1.4. Судебная практика, ее единообразие как интегральная основа реализации ценностей национальной культуры правосудия

Судебная практика, выступая одной из важных сфер реализации конституционной культуры правосудия, оказывает значительное влияние на формирование отечественного правового пространства. Вопросы, связанные с

судебной практикой и ее единообразием, как правило, тесно сопряжены с проблемой правотворческой функции судебных органов. Вопрос о месте судебной практики в правовой системе актуализировался в отечественной правовой науке достаточно давно. Надо сказать, что идеи судебного правотворчества в целом были достаточно популярны в отечественной дореволюционной науке. Соответствующей проблематике посвящены труды таких известных дореволюционных правоведов, как Л.И. Петражицкий[1], Е.В. Васьковский[2], Н.М. Коркунов и др. В частности, Н.М. Коркунов, отмечая зависимость системы права от судебной практики, обозначая основные отличия судебной практики от правового обычая и указывая на то, что судебная практика производна именно от деятельности государственных органов, а не, например, общественных институтов, предлагал рассматривать последнюю как «полноценный источник права»[3]. При этом уже в дореволюционной науке отношение к судебной практике как источнику права выстраивалось исходя из понимания того, что не вся судебная практика, а только та, которая порождает новые правовые смыслы и позитивно влияет на правовую систему и систему законодательства, может выступать в качестве источника права: «Источником объективного права, отличным от закона и обычая, служит только однородная судебная практика, а не судебное решение, взятое в отдельности»[4].

Надо сказать, что само по себе исследование вопросов судебной практики в трудах дореволюционных ученых России сформировало отдельное направление современных исследований. А. Ю. Калинин отмечает, что в трудах дореволюционных ученых судебная практика рассматривалась как значимый функциональный элемент правовой системы, оказывающий значительное регулирующее воздействие на общественные отношения, в том числе

---

[1] Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / проф. Л.И. Петражицкий. Т. 1. СПб.: Тип. СПб. акц. о-ва «Слово», 1907.

[2] Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов. М.: Изд. бр. Башмаковых, Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1913.

[3] Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 42, 169, 175, 181–183.

[4] Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 350.

преодоление пробелов в законодательстве, обеспечивающий устойчивость всей системы правосудия[1]. Л.А. Курилова показывает, что в дореволюционной науке отсутствовали единообразные подходы к судебной практике, что проявлялось в неоднозначности понимания ее места и роли среди иных источников права. Одновременно, после судебной реформы XIX века, усилилось признание правотворческого значения судебной деятельности, в контексте необходимости восполнения пробелов в существующем законодательстве. При этом на доктринальном уровне понимание важной роли судебной практики традиционно сочеталось с опасениями по поводу злоупотреблением судейским усмотрением[2]. С.В. Липень обращает внимание на то, что вопросы необходимости ликвидации пробелов в праве в дореволюционной науке прошли путь от проблем толкования законов до выработки доктринальных подходов к пониманию значения судебной практики, как в рамках юридического позитивизма, ограничивающим правотворческую инициативу судебных органов, так и в рамках непозитивистских направлений, рассматривающих восполнение пробелов в праве как объективно необходимую судебную правотворческую функцию. При этом имеющая место конкуренция различных правовых школ сформировала различные доктринальные подходы к допустимости и целесообразности использования института судебного усмотрения в процессе устранения пробелов в праве[3].

М.С. Чунина показывает, что формирование представлений о судебном нормотворчестве в России следует анализировать в контексте имевшей место трансформации судебной системы второй половины XIX века. Судебная практика рассматривалась как необходимый правовой механизм, выполняющий вспомогательную регулирующую функцию, обусловленный недостатками

---

[1] Калинин А.Ю. Судебный прецедент как источник права в дореволюционной России // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2005. № 2. С. 55–64.

[2] Курилова Л. А. Развитие идей о роли и значении судебных актов в правовой системе России // Бизнес в законе. 2008. № 3. С. 211-212.

[3] Липень С.В. Идеи установления и преодоления пробелов в праве в отечественной юридической науке второй половины XIX – начала XX вв. // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 3. С. 190–197.

законодательства, а разъяснения высших судебных инстанций, как и отдельные судебные решения, обладали нормативным содержанием, обеспечивающим, единообразие правоприменения. В свою очередь, правотворческие направления в деятельности судебных органов объяснялись несовершенством законодательства и объективной динамикой развития общественных отношений[1].

Молодая советская наука также достаточно активно обсуждала проблему судебной практики как источника права, пусть и с формально-юридических позиций в качестве такого судебная практика не рассматривалась. В частности, уже в 20-х годах прошлого века обращалось внимание на разъяснения норм законодательства, даваемые Пленум Верховного Суда РСФСР, которые были обязательными для исполнения всеми судами на территории РСФСР[2]. Данная позиция была предрешена неразвитостью системы отечественного законодательства, а в условиях многочисленных пробелов в законодательном регулировании пренебрегать правовыми позициями высшего суда (на территории Республики) было крайне нецелесообразно.

Характеризуя истоки данной ситуации, также можно отметить, что молодое Советское государство, еще не успевшее должным образом оформить законодательные ориентиры будущей правоприменительной деятельности, обязывало представителей судейского корпуса опираться, в том числе, на сформировавшиеся представления о социалистической законности, основанные на собственном правосознании советских судей, т. е. молодая судебная система Советского государства, по сути, начинала с ограниченной идеологическими рамками и установками свободы судебного правотворчества. В подобных условиях актуализировался вопрос о правоустановительной роли судебной практики в правовой системе. Ст. 36 Декрета ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде»

---

[1] Чунина М.С. Судебное нормотворчество в дореволюционной России: дискуссионные аспекты // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 2 (50). С. 62–70.

[2] Стучка П. Учение о Советском государстве и его Конституции СССР и РСФСР. 6-е изд., перераб. М.; Л.: Государственное изд-во, 1929. С. 247.

предписывала судам, не ограничиваясь формальным законом, всегда руководствоваться соображениями справедливости[1]. Принципиально новая с идеологической, политической и социальной сторон организация общества и государства закономерно потребовала от правоприменителей реализации в том числе правотворческих полномочий, которые по истечении времени сосредоточились преимущественно в деятельности Верховного Суда РСФСР. Однако по мере формирования социалистической правовой системы и все большем преобладании в советской юриспруденции нормативистских представлений о сущности и идее права теоретические изыскания в контексте решения вопроса о правотворческой природе судебной практики стали менее актуальны.

В 1966 году в юридический оборот советской науки была «официально» введена категория «правоположения», т. е. «общие положения, сложившиеся в процессе неоднократного применения судебными органами правовых норм по аналогичным делам, связанные с конкретизацией в рамках закона правовой нормы»[2]. В.В. Лазарев (один из самых активных защитников идеи правоположений в советской науке) рассматривал правоположения как вырабатываемые в процессе правоприменительной деятельности обобщенные правовые предписания, развивающие и продолжающие волю законодателя, выступающие оригинальным правовым инструментом воздействия на общественные отношения[3].

В целом в советской юридической науке сложилось понимание судебной практики как деятельности (по применению законов), так и результата такой деятельности. Судебная практика признавалась необходимым условием укрепления законности и совершенствования законодательства[4]. Судебной

---

[1] Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

[2] Венгеров А.Б. Роль судебной практики в развитии советского права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М.,1966. С. 5–11.

[3] Лазарев В.В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Правоведение. 1976. № 6. С. 7–15.

[4] Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С.Н. Братуся. М.: Юрид. лит., 1975.

практикой предлагалось считать не все решения по делу, не комплекс таких решений и даже не решения судов высших инстанций, а такие судебные решения, которые служат идее единообразия судебной практики и привносят новое юридическое знание. В данном случае необходимо разделять понятие судебной практики как результат деятельности судебных органов, требующий соответствия условию единообразия, и судебную практику как конечный результат реализации идеи единообразия.

Надо сказать, что похожей точки зрения придерживаются и представители отечественной юридической науки, выделяя в качестве нетипичных источников права правоположения юридической, прежде всего судебной, практики, имеющие субсидиарный характер применения при разрешении конкретных правовых ситуаций[1]. Аннулируя место судебной практики в системе нетипичных источников правоприменения, профессор Н.С. Бондарь отмечает, что к нетипичным источникам следует относить не судебную практику в целом, а только ту, которая служит обеспечению задач единообразия правоприменения[2]. Одновременно автор справедливо обращает внимание на нетождественность понятий «нетипичные источники права» и «нетипичные источники судебного правоприменения», так как к последним относятся не только акты судебного правотворчества, но и такие «метаправовые» источники правоприменительной деятельности, как конституционные ценности, принципы и др.[3]

Проблема судебной практики как «источника права» и проблема единства (единообразия) судебной практики – вопросы близкие, но не идентичные. Еще раз подчеркнем, что проблема единообразия судебной практики занимает относительно самостоятельное место в отечественной юридической науке. Не вызывает сомнения, что исследование вопросов реализации единства судебной

---

[1] Пресняков М.В. Виды источников конституционного права: типичные и нетипичные формы права // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 11–15.

[2] Бондарь Н.С. Нетипичные источники судебного правоприменения: конституционные механизмы формирования и реализации // Журнал российского права. 2024. № 2. С. 5–27.

[3] Бондарь Н.С., Берлявский Л.Г. От «живой конституции» к судебному конституционализму: сравнительно-правовой концепт России и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 4. С. 46–59.

практики актуально для современного российского правосудия. Рассматривается данная проблема применительно, в том числе, к деятельности высших судов, и уже в этом контексте выступает некоторым парафразом проблемы судебной практики как «источника права».

Анализируя единство судебной практики через призму деятельности высших судов, Н.А. Гущина понимает единство как «правильное, единообразное истолкование и применение законодательства и актов верховной судебной власти всеми судами общей юрисдикции в рамках правового пространства РФ»[1]. С.В. Напалков определяет единообразие судебной практики через охрану конституционных принципов равенства всех перед законом и судом, верховенства права, независимости судей и подчинения их только закону, единообразия в толковании и применении правовых норм[2].

Надо сказать, что вопрос о судебной практике, ее единообразии и понимании последней как источника права тесно примыкает к вопросу о судебном прецеденте и его влиянии на отечественную правовую систему. В последние годы в России все чаще обосновывается важность судебного прецедента и его юридической природы как нормативно обусловленного требования общего характера, формирующего правовые контуры правоприменения. Базовой характеристикой прецедента, в отличие от судебной практики, в широком смысле выступает его обязательность. В этой связи совершенно справедливо разграничение в теории науки таких категорий, как судебное решение, судебная практика, судебный прецедент, что подчеркивает их различную степень влияния на правовую систему. Ряд авторов в этой связи, несмотря на традиционное доминирование законодательного регулирования как в построении, так и в функционировании отечественной правовой системы,

---

[1] Гущина Н.А. Формирование единства практики реализации юридических норм и правовых позиций высшей судебной власти при рассмотрении гражданских дел // Современное право. 2014. № 10. С. 84.

[2] Напалков С.В. Реализация принципа единообразия судебной практики: проблемы конституционно-правового обеспечения: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2019. С. 43.

обосновывает тезис о постепенном формировании в России элементов прецедентной системы[1].

Особое место в обеспечении единства судебной практики, преодоления пробелов в праве и развитии конституционной культуры правосудия принадлежит Конституционному Суду РФ. Также отметим, что именно деятельность Конституционного Суда РФ в большинстве случаев выступает основанием для многих исследователей утверждать, что Россия не отрицает идею судебного прецедента, а, наоборот, сознательно ее реализует. На наш взгляд, последнее утверждение нуждается в пояснении, как минимум, по причине наличия в судебной системе России только одного органа с такими исключительными полномочиями и особыми специфическими формами деятельности.

Деятельность Конституционного Суда – это не во всех случаях пример классического и традиционного судебного прецедента. В основе конституционно-судебной деятельности лежит разрешение конституционно-правовых конфликтов наиболее высокого уровня – поиск баланса между порой конфликтующими друг с другом конституционными ценностями. Речь идет не столько о построении прецедентной правовой системы или, например, выстраивании иерархической лестницы конституционных приоритетов, хотя и это не исключается, сколько о поиске оптимального способа разрешения конституционно-правового конфликта или противоречия. При этом нельзя не заметить, что Конституционный Суд предпочитает говорить о балансе конституционных ценностей, нежели их конфликте и противоречии, однако упоминание о соответствующих конфликтах можно найти как в решениях Конституционного Суда РФ, так и в особых мнениях конституционных судей (на сегодняшний день данный институт уже потерял свою актуальность в контексте доступности новых «особых мнений»).

[1] Спирин М.Ю. Судебный прецедент как формальный источник права // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 4. С. 109–116.

Основное направление, которое реализуется в рамках конституционного правосудия – это ценностно-деятельностный подход, объективно необходимый при выявлении духа и действия Конституции, что получает подтверждение в практике Конституционного Суда РФ, который активно задействует аксиологический и деятельностный потенциал Конституции как для самой по себе оценки проверяемых норм на конституционность, так и для формирования своих правовых позиций. При этом конституционные ценности как воплощение духа Конституции проявляют себя в практике Конституционного Суда РФ двуедино: с одной стороны, как инструментальное средство нормоконтрольной деятельности и, с другой, как результат такой деятельности. В этом – проявление особой роли Конституционного Суда и подтверждение его уникальных возможностей при выявлении духа Конституции.

В процессе конституционно-судебной деятельности происходит не только более глубокое погружение в суть конституционно-правового положения, но и приращение содержания сформулированных в наиболее общем виде конституционных ценностей. В отдельных случаях речь также может идти о выработке и формулировке ценностей, вытекающих из самого духа Конституции, не получивших своего формально-юридического оформления. Однако как приращение содержания юридически сформулированных ценностей, так и генерация новых происходит в процессе реализации и защиты социокультурных характеристик многонационального народа России.

В подобных условиях институт конституционного контроля выступает не только как способ защиты и охраны Конституции РФ, но и как важнейший механизм обеспечения конституционной безопасности. Речь, в частности, идет о судебном конституционном контроле, который осуществляется Конституционным Судом РФ и справедливо признается основой современного российского конституционализма. Представить себе существование современной российской конституционной системы вне механизма конституционного правосудия невозможно. Именно на основе решений Конституционного Суда формируются системообразующие контуры

дальнейшего развития российской правовой политики. Не случайно правовые позиции Конституционного Суда рассматриваются в отечественной науке не только как «квазиисточники права»[1], но и как «нетипичные правоприменительные источники метаправового уровня»[2]. Рассмотрение особенностей юридической природы правовых позиций Конституционного Суда сформировало отдельное направление в юридической науке. Если же отвлечься от сложных методологических и аксиологических споров в части определения юридической природы правовых позиций Конституционного Суда РФ, то можно уверенно сказать, что в процессе преподавания конституционного права студентам наблюдается уже ставшее традиционным полноценное представление соответствующих правых позиций в качестве источников отечественного права[3].

Основная нагрузка, которая ложится на конституционное правосудие, обусловлена тем, что формально-юридическая фиксация тех или иных ценностей социокультурного характера на уровне законодательства не всегда возможна. Тем более, что значительная часть социокультурных идеалов в целом очень тяжело поддается четкому формально-юридическому представлению. Оценка таких безусловных конституционных ценностей, как добро, справедливость и свобода, всегда будет субъективна и зависеть от конкретно-исторических условий их интерпретации. Несмотря на тот факт, что изложение материала, например, в первой и второй главе Конституции РФ по формальным признакам отвечает требованиям, предъявляемым к языку закона, предложенные законодателем формулировки действительно предполагают широкое поле для интерпретации. В конечном итоге именно консенсуальная природа конституционных ценностей выступает основой их легитимизации. И в этой

---

[1] Полищук Н.И. Квазиисточники права и их роль в нормотворческой деятельности государства // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2019. № 16. С. 9–16.

[2] Бондарь Н.С. Нетипичные источники судебного правоприменения: конституционные механизмы формирования и реализации // Журнал российского права. 2024. № 2. С. 5–27.

[3] Подробнее см.: Баринов Э.Э. Критический анализ законодательных новелл в сфере судебного конституционного контроля в России // Спутник высшей школы. 2024. Т. 4. № 4 (19). Вып. «Современный конституционализм: теория и практика. С. 200–209.

связи одна из задач конституционной интерпретации – максимально точно воспринять и обобщить совокупные ценностные представления народа России на конкретном этапе исторического развития. Именно воля и интересы народа как единственного источника власти, обладающего оригинальным социально-культурным кодом, должны выступать как базовое условие легитимизации системы конституционно-правовых ценностей.

Однако, как отмечает профессор В.Д. Зорькин, бездумно идти на поводу у массового сознания также не следует, ведь коллективное бессознательное – это не «глас Божий». Тот факт, что Конституционный Суд в конечном итоге делигитимизировал институт смертной казни в России, возможно, вопреки общественному мнению, свидетельствует о важной роли конституционного правосудия в деле поступательного развития конституционного мировоззрения россиян. «Конституционный Суд, руководствуясь конституционной идентичностью Российской Федерации, готов идти навстречу международному сообществу и расширять гарантии прав человека в том случае, если для этого есть необходимая устойчивая конституционно-правовая конструкция»[1]. В рассматриваемой ситуации Конституционный Суд РФ, выступив против доминирующего в обществе мнения, взял на себя функцию своего рода генератора новых мировоззренческих оценок в части таких конституционно-правовых явлений и ценностей, как право на жизнь и сама ценность человеческой жизни, достоинство личности, недопустимость лишения жизни человека от имени и по решению государства. Вместе с тем важно учитывать, что Конституционный Суд РФ при принятии данного решения опирался не только на европейские стандарты в сфере отказа от применения смертной казни (на сегодняшний день они потеряли свою юридическую актуальность), но и исходил их особых нравственно-этических составляющих рассматриваемого вопроса, «учитывал глубокие исторические, нравственно-этические,

[1] Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2019. С. 275–277, 284–285.

религиозные предпосылки и корни этой проблемы»[1]. Таким образом, деятельность Конституционного Суда не столько формирует, сколько уточняет и конституционализирует правовое пространство России, вырабатывая смысловые правовые ориентиры, которые не вступают в конфликт с положениями текущего законодательства, однако проверяют их на соответствие установленным конституционным положениям в неразрывной связи с социокультурным и политико-историческим контекстом. При этом нельзя забывать, что в соответствии с Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» «решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений»[2].

Именно через правовые позиции Конституционного Суда обеспечивается ценностное наполнение правосудия, задаются пределы допустимого усмотрения правоприменителя и дискреции законодателя. В этом смысле исследование специфики правовых позиций РФ позволяет выявить роль конституционного правосудия не только как средства конституционного нормоконтроля, но и как одного из ключевых факторов развития современной культуры отправления правосудия в целом. Специфика правовых позиций Конституционного Суда активно исследуется в отечественной науке[3].

---

[1] Подробнее см.: Бондарь Н.С., Баринов Э.Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть II. Ценностное измерение конституционного мировоззрения в координатах конституционного правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 3–10.

[2] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

[3] Гаджиев Г. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 3(28). С. 81-85; Витрук Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 3(28). С. 95-102; Саликов М.С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие и система // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 5(250). С. 49-59; Крусс В. И. Правовые

Возвращаясь к обсуждению вопроса о роли иных судов в механизме обеспечения единства судебной практики в отечественной правовой системе, отметим, что немаловажное значение в этой связи справедливо уделяют деятельности Верховного Суда РФ. И если формально в законодательстве не указывается на то, что, например, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ являются обязательными для исполнения, то на деле соответствующие решения и разъяснения формируют единообразное понимание норм права, устраняя неоднозначность их толкования, что на практике предполагает их обязательность для нижестоящих судов. Отдельные авторы в этой связи отмечают, что «Постановления Пленума Верховного Суда РФ являются олицетворением обобщенной судебной практики судов РФ, то есть по сути своей являются выражением прецедентного права. Смысл разъяснений Верховного суда РФ должен отражать в единой норме многообразие судебных решений»[1].

В этой связи нельзя не вспомнить знаковое Постановление Конституционного Суда РФ, которое формально касалось решений Высшего Арбитражного Суда РФ (ныне упраздненного), но, по общепринятому мнению, характеризует и деятельность Верховного Суда РФ (этот тезис подтверждается при внимательном анализе соответствующего решения Конституционного Суда РФ). В частности, Конституционный Суд РФ указал на тот факт, что «в российской судебной системе толкование закона высшими судебными органами оказывает существенное воздействие на формирование судебной практики. По общему правилу, оно фактически – исходя из правомочий вышестоящих судебных инстанций по отмене и изменению судебных актов – является обязательным для нижестоящих судов на будущее время. Вместе с тем в качестве правового последствия такого толкования в тех случаях, когда в силу общеправовых и конституционных принципов возможно придание ему обратной

позиции Конституционного Суда РФ - «эхо» редукции абсолютного юридического обоснования // Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд : монография. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. – С. 34-50; и др.

[1] Харебов О.Ф. Правовая природа разъяснений Верховного Суда РФ // Вестник магистратуры. 2019. № 4-1 (91). С. 92.

силы, допускается пересмотр и отмена вынесенных ранее судебных актов, основанных на ином толковании примененных норм»[1].

Надо сказать, что в рамках решения общей проблемы – обеспечения единообразия судебной практики – нередко анализируется деятельность высших судов как элементов общего механизма. Так, отдельные авторы рассматривают единство правоприменительной практики как результат институционального взаимодействия обоих высших судебных органов, исходя из анализа их полномочий. И если Конституционный Суд в этой связке выступает высшим конституционно-правовым ориентиром, то Верховный Суд обеспечивает практическую реализацию принципа единообразия. Именно согласованность позиций высших судов этом случае является условием устойчивости правовой системы в целом[2]. Соответствующая деятельность направлена на «устранение пробелов в нормативно-правовом регулировании общественных отношений, коллизий между нормативными актами, неопределенности правовых норм, отсутствия единообразного толкования принципов и норм права, отсутствия новой нормы права после признания прежней не соответствующей нормативному акту с большей юридической силой»[3].

Отметим также, что важной сферой реализации и генератором конституционной культуры правосудия выступают конституционные доктрины. Ранее заимствованный в США конституционно-правовой институт начинает приобретать в России значительную популярность, как минимум, на уровне общетеоретических исследований. «Именно судебная доктрина является одной из наиболее оперативных форм реагирования нормативной и

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества „Производственное объединение "Берег", открытых акционерных обществ "Карболит", "Завод "Микропровод" и "Научно-производственное предприятие "Респиратор""“» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 6. Ст. 699.

[2] Юлбердина Л.Р., Наумова Е.В. Роль КС РФ и ВС РФ в единстве практики // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 29–31.

[3] Гук П.А. Функция нормотворчества высших судов России // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 35.

институциональной основ отечественного правопорядка на изменения в общественном укладе». Неопределенность ее статуса в системе нетипичных источников права (правоприменения) нередко сказывается на ее функциональных характеристиках и порождает «неопределенность в правовом регулировании конкретных общественных отношений, которая препятствует достижению главнейшей цели права – сделать общественные отношения предсказуемыми для их участников». Однако, несмотря на указанную неопределенность, фактически судебная доктрина уже присутствует в российском правовом пространстве[1], находя свое опосредование на уровне правовых позиций высших судов[2].

Несмотря на тот факт, что идея судебных доктрин юридически не оформлена на уровне отечественного законодательства, ее значение для отечественной правовой системы выступает предметом активных дискуссий. На наш взгляд, следует обратить внимание на некоторую искусственность вопроса о признании судебных доктрин источником права, исходя из особенностей различных правовых систем в контексте современного этапа их исторического развития. Сам факт того, что нередко аргументация строится на противопоставлении континентальной и англосаксонской традиций, сегодня не выглядит неоспоримой. При этом следует согласиться с авторами, которые понимают содержательную ценность судебных доктрин как результата обобщения судебной практики, активно влияющей на вспомогательную регулятивную функцию правоприменительной деятельности, в ситуации преодоления пробелов законодательства и обеспечения гибкости правового регулирования[3].

---

[1] Судебные доктрины в российском праве: теория и практика: монография / П.П. Серков, В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев и др.; отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. М.: ИЗиСП; Норма; ИНФРА-М, 2020. С. 80.

[2] Хабриева Т.Я. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Р.А. Курбанов; отв. ред. Т.Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Норма; ИНФРА-М, 2023.

[3] Сарычев В.В. Судебные доктрины как источник права // Вестник науки и образования. 2020. № 23(101). Ч. 1. С. 47–48.

В заключение отметим следующее. Судебная практика, выступая одной из ключевых сфер реализации и формирования конституционной культуры правосудия, оказывает существенное влияние на развитие современного российского правового пространства. Важная функциональная характеристика судебной практики состоит в том, что она представляет собой не только деятельность по применению законов, но и результат такой деятельности. Именно поэтому судебная практика выступает одновременно и сферой реализации конституционной культуры правосудия, и важнейшим ее генератором, позволяющим определять ценностные ориентиры правосудия в целом. При этом становится возможной характеристика судебной практики как интегральной основы культуры правосудия.

Не вызывает сомнения, что судебная практика может рассматриваться как самостоятельный конституционно-правовой феномен, когда под ней подразумеваются те судебные решения, которые привносят новое нормативное знание, обладают аксиологической и интерпретационной значимостью для судебной деятельности. В этом смысле судебная практика становится особой формой выражения конституционной культуры правосудия, направленной на приращение нормативного потенциала при разрешении судом конкретных дел. Особое место в обеспечении единства судебной практики, преодолении пробелов в праве и, соответственно, в развитии конституционной культуры правосудия, принадлежит Конституционному Суду РФ. В основе его деятельности лежит поиск баланса между конституционными ценностями. Именно деятельностно-ценностный подход позволяет выявить «дух Конституции», концентрированно отражающий мировоззренческие, социокультурные начала культуры правосудия. Правовые позиции Конституционного Суда РФ, представленные на уровне конституционно-судебного толкования, рекомендаций законодателю и конституционных разъяснений, требуют самостоятельного рассмотрения с точки зрения оценки их влияния на конституционную культуру правосудия.

Одновременно Верховный Суд РФ, являясь одним из важных генераторов конституционной культуры правосудия, также имеет конституционно определенные полномочия (раскрытые в соответствующем законодательстве) по обеспечению единообразия судебной практики, в качестве нетипичных источников правоприменения выступают не только решения Президиума, но и разъяснения Пленума, оказывающие системное влияние на судебную практику и формирование ее единообразия.

ГЛАВА 2. КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВОСУДИЯ: СООТНОШЕНИЕ ФОРМАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИХ И НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИХ НАЧАЛ

§ 2.1 Суд и правосудие как отражение феномена национальных ценностей в системе отечественного конституционализма

Категория правосудия занимает отдельное место в отечественном правовом пространстве. В первых советских Конституциях категория «правосудие» не использовалась. Начало использованию данного термина положила Конституция СССР 1936 года[1], после чего данной категорией стало активно оперировать и советское отраслевое законодательство. Были закреплены функции правосудия, его принципы, субъекты, его осуществляющие, и др. Однако в качестве задач правосудия нередко определялись задачи, производные от обеспечения законности (на ранних этапах развития отечественной юриспруденции это была «социалистическая законность»). В частности, речь шла о таких задачах правосудия, как обеспечение точного и неуклонного исполнения советских законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР[2], всемерное укрепление социалистической законности и правопорядка[3].

На закате СССР в юридической литературе сформировалось следующие понимание «правосудия»: «правосудие есть государственная деятельность, осуществляемая судом в специальной процессуальной форме путем рассмотрения в судебных заседаниях уголовных дел об общественно опасных деяниях и иных правонарушениях, влекущих применение (или отказ от

---

[1] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) (утратила силу) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 декабря.

[2] Закон СССР от 16.08.1938 г. «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР. 1938. № 11.

[3] Закон СССР от 25.12.1958 (ред. от 25.06.1980) «Об утверждении Основ законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР. 1958. № 1. Ст. 12.

применения) путем принятия общеобязательного решения (акт правосудия) существенных мер государственного принуждения, и гражданских дел, связанных с защитой нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса в целях борьбы с правонарушениями и преступностью, укрепления правопорядка, защиты интересов государства, прав и свобод граждан»[1].

Современное отечественное законодательство, даже представляя правосудие в функциональном ключе, все же дает более широкое его понимание. Одновременно практически ушла в прошлое такая цель правосудия, как обеспечение законности. Приведем в качестве примера Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»[2], в котором, с одной стороны, понимание правосудия и судебной деятельности практически синонимизируются, с другой, – отсутствует упоминание такой цели осуществления правосудия, как обеспечение законности (последнее характерно для большей части законов, посвященной судебной деятельности и судебной системы). Упоминание принципа законности скорее характерно для описания полномочий судебной власти на различных стадиях судебного производства. Так, Президиум Верховного Суда проверяет законность судебных приговоров в порядке надзора[3]. Не случайно Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин в своем докладе «Судебная власть перед вызовами времени», сделанном в рамках X Съезда судей, отмечал, что твердой опорой для граждан России будет деятельность судов в механизме обеспечения конституционной, суверенной и «умной» законности и поддержание на этой основе доверия граждан к закону и

[1] Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М., 1989. С. 26–27.

[2] Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 29.12.2025) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

[3] Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

действиям государства, то есть речь идет о том, что и сами законы, и их истолкование и применение должны соответствовать Конституции[1].

Напомним, что в тексте ныне действующей Конституции применительно к правосудию и судебному разбирательству термин «справедливость» не применяется. Последний используется в Конституции всего два раза – в Преамбуле и применительно к системе пенсионного обеспечения (последнее изменение было внесено по итогам конституционной реформы). Долгое время в России действовала Европейская конвенция о защите прав человека, ст. 6 которой оперировала категорией «справедливое судебное разбирательство». В ст. 6, утратившей в России юридическую силу Конвенции, перечислялись конкретные принципы (признаки) справедливого судебного разбирательства. При этом сам термин «справедливость» в качестве, в том числе, относительного обособленного принципа отечественного судопроизводства в современном российском праве успел утвердиться. Долгие годы сотрудничества с ЕСПЧ наложили свой отпечаток и на отечественный правовой дискурс. Так, многие авторы рассматривали право на справедливое судебное разбирательство как самостоятельно субъективное право[2]. Кроме того, в отечественной процессуальной науке и практике долгое время решения ЕСПЧ рассматривались в качестве нетипичного источника права и выступали в качестве оснований для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам. В настоящее время соответствующая практика прекращена путем внесения изменений в текущее законодательство. Однако принцип «справедливого судебного разбирательства» в значении, которое придавалось ему в Европейской конвенции прав и свобод, так или иначе успел закрепиться на уровне правовых позиций высших судов[3] и

[1]URL:https://rg.ru/2022/11/29/valerij-zorkin-vazhnoe-uslovie-doveriiaobshchestva -k-sudebnoj-vlasti-ispolnenie-sudebnyh-reshenij.html (дата обращения: 17.02.2026).

[2] Вилова М.Г. Право на справедливое судебное разбирательство в системе прав нового поколения // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 51–53.

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2024 № 441-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кучеренко Игоря Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 3 статьи 432 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 20.09.2023 № 305-ЭС23-16690 по делу № А40-29793/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

достаточно прочно вошел в отечественное правовое пространство. На этой проблеме более подробно мы остановимся позже.

В действующей российской Конституции термин «правосудие» присутствует и встречается семь раз. При этом само понимание – что же такое правосудие, отсутствует не только на уровне действующей Конституции, но и в отраслевом законодательстве. В соответствии с ч. 1 ст. 118 Конституции РФ, «Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом», однако уже Уголовный кодекс РФ (Глава 31. Преступления против правосудия)[1] рассматривает соответствующие преступления, толкуя категорию правосудия значительно шире, имея ввиду как судебную стадию, так и досудебное производство, исполнение судебных решений и др., рассматривая в качестве участников процесса отправления правосудия не только судей, но и иных субъектов.

Критический анализ отечественного законодательства показывает, что никаких сколько-нибудь четких юридических ориентиров в плане разделения понятий осуществление, отправление, реализация правосудия и соответствующего состава субъектов (участников) такой деятельности оно не содержит, как и не содержит разделения понятий «субъект правосудия», «участник правосудия», «субъект судебной деятельности», «участник судопроизводства» и др. Все эти категории нередко используются в сходных контекстах, хотя на деле уровень непосредственной вовлеченности обозначенных лиц, как и характер реализуемых ими полномочий, может значительным образом различаться.

В качестве условной законодательной модели можно было бы рассматривать конституционные положения о том, что «суд осуществляет правосудие» (ч. 1 ст. 118), а «граждане участвуют в отправлении правосудия» (ч. 5 ст. 32). Текстуально видим две разные юридические формулы, из которых следует, что осуществление правосудия и участие в отправлении правосудия не

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

являются тождественными категориями. Другими словами, субъектом осуществления правосудия в формальном понимании выступает суд, поскольку именно он обладает публично-властными полномочиями разрешать дело по существу и принимать обязательный судебный акт, в отличие от остальных субъектов, не относящихся к судебной власти. В таком контексте мы подчеркиваем соответствующую монополию именно органов судебной власти при имеющей место множественности участников процесса, в качестве которых могут выступать стороны разбирательства, их представители, прокурор, эксперты, свидетели и др. При этом конституционная формулировка подчеркивает, что обычные граждане также вовлечены в процедуру в контексте «отправления правосудия», а сама сфера правосудия не является закрытой и ограниченной деятельностью профессиональных юристов. Кроме того, этим подчеркивается демократический элемент в правосудии. Проблема в том, что подобный терминологический подход к пониманию обозначенных конституционных формулировок не только не снимает целый ряд вопросов, например о статусе присяжных в соотношении с иными формами судебного участия граждан, но и в целом не поддерживается отечественным законодательством ни на уровне законов о судебной системе, ни на уровне процессуального законодательства.

Анализ конституционной формулировки о том, что главным субъектом, осуществляющим правосудие, признается суд, также необходимо прокомментировать. В реальности правосудие осуществляется не абстрактным судом, а конкретным судьей или конкретным составом суда, что актуализирует вопрос о персонализации субъекта (субъектов) правосудия. При этом, даже выступая персональным носителем судебно-властных полномочий, судья связан законом, в том числе процессуальным, правовыми позициями высших судов и требованиями профессиональной этики. В рамках обозначенной проблемы много вопросов вызывает и правовой статус аппарата суда, участники которого не принимают судебных решений и не осуществляют правосудие, однако самым непосредственным образом участвуют в организационном, техническом и

информационном обеспечении судебной деятельности, тем самым непосредственно влияя на качество судебной защиты граждан, ее доступность, скорость и транспарентность. Немаловажная проблема – определение статуса истцов, ответчиков, заявителей, обвиняемых, потерпевших, третьих лиц, без необходимой процессуальной активности которых не могут быть в полной мере реализованы принципы состязательности и равноправия сторон. Отдельного обсуждения заслуживает статус субъектов, участвующих в формировании доказательственной базы по делу и установлении обстоятельств, ложащихся в основу судебных решений (прокурор, адвокат, эксперт, переводчик, свидетель и др.). Как мы уже отметили, в процессе регулирования организационных и процессуальных вопросов судебной деятельности законодатель не ставил себе задачу полноценной систематизации и типологизации категориального аппарата на наиболее общем уровне.

Проблемы определения статуса различных субъектов правосудия интересны не только в теоретическом плане, но и тесно связаны с проблемой доверия к суду в судебной системе в целом. Если для общества имеют значение прежде всего такие характеристики суда и судьи, как независимость, беспристрастность, компетентность, соответствие необходимым этическим стандартам, то ученых и практиков может заинтересовать проблема ответственности иных субъектов, влияющих на осуществление правосудия. Речь идет о том, что за судебным актом, принимаемым судьей, стоит большое количество иных участников судебной деятельности, обеспечивающих в том числе справедливость итогового судебного решения. Современный мир делает актуальной еще одну проблему, характеризующую «участников» осуществления правосудия. Речь идет о привлечении цифровых алгоритмов не только к реализации организационных обеспечительных функций, например, автоматизированному распределению дел, но и систем искусственного интеллекта к принятию отдельных решений[1]. В последнем случае возникает

[1] Спиридонов А.П. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в судебной деятельности // Российский судья. 2024. № 2. С. 49–54.

вопрос о допустимых пределах «участия» (использования) цифровых инструментов в судебной деятельности. Отдельные авторы в этой связи рассматривают проблему справедливости правосудия в контексте использования искусственного интеллекта. Речь идет о том, что правосудие невозможно свести к какому-либо математическому алгоритму, потому что судья работает с оценочными категориями и человеческим пониманием справедливости, поэтому роботизация допустима лишь как помощь, но не как полная замена судьи[1]. С последним утверждением можно поспорить – развитие систем искусственного интеллекта давно вышло за рамки «математических алгоритмов» и с каждым новым шагом в развитии систем искусственного интеллекта соответствующая проблема будет становиться все более актуальной и популярной в науке.

Можно сделать промежуточный вывод о том, что правосудие в России в соответствии с конституционными формулировками осуществляется только судом, но фактически реализуется в процессе функционирования сложной системы субъектов, каждый из которых, пусть и в разной степени, влияет на ход соответствующего процесса, в том числе определяя его восприятие в обыденном сознании как справедливого.

На наш взгляд, нуждается в уточнении соотношение понятий «правосудие» и «судебная деятельность». При узком формально-юридическом подходе правосудие обычно связывается с разрешением дела по существу и принятием судебного акта, тогда как судебная деятельность шире и включает организационные, обеспечительные, контрольные, процессуально-вспомогательные и исполнительные элементы. В отличие от таких понятий, как судебная власть, судебная деятельность, деятельность органов судебной власти, категория «правосудие» обладает значительно большим морально-нравственным и этическим потенциалом. Анализ соответствующей научно-исследовательской литературы по данной теме позволяет сделать вывод, что в современной науке сложилось, как минимум, три относительно обособленных

[1] Мальцева А.М. Роботизация правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12. С. 64–67.

понимания категории «правосудие». Первое понимание достаточно объемное, как мы уже поняли, не получило свое нормативно-правовое обоснование на уровне действующей Конституции и действующего законодательства. Оно наполнено серьезным морально нравственным содержанием, символизирует веру людей в высшую справедливость и охватывает все сферы защиты прав и свобод личности в целом, затрагивая деятельность всей правоохранительной системы. Кроме того, учитываются не только функциональные характеристики в деятельности правоохранительных органов, но законодательные основы их функционирования. Также речь идет о справедливости мер наказания и мер пресечения. Речь идет о так называемом торжестве справедливости, или даже «вселенском правосудии». Обозначенный подход в большей степени подходит для представителей общетеоретических наук. Второе понимание ограничивается сферой деятельности судебных органов власти и тех, кто ее обеспечивает. Это касается как непосредственно судебного процесса, так и досудебных стадий производства. Наиболее узкое понимание правосудия ограничивается представлением его в качестве функциональной характеристики судебной власти на стадиях судебного процесса и вынесения приговора. При этом имеющая место в научном дискурсе формулировка проблемы справедливости правосудия[1] может иметь смысл только в контексте рассмотрения правосудия как функциональной характеристики деятельности органов судебной власти. В наиболее широком его понимании – правосудие по умолчанию должно быть справедливо. Речь идет о том, что правосудие и справедливость имеют общую аксиологическую основу, а правосудие без обязательного критерия справедливости теряет свой смысл[2]. Справедливость правосудия может также оцениваться в контексте рассмотрения «справедливости» в отраслевом

[1] Харитонов Л.А. Правосудие: между правом и справедливостью // Образование и право. 2023. № 4. С. 96–102.

[2] Ланг П.П. Экзистенция правосудия: постановка проблемы // Вестник гражданского процесса. 2024. № 3. С. 252–276.

понимании наряду с законностью и обоснованностью[1]. Справедливость правосудия также может рассматриваться через назначение правовой нормы, ее цель, ценность и социальные последствия[2].

Следует признать, что наибольшее признание в правовой системе России получило определение правосудия как функциональной характеристики судебной власти. Такое использование категории «правосудие», с одной стороны, можно признать неполным, а с другой, наоборот, определить как призванное придать итоговому решению суда глубокое морально-нравственное и этическое содержание. Однако, учитывая сложный и многоступенчатый характер рассмотрения дела в различных инстанциях, конечный результат судебного разбирательства можно рассматривать и с формальных позиций, как окончательное решение, символизирующее позицию государства по рассматриваемому конфликту.

Как мы уже указывали, судебная власть может рассматриваться, в том числе, как механизм разрешения конфликтных ситуаций. Не случайно в теории и практике такое значительное внимание уделяется принципу состязательности судебного разбирательства. В противном случае для привлечения человека к ответственности достаточно было бы возложить функции доказывания и вынесения приговора на один и тот же орган. Аналогичными формальными характеристиками можно наделить и правосудие. Здесь же стоит упомянуть презумпцию справедливости (в широком смысле) судебного решения. Независимо от мнения сторон процесса решение будет считаться истинным. В качестве такого его необходимо рассматривать, даже если такая его оценка будет исключительно формальной. При этом судебное решение в виде судебного приговора не всегда символизирует собой истину и окончательное разрешение дела, ведь данное решение может быть пересмотрено вышестоящим судом. Если анализировать в этой связи уголовно-процессуальное законодательство, то в

---

[1] Романенко Н.В. Неправосудное правосудие // Уголовное судопроизводство. 2024. № 2. С. 13–17.

[2] Белов С.А. Роль ценностей в отправлении правосудия // Российская юстиция. 2024. № 12. С. 75–80.

кассационном производстве предметом судебного разбирательства выступает только его законность, а в апелляционном – плюс обоснованность и справедливость. Другими словами, окончательный приговор может быть отменен не только как необоснованный и несправедливый, но и вследствие формального нарушения законодательства. В данном случае, правда, оговоримся. С учетом Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса…»[1] данный тезис не выглядит таким уж однозначным. Также нельзя забывать о возможности пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

Еще раз обратимся к восприятию идеи правосудия в обыденном сознании. Для большинства людей никакая свобода, как внутренняя характеристика личности, не может быть лишена внутренних запретов. Прежде всего, сложная система социальных коммуникаций определяет человека как «существо разумное». Свободный человек – это еще не человек, полностью лишенный каких-либо самозапретов и самоограничений. Система самоограничений – это неотъемлемая характеристика человеческой личности. Как показала жизнь, значительная роль в соответствующем процессе отводится нахождению в социуме и воспитанию, как в семье, так и в обществе. Человеческие индивиды, волею обстоятельств не получившие социализации, такие примеры мы периодически фиксируем, не обладают базовыми характеристиками человеческой личности, что не дает абсолютизировать врожденные и генетически обусловленные характеристики индивида, в том числе в контексте понимания идеи свободы личности. При этом не стоит забывать, что формально обозначенное и зафиксированное право, обеспеченное принудительными возможностями государства, не является единственным и главным регулятором общественных отношений, хотя и недооценивать его также не следует. Как

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 (ред. от 29.06.2021) «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. 2019. 3 июля.

справедливо отмечают исследователи, «в мотивации поведения человека в публичной сфере есть не только рациональная, но и духовно-нравственная и эмоциональная составляющие»[1].

Значительное большинство людей не совершает тяжких и особо тяжких преступлений не потому, что за это предусмотрена соответствующая уголовная ответственность. Речь идет об иных регуляторах поведения, более высокого порядка, так называемых «идеальных регуляторах». Именно на них в большей степени построено человеческое общение и взаимодействие. Правда, переоценивать их роль также не стоит. Субъективная оценка должного и возможного, как и субъективная оценка идеи справедливости в целом, делает невозможным построение жизни только на основе идеальных регуляторов. С другой стороны, не все формально-правовые регуляторы работоспособны.

Можно привести показательный пример, характеризующий отношение человека к формально-правовым регуляторам, в том числе с точки зрения рациональности и справедливости нормативного предписания в его оценке обычным гражданином. Речь идет о частном случае ПДД, касающемся превышения скорости движения автотранспорта. Традиционно государство ограничивает скорость движения автотранспорта в целях недопущения создания аварийных ситуаций. Ограничение скорости, в контексте ограничения личной свободы, не выглядит сколько-нибудь надуманным и неоправданным. Любой человек признает необходимость и целесообразность такого ограничения. Правила дорожного движения категоричны – «водитель должен вести транспортное средство со скоростью, не превышающей установленного ограничения»[2]. Однако на деле следовать данному ограничению готовы далеко не все. Речь идет о том, что на сегодняшний день наказывается превышение

[1] Титова Е.В. Правомерное поведение в российском конституционном праве: дис. … д-ра юрид. наук. Челябинск, 2021. С. 37.

[2] Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 19.04.2024) «О Правилах дорожного движения» // Российские вести. 1993. 23 ноября.

скорости свыше 20 километров в час[1]. Отметим, что в оригинальной редакции Кодекса об административных правонарушениях были установлены более жесткие требования. Наказывалось превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину от 10 километров в час. Увеличение караемого законом превышения до 20 километров в час связывают с несовершенством «первых» систем автоматической фиксации превышения скорости, которое сегодня уже потеряло свою актуальность.

Описанная ситуация свидетельствует о том, что правовое предписание зачастую соблюдается гражданами в случае наличия наказания за его нарушение. Речь не идет об уже упомянутых тяжких и особо тяжких преступлениях, для несовершения которых большинству граждан специальные запреты не требуются. Однако в ситуациях, когда возможна субъективная оценка целесообразности соответствующего запрета, наличие штрафной санкции играет решающую роль. Безусловно, и в подобной ситуации значительное количество граждан будут соблюдать установленное ограничение, потому что оно оформлено на уровне формально-юридического предписания, пусть данное ограничение и не соответствует их внутренним установкам, однако таких граждан, как показывает практика, меньшинство.

Таким образом, элемент наказания становится неотъемлемым элементом идеи правосудия. Любые формально-юридические предписания, особенно налагающие какие-либо обязанности и ограничивающие свободу личности, нуждаются в штрафных санкциях за их неисполнение. Как отмечают исследователи, «именно присутствие юридической ответственности делает эти ограничения эффективным средством правового регулирования»[2]. С другой стороны, как мы же отметили, значительную часть самоограничений человек накладывает на себя самостоятельно и ему не требуются дополнительные

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[2] Сидорук А.Ю. Сущность ограничений публичной власти через призму прав и свобод человека // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 26.

формальные государственные запреты для их исполнения. В этой связи справедливым видится утверждение о том, что «свобода реализуется в ситуации наличия внешних условий выбора, но сам выбор может диктоваться не только внешним (социальным) предписанием, но и чувством долга, который может входить в конфликт с социальной нормой»[1]. Подчеркнем, что власть ограничивает свободу индивида, путем наложения подкрепляемых принудительной силой государства запретов, однако большая часть жизни человека проходит под знаком самоограничений, обусловленных факторами нравственного, социального и культурного характера. В тех случаях, когда государственный запрет не подкреплен мерами принудительного характера, человек сам волен выбирать возможный вариант поведения, исходя из субъективной оценки необходимости правомерного поведения. Кроме того, значительное количество поступков, не одобряемых моралью, нравственностью, религией, традициями и обычаями никак не обозначены в системе государственных запретов и ограничений. Само по себе «конституционно-правовое поведение не может быть описано лишь с позиции юридической оценки... действий или бездействия участников правовых отношений»[2].

В этой связи особое внимание следует уделять проблеме справедливости и несправедливости законов (в широком смысле данного понятия) как необходимого условия справедливости правосудия. Не все законы с точки зрения обывателя являются справедливыми. Выбор возможного варианта, в том числе неправового поведения, обусловлен субъективной оценкой действующей системы нормативных предписаний. Закон, получивший поддержку на уровне обыденного сознания, будет скорее исполнен, чем закон, такой поддержки не имеющий. Осознание объективной необходимости ограничения свободы со стороны государства в отдельных случаях оказывает значительно больший

---

[1] Куляскина И.Ю., Титлина Е.Ю. Право: между властью и свободой // Правовая система России: история, современность, тенденции развития: сборник материалов IX заочной научно-практической конференции с международным участием. Благовещенск, 2022. С. 158.

[2] Титова Е.В. Правомерное поведение в российском конституционном праве: дис. … д-ра юрид. наук. Челябинск, 2021. С. 19–20, 113.

эффект, чем предусмотренные меры принуждения. Так называемые «неправовые законы» не только, с точки зрения обыденного сознания, не обязательны к исполнению, но и существенным образом снижают легитимность власти, их устанавливающей. Последняя проблема больше касается качества законодательной деятельности, однако наглядно демонстрирует зависимость конституционной культуры правосудия от процессов функционирования иных ветвей власти.

Одной из важных проблем является поиск оптимального соотношения унификации и дифференциации. Данная проблема проистекает из двойственной юридической природой судебной власти: с одной стороны, правосудие должно основываться на единых конституционных стандартах судебной защиты, с другой стороны, судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Речь идет о множестве процессуальных форм осуществления правосудия, т. е. различные категории дел требуют и различных процессуальных режимов. Одновременно отметим, что унификация процессов осуществления правосудия не должна превращаться в механическое отождествление специальных процедур, а дифференциация – в произвольные различия процессуальных форм. Полноценное научное рассмотрение соответствующей проблемы представлено и на уровне специальных монографических исследований[1], и на уровне правовых позиций Конституционного Суда РФ[2]. Таким образом, под поиском оптимального соотношения унификации и дифференциации в сфере правосудия следует понимать необходимость выработки такой модели правового регулирования,

[1] Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2010.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго части второй статьи 85, статей 96 и 97, части шестой статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой автономной некоммерческой организации „Экспертно-криминалистический центр "Судебная экспертиза"“» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 31 (Ч. III). Ст. 6116.

при которой базовые гарантии судебной защиты остаются едиными для всех видов судопроизводства, однако конкретные процессуальные формы могут различаться.

Отдельной проблемой, которая заслуживает своего упоминания, выступает непосредственное формирование судейского корпуса. На отдельных частях данной проблемы мы останавливаемся в иных частях нашего исследования, сейчас же упомянем, на наш взгляд, наиболее важные из них. Во-первых, остановимся на проблеме назначения судей высших судов, в частности Конституционного Суда РФ. Обсуждение отдельных аспектов данной проблемы зачастую встречается в современных научных исследованиях, однако затрагивает в большей степени процедурные моменты[1]. Нам бы хотелось предложить принципиально иные варианты организации соответствующего процесса с целью увеличения его легитимности в глазах граждан.

Закон РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» 1991 года гласил: «1. Конституционный Суд РСФСР избирается в составе 15 судей Съездом народных депутатов РСФСР по представлению Председателя Верховного Совета РСФСР. 2. Кандидатуры на должности судей Конституционного Суда РСФСР должны предварительно обсуждаться на заседаниях соответствующих постоянных комиссий палат и комитетов Верховного Совета РСФСР, а затем на заседании Верховного Совета РСФСР»[2]. Нетрудно заметить, что обозначенные выше процедуры предлагали большое использование потенциала парламентаризма. Что же касается современной России, то, учитывая в том числе и зарубежный опыт конституционной юстиции (конституционного контроля), можно остановиться на нескольких вариантах обновления данного института:

---

[1] Чибисов Е.В. Об уточнении некоторых положений законодательства Российской Федерации о судоустройстве // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 235.

[2] Закон РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» от 6 мая 1991 г. (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 30. Ст. 1017.

- введение обязательного предварительного рассмотрения кандидатур судей Государственной Думой, с вынесением мотивированного заключения специального комитета или палаты в целом (консультативный вариант);

- установление процедуры обязательного одобрения предложенной Президентом кандидатуры Государственной Думой перед назначением Советом Федерации;

- по аналогии с аудиторами Счетной палаты введение квотирования при назначении судей палатами Федерального Собрания (возможно даже увеличение количества субъектов за счет органов судейского сообщества);

- назначение судей Конституционного Суда Федеральным Собранием на совместном заседании обеих палат квалифицированным большинством.

Увеличение доверия к органам судебной власти со стороны населения возможно также за счет демократизации процедур формирования судейского корпуса на региональном уровне. Речь идет о так и нереализованной на уровне законодательства субъектов возможности выборов мировых судей. В соответствии с Федеральным законом «О мировых судьях в Российской Федерации», «мировые судьи назначаются (избираются) на должность законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации либо избираются на должность населением соответствующего судебного участка в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации»[1]. Исходя из того факта, что региональный законодатель так и не прислушался к рекомендации законодателя федерального, можно было бы порекомендовать более категоричные формулировки федерального закона, предусматривающие, например, определение порядка формирования корпуса мировых судей с предварительным выявлением мнения населения.

Отдельный интерес представляет совершенствование процессуальных механизмов доступности правосудия. Речь идет не просто о формальной

[1] Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О мировых судьях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 51. Ст. 6270.

реализации права на обращение в суд, а возможности получить судебную защиту без чрезмерных временных, финансовых, организационных и иных затруднений. В свою очередь, доступность правосудия – это не просто возможность подать заявление, не тратя на это каких-либо значительных усилий, а рассмотрение дела по существу и фактическое восстановление нарушенного права. В этой связи все более актуальной становится проблема цифровизации правосудия, которая не должна выступать в качестве негативного фактора для отдельных категорий граждан по ряду причин, лишенных возможности пользования цифровыми сервисами. Как отмечает профессор Н.С. Бондарь, «именно конституционное право… с предельно высоким ценностно-регулятивным потенциалом способно оказывать мягкое, нормативно-ориентирующее воздействие на новое, активно формирующееся информационно-цифровое пространство»[1]. Наряду с ощутимыми преимуществами, которые несет цифровизация правосудия, последняя одновременно создает и значительные риски – зависимость от технической грамотности населения, качества электронных сервисов и в целом устойчивости судебной информационной инфраструктуры. Обращение к максимально полным массивам правовой информации (законодательство, судебная практика), как и умение использовать электронные сервисы, в полной мере доступно ограниченному кругу лиц, тогда как именно такой подход к реализации правосудия был бы наиболее полезен для граждан. В этой связи необходимо предпринять ряд организационно-правовых мер с целью обеспечения возможности пользования информационно-справочными системами и цифровыми сервисами большей частью населения[2].

Отдельный интерес в контексте увеличения доверия к представителям судебного корпуса вызывает проблема дальнейшего развития и

---

[1] Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство – новая сфера конституционно-правового влияния: доктринальные и практико-прикладные начала // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 27.

[2] Подробнее см.: Баринов Э.Э. Модернизация правового пространства России в условиях развития цифровых и информационных технологий // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. Т. 11. № 3. С. 9–15.

совершенствования института дисциплинарной ответственности судей, однако она рассматривается в других частях нашего исследования.

В заключение отметим следующее. Вопрос о справедливости правосудия в России выступает как один из базовых по отношению к деятельности органов судебной власти. Напомним, что «справедливость» была обозначена как одна из национальных традиционных ценностей[1]. Это придает особый вес проблеме справедливого правосудия. Тот факт, что законодатель так часто использует термины «правосудие» и «осуществление правосудия» свидетельствует о его желании уйти от достаточно нейтрального в морально-нравственном смысле термина «осуществление судебной власти». Таким образом, функциональные полномочия судебных органов в ходе судебной деятельности наделяются ценностными характеристиками[2]. Кроме того, использование категории «правосудие» на уровне законодательных актов несет с собой и определенные удобства. Как минимум, удается избежать таких откровенно «неудачных» формулировок, как «судебная деятельность судебных органов» (ст. 104 Конституции СССР 1936 г.). Желание придать серьезное этическое содержание проблеме функционирования судебной власти, синонимизировать конечный результат деятельности судебных органов с «понятием высшей справедливости» нельзя не приветствовать, однако нельзя не признать, что отношение населения к правосудию в современной России все еще остается неоднозначным.

Конституционное разделение категорий «осуществление правосудия судом» и «участие граждан в отправлении правосудия» позволяет поставить проблему несовпадения субъекта правосудия и круга лиц, вовлеченных в судебную деятельность. Суд сохраняет статус исключительного субъекта осуществления правосудия, тогда как граждане и иные участники процесса

---

[1] Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

[2] Яшина А.А., Морозов С.В. К вопросу о соотношении понятий правосудие, судебная защита, судебная деятельность, судопроизводство // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2018. Т. 6. № 4 (24). URL: http://esj.pnzgu.ru.

включаются в механизм его отправления. Однако законодатель такую «инициативу» не поддержал и четкого юридического аппарата в данной области не выработал.

Право на судебную защиту и справедливый суд – не только одно из важнейших прав и свобод человека, но и важный показатель легитимности публичной власти в современной России, служит одним из ключевых ценностных ориентиров конституционной культуры правосудия. В отличие от других смежных понятий, категория «правосудие» в отечественной правовой традиции обладает большим морально-нравственным и этическим потенциалом. В основе государственной функции осуществления правосудия лежит, по мнению автора, категория справедливости. В контексте исследования особенностей общественного правового сознания только справедливый закон может обеспечить восприятие судебного решения как справедливого. Традиционное использование категории «правосудие» в значении функциональной характеристики судебной власти, сформировавшееся в отечественном законодательстве, призвано придать итоговому решению суда морально-нравственное и этическое содержание. Учитывая сложный и многоступенчатый характер рассмотрения дела в различных инстанциях, конечный результат судебного разбирательства следует рассматривать, в том числе, с формальных позиций, как окончательное решение, символизирующее позицию государства по рассматриваемому конфликту. Однако понимание правосудия исключительно в организационном, формально-юридическом ключе недостаточно для уяснения его социально-правовой природы, места и роли в системе разделения властей.

Среди актуальных на сегодняшний день проблем в сфере осуществления правосудия: поиск оптимального соотношения унификации и дифференциации, совершенствование процессуальных механизмов доступности правосудия, преодоление избыточных барьеров для реализации конституционного права на судебную защиту, транспарентность судебной деятельности и др. Актуальным представляется совершенствование механизмов назначения судей различных

уровней, в частности назначение судей высших судов, использование на практике института выборности мировых судей населением, равно как и совершенствование института ответственности судей и т. д.

§ 2.2. Конституционная культура правосудия: институциональные, функциональные характеристики, формы реализации

Конституционная культура правосудия представляет собой систему устойчивых ценностных ориентиров, профессиональных установок, правил и практик, посредством которых конституционные идеи, принципы и нормы становятся реально действующими в процессе осуществления судебной деятельности. Состояние конституционной культуры правосудия отвечает на вопрос: насколько органы судебной власти способны видеть за нормами отраслевого законодательства конституционный смысл и содержание защищаемых и охраняемых ими благ, обосновывать судебные решения в русле верховенства Конституции РФ и работать на достижение такого результата, который воспринимался бы обществом как законный и справедливый. Конституционная культура правосудия имеет ярко выраженную ценностную природу и характеризуется не только знанием конкретных конституционных норм, но и признанием Конституции РФ важнейшим аксиологическим стандартом судебной аргументации. В этом смысле она сопряжена с пониманием Конституции РФ как базового источника профессионального конституционного сознания, определяющего пределы допустимого государственного вмешательства в жизнь человека и способы нахождения баланса между правами личности и публичными интересами[1].

Полноценное понимание феномена конституционной культуры правосудия предполагает оценку теоретических и практико-ориентированных исследований категории правовой культуры. При этом методологически

[1] Бутько Л.В. Мархгейм М.В. Конституция как источник правосознания: диалектика обновления // Научные ведомости. Серия «Философия. Социология. Право». 2017. № 17 (238). Вып. 37. С. 122.

оправдано рассматривать конституционную культуру в широком смысле как разновидность правовой культуры, но с особым конституционным содержанием, определяемым высшей юридической силой Конституции и ее прямым действием. Такое понимание согласуется с подходами теории государства и права к правовой культуре, допускающему многообразие исследовательских подходов и уровней анализа. В отличие от конституционной культуры в широком понимании, конституционная культура правосудия фокусируется в большей степени на судебной деятельности и всем, что ей сопутствует.

Для описания конституционной культуры правосудия можно использовать институционально-функциональную модель, характеризующую связи между элементами соответствующей системы и реализуемыми ими функциями, с учетом того, что один и тот же институт может быть предназначен для решения нескольких задач. Например, открытость судопроизводства одновременно выполняет коммуникативную, легитимирующую и профилактическую функции. Процессуальные аспекты судебной деятельности характеризуют независимость судей, качество профессиональной аргументации и, непосредственно, доверие к судебной системе в целом. Единообразие судебной практики укрепляет правовую определенность системы законодательства, равенство лиц в сходных ситуациях и предсказуемость судебных решений и поведения всех субъектов судебной деятельности и др.

Вопрос об институтах конституционной культуры правосудия тесно примыкает к вопросу о содержании правовой культуры в ее общетеоретическом представлении. Обратим внимание на тот факт, что отечественная теоретическая наука при оценке структуры и содержания правовой культуры оперировала такими словесными оборотами и выражениями, как «входит в структуру», «наполняет», «составляет», «элементы», «срез» и др. Другими словами, не во всех случаях представлялась возможность точно определить, какой терминологический аппарат и в каком значении использует автор. При этом анализ различных точек зрения по поводу содержательного и структурного наполнения правовой культуры позволяет предположить, что часто

используемые «элементы» правовой культуры и «институты» выступают взаимодополняющими категориями соответствующего дискурса. В общетеоретическом плане различие между данными понятиями провести можно. Элементы правовой культуры выступают как совокупность ее смысловых, ценностных и поведенческих составляющих, отражающих уровень правосознания, доминирующие правовые установки и модели юридически значимого поведения. Институты же правой культуры, в нашем случае институты конституционной культуры правосудия, представляют собой устойчивые организационные и структурные формы, в рамках и посредством которых обозначенные элементы получают практическую реализацию. При таком подходе элементы выражают внутреннее содержание правовой культуры, тогда как институты обеспечивают ее существование, развитие и функционирование. Другими словами, соотношение между ними может быть охарактеризовано как взаимосвязь содержания и формы. В этой связи определенный интерес представляет краткий анализ научных работ по соответствующей тематике, тем более что феномен правовой культуры в отечественной правовой науке анализировался достаточно активно.

Н.М. Кейзеров полагает, что в состав правовой культуры входят следующие элементы: «право, как система норм, выражающих государственные веления; правоотношения; правовые учреждения; правосознание, то есть система духовного отражения всей правовой действительности; правовое поведение (как правомерное, так и противоправное)»[1]. В.П. Сальников в качестве составляющих правовой культуры выделяет: «право, правосознание, правоотношения, законность и правопорядок, правомерную деятельность, критерии политической оценки правовой деятельности»[2]. С.В. Навальный, предлагает включать в структуру электорально-правовой культуры: «правовые тексты; непосредственную правовую деятельность субъекта; правосознание субъекта; уровень правового

[1] Кейзеров Н.М. Политическая и правовая культура: методологические проблемы. М.: Юрид. лит., 1983. С. 112–113.

[2] Сальников В.П. Правовая культура советского человека. Л., 1982. С. 5.

развития субъекта в целом»[1]. Н.С. Соколова считает, что правовая культура включает: «определенный уровень правосознания, то есть осмысленного восприятия правовой действительности; общие культурные предпосылки, уровень цивилизованности, национальные корни и истоки, историческую память, обычаи, традиции; надлежащую степень знания населением законов, высокий уровень уважения к нормам права, их авторитет; высокое качество процессов правотворчества и реализации права; эффективные способы правовой деятельности, работы законотворческих, правоохранительных, управляющих и других органов; законопослушность граждан и должностных лиц»[2]. По мнению В.В. Лазарева, правовая культура включает: «определенный уровень правового мышления и чувственного восприятия правовой действительности; состояние процессов правотворчества и реализации права; специфические способы правовой деятельности; результаты правовой деятельности в виде духовных и материальных благ, созданных людьми. Каждый из названных срезов правовой культуры может рассматриваться на личностном уровне, когда акценты смещаются в сторону личностных свойств и качеств, и на уровне универсалистских обобщений, когда обращается внимание на функционирование социального организма в его целостности»[3].

К институтам конституционной культуры правосудия следует относить как общие социально-политические институты, характеризующие состояние и функционирование публичной власти и гражданского общества, так и специально-правовые институты. Надо сказать, что значительная часть данной работы посвящена именно институтам конституционной культуры правосудия и основным направлениям их развития и совершенствования. Именно они выступают предметом настоящего исследования. Поэтому, не останавливаясь на

---

[1] Навальный С.В. Электорально-правовая культура: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 37.

[2] Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: НОРМА, 2001. С. 407.

[3] Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. С. 495–496.

подробной характеристике последних, кратко их обозначим. Под общими социально-политическими институтами необходимо понимать органы публичной власти (том числе не относящиеся к судебным), политические общественные объединения, свободные средства массовой информации и иные институты гражданского общества. Именно они формируют политико-правовой климат в государстве и обществе, что значительным образом виляет на функционирование системы правосудия. Высшие органы публичной власти определяют основные направления политики в судебной сфере и в целом в сфере юридической деятельности. Политические и иные общественные объединения влияют на формирование контуров взаимоотношений публичной власти и населения. Свободные средства массовой информации обеспечивают возможность критического анализа деятельности публичной, в том числе судебной, власти, повышают открытость и прозрачность судебной деятельности. В этой связи достаточно актуальной представляется проблема полноценного информирования граждан о деятельности органов судебной власти, развитие институтов бесплатной юридической помощи и иных просветительских правовых программ.

Подчеркнем, что новая цифровая эпоха сделала возможным понимание идеи права в ее системном представлении не только на уровне специального, профессионального или научного сознания, но и на уровне сознания обыденного. Последнее не исключает наличия минимальных необходимых знаний общей теории права и государства, как и основных положений конституционного права Российской Федерации. В этой связи первоочередная необходимость институтов публичной власти и гражданского общества не столько познакомить обывателя со всеми тонкостями функционирования правовой и, в частности, судебной системы, сколько научить его важнейшим методам и способам овладения правовыми знаниями, как общетеоретического, так и конкретно-прикладного характера с использованием именно цифровых технологий. Остальное сделает тот богатейший массив правой информации, в том числе судебной практики, который сейчас находится в свободном и

открытом доступе. Как отмечается в соответствующих исследованиях, коренные изменения в правосознании «вызваны доступностью правового массива и массива судебной практики за счет использования информационных технологий и сети Интернет, которые, в свою очередь, становятся серьезным инструментом, способным коренным образом изменить существующие демократические институты»[1].

К специально-правовым институтам относятся органы публичной власти, не только осуществлявшие правосудие (суды), но и выступающие участниками судебного процесса (прокуратура, следственный комитет и др.). К институтам негосударственного характера относятся: адвокатура (Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, адвокатские палаты субъектов), нотариат (Федеральная нотариальная палата, нотариальные палаты субъектов), общепрофессиональные объединения (Ассоциация юристов России), которые по совместительству выступают и институтами гражданского общества, и защищают интересы своих членов. В Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в ст. 3 так и указано: «Адвокатура является профессиональным сообществом адвокатов и как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления»[2]. Отдельное место среди институтов отводится органам судейского сообщества, которые занимают промежуточное положение и не рассматриваются как общественные (негосударственные) объединения в строгом смысле: Всероссийский съезд судей, Совет судей Российской Федерации, Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации и др.[3]

---

[1] Титова Е.В. К вопросу о структуре конституционного правосознания и его особенностях // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 4. С. 119.

[2] Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

[3] Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 11. Ст. 1022.

Особое место среди институтов конституционной культуры правосудия принадлежит конституционной идеологии. Категории конституционной идеологии в отечественном правовом дискурсе традиционно уделяется особое внимание[1]. В контексте ее понимания как одного из институтов культуры правосудия можно заключить, что конституционная идеология представляет собой ценностно-нормативную систему конституционно-правовых ориентиров, которая, получая свое опосредование на уровне конституционного правосознания, выступает основой судебной интерпретации, обеспечивая единство буквы и духа Конституции.

Что же касается системы юридического образования как института конституционной культуры правосудия, то можно предположить, что последний представляет собой систему профессиональной подготовки юристов, обеспечивающую воспроизводство конституционно ориентированного правопонимания и формирование особой системы ценностных установок, в том числе для последующего участия в судебной деятельности. В настоящее время развитие системы юридического образования должно основываться на использовании ценностно-ориентированных подходов к образовательному процессу в русле развития современного отечественного конституционализма и не ограничиваться дифференцированной подачей отраслевых учебных дисциплин вне анализа ценностных установок Конституции, как и правовых позиций Конституционного Суда, их развивающих. Как отмечает в этой связи Н.С. Бондарь, «конституционно-правовой составляющей в системе юридического образования не уделяется должного внимания. В этом плане одна из главных задач по совершенствованию самого содержания, образовательных

[1] Баландин А.А. Конституционно-правовая идеология как структурный элемент конституционного правосознания: понятие и формы проявления // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 19 (200). С. 5–10; Исаева К.М. Идеологическая функция Конституции Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. 2013. № 4. С. 59–62; Хорунжий С.Н. Конституционная идеология и баланс защищаемых правовых ценностей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2017. № 2 (29). С. 45–64; Арапов А.В. Конституционная идеология и ее философские обоснования // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2016. № 4 (20). С. 9–15.

стандартов подготовки будущих юристов – это конституционализация юридического образования во всех его составляющих, включая уголовно-правовой, гражданско-правовой блоки и т. д.»[1]

Интегративный подход закономерно предполагает анализ функциональных характеристик конституционной культуры правосудия, к которым относятся следующие:

- выступает важным аксиологическим базисом развития человеческой личности, общества и государства, формируя систему необходимых конституционно-правовых координат;

- на основе накопленного опыта конституционно-правовых отношений, явившегося результатом юридической деятельности, в том числе деятельности судебных органов, создает реальные предпосылки для движения в направлении максимальной реализации конституционно-правового потенциала общества;

- реализует согласованное функционирование различных элементов механизма публичной власти, в частности судебной власти;

- обеспечивает защиту национальной конституционно-правовой идентичности Российского государства как полноправного субъекта геополитических и международных отношений;

- обеспечивает баланс частных и публичных интересов в конституционно-правовых сферах;

- служит интеграции личности в процессы государственного строительства и процессы осуществления правосудия;

- позволяет оценивать конституционно значимое поведение на предмет соответствия его формально-юридическому и метаюридическому идеалу;

- воспроизводит конституционные ценности морально-нравственного характера, характеризующие современный этап развития российской

[1] Бондарь Н.С. Современные ориентиры российского юридического образования: национальные традиции или космополитические иллюзии? // Юридическое образование и наука. 2013. № 1. С. 14–15.

государственности в русле следования ее национальным консервативным особенностям и традициям;

- выступает движущей силой конституционно-правовых реформ и др.

В свою очередь, конкретные функции конституционной культуры правосудия целесообразно рассматривать в рамках системного подхода, различая общие (универсальные) и специальные функции, что позволяет не только определить ее место в механизме правового регулирования в целом, но и обозначить ее специфическое значение для осуществления правосудия. Такое разграничение соответствует представлению о конституционной культуре правосудия как многоуровневом и многоаспектном феномене, сочетающем ценностные, нормативные и практико-ориентированные элементы.

Общие (универсальные) функции конституционной культуры правосудия характеризуют ее вклад в поддержание устойчивости, целостности, упорядоченности и внутренней согласованности правовой системы в целом. В рамках такого подхода конституционная культура правосудия выступает не только как совокупность отдельных институтов, но и как фактор, обеспечивающий воспроизводство основных принципов конституционного строя в процессе правоприменения. К числу таких функций относится, прежде всего, обеспечение верховенства Конституции РФ, которое проявляется в ориентации судебной практики на конституционные принципы и ценности как высший критерий оценки законности и легитимности всей системы правового регулирования. Конституционная культура правосудия в данном измерении предполагает, что Конституция РФ воспринимается органами судебной власти не как абстрактный политико-правовой документ, а как непосредственно действующий нормативный и аксиологический ориентир, характеризующий всю систему правоприменения. Последнее обстоятельство, в свою очередь, предполагает согласованность отраслевых и конституционно-правовых аспектов правоприменительной практики, обусловленную необходимостью предотвратить подмену духа Конституции узкоотраслевыми интересами.

Важная универсальная функция конституционной культуры правосудия – это реализация идеи правовой определенности системы законодательства, посредством обеспечения предсказуемости судебных решений, без которых невозможно устойчивое функционирование системы конституционного порядка. Конституционная культура правосудия предполагает, что судебные решения во всех случаях логически обоснованны, внутренне непротиворечивы и соответствуют ранее выработанным высшими судами правовым позициям. Посредством формирования единых стандартов толкования и применения норм обеспечивается возможность разумного прогнозирования правовых последствий своих действий для всех участников правовых отношений.

Также необходимо отметить функцию, направленную на формирование доверия к государству как институту разрешения социальных конфликтов. Доверие граждан к государству производно, в том числе, от доверия граждан к судебной системе, и возникает не только в результате формального соблюдения установленных законом правил, но и благодаря восприятию в общественном сознании суда как независимого и ориентированного на конституционные ценности арбитра. Конституционная культура правосудия в данном контексте проявляется в транспарентности судебных процедур, понятности и убедительности мотивировки решений, а также в уважительном отношении ко всем участникам судебного процесса. Отсутствие этих элементов способно подорвать легитимность судебных решений даже при их формальном соответствии закону и как следствие – доверие к государству. Наконец, универсальной функцией конституционной культуры правосудия является легитимизация публичной власти в глазах общества. Посредством данной функции система правосудия обеспечивает признание сложившегося конституционного порядка как справедливого, что имеет важное значение для обеспечения социальной стабильности и идеи социального партнерства, легитимизированной на уровне конституционной реформы 2020 года.

Помимо обозначенных стабилизирующей и интегративной функций, конституционная культура правосудия выполняет ряд других универсальных

функций, которые характеризуют ее значение для правовой системы в целом. К их числу относится, в частности, гносеологическая (познавательная) функция, выражающаяся в обеспечении общего понимания конституционных ценностей, принципов и смыслов как судьями, так и иными участниками судебного процесса. «… Любое понимание права обязано опираться на развернутую концепцию прав человека, точнее личности, и включать в себя обязательные базовые элементы: во-первых, анализ права как аксиологического по своей природе, во-вторых, системное построение нравственных основ права, справедливости, общественных и человеческих «правовых» идеалов»[1]. Посредством судебной аргументации, мотивировки решений и формирования доктринальных правовых позиций конституционная культура правосудия способствует выработке рациональных, социально обусловленных и разделяемых обществом представлений о праве, пределах вторжения публичной власти в общественное и личное пространство, допустимых способах разрешения правовых конфликтов. Оценивая в этой связи перспективы конституционно-правового воспитания россиян в целом, следует помнить, что между «традиционным» миром и миром правовых конструкций существует значительная разница. Так, например, изучающие право студенты вынуждены постигать правовую реальность при помощи «особых юридических очков»[2]. Соответствующие соображения можно высказать и в отношении обычных граждан. Кроме того, речь идет и об изменении факторов, играющих роль «детерминанты развития государства и права и переходом к „информационной“ парадигме их эволюционирования». Происходящие «метаморфозы» в правосознании вызваны доступностью правового массива законодательства и судебной практики за счет использования информационных технологий и сети

[1] Славова Н.А. Правовая культура: понятие и функции // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2020. № 3. Том 1. С. 52.

[2] Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. С. 13.

Интернет, которые, в свою очередь, становятся серьезным инструментом, способным коренным образом изменить сложившиеся правовые практики[1].

Не менее значимой является прогностическая функция, проявляющаяся в способности задавать ориентиры для будущего правового регулирования и правоприменения. Последовательность и аргументированность судебных решений позволяют участникам правовых отношений прогнозировать последствия своих действий, а законодателю – учитывать сформированные судами конституционные стандарты при разработке и корректировке нормативных актов.

К числу универсальных функций также относится воспитательная функция, направленная на формирование уважительного отношения к государству, праву, суду и конституционным ценностям. Она реализуется не только через «справедливое» итоговое судебное решение, но и через саму процедуру правосудия – открытость судебного разбирательства, равенство сторон, убедительность правовой аргументации и др. Это укрепляет доверие к судебной системе и способствует внутреннему принятию конституционно-правовых норм как социально значимых ориентиров поведения.

Не менее важное значение для анализа имеют специальные функции конституционной культуры правосудия. Одной из базовых является правозащитная функция, выражающаяся в обеспечении права на судебную защиту, гарантированного Конституцией РФ. Конституционная культура правосудия предполагает, что судебная деятельность – это, прежде всего, спор вокруг конституционно значимого блага. В этом измерении правоприменение строится на учете конституционных стандартов справедливого судебного разбирательства, а применение отраслевых норм осуществляется в их конституционно-правовом смысле, что позволяет избежать формализма и обеспечивает реальную защиту прав и свобод.

---

[1] Титова Е.В. К вопросу о структуре конституционного правосознания и его особенностях // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 4. С. 119.

С правозащитной функцией тесно связана регулятивная функция. Она проявляется в том, что судебная практика – это не только итог разрешения споров в правовой сфере, но и ориентир допустимого поведения участников общественных отношений и органов публичной власти. Посредством судебных решений формируются стандарты допустимого вмешательства в сферу прав и свобод, границы усмотрения властных субъектов, а также требования к процедурам принятия решений, опосредуемые, в том числе, на уровне отраслевого законодательства. Регулятивное воздействие конституционной культуры правосудия особенно заметно в делах публично-правового характера.

Ценностно-нормативная функция выражается в закреплении и воспроизводстве конституционных ценностей в судебной практике. Конституционная культура правосудия предполагает, что суд не ограничивается формальной ссылкой на нормы законодательства, а раскрывает их ценностное содержание. Особое значение в этой связи имеют такие ценности, как достоинство личности, справедливость, свобода и равенство. В процессе мотивировки судебных решений эти ценности переводятся на язык юридических аргументов и становятся частью всей системы правоприменения. Таким образом, суд выступает способом трансляции конституционных ценностей в правовую систему в целом. Особенно эта функция заметна на примере системы конституционного правосудия.

Важное место занимает деятельностно-правореализационная функция, характеризующая практическое измерение конституционной культуры правосудия. Она связана с тем, каким образом орган судебной власти реализует свои полномочия: насколько последовательно применяются конституционные стандарты, насколько обоснованно и публично мотивируется решения, как выстраивается процессуальное взаимодействие с участниками судебного процесса. Конституционная культура правосудия в данном аспекте проявляется не только в содержании судебных решений, но и в самой процедуре отправления правосудия – ее транспарентности и соблюдении специальных процессуальных гарантий.

Интерпретационная и правопреобразовательная функции выражаются в способности органов судебной власти придавать правовым нормам конкретное содержание и адаптировать их к изменяющимся социальным условиям. Судебная интерпретация в рамках конституционной культуры правосудия носит публичный, рациональный, ценностный и социально обоснованный характер, ориентированный не только на защиту прав и свобод граждан, но и поддержание баланса между публичными и частными интересами. При этом интерпретационная деятельность судов нередко приводит к трансформации правового регулирования в соответствующей сфере: формируются новые правовые позиции, уточняющие, например, критерии соразмерности ограничений прав и свобод, пересматриваются иные устоявшиеся правоприменительные и законодательные подходы, что особенно актуально для деятельности высших судов Российской Федерации.

Особое значение имеет нормоконтрольная функция, в наибольшей степени проявляющаяся в деятельности органов конституционного правосудия. Она включает как обнаружение и устранение неконституционных правовых норм, так и формирование обязательных для правоприменителя и законодателя правовых позиций. Конституционная культура правосудия также предполагает наличие специальных механизмов «распространения» этих позиций на всю судебную систему, а также систему действующего законодательства. Без такого распространения потенциал нормоконтрольной функции остается ограниченным.

Коммуникативно-правовая функция связана с диалогом между обществом, судебной и другими ветвями власти. Судебные решения выступают особой формой правовой коммуникации, в которой суд разъясняет основания своих выводов, демонстрирует подчиненность публичной власти праву и тем самым формирует доверие к правосудию. Правосоциализаторская функция предполагает формирование у граждан общих представлений о государстве, праве, идее справедливости и возможных, допустимых законом, способах

защиты своих интересов. Речь идет о легитимизации понимания права как социально обусловленного регулятора общественных отношений.

Анализ функциональных характеристик конституционной культуры правосудия позволяет рассматривать последнюю в качестве основы конституционного порядка и легитимности публичной власти. Уровень развития конституционной культуры правосудия непосредственно влияет на доверие общества к судебной власти и выступает важным показателем защиты конституционных прав и свобод. Посредством универсальных и специальных функций обеспечивается баланс публичных и частных интересов, защита национальной конституционно-правовой идентичности и воспроизводство конституционных ценностей и смыслов. Практика исполнения судебных решений, уровень открытости судебной деятельности и качество юридического образования образуют взаимосвязанную систему, в рамках которой воспроизводятся ценностные основания конституционного правопорядка. Перспективные направления дальнейшего исследования данной проблематики связаны с региональными механизмами конституционного контроля, судебной коммуникацией в цифровой среде и практикой исполнения судебных актов, включая решения Конституционного Суда РФ. Эти вопросы сопряжены с задачами совершенствования организационно-правовых форм судебной деятельности и укрепления доверия к правосудию как части правовой системы[1].

В свое время профессор М.Н. Марченко, определяя правовую культуру как частный случай общей культуры, предлагал рассматривать ее типологию, исходя из максимально возможного количества предполагаемых оснований для типологизации культуры[2]. Применительно к проблемам конституционной культуры правосудия данные подходы также актуальны. Анализ соответствующих исследований по данной тематике позволяет предположить,

---

[1] Румянцев О.Г. 20-летие Конституции Российской Федерации: уроки истории, перспективы развития // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2. С. 10–21; Колюшин Е.И. Ценности правды в государственном (конституционном) праве России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 8–14; и др.

[2] Марченко М.Н. Теория государства и права. 2-е изд. М.: Проспект, 2003. С. 51–52.

что в самом широком смысле основные характеристики и особенности правовой культуры, выступающие в качестве разнообразных оснований для ее типологии, можно свести к следующим:

1. По типу правой системы: англосаксонская, романо-германская, религиозная, традиционная и др. Отдельный интерес в этой связи может представлять и сам уровень религиозности конституционной культуры, ее обусловленность теоцентристкими началами в конституционно-правовой политике, даже если речь идет о правовой системе «светского» типа.

2. Территориально-географическая характеристика правовой культуры: правовая культура Востока, Запада, латиноамериканская, скандинавская и др.

3. Этническая характеристика правовой культуры: американская, французская, немецкая и др.

4. Привязка к историческому этапу развития общества: правовая культура традиционного, индустриального и постиндустриального общества.

5. Деление правовых культур в зависимости от типа социально-экономических отношений в обществе и государстве: социалистическая и капиталистическая.

6. Различия по носителю, обладателю (субъекту).

7. Вышеобозначенную типологию также нередко рассматривают в контексте исследования уровней конституционной культуры, речь идет как об уровнях познания и понимания конституционно-правовых процессов, так и качестве юридической подготовки. В этом случае традиционно выделяют обыденную, профессиональную и научную (теоретическую) конституционную культуру.

В рамках настоящего исследования мы остановились на ограниченном наборе типологий конституционной культуры правосудия, характеризующих ценностно-деятельный подход к исследованию институционально-функциональных характеристик данного феномена:

- отрасли конституционной культуры правосудия;

- сферы конституционно-правовой культуры правосудия;

- уровни конституционной культуры правосудия.

Отрасли конституционной культуры правосудия представляют собой относительно обособленные сферы конституционно-правовых отношений. Исходя из ранее заявленной позиции, в соответствии с которой конституционное право не следует рассматривать как «одну из отраслей» современного российского права, а необходимо понимать как базовую, закладывающую основу для последующего развития всех отраслей права и правовых институтов, предположим, что деление конституционной культуры правосудия на конституционную культуру в отдельных сферах реализации российского конституционно-правового законодательства вполне уместно. Как мы уже говорили, сфера конституционно-правовых отношений настолько широка и всеохватывающа, что ее достаточно тяжело определить в сколько-нибудь четких формальных рамках. Полная аналогия, взаимозависимость между категориями «отрасли российского права» и «отрасли конституционной культуры правосудия» не вполне уместна. Именно поэтому во главу угла в данной типологии предлагается ставить не традиционное деление отраслей российского права, а саму систему и структуру конституционного права в тесном сочетании его подотраслей и институтов. В качестве основных сфер конституционной культуры правосудия могут выступать обеспечение прав и свобод человека и гражданина, организация и функционирование публичной власти, федеративное устройство, местное самоуправление, избирательная система и др.

Сферы конституционной культуры правосудия характеризуют ее значение в процессе реализации отдельных направлений и видов судебной деятельности. Можно даже предположить, что речь следует вести о юридической деятельности в целом. В современной юридической науке сложилось устойчивое понимание юридической деятельности как разновидности социальной деятельности, представляющей из себя совокупность (систему) определенных действий управомоченных субъектов, с использованием законных правовых средств, реализуемых в особой процессуальной форме, позволяющих получать социально значимые результаты в целях удовлетворения потребностей и интересов

государства, общества и личности[1]. Важным и обсуждаемым выступает вопрос о возможности рассмотрения научной (без выхода непосредственно на правотворчество, правоохрану и др.) и образовательной деятельности как юридической. В отношении состава субъектов такой деятельности остановимся на точке зрения, в соответствии с которой к последнему относятся или только представители публичной власти (узкое понимание) или иные органы и лица, наделенные особыми полномочиями в юридически значимых сферах (широкое понимание). Гражданам, чьи права и свободы затрагиваются в процессе юридической деятельности или которые каким-то образом привлекаются к юридической деятельности (оказываются в нее вовлеченными), следует довольствоваться статусом «участников» юридической деятельности. Как альтернатива – выделение понятия «профессиональная юридическая деятельность» – деятельность юристов-профессионалов, представителей всех юридических профессий в сфере правотворчества, правореализации и правоохраны, осуществляемая на основе права, в правовых формах и направленная на достижение целей, установленных правом[2].

Традиционно юридическая деятельность наделяется рядом функций в зависимости от конкретных полномочий, выполняемых тем или иным органом: правотворческая, правоприменительная, правоохранительная, правовосстановительная и т. д., которые одновременно могут выступать и как виды юридической деятельности. В целом классификация различных видов юридической деятельности может производиться по разным основаниям. Круг этих оснований практически не ограничен, различные типологии и классификации могут пересекаться, дублироваться, с точки зрения используемых обозначений видов деятельности. Различных классификаций и типологий юридической деятельности существует великое множество[3] и каждая

---

[1] Беляев В.П., Кузьменко В.И., Холодова Е.И. Понятие и сущность юридической деятельности // Социально-политические науки 2018. № 4. С. 83–85.

[2] Корнев А.В. Социология права. М.: Проспект, 2016. С. 199.

[3] Беляев В.П. О классификации юридической деятельности // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3 (4). С. 175–185.

из них имеет право она существование. Разработка авторской концепции феномена «юридической деятельности» не входит в задачи данной работы. Нас в данном случае интересуют лишь различные сферы действия конституционной культуры правосудия в ее функциональном преломлении в контексте конституционно-правовой деятельности.

Если же ограничить сферы конституционной культуры правосудия рамками судебной деятельности, то их целесообразно систематизировать, с одной стороны, через основные виды судопроизводства – конституционное, гражданское, административное, уголовное и арбитражное, а с другой – посредством различных стадий и этапов осуществления правосудия, включающих, в том числе, досудебное производство, пересмотр судебных актов, стадию исполнения судебных решений и др., в своей совокупности образующих целостный механизм реализации государством своей судебной функции.

Уровни конституционной культуры правосудия по традиционной схеме представим в виде определенной иерархии от «низшего» к «высшему». Основы такого подхода к оценке правовой культуры, с точки зрения погружения в правовой материал, были заложены еще в советской юридической науке[1], кроме того, они стали базовыми для соответствующей оценки уровней правосознания и, в оригинальной авторской трактовке, уровней конституционного правосознания[2]. Отметим важное обстоятельство, затрагивающее идею данной классификации. Понимание уровней правовой культуры зачастую имеет тесную связь с вопросом о ее носителе. Речь идет о непосредственных носителях конституционной культуры правосудия, т. е. ее представителях, которые по роду своей деятельности могут быть носителями определенного «количества» конституционно-правовых знаний. С другой стороны, речь идет о

[1] Сальников В.П. Правовая культура и поведение советских граждан (вопросы теории): Дис. … канд. юрид. наук. Л.,1980.

[2] Подробнее см.: Баринов Э.Э. Конституционное правосознание: социальная и юридическая природа // Философия права. 2004. № 3(11). С. 33–39; Баринов Э.Э. Роль конституционного правосознания в правоохранительной деятельности // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 5(60). С. 17–22; и др.

содержательной оценке сложившихся знаний и представлений в рамках заранее определенного уровня. При этом «негативная» оценка уровня конституционной культуры правосудия вполне может быть применима и к носителям научного уровня правовой культуры, например, по причине его несоответствия сложившимся правовым реалиям, слабой согласованности научно-теоретических подходов с национально-культурными особенностями и т. д.

Оценка как уровня, так и состояния конституционной культуры правосудия предполагает понимание необходимости ее совершенствования и развития, которое включает овладение всей палитрой конституционно-правовой реальности, познание сущности конституционно-правовых процессов, выработку своего собственного отношения (в рамках конституционной психологии) к окружающей конституционно-правовой действительности и на завершающей стадии – овладение навыками, непосредственно реализуемыми в процессе судебной деятельности. Нередко в специальной литературе правовая культура рассматривается через призму сочетания традиционных и инновационных начал, где первые обеспечивают преемственность и устойчивость правовой системы, а вторые – ее адаптацию к изменяющимся социально-историческим условиям[1]. В развитие данного подхода представляется возможным выделение таких форм конституционной культуры правосудия, как традиционная и креативная, отражающих как базовые, так и ситуативные тенденции конституционно-правового развития общества и государства. Традиционная конституционная культура правосудия предполагает следование исторически оправдавшим себя формам, в рамках концепта национальной конституционной традиции. Она избегает радикальных инноваций, а ее творческий аспект имеет форму интерпретации традиционного образца. Традиционность конституционной культуры правосудия не отрицает некоторые

[1] Червонюк В. И. Традиции и инновации в структуре права и конституционном развитии в контексте модернизации российской государственности (в трех выпусках) Выпуск 3 Традиции и инновации в контексте феномена правовой аккультурации и модернизации Российского государства // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 4. С. 24-29; и др.

инновационные тенденции в рамках уже существующей традиции, что, однако, не меняет ее консервативной сути. Традиционная конституционная культура правосудия существует и развивается в рамках конституционного сознания, не предполагающего рождения принципиально нового конституционно-правового знания. Креативная конституционная культура предполагает движение вперед и производство принципиально нового конституционно-правового знания. Креативная культура по своей сути является элитарной. Креативная конституционная культура правосудия требует постоянного изобретения технологических и организационных новаций: конституционно-правовых инструментов, форм организации и коммуникации, приемов познания мира, способов фиксации и ретрансляции конституционно-правового знания и т. п. Элементы традиции, безусловно, присутствуют и в креативной конституционной культуре. Отрыв от этих традиций грозит потерей связи с национальными корнями культуры. Креативная конституционная культура правосудия существует в большей степени в рамках профессионального научного конституционного сознания, характеризует правоприменительную практику и в большей степени практику конституционного судопроизводства.

В заключение отметим следующее. Конституционная культура правосудия представляет собой сложный и многомерный феномен и формируется на основе институциональной организации судебной власти, функциональных характеристик правоприменения и устойчивых форм научного, профессионального и обыденного правосознания. Учет функциональных особенностей данного феномена позволяет выработать более эффективные подходы к совершенствованию системы правосудия в современной России. Использование институционально-функциональной модели позволяет оценить связи между элементами соответствующей системы и реализуемыми ими функциями, с учетом того, что один и тот же институт может быть предназначен для решения нескольких задач. К институтам конституционной культуры правосудия следует относить как общие социально-политические институты, так и специально-правовые институты, в том числе правовые учреждения, систему

специального (юридического) образования, конституционно-правовую науку, конституционную идеологию и т. п.

Функции конституционной культуры правосудия целесообразно рассматривать в рамках системного подхода, различая общие (универсальные) и специальные функции, что позволяет не только определить ее место в механизме правового регулирования в целом, но и обозначить ее специфическое значение в сфере судебной деятельности. Такое разграничение соответствует представлению о конституционной культуре правосудия как многоуровневом и многоаспектном феномене, сочетающем ценностные, нормативные и практико-ориентированные элементы. Общие (универсальные) функции конституционной культуры правосудия характеризуют ее вклад в поддержание устойчивости, целостности, упорядоченности и внутренней согласованности правовой системы в целом. К числу таких функций относится, прежде всего, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции РФ, обеспечение правой определенности системы законодательства и предсказуемости судебных решений, формирование доверия к государству как институту разрешения социальных конфликтов и легитимизация публичной власти в глазах общества. К числу универсальных функций, по мнению диссертанта, также относятся: гносеологическая (познавательная), выражающаяся в обеспечении общего понимания конституционных ценностей, принципов и смыслов как судьями, так и иными участниками судебного процесса; прогностическая, проявляющаяся в способности задавать ориентиры для будущего правового регулирования и правоприменения; воспитательная, реализуемая не только через «справедливое» судебное решение, но и через саму процедуру правосудия – открытость судебного разбирательства, равенство сторон, убедительность правовой аргументации и др.

Не менее важное значение для анализа имеют специальные функции конституционной культуры правосудия. Одной из базовых является правозащитная функция, выражающаяся в обеспечении права на судебную защиту, гарантированного Конституцией РФ. С правозащитной функцией тесно

связана регулятивная функция, которая проявляется в том, что судебная практика – это не только итог разрешения споров в правовой сфере, но и ориентир допустимого поведения участников конституционно-правовых отношений. Ценностно-нормативная функция выражается в закреплении и воспроизводстве конституционных ценностей в судебной практике, а деятельностно-правореализационная функция характеризует практическое измерение конституционной культуры правосудия. В свою очередь, интерпретационная и правопреобразовательная функции выражаются в способности органов судебной власти придавать правовым нормам конкретное содержание и адаптировать их к изменяющимся социальным условиям. Особое значение имеет нормоконтрольная функция, в наибольшей степени проявляющаяся в деятельности органов конституционного правосудия. Коммуникативная функция связана с правовым диалогом между обществом, судебной властью и другими ветвями власти.

Ввиду значительного количества оснований для типологизации конституционной культуры правосудия автор предлагает остановиться на важнейших из них. Отрасли конституционной культуры представляют собой относительно обособленные сферы конституционно-правовых отношений, в рамках которых происходит судебный спор. Сферы конституционной культуры характеризуют возможности ее учета, применения и использования при осуществлении отдельных направлений и видов судебной деятельности. Уровни конституционной культуры традиционно представляются в виде определенной иерархии от «низшего» к «высшему».

Анализ институционально-функциональных характеристик конституционной культуры правосудия позволяет создать необходимую базу для выявления отдельных проблем, возникающих в сфере его осуществления и определить необходимые пути их решения. Так, автор показывает, что в современных условиях целесообразно утверждение в отечественной системе образования конституционной модели подготовки юридических кадров, что предполагает конституционализацию всей системы подготовки юристов.

§ 2.3. Самостоятельность судебной власти – условие и ценностное выражение конституционной культуры правосудия

Самостоятельность судебной власти – один из тех принципов, который нельзя рассматривать исключительно в декларативном механическом ключе. Самостоятельность судебной власти – сложный конституционно-правовой режим функционирования системы правосудия, характеризуемый целым набором институциональных, функциональных, кадровых, технических, информационных, культурных, этических и иных элементов. Самостоятельность судебной власти можно рассматривать одновременно как способ осуществления правосудия, организации ветви власти и индикатор состояния конституционной культуры правосудия. Как справедливо отмечают ученые, комплексный подход к пониманию данного феномена основан на обязательном учете таких факторов, как организация судебной системы, система внутреннего управления, корпоративная самоорганизация органов судейского сообщества, доверие общества к правосудию, техническое (цифровое) обеспечение правосудия и др[1].

Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, а органы законодательной, исполнительной, судебной власти самостоятельны (ст. 10 Конституции РФ). Конституционная формула о самостоятельности судебной власти не существует обособленно, а должна восприниматься в совокупности с иными положениями Конституции РФ: правосудие осуществляется только судом (ч. 1 ст. 118), судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону (ч. 1 ст. 120), судьи несменяемы, финансирование судов только федеральное и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия (ст. 124). В своей совокупности данные конституционные положения позволяют говорить не просто о механическом отделении суда от иных органов публичной власти, а описывают специальный конституционный режим, при котором судебная

[1] Бондарь Н.С. Независимость суда как аксиологическая основа судебного права // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 10. С. 2–9.

власть, будучи включенной в единую систему публичной власти, не растворяется в ней и не выполняет факультативные, административные и обслуживающие функции по отношению к другим органам власти, а функционирует в условиях, максимально способствующих реализации идеи справедливости.

Важным элементом регулирования правосудия выступает Закон от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»[1]. В соответствии с ч. 2 ст. 1 этого Закона «судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной властей». Данный принцип получает развитие в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[2], который, в том числе, содержит не самую удобную для отечественного юридического языка формулировку: «Судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных, народных и арбитражных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия» (ч. 1 ст. 1).

В современном отечественном правовом поле такие понятия, как «самостоятельность суда», «независимость суда» и «независимость судей» нередко используются как однопорядковые (особенно первые два), что может создавать впечатление их тождества. Однако в рамках конституционно-правового анализа принципиально важное значение имеет не отождествление данных категорий. Самостоятельность судебной власти характеризует положение судебной ветви власти как элемента государственного публично-властного механизма и предполагает способность судебной системы иметь собственные организационные формы, компетенцию, юридические гарантии

[1] Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 28.12.2025) «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 29 июля.

[2] Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 29.12.2025) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

функционирования, оригинальные процессуальные способы деятельности и механизмы внутренней самоорганизации.

В свою очередь, независимость суда выражает, прежде всего, защищенность отдельных судов (судей) и судебной системы в целом от неправомерного внешнего или внутреннего воздействия на осуществление правосудия. Вместе с тем независимость судей характеризует индивидуальный статус носителя судебной власти и означает, что судебные решения принимаются судьей не под влиянием административных, корпоративных, медийных, политических или личных факторов, а на основании Конституции, законов, правовых позиций высших судов, обобщения судебной практики, исследованных доказательств и внутреннего убеждения.

Принцип самостоятельности судебной власти содержательно шире, чем принцип независимости, а независимость лишь один из элементов самостоятельности. Одновременно можно отметить, что независимость судебной власти подразумевает внешнюю и внутреннюю автономию и самодостаточные возможности для организации полномочий и деятельности, а независимость судьи – это его беспристрастность в отправлении правосудия, а также запрет на какое-либо влияние на суд и судью не только со стороны властей, но и вообще кого-либо. Независимость имеет решающее значение для отправления правосудия, поскольку это условие и принцип эффективного отправления правосудия. Это охранительный принцип, поскольку он исключает какое-либо влияние извне. Для самостоятельности требуется некоторый внутренний потенциал, конституционно закрепленные источники для его формирования и развития, а также осуществление конституционных полномочий собственными средствами без внешнего и внутреннего влияния. Самостоятельность судебной власти предполагает отсутствие подчиненности иным ветвям власти и обеспечивается независимостью судей и их специальным

правовым статусом, что актуализирует проблему повышения независимости судейского корпуса и статуса суда[1].

Рассмотрение судебной власти посредством раскрытия содержания принципа самостоятельности позволяет не только определить рамки государственно-властных полномочий, но и особые конституционно-правовые признаки судебной власти, определяющие ее место в системе публичной власти. Принцип самостоятельности намного шире и в большем объеме раскрывает судебную власть, чем принцип независимости, поскольку принцип независимости является лишь элементом принципа самостоятельности: самостоятельность связана с субъектом, его внутренними качествами, поэтому самостоятельность – это способность действовать собственными силами и средствами, а независимость подразумевает отсутствие подчинения, т. е. исключение внешнего давления, которое влияет на поведение субъекта судебной деятельности. Если теоретически допустить отсутствие угрозы какого-либо внешнего вмешательства (в том числе и личностно-субъективного), а также неправомерного, то принцип независимости лишится своего содержательного наполнения. С другой стороны, принцип самостоятельности не предполагает охранительного аспекта, являясь самодостаточным, характеризующим особенное положение органов судебной власти в сравнении с другими публично-властными органами.

Также в современной юридической литературе традиционно различают независимость в институциональном аспекте и независимость судебной власти и ее носителей в содержательном значении этого термина. Независимость в институциональном аспекте понимается как самостоятельность судебных учреждений и отдельных судей по отношению к другим государственным или общественным органам, а независимость судебной власти и ее носителей в содержательном значении отождествляется с беспристрастностью. Зачастую самостоятельность рассматривается как системообразующий признак статуса

[1] Судебная практика в современной правовой системе России / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М., 2017. С. 242.

суда как элемента государственной власти, который включает в себя не только принцип независимости судьи при осуществлении правосудия, но и относительно автономное образование системы судебных органов, собственные полномочия и прерогативы, особые функции в правовой системе и собственные средства и методы взаимодействия с другими ветвями государственной власти и др.

Объяснение юридического различия принципов самостоятельности и независимости имеет, в том числе, практическое назначение. В частности, В.В. Полянский обращает внимание на тот факт, что суд может быть формально самостоятельным, но это не гарантирует того, что конкретный судья не испытывает давление со стороны, например, председателя суда, вышестоящих инстанций, участников процесса, средств массовой информации или собственных личных притязаний. С другой стороны, независимость и добросовестность конкретного судьи не способны компенсировать системную зависимость судебной системы от иных факторов[1]. Е.В. Михайлова предлагает различать независимость суда как государственного органа и независимость судьи как лица, разрешающего конкретный конфликт. В данной логике принцип разделения властей обеспечивает обособление суда от иных органов публичной власти, но сам по себе не гарантирует независимости судьи в публично-правовом споре, где одной из сторон выступает государство или его орган. Поэтому независимость судьи должна пониматься и как независимость от иных органов и должностных лиц, от участников процесса и от других судей, включая судей вышестоящих инстанций[2]. Е.И. Ковшарева, раскрывая внешний аспект независимости судебной власти, обращает внимание на то, что только суд вправе разрешать вопросы правосудия и никакой несудебный орган не может произвольно вмешиваться в судебный процесс. В свою очередь, внутренний

[1] Полянский В.В. Некоторые проблемы обеспечения независимости судьи // Российский судья. 2025. № 10. С. 51–55.

[2] Михайлова Е.В. Проблемы реализации принципа независимости судей при рассмотрении дел публично-правового характера // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 6. С. 49–53.

аспект характеризуется независимостью в принятии решений самого носителя судебной власти беспристрастностью, объективностью, отсутствием личной заинтересованности. Следовательно, самостоятельность судебной власти является правовой основой, обеспечивающей условия, при которых судья способен независимо осуществлять правосудие[1].

Анализируя развитие отечественной судебной системы, многие ученые связывают развитие принципа самостоятельности с Судебной реформой 1864 года (основанной в определенной степени на идее разделения властей), одним из важных нововведений которой стало отделение судебной власти от иных ветвей власти[2]. Формирование в России независимого суда в ходе Судебной реформы 1864 года напрямую затронуло проблему отделения судебной власти от административной, пусть и провозглашенные в ходе реформы принципы не были реализованы в полной мере, а на практике самостоятельность судов сохраняла уязвимый характер[3].

Современное понимание принципа разделения властей, не предполагает полной изоляции судов от иных ветвей власти. По итогам конституционной реформы 2020 года идея единой системы публичной власти стала одним из ключевых принципов современного российского конституционализма. При этом судебная власть не существует вне государства и не образует замкнутую закрытую автономную систему (особенно в контексте ее федерального регулирования и финансирования), противопоставляемую публичной власти. Ее самостоятельность определяется отличием судебной функции государства от законодательной, исполнительной, контрольной или иных функций. Предпочтительнее говорить о самостоятельности судебной власти как о форме

---

[1] Ковшарева Е.И. Современное состояние принципа независимости судебной власти // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 4. С. 8–11.

[2] Азарова Е.С. Генезис судебной власти // Мировой судья. 2023. № 8. С. 2–6; Момотов В.В. Новеллы Судебной реформы 1864 года и их значение для развития судебной системы современной России // Российская юстиция. 2024. № 12.

[3] Очир-Гаряева И.К. К вопросу о становлении принципа самостоятельности судебной власти в истории российской государственности // Право и государство: теория и практика. 2019. № 5 (173). С. 74.

участия судов в общем механизме единой публичной власти. Именно в таком контексте следует соотносить самостоятельность судебной власти и идею единой системы публичной власти. Однако единство публичной власти не означает централизованного управления всеми ее элементами. Единство публичной власти требует согласованности действий публично-властных институтов в рамках собственных компетенций. С.А. Сайбулаева показывает, что становление самостоятельной и независимой судебной власти в начале 1990-х годов – это не отдельная узкоотраслевая проблема, а важная часть формирования современного конституционного строя России, предполагающая деятельность суда как реального гаранта судебной защиты прав граждан, оптимизацию механизмов доступа к правосудию[1].

Профессор Н.С. Бондарь рассматривает данную проблему через идею судебного суверенитета. По мнению ученого, судебная власть не обладает отдельным, «самостоятельным» суверенитетом, конкурирующим с государственным. Речь должна идти о специфической форме осуществления государственного суверенитета посредством национальной судебной системы, основанной на принципах, в том числе, юрисдикционного универсализма и судебно-юрисдикционного усмотрения, предполагающего «возможности судебного правотворчества и формирование на этой основе „права суда“ (судебного права)»[2].

В теории современной юридической науки традиционным стало выделение институциональной (организационной) и функциональной самостоятельности судебной власти. Институциональная самостоятельность предполагает организационную автономию, профессиональный, судейский корпус, надлежащее ресурсное обеспечение и др. Функциональный компонент раскрывает характер и специфику функций судебной власти, которые имеют

---

[1] Сайбулаева С.А. Реформа судебной власти и конституционный строй Российской Федерации: некоторые вопросы истории и теории // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 5. С. 21–25.

[2] Бондарь Н.С. Государственный суверенитет в координатах судебной власти: суверенна ли судебная власть? // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 7.

целью разрешение конфликтов в особом процессуальном порядке. Речь идет о том, что функции судебных органов исключительны и не могут быть реализованы каким-либо другим органом, что, кроме всего, подразумевает высокий уровень свободы и независимости[1].

Организационная самостоятельность охватывает кадровое, финансовое, материально-техническое, информационное и самоуправленческое обеспечение деятельности судов. В широком плане она включает вопросы назначения и особенности статуса судей, основы формирования судейского корпуса, принципы распределения дел, систему внутреннего распорядка, обеспечение деятельности аппарата суда, основы финансирования, порядок внедрения элементов цифровой инфраструктуры, режим обеспечения безопасности судей и др. Обращаясь к истории проблемы и анализируя судебные преобразования XIX–XXI века, В.М. Большакова отмечает, что структура судебной системы, ее независимость и самостоятельность, как и статус судей, изменялись параллельно с социально-политическими реалиями и уровнем правовой культуры общества. По мнению автора, организационная самостоятельность не является второстепенной, так как именно на примере организации судебной деятельности общество может видеть, способен ли суд быть независимым, справедливым и доступным[2]. В свою очередь, функционально-компетенционная самостоятельность выражает другое измерение осуществления правосудия, когда суд обладает собственной определенной законом компетенцией и оригинальным способом государственно-властного воздействия на общественные отношения. Многие авторы в этой связи подчеркивают, что судебная власть занимает особое место в системе государственно-властных отношений, а ее самостоятельность и независимость не должны реализовываться вне взаимодействия с другими ветвями власти, что нисколько не умаляет

[1] Туманянц Е.С. Принцип самостоятельности судебной власти: понятия и содержание // Право и государство: теория и практика. 2017. С. 129–131.

[2] Большакова В.М. Концепция судебных преобразований в России во второй половине XIX – начале XXI в. (теоретико-правовой, исторический и структурно-функциональный аспекты) // Журнал российского права. 2022. № 4.

авторитет суда – главное, чтобы это взаимодействие не превращалось в подчинение[1]. В рамках традиционного обсуждения проблемы о возможном выходе Конституционного Суда РФ за пределы компетенции, характерной для органов судебной власти, профессор Н.С. Бондарь отмечает, что особые характеристики самостоятельности и независимости суда становятся, в том числе, основой судебного права, а судебное правотворчество допустимо лишь в ситуации необходимости обеспечения баланса конституционных ценностей при недостаточном правовом регулировании[2].

Надо сказать, что отдельной сферой современных исследований стал вопрос, касающийся независимости и самостоятельности судов в эпоху стремительной цифровой революции. Авторы, рассматривающие данную проблему, прежде всего останавливаются на вопросах цифровой независимости (в значении независимости от цифровых механизмов, платформ и технологий)[3]. Аналогичные соображения (опасения) высказываются и в отношении систем искусственного интеллекта, что предполагает их ограниченное использование в процессе осуществления правосудия[4].

Оценивая проблему самостоятельности и независимости суда в коммуникативном измерении, Е.А. Поворова показывает, что образ судебной власти обладает самостоятельной ценностной характеристикой, что делает значимыми вопросы судебной информационной политики, поведения судей в публичном пространстве и этической оценки их действий самим судейским сообществом. Последнее замечание не означает, что суд должен зависеть от сиюминутного настроения в обществе или произвольного всплеска медийной

---

[1] Конин В.В., Эсмантович И.И., Феоненко Н.С. Судебная власть как особый правовой феномен // Мировой судья. 2022. № 9. С. 2–7.

[2] Бондарь Н.С. Независимость суда как аксиологическая основа судебного права // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 10. С. 2–9.

[3] Нешатаева Т.Н. Независимость и добросовестность суда и судей в цифровую эпоху: интеграционный опыт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 1. С. 107–126; Кабацкая Е. А. Цифровая платформа в сфере судебной деятельности: понятие, признаки, обеспечение надлежащего функционирования // Российский судья. 2024. № 8. С. 36-40; и др.

[4] Волков К.А. Искусственный интеллект в российском правосудии: перспективы и риски // Российский судья. 2025. № 8. С. 44.

активности. Действительно, суд должен быть открыт и понятен обществу, однако не идти на поводу у его настроений[1].

Обращаясь к политическому аспекту проблемы, отметим, что современная российская юриспруденция, без всякого сомнения, ушла от понимания судебной власти исключительно как способа проведения «политики господствующего класса по укреплению и защите основ его политического и экономического господства»[2], однако отрицать того факта, что органы судебной власти в своей деятельности следуют основным направлениям государственной политики в различных сферах, также не следует. Кроме того, судебная система не может противопоставлять себя государству, интересы государства – не менее важный объект защиты, чем интересы отдельно взятой личности. Самостоятельность и независимость судебной власти в этой связи необходимо рассматривать как ее институциональную и функциональную обособленность, производную от высокой морально-нравственной составляющей механизма осуществления правосудия, что не предполагает ее рассмотрения в значении изолированности от всей системы публичной власти, так как судебная власть неотделима от государства, основных направлений его политического, экономического и социального развития, а свои решения органы судебной власти выносят, в том числе, исходя из основных целей и направлений государственного строительства в целом.

Нельзя отрицать того факта, что на определенном этапе развития молодой российской государственности идея о полной самодостаточности и независимости судебной системы могла, некоторым образом, абсолютизироваться. Однако сегодня, когда в сложных условиях геополитического противостояния со значительной частью мировых политических элит как никогда остро встали вопросы защиты, прежде всего, государственности, проблема независимости суда от государства в целом

---

[1] Поворова Е.А. Независимость судебной власти: этика и медиа // Закон. 2023. № 11. С. 164–172.

[2] Вышинский А.Я., Ундревич В.С. Курс уголовного процесса. Т. 1. Судоустройство. М., 1936. С. 22.

рассматривается многими исследователями в значительно более консервативном аспекте. Тот факт, что судебная власть полностью интегрирована в систему публичной власти, означает ее интеграцию и в политическую жизнь государства. Являясь частью единой системы публичной власти, судебная власть самостоятельна и независима в пределах своей компетенции. Ее связь с государством выражается не в слепом подчинении политическому курсу, а в обеспечении правового характера государственного развития посредством правосудия.

Особое значение в механизме обеспечения независимости и самостоятельности судебной власти придается органам судебного сообщества. Как часто отмечается в отечественной науке, органы судейского сообщества занимают особое место. Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»[1], учреждая соответствующую систему, исходит из необходимости соблюдения судьями не только законов, но и этических норм. Таким образом органы судейского сообщества выступают не только способом внешнего контроля (такой элемент в их деятельности также присутствует), но и внутренним механизмом поддержания самостоятельности и независимости судебной власти.

Особое значение в этой связи придается квалификационным коллегиям судей, которые, не являясь судебной инстанцией, не пересматривая судебные решения и не давая указаний по рассматриваемому делу, тем не менее оказывают значительное влияние на осуществление правосудия. Как отмечают исследователи, не оценивая акты органов судебной власти, по существу, квалификационные коллегии выступает базовым и необходимым механизмом профессиональной ответственности судей, обеспечивающим решение задач по реализации принципов самостоятельности и независимости суда[2]. 30 июня 1993 года, избирая тайным голосованием первый состав ВККС РФ, II Всероссийский

[1] Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 11. Ст. 1022.

[2] Поставнев М. Подача жалобы в квалификационную коллегию судей // Юридический справочник руководителя. 2023. № 6. С. 53–59.

съезд судей в своем постановлении указал на то, что «наведение порядка в своем доме – одна из важнейших задач органов судейского сообщества. Особенно велико в этом значение квалификационных коллегий судей, в состав которых должны быть избраны самые справедливые и принципиальные судьи, пользующиеся полным доверием своих коллег, способные подняться над корпоративными интересами»[1].

Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации в этой системе выступает главным координирующим, надзорным и контрольным органом. Закон относит к ее полномочиям не только организационные вопросы функционирования судейского корпуса и утверждение Положения о порядке работы квалификационных коллегий судей[2], но и проверку опубликованных в СМИ сведений, относящихся к сфере ее полномочий. Вопрос об актах, регламентирующих работу квалификационных коллегий судей как источнике корпоративного права, также требует уточнения. По своей природе такой акт не является законом или подзаконным актом и не может рассматриваться как традиционный источник права в классическом понимании. Однако подобные акты, без сомнения, являются источником корпоративного права судейского сообщества, в частности публично значимым актом профессионального самоуправления, принимаемым органами судейского сообщества для организации собственной деятельности. Соответствующее видение проблемы можно увидеть в работе Е.В. Бурдиной о корпоративной природе актов судейского сообщества. Основной вывод автора заключается в том, что последние нельзя отождествлять с актами частноправовых корпораций, потому что судейское сообщество действует в публично-правовой сфере и связано с реализацией государственно-властных полномочий. Исходя из того факта, что

---

[1] Лебедев В.М. Квалификационные коллегии судей в системе органов судейского сообщества России // Квалификационные коллегии судей: вопросы развития, современный опыт: сборник / Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2022. С. 4.

[2] Положение о порядке работы квалификационных коллегий судей, утверждено Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации 22.03.2007 (ред. от 10.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.02.2026).

соответствующие акты не относятся к актам законодательной или исполнительной власти, их следует рассматривать как источник корпоративного права особого публично-правового типа[1].

Важность деятельности ККС субъектов также не вызывает сомнений. А.Я. Неверов в своей работе показывает, что последние участвуют в решении кадровых вопросов, рассматривают вопросы приостановления и прекращения полномочий, дисциплинарной ответственности, отставки судей и иных наиболее важных вопросов, напрямую затрагивающих осуществление правосудия. Оценивая в этой связи принцип несменяемости, автор показывает, что судьба судьи не может зависеть от произвольного административного решения или политической конъюнктуры. Любое прекращение или приостановление полномочий должно происходить в установленном законом порядке, через специально уполномоченный орган, с соблюдением процедурных и иных гарантий[2].

С учетом опыта работы автора настоящего исследования в качестве члена ВККС РФ представляется целесообразным предоставить ВККС РФ права давать наряду с рекомендациями официальные разъяснения, обязательные для квалификационных коллегий судей, иных органов судейского сообщества. В условиях отсутствия единообразия практики применения норм, регулирующих порядок привлечения судей к дисциплинарной ответственности, оценки их профессиональной деятельности и соблюдения ими этических норм такая мера представляется обоснованной. Не вызывает сомнений что разнородность региональной практики в этой сфере снижает уровень правовой определенности и подрывает доверие не только к институтам судейского сообщества, но и к судебной системе в целом. Введение обязательных разъяснений ВККС РФ позволило бы сформировать устойчивые ориентиры в данной сфере и обеспечить единый подход к разрешению соответствующих вопросов.

---

[1] Бурдина Е.В. Природа Кодекса судейской этики как регулятора поведения судей // Российский судья. 2025. № 11. С. 45–49.

[2] Неверов А.Я. Роль квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации в реализации принципа несменяемости судей // Российский судья. 2025. № 3. С. 56–60.

Не менее значимым представляется формирование особого процессуального механизма пересмотра решений региональных квалификационных коллегий с направлением материалов на новое рассмотрение. Соответствующий опыт уже появился в практике ВККС[1]. Подобный механизм должен быть четко регламентирован, включать основания для отмены, процедуру рассмотрения и гарантии процессуальных прав судьи, в отношении которого принято решение.

В заключение отметим, что интегрированность судебной власти в систему публичной власти не означает, что в процессе принятия судебных решений, включая Конституционный Суд РФ, может ставиться под сомнение принцип ее самостоятельности. Напротив, последовательная реализация конституционной культуры правосудия возможна только при условии законного, объективного и профессионального судебного производства, что невозможно вне реализации данного принципа.

Актуальной представляется необходимость относительно обособленного понимания самостоятельности судебной власти в институциональном и содержательном (функциональном) аспектах. Институциональная самостоятельность означает организационную обособленность судов и отдельных судей по отношению к другим государственным и общественным институтам. Содержательный аспект самостоятельности выражается в беспристрастности судей, невозможности оказания внешнего воздействия на процесс осуществления правосудия и принятие судебных решений. В последнем случае принцип самостоятельности судебной власти выступает более общим по отношению к принципу независимости судей. Таким образом, самостоятельность судебной власти предполагает как независимость судей, так

[1] Своим решением от 12 февраля 2026 г. ВККС отменила решение квалификационной коллегии судей Чукотского автономного округа от 10 ноября 2025 г. о досрочном прекращении полномочий председателя Анадырского городского суда Чукотского автономного округа с оставлением в должности судьи этого же суда и направила материалы на новое рассмотрение в квалификационную коллегию судей Чукотского автономного округа.

и наличие собственной организационной структуры, функциональной автономии, специфических полномочий и особых способов взаимодействия с другими ветвями власти. Независимость символизирует отсутствие внешнего давления, тогда как самостоятельность – это характеристика внутреннего потенциала судебной власти, требующая наличия конституционно закрепленных средств и ресурсов для реализации собственной роли в правовой системе государства в условиях обозначенной законом функциональной свободы.

В этой связи пристального внимания заслуживает проблема обеспечения самостоятельности судебной власти посредством института судейского самоуправления, в частности системы квалификационных коллегий судей, иных органов судейского сообщества, выступающих носителями корпоративной судебно-правовой культуры и источником ее формирования. С учетом опыта работы в качестве члена ВККС РФ предлагаются различные варианты совершенствования деятельности органов судейского сообщества, включая предоставление ВККС РФ права давать наряду с рекомендациями официальные разъяснения, обязательные для квалификационных коллегий судей и иных органов судейского сообщества. Также, на наш взгляд, целесообразно разработать процессуальный механизм отмены решений региональных квалификационных коллегий судей с направлением материалов на новое рассмотрение, что будет способствовать реализации принципов законности и равноправия в деятельности представителей судейского корпуса.

§ 2.4. Независимость судей как отражение нормативно-правовых, нравственно-этических, культурологических начал конституционной культуры правосудия

Независимость судей, гарантированная Конституцией РФ (ч. 1 ст. 120), выступает важнейшим условием функционирования судебной власти и базовой характеристикой конституционно-правового статуса судьи в Российской Федерации. В практике конституционного судопроизводства сложилось устойчивое представление об институте независимости судьи как

институциональной основе самостоятельности судебной власти, независимости органов, ее представляющих, определяющей базовые характеристики правосудия.

Как мы уже отмечали, в теории юридической науки различают независимость суда и отдельных судей. Независимость суда еще не гарантия независимости судьи и наоборот. Тем более, что одним из факторов нарушения принципа независимости судьи выступает корпоративное давление и принуждение. Отметим также, что никакой судья не свободен от давления со стороны представителей иных органов власти. Известный отечественный правовед Анатолий Кони, в свое время председательствующий в суде присяжных по делу Веры Засулич, приводил свой разговор с государственным чиновником, касающийся существа судебного процесса и невозможности на него повлиять даже под самым высоким давлением: «…я даже просил бы вас об этом, граф, так как мне самому крайне нежелательно, чтобы государь возлагал на меня надежды и обязательства, к осуществлению которых у меня как у судьи нет никаких средств. Я считаю возможным обвинительный приговор, но надо быть готовым и к оправданию…»[1]. Отметим, что цитата приведена в том варианте, в каком ее представил сам А. Кони, в других источниках текстуально она может выглядеть иначе, однако ее смысл не меняется.

Независимость судей не исчерпывается исключительно формально-юридической логикой. Бывший Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев обращал внимание на важность изучения «внутренней» стороны судейской независимости в рамках междисциплинарного подхода, не ограничиваясь областью юриспруденции, ведь именно «от личностных качеств судьи зависит, как именно он распорядится предоставленной ему независимостью и будет ли он при отправлении правосудия руководствоваться только законом, не позволяя внешним факторам оказывать влияние на свою работу». Кроме того, автор справедливо напоминал, что «независимость судей – это не «вещь в себе», а

[1] Кони А.Ф. Избранное / сост., вступ. ст. и примеч. Г.М. Миронова и Л.Г. Миронова. М.: Сов. Россия, 1989. С. 320–321.

необходимое условие эффективной судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций, справедливого судебного разбирательства»[1]. Не случайно в специальных исследованиях подчеркивается связь независимости судьи и процесса оценки доказательств[2].

Исследователи, анализирующие зарубежный опыт гарантий независимости судьи, выделяют внешние и внутренние гарантии. К внешним относят способ назначения, срок пребывания в должности (несменяемость), обязательность исполнения судебных решений. К внутренним гарантиям независимости относят равенство внутри судебной системы, свободу от ненадлежащего внешнего влияния, свободу бюджета судебной власти. При этом наиболее опасными формами проявления видимости независимости предлагается считать корпоративизм и дискреционность (в значении внутреннего корпоративно-административного управления)[3]. Тот факт, что в зарубежных системах правосудия (условно относимым к «цивилизованным» странам) наиболе опасным для института независимости судей исследователям видится именно корпоративистский аспект, представляет несомненный интерес. Профессор Г.А. Гаджиев, признавая, что в современных отечественных реалиях дискреционность в деятельности органов судебной власти не считается чем-то противоестественным, справедливо отмечает, что «иногда в понятии «дискреционность» прослеживается отрицательная коннотация. В советский период проявление дискреционной власти в практике судов и административных органов нередко связывалось с негативными событиями (нарушение принципа законности, процедуры)»[4].

---

[1] Лебедев В.М. Гарантии независимости судебной власти в Российской Федерации: концепция, история становления и современное состояние // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 8, 9.

[2] Телятников В.И. Убеждение судьи. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 96–225.

[3] Модернизация статуса судьи: современные международные подходы: монография / отв. ред. Т.Н. Нештаева. М.: Норма: Инфра-М., 2015. С. 12–36.

[4] Гаджиев Г.А. Об объективных критериях самостоятельности судебной власти // Судья. 2022. № 9. С. 115.

Независимость судьи следует отличать от неприкосновенности (ч. 1 ст. 122 Конституции РФ), которая выступает одной из гарантий независимости. При этом принцип неприкосновенности, в частности в понимании Конституционного Суда РФ, выходит за рамки исключительно личной неприкосновенности и касается, в том числе, особого порядка привлечения судьи к уголовной ответственности. «Судейская неприкосновенность является определенным исключением из принципа равенства всех перед законом и судом… является не личной привилегией гражданина, занимающего должность судьи, а средством защиты публичных интересов, и прежде всего интересов правосудия»[1]. При этом нельзя не согласиться со справедливостью утверждения о том, что «вместе с пожизненной неприкосновенностью судья получает и пожизненную ответственность в виде возможности быть привлеченным за дисциплинарное правонарушение, совершенное уже в отставке[2].

Одновременно личная безопасность судей и членов их семей также выступает гарантией независимости судей, исключающей их пристрастность и необъективность при принятии решений, а сама проблема все еще требует дополнительных усилий для ее разрешения в современных российских реалиях[3]. Не следует оставлять без внимания и опросы материального обеспечения судьи. Вполне «рабочей», пусть и неоригинальной гарантией независимости судей может выступать их материальное благосостояние, в том числе заработная плата. Однако надежды на позитивное влияние данной гарантии на проблему справедливо признаются завышенными, при том, что и сам вопрос о

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 7 марта 1996 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона РФ „О статусе судей в Российской Федерации“ в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2.

[2] Митрахович А. Дисциплинарная ответственность судей // Жилищное право. 2023. № 11. С. 97–104.

[3] Каримов Р.М. Использование специальных средств для обеспечения независимости судей // Российский судья. 2021. № 4. С. 41–45.

«достаточности» или «недостаточности» соответствующего материального обеспечения является спорным и субъективным[1].

Бывший председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев выделял «два аспекта судейской независимости: институциональный, предусматривающий независимость суда как государственного института, и функциональный, обусловленный независимостью каждого судьи при отправлении правосудия»[2]. Соответствующая точка зрения активно поддерживается в отечественной юридической науке. «Первая группа – гарантии индивидуальной независимости судей, направленные непосредственно на субъектов, отправляющих правосудие (судья, суд как состав суда, отправляющий правосудие), которые являются одновременно функциональными (процессуальными) гарантиями правового статуса, беспристрастности судьи. Вторая группа – институциональные гарантии, обеспечивающие независимость организационных образований – институтов в системе судебной власти – судов (как органов государственной власти, со своими коллективами и руководством), органов судейского сообщества, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, его структурных подразделений»[3].

Значительное количество вопросов, касающихся организации работы судейского корпуса, решаются органами судейского сообщества в соответствии с рамками, заявленными федеральным законодателем[4]. Среди достаточно широкого круга полномочий ВККС РФ особое значение приобрели те, которые непосредственно связаны с обеспечением авторитета судебной власти и независимости судей. В этой связи нельзя не поддержать точку зрения

---

[1] Михайловская И.Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. М.: Проспект, 2023. С. 90–91.

[2] Лебедев В.М. Гарантии независимости судебной власти в Российской Федерации: концепция, история становления и современное состояние // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 8.

[3] Кравцова Л.Е. Гарантии конституционного принципа независимости судебной власти как основы организации ее деятельности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. С. 24.

[4] Подробнее см.: Баринов Э. Э. Ответственность судей как антикоррупционный институт // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2022. № 3(103). С. 31-37.

профессора Л.В. Туманова, в соответствии с которой «одной из главных гарантий независимости является система органов судейского сообщества, когда все основные вопросы решают сами судьи»[1].

Традиционно в этой связи обращение к дисциплинарной ответственности судей, как наиболее частому вопросу, становящимся предметом рассмотрения в квалификационных коллегиях судей. Отметим, что процедурам формирования судейского корпуса в России и роли органов судейского сообщества в этом процессе посвящены специальные научные исследования[2]. Важным направлением деятельности по обеспечению «позитивной ответственности» судей выступает совершенствование норм законодательства и норм корпоративного права в части, касающейся вопросов аттестации судей, рекомендации на должность судей, отмены решения о рекомендации на должность по вновь открывшимся обстоятельствам. Вопросы, касающиеся законодательных запретов на осуществление судьей в отставке определенных видов деятельности и «прекращения отставки судей», также представляют значительный интерес.

Одной из наиболее обсуждаемых выступает проблема привлечения судьи к дисциплинарной ответственности, в том числе прекращение его полномочий. Следует признать, что соответствующая практика сформировалась, в частности, на основе правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ[3] и соответствующих Рекомендаций. Однако ряд дискуссионных вопросов, касающихся данной процедуры, все же остается.

Действующее законодательство не предусматривает однозначный и единый перечень проступков судьи, влекущих дисциплинарную

---

[1] Туманова Л.В. Обеспечение авторитета судебной власти и защита прав и законных интересов судей как двуединая задача Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2022. № 6 (86). С. 8.

[2] Рябцева Е.В. Проблемы обеспечения независимости судебной власти в современных условиях // Российское правосудие. 2024. № 11. С. 32–40.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.04.2016 № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 6.

ответственность, в том числе в виде прекращения полномочий, что предполагает широкое поле для усмотрения. В этой связи не вызывает удивления, что вопросы дисциплинарной ответственности судей, в частности в контексте деятельности квалификационных коллегий, нередко становятся предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ[1].

В этой связи традиционным в отечественной науке стало обоснование необходимости дальнейшей оптимизации соответствующего законодательства и необходимости формирования «четкого перечня составов и оснований, по которым судья может быть привлечен к дисциплинарной ответственности, а его полномочия могут быть прекращены, с целью устранения произвольного толкования оснований для прекращения полномочий судьи»[2]. По мнению многих авторов, соответствующие процессуальные аспекты привлечения судей к дисциплинарной ответственности должны быть оформлены исключительно на уровне федерального закона[3]. В этой связи ряд ученых актуализирует проблему принятия отдельного нормативного акта, в качестве которого мог бы выступить, например, Федеральный закон «О дисциплинарной ответственности судей в РФ», который включил бы в себя как материальные, так и процессуальные моменты.

Заслуживает внимания сформировавшаяся в науке точка зрения, в соответствии с которой необходимо «развести» этические и формально-юридические элементы ответственности в сфере осуществления правосудия, одновременно сформулировав четкий перечень мер этической ответственности[4].

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2008 № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6.1 и 12.1 Закона Российской Федерации „О статусе судей в Российской Федерации“ и статей 21, 22 и 26 Федерального закона „Об органах судейского сообщества в Российской Федерации“ в связи с жалобами граждан Г.Н. Белюсовой, Г.И. Зиминой, Х.Б. Саркитова, С.В. Семак и А.А. Филатовой» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 10 (2 ч.). Ст. 976.

[2] Тюленев Н.И. Дисциплинарная ответственность судей в Российской Федерации: актуальные проблемы и направления совершенствования правоприменения // Мировой судья. 2020. № 7. С. 34–39.

[3] Мамыкин А.С. Организационно-правовой механизм привлечения судьи к дисциплинарной ответственности // Российский судья. 2019. № 3. С. 39–42.

[4] Клеандров М.И. Ответственность судьи: монография. М.: Норма, 2011. С. 530–531.

В таком контексте Кодекс судейской этики предлагается рассматривать не в качестве нормативного документа, а в качестве морально-этического регулятора деятельности судей, обладающего свойствами нравственного ориентира, позволяющего в том числе «претенденту» самому оценить готовность к занятию соответствующей должности[1]. Другие авторы, отдавая должное морально-нравственному измерению данного документа, обосновывают, что последний относится к нормативно-обязывающему типу этических документов, ведь, несмотря на корпоративную природу, его нормы, усилиями законодателя, приобретают юридические свойства и предполагают дисциплинарную ответственность за их неисполнение[2].

Также предлагается расширить законодательный перечень видов дисциплинарной ответственности судьи, тем более что в 2018 году был введен «новый» вид дисциплинарного взыскания – «понижение в квалификационном классе» (ст. 12.1 Закона РФ «О статусе судей в РФ»). Таким образом, создана еще большая вариативность при принятии решения о дисциплинарной ответственности. Представляется, что если создание исчерпывающего перечня дисциплинарных проступков может представляться как задача «неподъемная», то большая вариативность видов дисциплинарной ответственности – задача вполне решаемая.

Значительное количество вопросов в этой связи вызывает создание системы нормативно-определенных правовых стандартов судейской этики. Речь идет об отсутствии четкого понимания, какие именно действия (бездействие) могут повлечь за собой наступление дисциплинарной ответственности. По мнению исследователей проблемы, «создать исчерпывающий перечень составов дисциплинарных проступков невозможно, однако необходимо законодательно закрепить максимально четкие и предсказуемые основания для привлечения к

---

[1] Рябцева Е.В. Антикоррупционная этика на государственной службе в судебной системе // Российский судья. 2019. № 10. С. 51–56.

[2] Бурдина Е.В. Природа Кодекса судейской этики как регулятора поведения судей // Российский судья. 2025. № 11. С. 45–49.

дисциплинарной ответственности, уже выработанные практикой»[1]. Отдельного внимания заслуживает проблема оспаривания предписаний Кодекса судейской этики, положения которого в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда не могут быть рассмотрены в конституционном судопроизводстве на предмет соответствия Конституции. К компетенции Конституционного Суда, как она определена в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», решение подобных вопросов не относится[2]. Схожая ситуация сложилась и с отсутствием четких и однозначных критериев определения возможного, потенциального конфликта интересов при рассмотрении кандидатов на должность судьи.

Не менее серьезного внимания заслуживает проблема уголовного преследования судей[3], также получившая опосредование на уровне правовых позиций Конституционного Суда[4]. Учитывая тот факт, что решения ВККС РФ могут быть оспорены в Верховном Суде РФ, правовые позиции последнего также представляют несомненную практическую и теоретическую ценность при уяснении вопроса о возможности привлечения судей к уголовной ответственности[5].

---

[1] Тюленев Н.И. Дисциплинарная ответственность судей в Российской Федерации: актуальные проблемы и направления совершенствования правоприменения // Мировой судья. 2020. № 7. С. 34–39.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации „О статусе судей в Российской Федерации“ и статей 19, 21 и 22 Федерального закона „Об органах судейского сообщества в Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданки А.В. Матюшенко» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 31. Ст. 4809.

[3] Романенко Н.В. Сложные случаи установления обусловленности уголовного преследования профессиональной деятельностью судьи // Российский судья. 2023. № 12. С. 40–45.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 18.10.2011 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации „О статусе судей в Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданина С.Л. Панченко» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 44. Ст. 6319.

[5] Решение Верховного Суда РФ от 13.02.2020 № АКПИ19-1021 // СПС «КонсультантПлюс».

Надо сказать, что поправки, внесенные в текст Конституции РФ в 2020 году, предусматривают дополнительные ограничения для лиц, осуществляющих публично-властные полномочия, в том числе судей. Традиционным для современной науки является утверждение, что данный блок поправок направлен в большей степени на реализацию антикоррупционной политики государства. Небезынтересным является тот факт, что только в отношении судей (ст. 119 Конституции РФ) и высших должностных лиц субъектов РФ (ст. 77 Конституции РФ) формально предусматривается, что федеральным законом к ним могут быть установлены дополнительные требования, в значении – ограничения. При этом анализ соответствующего законодательства демонстрирует, что подобные «дополнительные ограничения» установлены для всех должностей, которые были упомянуты в Конституции в свете соответствующей проблематики.

Нас по понятным причинам в большей степени интересует институт судебной власти. Особое внимание к представителям судебной власти в подобной ситуации не случайно. Традиционно именно отношение граждан к правосудию, которое судебная власть и олицетворяет, выступает важнейшим индикатором социально значимого настроения в обществе. Регулярные опросы общественного мнения, регистрируемые ВЦИОМ, показывают, что судебная власть (как «общественный институт», при всей спорности такой постановки вопроса) уступает в уровне одобрения армии, РПЦ, правоохранительным органам и СМИ (информация по март 2026 года включительно)[1]. Рейтинг «неодобрения» также не показывает особого доверия россиян к судебной власти, а предполагаемая коррупционная составляющая в деятельности судебных органов, как правило, воспринимается в общественном сознании наиболее болезненно.

Проблема противодействия коррупционной составляющей в деятельности органов судебной власти нашла свое закрепление в ст. 7 Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», посвященной

[1] URL: https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-obshchestvennykh-institutov/page (дата обращения: 01.04.2026).

Основным направлениям деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции, которая акцентировала внимание на неукоснительном соблюдении принципов независимости судей и невмешательства в судебную деятельность. Безусловно, независимость судей действительно выступает в качестве одного из важнейших принципов осуществления правосудия даже в обозначенном контексте. Можно даже сказать, что сама идея рассмотрения ответственности судей в качестве антикоррупционного института основана на полноценной реализации данного принципа в деятельности органов судебной власти.

Однако вопросы ответственности судей не единственные, которые действительно волнуют научное сообщество в контексте обсуждения проблемы их независимости. В последние годы в юридической науке актуализировалась проблема судебного (судейского) активизма. Как отмечают исследователи, долгое время в отечественной юридической доктрине феномен судебного активизма описывался термином «судебный произвол», путем противопоставления судебному усмотрению, которое понималось как явление иного порядка[1], однако сегодня «судейский активизм» все чаще употребляется или в нейтральном, или даже положительном значении. По мнению Председателя Верховного Суда Израиля в отставке А. Барака, судейское усмотрение – это «данное судье полномочие выбирать из ряда возможностей, каждая из которых законна в контексте системы». Кроме того, автор выделяет формальные, материальные, внеправовые и правовые источники судейского усмотрения, активно развивая идею судебного правотворчества[2]. Надо сказать, что у идеи судебного правотворчества достаточно последователей и в современной российской науке. Зачастую речь идет о выборе соответствующей терминологии для определения соответствующего явления, которая более точно характеризует позицию автора. В одном случае это может быть судебное

[1] Селькова А.А. Судебный активизм: в поисках концептуальной ясности // Вестник гражданского процесса. 2024. № 4. С. 197–207.

[2] Барак Аарон. Судейское усмотрение: пер. с англ. М.: Норма, 1999. С. 120, 62.

правотворчество, а в другом – «нетипичные источники правоприменения», «квазиисточники права» и др. Профессор М.Н. Марченко в этой связи отмечает, что «независимо от своего названия и других внешних атрибутов формы судейского права обладают такими общими признаками и чертами, как наличие в их содержании не только индивидуальных, но и общих норм, их общеобязательный характер, распространение содержащихся в них правил поведения на неопределенный круг лиц, многократность применения»[1]. Надо сказать, что возникновение концепции судейского активизма также связывают с феноменом судебного правотворчества[2].

Как правило, судья пользуется предоставленным ему правом судейского усмотрения для преодоления пробельности или коллизионности закона, однако в отдельных случаях судейское усмотрение принимает крайнюю форму – форму судейского активизма, и вот уже тогда, по мнению исследователей, может стать опасным правовым явлением в правоприменительной практике[3]. В противовес судейскому активизму в науке легализовалась категория «судебная сдержанность».

Сторонники идеи судебного активизма видят его функциональные характеристики не только в том, что судья (суд) своими актами непосредственно конкретизирует пространство права, но и имеет полномочия указывать другим органам власти на необходимость принятия необходимых норм. И делает это не только Конституционный Суд. Как справедливо отмечает В.В. Лазарев, «на возможность в судебном порядке обязать принять нормативный правовой акт в случае, если соответствующая обязанность органа государственной власти, органа местного самоуправления предусмотрена законом, а недостаточная правовая урегулированность административных и иных публичных

---

[1] Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 5.

[2] Эффективность законодательства в экономической сфере: научно-практическое исследование / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 315.

[3] Аристова К. Судейский активизм: благо или зло? // Сравнительное Конституционное обозрение. 2012. № 3 (88). С. 128–135.

правоотношений может повлечь нарушение прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, указано Пленумом Верховного Суда РФ…»[1].

Надо сказать, что внимательный анализ в контексте использования обозначенных категорий показывает их не всегда тождественное понимание. Так, например, отдельные авторы утверждают, что «практика знает прекрасные примеры гармоничного сбалансирования судейского „активизма“ и императивных требований законодателя, что позитивно влияет на обеспечение правовой определенности и, как следствие, способствует единообразию судебной практики… В онлайн-среде, как представляется, следует поменять принцип состязательности судопроизводства на принцип активизма судьи. Судьи должны вести себя активнее, способствовать заключению мирового соглашения, обращать внимание на ошибки в аргументах обоснования иска»[2]. Последний пример показывает, что категория «судебный активизм» используется в современной науке в достаточно широком диапазоне, что делает затруднительным соответствующую дискуссию уже на уровне базовых понятий. В этом случае важно акцентовать внимание на практико-прикладных аспектах соответствующей проблемы в контексте критического анализа идей аксиологического и формально-правового подходов к правоприменению, чему в данной работе также уделяется значительное внимание. В этой связи еще раз процитируем бывшего председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева «Независимость судей – это не «вещь в себе», а необходимое условие эффективной судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций, справедливого судебного разбирательства. Принцип независимости судей не только не исключает, но и предполагает строгое соблюдение судьями норм материального и процессуального права…», однако «независимость судей основана не только на нормах закона, но и на внутренней правовой и общечеловеческой культуре конкретной личности, ее совести и

[1] Лазарев В.В. Судебный активизм в формировании правового пространства // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 5–17.

[2] Момотов В.В. Пространство права и власть технологий в зеркале судебной практики: современный взгляд // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 112–123.

нравственных идеалах, ответственном и осознанном отношении судьи к возложенным на него задачам»[1].

В заключение отметим следующее. Независимость судей оказывает непосредственное влияние на процесс принятия судебных решений. Для оценки института независимости судей обоснованно использование междисциплинарного подхода, учитывающего, кроме всего прочего, исследования в сфере политологии, социологии, психологии и философии права. Независимость судей представляет собой не только юридическую гарантию, но и сложный социально-культурный феномен, тесно связанный с уровнем правовой и политической культуры общества, состоянием публичной власти. Именно поэтому независимость судей является одним из центральных элементов и показателей состояния конституционной культуры правосудия.

Реализация нравственно-этических начал конституционной культуры правосудия предполагает создание специальных механизмов, обеспечивающих соответствие представителей судейского корпуса высоким требованиям профессиональной этики. В этой связи подчеркивается особая роль органов судейского сообщества – прежде всего квалификационных коллегий судей. Их деятельность является инструментом поддержания профессиональных стандартов, разрешения конфликтных ситуаций, оценки поведения судей и привлечения их к дисциплинарной ответственности. Через систему специальных внутренних механизмов ответственности и самоконтроля судейское сообщество задает необходимые стандарты должного поведения, соответствующее ценностям конституционной культуры правосудия. Отдельного внимания в этой связи требует оценка правовой природы Кодекса судейской этики. Несмотря на корпоративный характер, его содержание имеет ярко выраженную нормативную направленность, в связи с чем актуальным является вопрос о возможностях и пределах применения соответствующих норм в судебной практике.

---

[1] Лебедев В.М. Гарантии независимости судебной власти в Российской Федерации: концепция, история становления и современное состояние // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 9–8.

Рассмотрение института дисциплинарной ответственности судей позволяет выявить соотношение принципов независимости и ответственности. Независимость, являясь охранительным принципом, защищает судью от внешнего давления, а ответственность выступает обратной стороной независимости, ведь без наличия адекватных мер воздействия на судей независимость может превратиться в произвол. Поддержание баланса этих принципов в деятельности судьи лежит в основе конституционной культуры правосудия. В этой связи отдельного внимания заслуживает проблема соотношения судейского усмотрения и судейского активизма.

Независимость судей представляется не только институциональной гарантией, обеспечивающей, в том числе, внешнюю автономию судебной власти, но и важным условием эффективности деятельности судейского корпуса, что требует не только высокого уровня профессионализма, но и особых нравственных качеств судей. Независимость судей обеспечивает доверие граждан к суду, поддерживая устойчивость и преемственность правовой системы и способствуя развитию правового государства.

ГЛАВА 3. КОНСТИТУЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЕ СУДЕБНЫХ ГАРАНТИЙ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ ИНСТИТУТОВ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

§ 3.1. Национальные традиции и духовно-нравственные ценности в практике конституционного правосудия

Масштабы перемен, происходивших в России в последнее десятилетие прошлого века, невозможно переценить, как с точки зрения их влияния на общественное сознание граждан, изменения их быта и жизненного уклада, так и с точки зрения их влияния на национальную правовую систему. Отказ от традиционных идеологических и политических ценностей и установок, на протяжении почти семидесяти лет выступавших основой для всей системы политико-правового регулирования общественных отношений, поставило политическую элиту страны перед необходимостью выработки новых политико-правовых ориентиров. Признавая важность учета изменений в правовой сфере, произошедших до декабря 1993 года, отметим, что переход к принципиально новому этапу конституционно-правового развития Российской Федерации не без оснований связывался именно с появлением на свет новой российской Конституции. Именно таким одновременно традиционным и радикальным способом предполагалось учредить принципиально новую систему политико-правовых отношений, которая бы в максимальной степени соответствовала основным целям и задачам дальнейшего конституционно-правового развития. При этом, исходя из понимания Конституции как важнейшего политико-идеологического документа, предполагалось выстроить новую систему взаимоотношений между человеком и государством, стимулировать развитие политической активности граждан, сделав их полноценными и полноправными участниками конституционно-правовых процессов. Тем самым предполагалось стимулировать развитие конституционно-правовой культуры граждан, как с точки зрения увеличения конституционно-правовых знаний, так и с точки зрения

формирования, принципиально новых конституционно-правовых установок общественного сознания[1].

При этом переход от общественной к индивидуалистической модели взаимоотношений государства и личности выступал в качестве одного из базовых и концептуальных моментов новой российской Конституции. Переход от традиционной для Советского государства модели «государство – личность» к принципиально новой модели «личность – государство» стал олицетворением идеи построения государства нового типа. Однако, как показало время, либерально-индивидуалистическая модель государственности так и не была окончательно принята значительной частью населения России. Анализируя данную ситуацию, следует сказать как о не реализованном потенциале данной идеи, так и ее полном или частичном несоответствии правовому и политическому сознанию и мировоззрению россиян.

В этой связи обратим внимание еще на одно важное обстоятельство. Как отмечается в специальной литературе, «новая» Конституция зачастую закрепляет некоторые ретроспективные положения, которые, по сути, являются попытками задним числом решить проблемы уже ушедшего в прошлое государственного, политического, экономического и социального устройства[2]. И пусть эти проблемы продолжают оставаться актуальными, при попытке их быстрого, или даже сиюминутного конституционно-правового решения, может потеряться стратегическая ценность производимых конституционно-правовых преобразований. При некоторой спорности и дискуссионности данная точка зрения заслуживает своего внимания. Можно привести следующие примеры, имея ввиду оригинальный текст Конституции 1993 года. Свобода экономической деятельности – чтобы люди были сытыми и одетыми, отсутствие государственной идеологии – чтобы сделать невозможной ситуации

[1] Подробнее см.: Баринов Э.Э. Конституционная культура россиян на этапе перехода от либерализации конституционно-правового пространства к защите традиционных ценностей // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2024. № 2. С. 24–34.

[2] Осинцев Д.В. Культурный код российской Конституции // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 6–10.

преследования «несогласных», республики-государства – чтобы свести на нет сепаратистские настроения, тщательно проработанный механизм законодательной деятельности – от желания избежать характерных для Советского государства двух систем правового регулирования, ведомственной и партийной и т. д. На самом же деле Конституция обязана в первую очередь ориентироваться на будущее. Кроме того, в процессе государственного строительства должны четко осознаваться и пониматься реалии дня сегодняшнего. В противном случае можно столкнуться ситуацией, когда «работа над ошибками» придется на уже сильно изменившуюся или на откровенно чужеродную почву.

Именно в этом ключе следует воспринимать оригинальный вариант Конституции РФ 1993 года. Попытка с нуля построить либеральное, демократическое, правовое государство в четком соответствии с конституционно-правовой западноевропейской традицией (по формальным признакам хорошо себя зарекомендовавшей), по сути, происходила от желания решить старые проблемы задним числом, а не заняться разработкой сколько-нибудь новой оригинальной модели молодой российской государственности. Однако, как показало время, такой подход оказался, мягко говоря, не идеальным, а новая российская Конституция, в конечном итоге, не устроила всех. Консерваторы ругали ее за излишний либерализм, а либералы – за то, что положения Конституции не реализуются на практике. В свою очередь, население России, или как минимум, большая его часть так и не смогло встроиться в достаточно жесткие рамки либеральной западноевропейской доктрины государственного строительства. И если с формальной точки зрения базовые конституционные положения особых претензий у людей не вызывали (возможно, по причине банальной конституционно-правовой неграмотности), то складывающаяся на их основе реальная система общественных отношений так и не получила своего одобрения на уровне конституционной культуры.

Одновременно можно сказать, что современная российская Конституция, все-таки в общей массе выполнившая свою основную задачу на конкретном

этапе исторического развития, в какой-то момент стала вызывать слишком большее число вопросов. Оставив далеко позади себя по степени своей универсализации конституции многих демократических государств, Основной Закон нашего государства в итоге стал своеобразным заложником отмеченной универсализации. В ситуации явных и скрытых внешнеполитических и внутреннеполитических вызовов текст Конституции требовал все большего количества разъяснений концептуально-ценностного характера, в том числе в процессе конституционного нормоконтроля. В этой связи особое внимание к вопросам, характеризующим состояние конституционной культуры россиян на момент конституционной реформы 2020 года, вполне объяснимо. Особого внимания данная проблема заслуживает в контексте рассмотрения вопросов конституционной идентичности. Именно конституционная культура в совокупности своих статических и динамических характеристик выступила одним из полноправных «участников» современной конституционной реформы, обозначив целый ряд кризисных и негативных моментов в системе конституционного развития, воспитания и информирования граждан России[1].

Можно сказать, что масштабная конституционная реформа назревала, причем она заранее была легитимизирована как на уровне конституционной культуры политической элиты, так и на уровне конституционной культуры населения. Предполагалось привести конституционный текст в соответствие с истинным конституционно-правовым кодом населения, причем как на уровне основополагающих ценностных установок, так и на уровне частичной реорганизации функционирования системы публичной власти. Во главу угла предполагалось поставить «культурологическое» понимание Конституции, предполагающее ценностный подход и историческую преемственность, который задолго до этого получил свое детальное обоснование на уровне конституционной культуры правосудия, адаптировавшейся для оперативного

[1] Подробнее см.: Баринов Э.Э. Влияние конституционной культуры на ход и содержание конституционной реформы 2020 г. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 8(123). С. 59–61.

реагирования, как на внутриполитические риски, так и на внешнеполитические угрозы.

Какие же вопросы доктринального характера наиболее часто обсуждались представителями правовой науки? Очень активные и страстные споры сложились и вокруг ст. 2 Конституции, определяющей права и свободы человека в качестве высшей ценности. За долгое время существования данной статьи от различных ученых и представителей политической элиты можно было услышать совершенно различные теории по поводу того, что же в современной России должно выступать в качестве высшей ценности. Надо сказать, что представители науки конституционного права относятся к комментированию возможности изменения данной статьи достаточно сдержанно. И это не случайно, ведь «права и свободы как высшая ценность» – это одна из системообразующих основ конституционного правосудия, а поиск баланса между частными и публичными интересами – его основная функция. Как справедливо отмечает Н.С. Бондарь, «поддержание баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов правоотношений… определяют само содержание и основные характеристики судебного конституционализма». «Конституционный Суд РФ является уникальным публично-властным субъектом, призванным находить оптимальный баланс между высшими социальными ценностями – властью и свободой, публичными и частными интересами, защищать личность, общество и государство»[1]. При этом представители политической элиты, в том числе законодатели, не сдерживая себя соображениями юридического характера, могут предлагать в качестве высшей ценности обозначить знаменитую «уваровскую триаду» – православие, самодержавие, народность, тем самым игнорируя ряд системообразующих положений конституционного текста и сложившуюся систему публичной власти в России. Отметим в этой связи, что граф С.С. Уваров был активным сторонником идей национальной самобытности и, как сегодня

[1] Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». 2-е изд., доп. М.: Юрист. 2014. Вып. 2. С. 16, 37.

принято говорить, – цивилизационной идентичности, указывая на то, что Россия является особым государством, отличным от «Восточных и Западных стран»[1]. Однако нельзя не признать, что сегодня воззрения графа С.С. Уварова в контексте современных конституционно-правовых реалий следует признать несколько устаревшими.

Другие авторы предлагают переформулировать ст. 2 Конституции. В контексте обсуждения проблемы преодоления нравственного нейтралитета публичной власти предлагается закрепить в статье второй не основную либеральную секулярную парадигму организации общества, а дать в ней основу динамичного развития Русской цивилизации: «Высшая ценность – это человек, его вера, святыни, Отечество, его достоинство, права и свободы»[2].

Рассматривая вопросы менее глобального характера, вспомним также часто упоминаемую проблему отличного понимания места и роли семьи и брака, в том числе юридического обоснования отличий в правом статусе мужчин и женщин. Надо сказать, что Конституционный Суд РФ выражал свое мнение по данному поводу в соответствующей правовой позиции, тем самым, как отмечают отдельные ученые, расставив «приоритеты не в пользу отцовства, а в пользу государственных интересов»[3]. В соответствующей правовой позиции[4] он подчеркнул особую связанную с материнством социальную роль женщины в обществе. Аналогичную позицию Конституционный Суд озвучил еще раз в

---

[1] Ильин В.Н. Триада С.С. Уварова «православие – самодержавие – народность» // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2018. № 16. С. 33.

[2] Бабурин С.Н. Преодоление нравственного нейтралитета публичной власти как первоочередная задача российского конституционализма // Перспективы конституционно-политического развития России в современном мире. 2024. № 9. С. 15.

[3] Нарутто С.В. Семья как конституционная ценность // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 21–30.

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей» // СПС «КонсультантПлюс».

своем Постановлении от 17.06.2024 № 30-П[1], уточнив, что особая социальная роль женщины в семье, связанная с материнством, предполагает большую погруженность в каждодневную заботу о ребенке. Другими словами, Конституционный Суд указал на то, что забота о ребенке в семье, в узком понимании данного термина, в русле идеи традиционного для России консервативного понимания семейных отношений, в большей степени прерогатива женщины, а служба государству – прерогатива мужчины.

В рамках данной сферы отношений также предлагалось конституционно обосновать приоритет «традиционных» отношений между полами (наиболее радикально настроенные авторы предлагают вернуть соответствующие статьи в Уголовный кодекс РФ). Надо сказать, что данная проблема достаточно часто обсуждается не только учеными-юристами, но и рядовыми россиянами, в том числе в свете последних изменений в отечественном законодательстве. В этой связи обратим внимание на соответствующие изменения в административном законодательстве в части ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних и соответствующую правовую позицию Конституционного Суда РФ, затронувшего проблему «социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений»[2]. Отметим, что по итогам конституционно-правовой реформы конституционный текст обогатился пониманием брака как союза мужчины и женщины, однако сделано это было на уровне 72 статьи Конституции, что вызывает серьезные сомнения в необходимости именно такого способа конституционного регулирования данной сферы отношений.

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2024 № 30-П «По делу о проверке конституционности части 2.1 статьи 65 и пункта 6 части 2 статьи 82 Федерального закона „О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданина В.В. Щеголева» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 26. Ст. 3744.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 40 (Ч. III). Ст. 5489.

Таким образом, духовные и социокультурные начала человеческой жизнедеятельности выступают метаюридическим основанием гармонизации конституционных ценностей. Особое место в этой связи традиционно занимают социокультурные ценности, включающие понимание добра, справедливости, свободы и основывающиеся на сложном историческом опыте и исторической памяти, выступая важным фактором общественного единства, а их защита требует надлежащего правового оформления[1].

Все чаще на уровне текущего законодательства получает свое оформление категория «традиционные духовно-нравственные ценности», в частности с указанием на то, что это именно традиционные «российские» духовно-нравственные ценности[2]. Одновременно в законодательстве можно встретить и «ценности, защищаемые Конституцией»[3]. Актуализация более общего понятия «традиционные духовно-нравственные ценности», в противовес более частному – «традиционные семейные ценности» (которым долгие годы оперировало отечественное законодательство) требует особого внимания со стороны исследователей. Именно защите традиционных духовно-нравственных ценностей в широком понимании этого понятия в социополитических реалиях современной России придается особое значение.

Несмотря на тот факт, что вопросы сохранения и защиты традиционных ценностей в буквальном терминологическом оформлении, как мы уже отметили, все чаще обозначаются на уровне отраслевого российского законодательства,

---

[1] Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации: монография / Н. С. Бондарь, В. И. Крусс, Г. Н. Чеботарев [и др.]; под ред. Г. Н. Чеботарева. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 139–140.

[2] Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 28; Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032; и др.

[3] Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5222.

наиболее полное концептуальное представление о том, как современное Российское государство реализует идею сохранения традиционных ценностей, можно найти на уровне документов программно-политического характера. Речь идет о концепциях, стратегиях, основах государственной политики и др. С 2014 года в России действует Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[1], который посвящен правовым основам соответствующей проблематики на уровне принципов, целей, задач, полномочий конкретных органов, координации их деятельности и др.

Научно-теоретическая проработка проблемы традиционных духовно-нравственных ценностей на уровне соответствующих документов программного характера зачастую вызывает вопросы. Объективности ради следует отметить, что «программные» документы, как правило, издаваемые на уровне Президента РФ, Правительства РФ и отдельных министерств, обладают своей спецификой и не могут рассматриваться в качестве «классических» нормативных правовых актов, содержащих традиционный набор конкретных и юридически выверенных правовых предписаний. Не случайно в юридической науке их принято называть «политико-правовыми» документами[2]. Вопрос о реализации основных целей и задач, поставленных в стратегических программных правовых актах, также заслужил отдельного внимания в отечественной науке[3]. Традиционно в документах программного характера предпочтение отдается формулировкам, больше подходящим для политического или публицистического дискурса, к сожалению, не подразумевающим свое точное и единое правовое прочтение. Так, например, в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, в

[1] Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

[2] Мушинский М.А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 488–499.

[3] Правкина И.Н. Правовые стратегии как источник развития современного права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. С. 13.

разделе «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти»[1] можно встретить следующие формулировки: традиционные духовно-нравственные ориентиры и устойчивые моральные принципы, базовые моральные и культурные нормы, религиозные устои, семейные ценности, абсолютизация свободы личности, чуждые идеалы и ценности, базовые нормы морали, культурный суверенитет и «вестернизация» культуры, традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности и др.

Последнее «сочетание» встречается в обозначенной концепции наиболее часто. При этом свое полноценное раскрытие получает только категория «традиционные российские духовно-нравственные ценности», которые представлены путем их перечисления, без обобщающей содержательной характеристики и без какого-либо разделения на группы. Однако соответствующую группировку, без изменения последовательности перечисления «ценностей» в тексте Стратегии, все же можно произвести:

- жизнь, достоинство, права и свободы человека;

- патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу;

- высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным;

- гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение;

- историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Отметим, что в документе, который прямо заявлен как «конкретизирующий» по отношению к данной стратегии, а именно в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденных Указом

[1] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809[1], содержится дословно аналогичный перечень, который в самом тексте документа, в отличие от его названия, обозначен сокращенно, уже как «традиционные ценности». Это позволяет говорить о наличии условно «устоявшегося» и дважды легитимизованного на формально-правовом уровне перечне «традиционных ценностей» (иногда еще и российских, и духовно-нравственных), а также дает возможность рассматривать заявленную «модель традиционных ценностей» как соответствующую подсистему государственного политико-правового механизма.

Несмотря на тот факт, что отдельные авторы призывают не воспринимать заявленную систему ценностей «механически», ввиду того, что они нуждаются в расширительном толковании[2], в первую очередь оценим предложенную систему ценностей с формально-юридических позиций. Прежде всего, обратим внимание на тот факт, что если рассматривать данную систему в иерархическом аспекте, то первое место, как и в прежние времена, отдается жизни, достоинству и правам и свободам человека. Несмотря на многочисленные, а в отдельных случаях и достаточно радикальные претензии к содержательному наполнению ст. 2 Конституции, согласно которой «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», данное положение остается незыблемым, что находит свое подтверждение в обозначенных нами стратегических документах. Можно предположить, что формально современная отечественная концепция сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей, даже в том виде, в каком она сформулирована на уровне программно-политических документов, содержит в себе некоторое внутреннее противоречие. С одной стороны, предлагается избегать «абсолютизации свободы личности», с другой, – «жизнь и права и свободы человека» поставлены на первое место в «перечне»

[1] Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

[2] Митин А.Н., Лебедев Д.В. Духовно-нравственные ценности в правовых документах России: отражение в информационном пространстве // Современное право. 2024. № 9. С. 5–17.

традиционных духовно-нравственных ценностей россиян, и только потом упоминаются «патриотизм, гражданственность, служение Отечеству».

Признавая некоторую искусственность проблемы ценностного дисбаланса и излишней либеральности базовых положений Конституции РФ, выразившейся в том, что на уровне текста Основного Закона получила свое закрепление несколько идеализированная и, по мнению отдельных ученых, архаичная модель естественных и неотчуждаемых прав и свобод, а также учитывая тот факт, что практика Конституционного Суда РФ наглядно демонстрирует приверженность национальным культурным ценностям и традициям[1], все же отметим, что в настоящее время подходы к нормативно-правовому обеспечению идеи сохранения традиционных ценностей могли бы быть и несколько иными.

Небезынтересным является уяснение вопроса том, каким образом традиционные духовно-нравственные ценности, закрепленные именно в документах программно-политического характера, защищаются в рамках деятельности органов судебной власти. Имеется ввиду не традиционная, например, для Конституционного Суда РФ апелляция к ценностям социокультурного характера при обосновании своих решений, а буквальное определение традиционных ценностей в качестве объектов правовой защиты по отдельности (как они перечислены в указах Президента) или в целом.

Такие ценности, как жизнь, достоинство, права и свободы человека, крепкая семья защищаются судами в обычном порядке, ввиду того, что соответствующие правонарушения и преступления четко прописаны на уровне отраслевого законодательства. Сюда же можно отнести и созидательный труд, в значении – защита трудовых прав, за вычетом политико-философских содержательных характеристик данного понятия.

Указание на то, что такая, например, ценность, как крепкая семья, выступает самостоятельным объектом защиты, также необходимо

---

[1] Бондарь Н.С., Баринов Э.Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть I. Конституционное мировоззрение в ценностном измерении обновленной Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 11–12.

рассматривать с некоторой долей условности. Государство, с одной стороны, признает «крепкую семью» традиционной духовно-нравственной ценностью, а с другой – не создает юридических условий для ее полноценной охраны, ввиду отсутствия формально-юридического определения последней[1]. В этой связи предлагается сделать традиционные духовно-нравственные ценности полноценным объектом правовой охраны, в частности на уровне уголовного законодательства[2].

В отношении таких духовно-нравственных ценностей, как гуманизм и справедливость, отметим, что последние также выступают принципами уголовного законодательства (в отличие, например, от милосердия), а требование справедливости еще учитывается при применении гражданского законодательства по аналогии. Кроме того, справедливость выступает принципом процессуальных отраслей права. Другими словами, соблюдение нижестоящими судами обозначенных принципов и требований могут быть предметом разбирательства в суде (как в кассации, так и в апелляции)[3]. Однако утверждать, что справедливость может выступать как ценность, напрямую выступающая в качестве объекта защиты в суде, нельзя. Это противоречило бы теории современной юриспруденции, с точки зрения которой справедливость – это принцип, идея или требование к осуществлению правосудия.

Такие ценности, как «историческая память, единство народов России, преемственность поколений, служение Отечеству, ответственность за судьбу Отечества, патриотизм, гражданственность, высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, милосердие, коллективизм, взаимопомощь, взаимоуважение», наиболее проблематично рассматривать в качестве самостоятельных объектов защиты. В качестве самодостаточных

---

[1] Кашкина Е.В. Уголовно-правовая охрана „крепкой семьи“ как элемента традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Российский судья. 2024. № 5. С. 24–27.

[2] Кашкина Е.В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект уголовно-правовой охраны. Часть первая // Российский судья. 2024. № 9. С. 16–19.

[3] Например, Апелляционное определение Суда Еврейской автономной области от 17.01.2025 33-15/2025 (УИД 79RS0002-01-2024-004422-12) // СПС «Консультант Плюс».

объектов защиты на уровне судов общей юрисдикции традиционные духовно-нравственные ценности, в обозначенном нами понимании, не выступают за исключением «пятерки» – жизнь, достоинство, права и свободы человека, семья, труд. Это, в том числе, породило в юридической литературе активную дискуссию по поводу того, равнозначны ли обозначенные «ценности» по содержанию и лексическому наполнению и что в предложенном «списке» действительно является «ценностью», а что необходимо относить к другим феноменам правовой действительности. Обращаясь к практике высших судов, отметим, что они в процессе преодоления коллизий и пробелов в праве при вынесении решения могут апеллировать ко всем обозначенным ценностям, однако напрямую последние объектом защиты выступают лишь в очень ограниченном числе случаев. Так, например, в правовых позициях Конституционного Суда РФ можно встретить (причем в заявленных Указом формулировках) апелляцию к таким ценностям, как патриотизм, гражданственность, гуманизм, милосердие, коллективизм, историческая память, преемственность поколений, единство народов России (в текстах решений – единства российского народа). Такие ценности, как служение Отечеству и ответственность за его судьбу, приоритет духовного над материальным, высокие нравственные идеалы, взаимопомощь и взаимоуважение еще ждут своего использования в конституционном судопроизводстве.

Отдельное место в практике конституционного правосудия в ряду иных традиционных ценностей занимает достоинство. Оно может рассматриваться как в контексте соответствующего субъективного права, так и в уже обозначенном качестве. Достоинство человека занимает в правовом статусе человека ключевое место, что подчеркивает его абсолютный характер и предопределяет природу соответствующего субъективного права. Закрепление достоинства сразу после права на жизнь отражает аксиологическую связку этих ценностей и задает фундаментальную основу всей системы конституционных прав. Понимание человека как личности предполагает признание за ним уникальных биопсихосоциальных качеств и автономии, что отличает достоинство от чести,

связанной с внешней социальной оценкой. Именно присущее каждому человеку достоинство задает пределы государственного вмешательства и формирует содержание его правовых притязаний. В конституционной юриспруденции достоинство включается в круг базовых ценностей – наряду со свободой, равенством, справедливостью и верховенством права – и пронизывает всю нормативную ткань позитивного права.

Как универсальная конституционная ценность достоинство образует системную связь со всеми правами и свободами, которые нередко выступают его гарантийными механизмами. Поскольку сущность отдельных прав включает элементы достоинства, ограничение любого из них фактически означает его умаление. Конституционный Суд рассматривает уважение и охрану достоинства как самостоятельный нормативный критерий, коррелирующий с другими фундаментальными принципами. Не случайно именно конституционно-правовая защита человеческого достоинства стала темой Информации Конституционного суда РФ от 30 октября 2025 года.

Напомним, что конституционная реформа 2020 года в качестве одной из своих задач заявляла защиту традиционных национальных ценностей. Однако, как мы помним, решения о пересмотре системообразующих и центральных глав Конституции РФ принято не было. По этой причине реальные возможности законодателя пойти по пути заявленного на уровне политической риторики более консервативного подхода в государственном строительстве и радикальным образом переформатировать систему национально-государственных ценностей не представлялось возможным. Таким образом, на сегодняшний день Конституция России все еще представляет образец достаточно сдержанного, унифицированного и универсализированного подхода, национальная ориентированность которого не выглядит такой уж очевидной. Вне всякого сомнения, соответствующие вопросы достаточно успешно преодолеваются на уровне судебной системы, в частности конституционного судопроизводства и национального законодательства. Однако на уровне

обыденного сознания к содержанию Конституции РФ у значительной части населения России могут быть и отдельные вопросы.

Именно Конституция, в отличие от остальных нормативных правовых актов государства, выступает не только в качестве документа, обладающего высшей юридической силой, но и представляется документом сакральным, наделяемым в общественном сознании характеристиками, далекими от исключительно формально-юридических и в целом определяющими правовой дух гражданской нации, ее культурный код и традиционную систему морально-нравственных принципов и ориентиров. Не случайно в юридической науке даже получила развитие идея Конституции как «культурного артефакта», как основы «формирования прочного конституционного строя, конституционного правосознания граждан и соответствующей правовой культуры… формирования соответствующего конституционного культурного кода, который выражается в узнаваемости текста Конституции»[1]. В том числе, таким образом, подчеркивается особая сакральная значимость данного правового документа. В этом контексте тот факт, что идея защиты традиционных духовно-нравственных ценностей изначально представлена в действующей Конституции не вполне системно, обращает на себя внимание.

Анализируя в этой связи результаты конституционной реформы 2020 года, автор обращает внимание на тот факт, что значительное обновление гл. 3 Конституции РФ привело к изменению ценностной ориентации в направлении традиционных оснований российской государственности. По нашему мнению, соответствующие поправки заложили прочную основу для имплицитных, т. е. вытекающих из общих начал конституционного регулирования, характеристик традиционных национальных ценностей. Именно такими являются, например, нормы статьи 67.1 (о памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога; о защите исторической правды), статьи 75.1 (о защите достоинства граждан; сбалансированности прав и обязанностей гражданина; о социальном

[1] Андреева Г.Н. Национальная конституция как историко-культурный артефакт // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 9. С. 18–25.

партнерстве; экономической, политической, социальной солидарности) и др. Можно согласиться с авторами, которые рассматривает феномен духовно-нравственных ценностей как конституционный фундамент современного российского права, тогда как сами поправки имеют не техническое, а мировоззренческое значение, значительным образом усиливающие нравственное содержание Конституции РФ. При этом основная проблема реализации идеи традиционных ценностей – формально определенный механизм их реализации[1]. Одновременно отметим, что на сегодняшний день мы имеем весьма значительный блок решений Конституционного Суда РФ, в которых конституционно-судебная аргументация во многом основывается на конституционных поправках, отражающих национальные духовно-нравственные ценности[2].

Другие авторы акцентируют внимание на необходимости совмещения традиционной идеи прав человека как объекта правовой охраны с традиционными ценностями, которые в большей степени характеризуют мировоззренческое измерение правовой политики государства, что приводит к выводу о том, что традиционные ценности скорее не объект защиты, а способ

[1] Кузнецова А.А. Духовно-нравственные ценности в праве России: конституционные основы становления и развития // Современное право. 2025. № 1. С. 22–25.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2025 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3.1, подпункта 3 пункта 4 статьи 8 Федерального закона „О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей“, части 4 статьи 10 Федерального закона „О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей“, части 1 статьи 109.1 Жилищного кодекса Российской Федерации, а также положений статей 327.1 и 379.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Р.С. Темиржановой» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 30 (ч. III). Ст. 4622; Постановление Конституционного Суда РФ от 18.11.2025 № 39-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Магаданской области» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 48 (ч. IV). Ст. 7474; Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона „О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей“ в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28 (ч. II). Ст. 5629; и др.

(определенный подход) к толкованию прав с использованием междисциплинарного подхода[1].

В хронологическом, историко-правовом плане отметим тот факт, что долгое время в отечественном правом поле признание имела лишь правовая категория «традиционные семейные ценности». Не случайно, что защите традиционных семейных ценностей посвящено значительное количество законодательных новелл в последние годы[2]. Не все комментарии, касающиеся законодательного регулирования в данной сфере, являются положительными, даже в свете новых конституционно-правовых подходов, например, после определения на конституционном уровне понятия «брак». Учитывая тот факт, что сделано это было в контексте компетенционной по своей направленности статьи 72 Конституции, возникли сомнения в оптимальности и, более того, целесообразности именно такого способа конституционного регулирования данной сферы отношений.

Надо сказать, что Конституционный Суд РФ всегда активно продвигал идею защиты традиционных семейных ценностей[3]. В контексте проблемы защиты традиционных семейных ценностей путем противодействия ЛГБТ идеям можно вспомнить соответствующую правовую позицию Конституционного Суда РФ, затронувшего проблему «социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений»[4], не в пользу последних, по итогам

---

[1] Пермиловский М.С. Права человека в системе традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 8. С. 3–7.

[2] Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 45. Ст. 7061; Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3340; и др.

[3] Подробнее см.: Баринов Э.Э. Либеральный и консервативный подходы к оценке Конституции Российской Федерации и перспектив дальнейшего конституционно-правового развития России // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. Т. 31. № 3. С. 26–32.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 40 (ч. III). Ст. 5489.

изменений, внесенных в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части введения ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (ст. 6.21).

Можно также вспомнить, что не так давно Верховный Суд РФ признал Международное общественное движение ЛГБТ и его структурные подразделения экстремистской организацией, указав на то, что последнее пропагандирует идеологию «разрушения традиционных ценностей, семьи и брака что также повлекло за собой целый ряд судебных решений об участии в деятельности экстремистской организации, запрете ряда информационных ресурсов и иных решений соответствующей направленности. Основной упор был сделан именно на разрушение традиционных семейных ценностей, что позволяет сделать вывод: в отдельных случаях деятельность, направленная на разрушение традиционных ценностей может быть квалифицирована в судебной инстанции и как экстремистская. В этой связи, правда, остаются вопросы: насколько такое понимание экстремистской деятельности соответствует ее определению, данному в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[1], где соответствующие основания для квалификации прямо не указаны. Для сравнения, например, Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» разделяет «экстремистские материалы» и «материалы, пропагандирующие нетрадиционные сексуальные отношения»[2].

Насколько часто идея традиционных духовно-нравственных ценностей учитывается в процессе судебного разбирательства судами, которые мы не относим к высшим судам? Как это ни удивительно, часто, в случаях, когда в судах рассматриваются дела о блокировке тех или иных информационных, в том числе расположенных в сети Интернет, ресурсов. В последнем случае суды или сами апеллируют к концепту традиционных ценностей, или соглашаются с

[1] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

[2] Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.11.2024) «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. 8 февраля.

соответствующей позицией стороны участника процесса вполне охотно. В этой связи в судебной практике даже утвердилась категория «размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей». При этом диапазон сопутствующих «претензий» к соответствующим информационным ресурсам может быть достаточно широк – от распространения материалов порнографического характера и воздействия на безопасную информационную окружающую среду, до призывов к экстремистской и террористической деятельности. Обобщающей итоговой формулировкой во многих случаях выступает следующая – «оказывается информационное воздействие на население России в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[1]. В этой связи отметим, что формулировка «размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей» появилась на уровне подзаконных актов задолго до официального представления перечня последних и сохранилась в соответствующих актах и до наших дней[2].

В судебных решениях (в аналогичном контексте – запрет информационных ресурсов или проведения публичных акций) также можно встретить схожие формулировки «отрицание традиционных ценностей» в случае, когда речь,

---

[1] Решение Кировского районного суда города Санкт-Петербурга № 2А-3417/2020 2А-3417/2020~М-2337/2020 М-2337/2020 от 6 июля 2020 г. по делу № 2А-3417/2020. URL: https://sudact.ru/regular (дата обращения: 11.04.2025); Апелляционное определение Московского городского суда от 04.04.2024 по делу № 33-13630/2024 (УИД 77RS0015-02-2023-013715-43) // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 12.02.2024 № 33-5161/2024 (УИД 77RS0002-02-2023-012997-73) // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 15.01.2018 № 33а-505/2018 по делу № 2-5353/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 15.01.2024) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7477; Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074; Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 13.12.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Реализация государственной национальной политики“» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 2 (часть I). Ст. 361; Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2406; и др.

например, идет об информационных материалах «церкви сатаны»[1], «отрицание традиционных семейных ценностей»[2] применительно к ЛГБТ пропаганде или «отказ от традиционных ценностей» в случае признания книг экстремистскими материалами[3]. Отметим, что соответствующая формулировка была заявлена в названии Федерального закона от 29.06.2013 № 135-ФЗ [4], а в самом тексте не прозвучала.

Защита традиционных ценностей как одна из целей деятельности общественной организации или органа публичной власти также часто фигурирует в тексте судебных решений[5]. Отдельная сфера обращения к традиционным ценностям в судебных решениях – положительная характеристика истца – «истец по месту жительства и работы характеризуется положительно, в т. ч. как человек, поддерживающий и исповедующий традиционные ценности»[6], «устойчив по отношению к традиционным

[1] Решение Кулебакского городского суда Нижегородской области № 2А-1200/2024 2А-204/2025 2А-204/2025(2А-1200/2024;)~М-1011/2024 М-1011/2024 от 23 февраля 2025 г. по делу № 2А-1200/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.10.2020 № 88а-14413/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14.05.2025 № 88А-7128/2025 (УИД 42RS0009-01-2021-010707-93) // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Федеральный закон от 29.06.2013 № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона „О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 26. Ст. 3208.

[5] Решение Гулькевичского районного суда Краснодарского края № 12-10/2019 12-244/2018 от 11 февраля 2019 г. по делу № 12-10/2019. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 11.04.2025); Решение Еланского районного суда Волгоградской области № 2А-257/2020 2А-257/2020~М-233/2020 А-257/2020 М-233/2020 от 28 июля 2020 г. по делу № 2А-257/2020. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 11.04.2025); и др.

[6] Решение Ухтинского городского суда Республика Коми № 2А-2345/2020 от 27 июля 2020 г. по делу № 2А-820/2020~М-214/2020. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

ценностям»[1], «приоритетными остаются традиционные ценности, такие как семья и сын»[2] и др.

В отдельных случаях подсудимые, стараясь добиться смягчения наказания (правда, отметим, что суды не всегда идут им на встречу), ссылаются на свои традиционные ценности (возможно обусловленные принадлежностью к определенной этнической группе). Часто речь идет о насильственных преступлениях – «просил суд учесть… его восточный менталитет и восточные традиционные ценности»[3], «свидетель в судебном заседании показал, что (подсудимый) – представитель традиционных ценностей»[4] и др. В качестве положительных характеристик истца могут также использоваться отдельные традиционные ценности из официального списка, например, «воспитание детей в духе патриотизма»[5].

Кроме того, апелляция к традиционным морально нравственным ценностям используется осужденными за насильственные преступления, даже если соответствующая формулировка прямо не используется, в целях в какой-то степени «оправдать» свое поведение. В частности, подсудимые могут просить учесть неблагоприятный психологический фон, сложившийся по вине представителя нетрадиционной ориентации[6], или же прямо отсылать к нетрадиционной сексуальной ориентации потерпевшего[7].

---

[1] Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда Ставропольского края № 22-2581/2019 от 3 июня 2019 г. по делу № 22-2581/2019. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

[2] Апелляционное постановление Верховного суда Республики Мордовия от 20.05.2015 № 22-842/2015) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Приговор Чаунского районного суда Чукотского автономного округа № 1-20/2020 от 5 июля 2020 г. по делу № 1-20/2020. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

[4] Приговор Богородицкого районного суда Тульской области № 1-1/2020 1-177/2019 от 16 января 2020 г. по делу № 1-1/2020. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

[5] Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2025 по делу № 77-767/2025 (УИД 34RS0040-01-2024-000184-03) // СПС «КонсультантПлюс».

[6] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2024 № 43-УД24-9-А4 // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Определение Верховного Суда РФ от 23.06.2005 № 67-005-36 // СПС «КонсультантПлюс».

В отдельных судебных решениях можно встретить отсылку и на сам обсуждаемый нами Указ Президента от 9 ноября 2022 г. № 809 с перечнем конкретных традиционных ценностей, но без указания на конкретную защищаемую ценность[1].

В отдельных случаях предметом защиты со стороны судов становится традиционное понимание семьи и семейных отношений как союза «одного мужчины» и «одной женщины». Так, принимая решение о ликвидации местной религиозной организации (поддержанное в кассационной и апелляционной инстанции), суд определил, что в учении организации, в том числе, содержатся прямые и косвенные призывы к созданию «треугольников», предполагающих совместное проживание мужчины с женой и женщиной, симпатизирующей мужчине и приглашенной в семью по инициативе жены[2]. Соответствующее, не буквальное, ограничение на содержание религиозного учения содержится в ст. 14 Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Сформировавшийся на сегодня перечень традиционных ценностей не включает напрямую ценности религиозного характера. Речь идет буквально о самом «перечне ценностей», а не о том, какое раскрытие данная проблема получает на уровне текста соответствующих программных документов в целом. В развитие проблемы отметим, что много дискуссий породило изначальное определение России как светского государства, в котором «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» (ст. 14 Конституции РФ). Несмотря на тот факт, что современное российское отраслевое законодательство трактует данный принцип достаточно широко[3], не утихают споры по поводу конституционного закрепления особого статуса

---

[1] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14.05.2025 № 88А-7128/2025 (УИД 42RS0009-01-2021-010707-93) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Решение Красноярского краевого суда от 24.10.2022 № 3А-1/2022 (УИД 24OS0000-01-2020-000829-11) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Исаева А.А. Признаки светского государства и особенности их реализации в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 28–34.

традиционных религий и их места и роли в жизни современного российского общества.

Сама по себе идея привлечения традиционных религиозных конфессий к решению проблем сохранения традиционных ценностей в тексте актуальных на сегодня программных документов присутствует. Аналогичным образом роль религиозных объединений была обозначена еще в Концепции национальной безопасности Российской Федерации образца 1997 года[1], в которой, в частности, указывалось на то, что «важнейшую роль в сохранении традиционных духовных ценностей играет деятельность Русской православной церкви и церквей других конфессий». Интересен тот факт, что в относительно самостоятельной Концепции национальной безопасности Российской Федерации образца 2000 года[2] (формально выступающей в качестве «редакции» Концепции 1997 года) упоминание о «важнейшей роли конфессий» в соответствующей сфере отсутствует. Обойден вниманием данный вопрос и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (2009 года)[3], и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (2015 года)[4]. Положение об участии традиционных конфессий в деятельности, направленной на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, было «возвращено» в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации образца 2021 года, однако уже без отдельного упоминания особой роли

[1] Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 52. Ст. 5909.

[2] Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 170.

[3] Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

[4] Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

Православия[1]. Сама же религия как основа традиционных ценностей в данном документе не рассматривается.

Такой подход к пониманию категории «традиционные ценности» в контексте традиционных религиозных ценностей заслуживает отдельной дискуссии, тем более что в упомянутых Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей содержится положение о том, что «христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии… оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан», а особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит именно православию.

В целом, «особая роль» традиционных конфессий в деле сохранения традиционных ценностей, как и идея религиозных учений в качестве их основного источника, в рассмотренных документах присутствуют достаточно схематично, в том числе в контексте защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. В этой связи напомним, что у консервативно настроенных представителей политической элиты, как и у определенной части населения, обозначение России как светского государства, в котором религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом (ст.14 Конституции РФ), традиционно вызывает неприятие. Несмотря на тот факт, что современное российское отраслевое законодательство трактует данный принцип достаточно консервативно[2], не утихают споры по поводу именно конституционного закрепления особого статуса традиционных религий и их места и роли в жизни современного российского общества.

Особое отношение к религиозному компоненту конституционной культуры в контексте обсуждения проблемы единства нормативно-правовых и нравственно этических начал отечественной конституционной культуры не

---

[1] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

[2] Исаева А.А. Признаки светского государства и особенности их реализации в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 28–34.

случайно. С одной стороны, в любом современном государстве существует объективная необходимость юридического оформления системы государственно-конфессиональных отношений, уровня религиозной свободы в государстве и др. С другой стороны, человеческие представления о добре и справедливости формируются, в том числе, и под воздействием религиозных учений. Легитимизация отдельных элементов политико-правовой системы нередко происходит на уровне религиозной культуры. Неслучайно в юридической литературе отмечается, что в России религиозность «выступает неотъемлемой формой общественной жизни и важным свойством российской правовой культуры»[1], а взаимодействие религиозного и правового сознания происходит на уровне «непосредственного вхождения в социально-жизненные процессы, а не через усвоение некоей рациональной схемы поведения и внешнего приказа»[2]. Значительный интерес в контексте обсуждения данной проблемы представляют работы как дореволюционных церковных правоведов и богословов (С.Н. Булгаков, Н.А. Заозерский, Ю.А. Кулаковский, А.П. Лопухин, Н.Ф. Мухин, Н.С. Суворов, М.М. Тареев, Е.Н. Трубецкой и др.)[3], так и современных ученых, занимающихся разработкой религиозных корней нравственно-этических основ права (Г.Г. Арутюнян, П.Д. Баренбойм, В.Г.

[1] Чупрова А.А., Хиль И., Епифанова Е.В. Об осмыслении религиозной обусловленности правосознания в правоприменении // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11(179). С. 58.

[2] Петюкова О.Н. Влияние религиозного фактора на формирование правосознания современного российского общества в контексте международного права // Право и управление. XXI век. 2008. № 2 (7). С. 93.

[3] См.: Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах / вст. ст., сост., подготовка текста и примечания С.С. Хоружего. М.: Наука, 1993; Пермиловский М.С. Н.А. Заозерский о духовной стороне права // Юридическое образование и наука. 2024. № 5. С. 42–45; Фоминская М.Д. Ценности достоинства человека и равноправия в законодательстве Моисея: государственно-правовые исследования А.П. Лопухина // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 1. С. 44–49; Дорская А.А. Юридическое наследие Николая Семеновича Суворова // История государства и права. 2009. № 13. С. 17–20; Тореева Т.А. Концепция ценностей в философии М.М. Тареева: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 2009; Трубецкой Е.Н. Звериное царство и грядущее возрождение России / кн. Евгений Трубецкой. [Б. м. : б. и.], 1919; и др.

Графский, А.А. Гусейнов, А.И. Овчинников, Р.А. Папаян, Д.Ю. Полдников и др.)[1].

Надо сказать, что светский характер государства, декларируемый большинством современных конституций, не означает наличия единого шаблона, по которому выстраивалась бы вся система государственно-конфессиональных отношений. Как отмечает профессор Н.С. Бондарь, в условиях острого геополитического противостояния наблюдается «культурно-идеологическая» политизация права. Последствием подобной политизации выступают «противоречивые процессы активной секуляризации законодательства в западных демократиях, с одной стороны, и столь же активная клерикализация права и конституций в других государствах мира – с другой»[2].

Таким образом, учет особенностей религиозной культуры народов, населяющих государство, – это важная и актуальная задача, которая возлагается, в том числе, на современного законодателя. Круг вопросов, которые изучаются в этой связи представителями конституционно-правовой науки, можно свести к следующим: 1) свобода вероисповедания, свобода атеистических убеждений, свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды; 2) правовые основы организации и деятельности религиозных объединений; 3) реализация принципов светского государства в повседневной деятельности граждан,

---

[1] См.: Арутюнян Г.Г. Конституционализм в контексте конституционной культуры нового тысячелетия // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2014. № 1. С. 22–34; Баренбойм П.Д. 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера. М., 2003; Папаян Р.А. Христианские корни современного права. М.: Норма, 2002; Современное государство и личность в историческом и философско-правовом осмыслении, Москва, 02–03 октября 2017 года / отв. ред. и сост. д-р юрид. наук, проф. В.Г. Графский. М.: Норма, 2017; Полдников Д.Ю. Правовая традиция как основа сравнительного изучения устойчивого правового многообразия мира // Право и управление. XXI век. 2025. Т. 21. № 1(74). С. 31–39; Овчинников А.И. Церковная символика и правовые символы: единство, различие, взаимодействие // Юридическая техника. 2026. № 20. С. 33–37; Овчинников А.И., Хажироков В.А. Роль религиозных ценностей в формировании правомерного поведения: теолого-правовой аспект // Противодействие преступности: актуальные проблемы теории и практики: материалы XXVI Международной научно-практической конференции, Краснодар, 20–21 мая 2022 года. Краснодар: ФГКУВПО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации», 2023. С. 101–103; и др.

[2] Бондарь Н.С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 28.

деятельности образовательных учреждений, учреждений, оказывающих услуги медицинского характера, деятельности органов публичной власти и др.; 4) обеспечение конституционной безопасности в контексте защиты религиозной идентичности населения России.

Религиозный компонент конституционной культуры формируется при непосредственном участии Конституции. Именно на конституционном уровне закладываются базовые составляющие религиозной свободы, оказывающие значительное влияние и на состояние конституционной культуры. С другой стороны, уже сложившиеся конституционно-правовые представления о месте и роли религии в жизни государства и общества влияют и на характер закрепленных в Конституции положений. Необходимо помнить, что рассмотрение конституционной культуры возможно как в контексте анализа восприятия проявлений конституционной действительности, так и с позиций традиционного понимания культуры как универсального способа человеческого самовыражения. В последнем случае изучение религиозного компонента конституционной культуры также приобретает огромное значение.

Особое отношение к Конституции как к документу, определяющему стратегические направления, в том числе государственно-конфессионального развития, формируется под воздействием целого ряда обстоятельств. С одной стороны, текст Основного Закона призван закрепить сложившуюся систему общественных отношений, а с другой, – наметить ориентиры желательного для государства их дальнейшего развития. Серьезного внимания заслуживает и вопрос о том, насколько конституционные положения в области религиозной свободы декларативны и каким образом они реализуются на практике. В этой связи отметим, что советские конституции в некоторой части своих положений служили в большей степени абстрактным идеологическим целям, выступая так называемым, «внешним конституционным атрибутом». При этом с реальными конституциями нередко конкурировали «партийные конституции» (Программы

РКП(б), ВКП(б) и КПСС), которые стояли значительно выше «формальных» советских конституций[1].

Как справедливо отмечается в юридической литературе, провозглашение России на конституционном уровне в качестве светского государства стало итогом долгой и кропотливой работы, как представителей публичной власти, так и ученых, общественных и религиозных деятелей. Однако основные сущностные характеристики светского государства на конституционном уровне раскрыты не были[2], в результате чего мнения по поводу «партнерских» отношений между государством и «традиционными» религиозными конфессиями разделились[3]. Немало вопросов вызывает и реализация на практике ч. 4 ст. 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», в соответствии с которой деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления не сопровождается публичными религиозными обрядами и церемониями. Кроме того, соответствующая дискуссия затрагивает и сферу светскости российского образования, также актуализировав ряд важных, требующих своего законодательного обеспечения проблем[4].

На сегодняшний день на конституционном уровне так и не произошел активно обсуждаемый многими консервативно настроенными учеными отказ от идеи светского государства (как и понимание идеи светскости в особом консервативном ключе). Религиозные объединения, представляющие традиционные религии (конфессии), не получили от государства каких-либо особых преференций, как минимум, на уровне федерального законодательства. Финансовая помощь традиционным конфессиям носит, как правило, разовый и

---

[1] Петренко Д.С. Взаимодействие органов власти Союза и союзных республик в сфере конституционного нормоконтроля на этапе становления СССР // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 4. С. 1–11.

[2] Митюков М.А. Образ светского государства: по материалам Конституционной комиссии Съезда народных депутатов РСФСР (РФ) (1990– 1993 гг.) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 4. С. 58–65.

[3] Исаева А.А. Правовое регулирование миссионерской деятельности: российские реалии и опыт стран Содружества Независимых Государств // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 3. С. 27–45.

[4] Янкевич С.В., Княгинина Н.В. Светский характер общего образования в Российской Федерации // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 91–101.

целевой характер. Разговоры о введении «церковного налога» не идут дальше общетеоретических рассуждений консервативно настроенных авторов. Существующие же на сегодняшний день налоговые льготы, предусмотренные Налоговым кодексом РФ, в равной степени распространяются на все религиозные объединения, имеющие официальный статус религиозной организации (в отдельных случаях и религиозного объединения). Аналогичные соображения можно высказать и в отношении Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». Отметим также, что и сами термины «традиционные религии» и «традиционные конфессии» на уровне отраслевого законодательства не прозвучали. В преамбуле Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» говорится исключительно о признании особой роли православия в истории России и уважении христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России. Однако указание на особое отношение к традиционным религиям (конфессиям), в том числе Русской православной церкви, можно заметить на уровне подзаконных актов программного характера.

Надо сказать, что Конституционный Суд в своей практике достаточно часто обращается к вопросам религиозной свободы. Нередко это происходит в контексте обеспечения такой традиционной ценности, как достоинство, о которой уже достаточно подробно говорилось). В частности, Конституционный Суд обращал внимание на необходимость защиты «религиозного достоинства лиц, исповедующих ту или иную религию» при регламентации осуществления миссионерской деятельности, системообразующим признаком которой является распространение информации о конкретном религиозном вероучении[1].

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 13.03.2018 № 579-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 24.1, пунктом 2 статьи 24.2 Федерального закона „О свободе совести и о религиозных объединениях“ и частью 4 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

Вопросам религиозной своды были посвящены и многие другие правовые позиции Конституционного Суда РФ[1], однако нельзя не заметить, что сам по себе термин «традиционные религиозные ценности» ни на уровне законодательства, ни на уровне актов судебной власти не прижился, ограничившись упоминанием в отдельных научных работах[2].

Нельзя не отметить, что упоминание о Боге появилось в последней редакции текста Основного Закона. Так, в ст. 67.1 говорится о вере в Бога в контексте исторически сложившегося государственного единства. Не останавливаясь в этой связи на целесообразности размещения данных положений в главе, посвященной федеративному устройству, как и на достаточно спорной лексической конструкции данной части статьи, отметим, что давно ожидаемая легализация категории «Бог», как категории самодостаточной, на уровне конституционного текста все же не состоялась, а легализация категории «вера в Бога» в упомянутом контексте была отмечена достаточным количеством как положительных, так и отрицательных отзывов. Однако в своем Заключении от 16.03.2020 № 1-З Конституционный Суд РФ указал на тот факт, что включение в текст Конституции Российской Федерации указания на веру в Бога, переданную народу России предками, не означает отказа от светского характера государства и не ставит в неравное положение граждан в зависимости от наличия такой веры и ее конкретной направленности. В специальном тематическом комментарии, посвященном конституционным поправкам 2020 года, соответствующие конституционные новеллы рассматриваются не только как обращение к нравственным истокам, в равной степени важным для всех

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 03.11.2020 № 45-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и пункта 8 статьи 8 Федерального закона „О свободе совести и о религиозных объединениях“ в связи с жалобой религиозной организации Церковь христиан веры евангельской (пятидесятников) „Слово жизни“ Долгопрудный» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 46. Ст. 7378; и др.

[2] Казанцев Д.А. Традиционные религиозные ценности как объект уголовно-правовой охраны // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2018. № 4 (8). С. 25–28.

конфессий, но и в контексте перехода к конкретизации других традиционных ценностей, таких как семья и дети[1].

Современное Российское государство, пусть и позиционируя себя как светское, все еще находится в поиске оптимальной модели государственно-конфессионального взаимодействия, допустимых пределов ограничения религиозной свободы и устраивающего большую часть населения баланса между правами верующих и атеистов, несмотря на тот факт, что последние прямо не фигурируют в отечественном правовом пространстве. Конституции советского периода, последовательно декларируя свободу вероисповедания, решали в большей степени задачи по улучшению имиджа бывшего СССР, а не защите прав верующих, хотя соответствующие статьи в уголовном законодательстве присутствовали. Ответственность за пропаганду или агитацию, направленную «к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни», появилась в Уголовном кодексе РСФСР уже в 1927 г. Однако вся мощь идеолого-воспитательного и карательного аппарата, как и доступные средства правового характера, были направлены на борьбу с религией и последовательное вытеснение ее на задворки общественного сознания. В этой связи следует отметить Постановление ВЦИК от 23.02.1922 г. «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», после которого «война» с религией и ее представителями актуализировалась на уровне политической повестки молодого Советского государства. В уголовных кодексах РСФСР 1922 г. и 1926 г. присутствовала специальная глава, которая предусматривала ответственность за нарушение правил об отделении церкви от государства. Активное и порой агрессивное неприятие религии Советским государством было вызвано тем, что у последнего уже существовала «собственная религия», которая не допускала какой-либо конкуренции. Между тем, как часто отмечается в юридической литературе, как минимум, между

[1] Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Т.Я. Хабриева, А.А. Клишас. М.: НОРМА; ИНФРА М., 2020. С. 39.

идеями христианства и идеологией коммунизма существует очень много общего, т. е. своеобразный альянс все же был возможен, если бы изначально молодым Советским государством религия не рассматривалась как сила абсолютно враждебная. Активное внедрение религиозных идеалов и ценностей, в том числе на уровне конституционной культуры и конституционного мировоззрения, стало возможным в условиях, когда соответствующая идеологическая ниша освободилась.

В российском законодательстве принцип светскости употреблялся достаточно широко. Однако, регламентируя вопросы религиозной свободы, в том числе на уровне отраслевого законодательства, важно помнить, что основное условие формирования конституционной культуры – это достаточно высокий уровень социальной ответственности и социального доверия между представителями различных социальных, в том числе религиозных, групп. Нельзя игнорировать объективные предпосылки для выделения особых, опекаемых государством конфессий, но не следует игнорировать и традиционные для советской государственной науки «права атеистов». Эффективность Конституции как важнейшего юридического и политико-идеологического документа, как и всей системы отраслевого законодательства, напрямую связана со степенью укорененности конституционно-правовых положений на уровне конституционного правосознания и конституционной культуры. Религиозно-конфессиональный компонент конституционной культуры требует особого внимания, так как, с одной стороны, напрямую влияет на мирное сосуществование народов и различных социальных групп, проживающих на территории Российской Федерации, а с другой стороны, выступает важным элементом конституционного правосознания и традиционным (а для отдельных религиозных групп и базовым) регулятором общественных отношений[1].

[1] Подробнее см.: Баринов Э.Э. Правовые основы формирования религиозно-конфессионального компонента конституционной культуры россиян // Журнал правовых и экономических исследований. 2020. № 4. С. 52–60.

Оценивая весь блок рассмотренных проблем, можно сказать, что концепт «традиционных ценностей» («традиционных духовно-нравственных ценностей») находится на переходной стадии своего развития. Формально последние уже присутствуют в документах стратегического планирования и фрагментарно в законодательстве. Что же касается конкретных механизмов их защиты, в том числе и на уровне отраслевого законодательства, то тут предполагается очень значительная работа. Одна их основных проблем – проблема дефиницией. Действительно, такие дефиниции, как, например, «крепкая семья», жизненно важно представить в сколько-нибудь нормативно-правовом виде, тем более что, например, институт примирения супругов при разводе, даже в контексте реализации идеи традиционных ценностей, не должен быть максимально формализован и ориентирован исключительно на достижение положительного результата любой ценой[1]. Проблеме бракоразводной процедуры в контексте защиты традиционных ценностей посвящены и другие работы, что подчеркивает важность заявленной проблемы в целом[2]. Основная задача, которую в этой связи предстоит решить, – это связать воедино культурологический и этический потенциал идеи духовно-нравственных ценностей и нормативно-правовые механизмы их защиты.

В заключение отметим, что переход от коллективистской к индивидуалистической модели взаимоотношений государства и личности стал одним из негативных последствий 90-х годов прошлого века. Последующий период развития общества и государства свидетельствует, что именно на органы судебной власти, в частности Конституционный Суд РФ, была возложена задача преодоления этих деформаций. Анализ результатов конституционной реформы 2020 года показывает, что значительное обновление гл. 3 Конституции РФ привело к изменению ценностной ориентации в направлении традиционных

[1] Борисова Л.В. Примирение при расторжении брака: в аспекте сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Семейное и жилищное право. 2025. № 3. С. 8–11.

[2] Фиошин А.В. О защите традиционных духовно-нравственных ценностей России в контексте медицинского и семейного законодательства // Нотариус. 2025. № 3. С. 32–37.

оснований российской государственности. Соответствующие поправки заложили прочную основу для имплицитных, т. е. вытекающих из общих начал конституционного регулирования, характеристик традиционных национальных ценностей. Именно такими являются, например, нормы статьи 67.1 (о памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога; о защите исторической правды), статьи 75.1 (о защите достоинства граждан; сбалансированности прав и обязанностей гражданина; о социальном партнерстве; экономической, политической, социальной солидарности) и др.

При этом очевидно, что защита традиционных ценностей всегда была важной прерогативой Конституционного Суда РФ. Одновременно отметим, что категория «традиционные духовно-нравственные ценности» на уровне документов программно-политического характера продолжает «осваивать» современное правовое пространство России. В качестве примера приведем «новую» Концепцию внешней политики Российской Федерации[1] образца 2023 года. В данном документе категория «традиционные духовно-нравственные ценности» используется десять раз. Для сравнения, в «прошлой» Концепции внешней политики такая формулировка не использовалась ни разу. Однако то, каким образом и в каком контексте используется данная категория в обозначенной Концепции, особенно исходя из ее представления на уровне других программно-политических документов, вызывает очень много вопросов, которые заслуживают своего отдельного осмысления.

Можно предположить, что несформированность единого подхода к проблеме формально-юридического закрепления ценностных ориентиров современного российского общества в практической юриспруденции, определении их конституционно-правового эквивалента накладывает свой отпечаток на соответствующие документы стратегического планирования, что предполагает дальнейшую работу по систематизации и юридическому оформлению традиционных духовно-нравственных ценностей граждан России.

---

[1] Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

В целом проведенный анализ демонстрирует, что институционализация традиционных духовно-нравственных ценностей остается процессом незавершенным и внутренне противоречивым. Несмотря на их многократное упоминание в стратегических и политико-правовых документах, соответствующие ценности пока не обладают четко определенным конституционно-правовым статусом и содержанием. Это приводит к тому, что их судебная защита осуществляется преимущественно опосредованно — через отраслевые нормы, судебные интерпретации и отдельные решения высших инстанций. В результате правоприменитель вынужден опираться на широкие, не всегда юридически выверенные формулировки, что создает пространство для неоднородности судебной практики.

Одновременно можно утверждать, что тенденция к расширению содержательного наполнения категории «традиционные ценности» и ее производных будет усиливаться. Учитывая активизацию соответствующей риторики на уровне политической элиты и на уровне стратегических документов, а также растущую частоту обращения судов к данной категории, можно прогнозировать движение в сторону более четкого нормативного закрепления этих ценностей и попыток их группировки, систематизации и формализации. Вместе с тем успешность такого процесса будет зависеть от способности законодателя выработать непротиворечивую модель соотношения духовно-нравственных ориентиров с действующей системой конституционных прав и свобод, не подрывая ее фундаментальных принципов и не создавая искусственных и не обязательных коллизий, требующих постоянного вмешательства высших судов.

§ 3.2. Конституционно-правовые основы современной модели единой публичной власти сквозь призму конституционной культуры правосудия

Конституционная реформа 2020 года окончательно утвердила в отечественном юридическом дискурсе категорию публичной власти. О необходимости конституционной реформы на протяжении долгих лет с момента

принятия первой российской Конституции было сказано и написано очень много. Действующую Конституцию обвиняли как в излишней либеральности, так и излишней консервативности. Одни авторы были недовольны чрезмерным увлечением создателей Конституции идеями федерализма и местного самоуправления, другие – тем, что Конституция была ориентирована на жесткую центральную власть с неограниченными полномочиями Президента. Часть обвинений были недостаточно аргументированы, а в других случаях мнимые или действительные недостатки действующего законодательства выдавались за недостатки конституционного текста. Отдельное место в конституционно-правовом дискурсе занимала идея «живой конституции», которая предполагала определяющую роль интерпретационной деятельности Конституционного Суда в выявлении истинных конституционно-правовых смыслов[1]. Надо сказать, что активное обсуждение идеи «живой Конституции» продолжилось и после конституционной реформы[2].

Именно на уровне интерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ были сформированы основные положения, касающиеся, в том числе, сущности федерализма и местного самоуправления. Вспоминая в этой связи знаковое Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П, отметим, что оно было не первым, посвященным вопросам организации публичной власти, однако именно оно, как признают ученые, в наиболее обобщенном виде заложило будущие правовые ориентиры понимания феномена публичной власти в отечественном законодательстве, в том числе актуализируя

[1] Тарабан Н.А. Феномен «живой» конституции в российском конституционализме // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 9. С. 38–42; Червонюк В.И. Трансформация идеи «живой конституции» в российской конституционной практике // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2 (182). С. 124–128; и др.

[2] Бондарь Н.С., Берлявский Л.Г. От «живой конституции» к судебному конституционализму: сравнительно-правовой концепт России и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 4. С. 46–59; Данилюк С.Е. Конституционная герменевтика как искусство поиска социально-созидательной регулятивной идеи // Журнал российского права. 2024. № 8. С. 54–69; и др.

такие категории, как «уровни публичной власти», «функции публичной власти», «единство системы публичной власти» и др.[1]

В последнее годы, предшествующие конституционной реформе, вопросы о неизбежности утверждения обновленного подхода к функционированию системы публичной власти, стали подниматься все чаще, причем высказываться на данную тему стали как представители политической элиты, так и высшие представители государственной власти. Конституционная реформа назревала, однако ее масштаб и количество вносимых изменений заранее не мог предсказать никто из представителей юридического сообщества, за исключением тех, кто принимал участие в подготовке текста знакового Послания Президента РФ Федеральному Собранию 2020 года, которое и дало старт конституционной реформе. В своем Послании Президент обрисовал контур будущих преобразований: «Считаю необходимым закрепить в Конституции принципы единой системы публичной власти, выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами. При этом полномочия и реальные возможности местного самоуправления – самого близкого к людям уровня власти – могут и должны быть расширены и укреплены»[2].

Показательно, что Закон РФ о поправке к Конституции был назван «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»[3], при том, что на момент, предшествующий внесению соответствующих поправок, данная категория на

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области „Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области“ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 50. Ст. 7226.

[2] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Российская газета. 2020. 16 января.

[3] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

уровне законодательства России не использовалась, однако активно применялась на уровне решений Конституционного Суда РФ[1] и Верховного Суда РФ[2].

Конституционная реформа 2020 года официально ввела в юридический оборот категорию публичной власти, уже не как категории юридической науки, а как полноценной категории, обладающей признаками формально-юридической определенности. Однако речь шла не о самом полноценном определении «публичной власти», а о ее опосредованном понимании через категорию «единая система публичной власти», то есть путем указания на органы власти, которые к ней относятся[3]. Как отмечают исследователи, при таком подходе «понятие публичной власти в его соотношении с понятием государственной власти практически не раскрывается»[4]. При этом Конституция РФ изначально включала в себя сходный по назначению, но не равноценный по содержанию и наполнению принцип единства системы государственной власти (ч. 3 ст. 5 Конституции РФ). Однако, как мы отметили, если до конституционной реформы 2020 года термин «публичная власть» мог употребляться в большей степени в общетеоретическом ключе (несмотря на то, что в правовых позициях высших

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 07.05.1998 № 90-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Налетова Виталия Иннокентьевича на нарушение его избирательных прав Законом Кемеровской области „О статусе депутата Законодательного Собрания Кемеровской области“» // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Конституционного Суда РФ от 11.04.2011 № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона „О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации“ в связи с жалобой граждан А.С. Епанечникова и Е.Ю. Епанечниковой» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 16. Ст. 2309; Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2019 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 112 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан Н.А. Баланюк, Н.В. Лаврентьева, И.В. Попова и В.А. Чернышева» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 4. Ст. 361; и др.

[2] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.03.2001 № 38пв-2001 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Верховного Суда РФ от 06.07.2015 № 8-АД15-4 // СПС «КонсультантПлюс»; и др.

[3] Подробнее см.: Баринов Э. Э. Обеспечение безопасности и охрана суверенитета в контексте сохранения конституционной идентичности России // Проблемы права. 2020. № 2(76). С. 23-29.

[4] Гриценко Е.В. Федерализм и местное самоуправление в свете российской конституционной реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4. С. 80–97.

судов он использовался довольно активно), то сегодня категория «публичная власть» обрела свою формально-юридическую форму, пусть и не до конца определенную. В итоге соответствующая категория не только упростила юридический категориальный аппарат, но и легла в основу принципиально новой концептуальной идеи единства публичной власти в России.

Однако вопросы к категории остались и в контексте ее более узкого, чем в теории науки, содержания, и с точки зрения органов, которые необходимо включить в ее единую систему. Отметим и изначальную неопределенность самого термина. Как отмечают исследователи, «понятие публичной власти пришло в Россию из немецкого языка и из-за неодинаковых толкований в современной российской литературе остается достаточно неопределенным. Публичную власть характеризуют и как государственную (неофициальный перевод на русский язык Европейской хартии местного самоуправления 1985 г.), и как общественную, а иногда оставляют слово „публичный“ без перевода»[1]. Не случайно ряд авторов предлагает существенно расширить перечень элементов единой системы публичной власти, причем не за счет именно государственных органов. Соответствующий подход всегда был характерен для теоретической и политической наук. «Представляется, что в единую систему публичной власти следует включить и прямые формы народовластия, так как высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы… многонациональный народ, население субъектов и муниципальных образований участвуют в решении всех публичных дел, каждый на своем уровне: федеральном, субъектном, районном или поселенческом, там, где это наиболее необходимо и эффективно»[2].

Одновременно отметим, что конституционная реформа 2020 года стала отражением новых тенденций и подходов к идее обеспечения единой системы публичной власти и символизировала «официальные» изменения в

---

[1] Чиркин В.Е. Публичная власть. М.: Юристъ, 2005. С. 7.

[2] Лебедев В.А. Народовластие и публичная власть // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 3–6.

конституционной культуре общества и государства в данной сфере. В целом конституционная реформа 2020 года характеризовалась холистическим подходом к организации правовой и политико-социальной системы общества и государства, основы которого были заложены, в том числе, на уровне правовых позиций высших судов. При этом в правовой науке холизм рассматривается как методология познания сложных систем различного уровня. Исследователи отмечают, что уже сегодня получить практическую пользу для государства и общества из теории холизма возможно за счет закрепления в конституционно-правовых актах общих принципов правового регулирования, не допускающих умаление целого перед частным[1]. Таким образом, холизм, как антипод индивидуализма, теперь уже официально стал основной идеей отечественной конституционной культуры, не встретив серьезного противодействия на уровне обыденного правового сознания. Холистический подход проявился не только в содержательных изменениях конституционного текста, в части обеспечения национальных культурных ценностей и организации системы публичной власти, но и в организации самой конституционной реформы. Об этом подробнее мы будем говорить позднее.

Еще раз подчеркнем, что конституционная реформа 2020 года значительным образом актуализировала холистический подход к организации публичной власти в России. Это касается как давно ожидаемого «воссоединения» государственной и местной власти в рамках власти публичной, так и изменения характера взаимоотношений внутри самой власти, в том числе отношений между федеральной, региональной и местной властью. Идеология холизма лежит и в основе современного российского федерализма. При этом нельзя не заметить, что вопросы соотношения полномочий федерации и регионов всегда находили свое разъяснение на уровне практики конституционного судопроизводства. Основаниями для разрешения реальных или мнимых противоречий традиционно выступают положения ст. 71 и ст.72

[1] Лихтер П.Л. Античный холизм и современная теория конституционного права // Lex Russica. 2017. № 12 (133). С. 196.

Конституции РФ (также подвергшиеся некоторой коррекции в ходе последней конституционной реформы), однако нельзя не заметить, что именно Конституционный Суд РФ, по сути, сформировал основные доктринальные подходы к организации единой системы публичной власти в сфере отечественного федерализма. Как отмечают в этой связи исследователи, «анализ судебной конституционной доктрины подтверждает, что конституционное правосудие действительно способствовало формированию настоящей модели федеративного устройства современной России… Наличие конституционной судебной практики по федерализму способствует повышению продуктивности отношений между Россией и ее субъектами…»[1]. Аналогичной позиции о важности правовых позиций Конституционного Суда в процессе становления, укрепления и развития идеи российского федерализма придерживаются и другие авторы[2].

Одно из первых знаковых решений Конституционного Суда по федеративной тематике подтверждало верховенство Конституции РФ и федерального законодательства по отношению к нормативным актам субъектов. В мотивировочной части решения по делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан и законов Республики Татарстан было указано: «Часть формулировки, в которой указывается, что Республика Татарстан – субъект международного права и утверждается тождество между договорами, заключаемыми между Республикой Татарстан и РСФСР, и договорами между Республикой Татарстан и другими республиками, государствами, противоречит как Конституции РСФСР, так и Конституции Республики Татарстан, поскольку отношения Республики

[1] Батерякова А.И. Федерализм в свете отечественной судебной конституционной доктрины // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 6. С. 40.

[2] Чертков А.Н. Практика Конституционного Суда РФ и динамика федеративных отношений // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 109– 115.

Татарстан с РСФСР, а также с другими республиками в составе РСФСР могут строиться только на базе Конституции РСФСР и основанных на ней договоров»[1].

Как на одну из причин появления на свет соответствующей правовой позиции Конституционного Суда и предшествующей ей ситуации укажем на оригинальное понимание федеративного государства и федеративных отношений в конституциях СССР. В частности, союзные республики в составе СССР юридически обладали целым рядом отличий от республик в составе современной России. Так, в соответствии с Конституцией СССР 1936 года за республикой закреплялись следующие полномочия:

- «за каждой Союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР» (ст. 17);

- «каждая Союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями» (ст. 18-а);

- «каждая Союзная республика имеет свои республиканские войсковые формирования» (ст. 18-б).

Положения, алогичные ст. 17, 18-а Конституции СССР 1936 года[2], содержались в ст. 72, 80 Конституции СССР 1977 года[3]. Следует пояснить, что ст. 18-а и 18-б были введены в Конституцию СССР 1936 г. в феврале 1944 года, будучи предварительно одобренными пленумом ЦК ВКП(б) 27 января 1944 года. Официально речь шла о расширении прав союзных республик в области обороны

---

[1] Постановление Конституционного Суда РСФСР от 13.03.1992 № П-РЗ-I «По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан от 30 августа 1990 года, Закона Республики Татарстан от 18 апреля 1991 года „Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Республики Татарстан“, Закона Республики Татарстан от 29 ноября 1991 года „О референдуме Республики Татарстан“, Постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 года „О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан“» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1993. № 1.

[2] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) (ред. 20.09.1972 г.) (утратила силу) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

[3] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) (утратила силу) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

и внешних сношений, однако главной целью было придание республикам дополнительных признаков международной правосубъектности, необходимых для получения отдельного представительства БССР и УССР в создаваемой ООН. Интересен тот факт, что одновременно с одобрением расширенной международной субъектности республик пленум ЦК ВКП(б) «признал правильным решение соответствующих органов – заменить старый Государственный гимн „Интернационал“ новым Государственным гимном „Союз нерушимый республик свободных…“»[1], акцентирующем внимание на том, что республики в составе СССР «свободны». При этом ни одна из советских Конституций никогда и ни при каких обстоятельствах не допускала отказа от принципа верховенства союзного законодательства над республиканским.

Впоследствии Конституционный Суд РФ нередко подтверждал позицию об отсутствии суверенитета у республик, обращая внимание на тот факт, что «Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации. Суверенитет Российской Федерации, в силу Конституции Российской Федерации, исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью, то есть не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов Российской Федерации»[2].

Продолжая развитие идеи федерализма, Конституционный Суд РФ разъяснял вопросы реализации ст. 72 Конституции - именно Российская Федерация обладает всей полнотой власти в сфере издания нормативных актов,

---

[1] Информационное сообщение об очередном пленуме ЦК ВКП(б) // Правда. 1944. 28 января.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.

обязательных для исполнения субъектами[1]. Одновременно Конституционный Суд РФ отстаивал право субъектов на самостоятельное регулирование вопросов (в рамках пределов совместного ведения), по которым не было федерального законодательного регулирования[2] или вопросам, которые находятся в ведении субъекта Российской Федерации. В последнем случае Конституционный Суд даже указывал на то, что «недопустимо неправомерное вмешательство федерального законодателя в сферу компетенции исключительно субъектов Российской Федерации»[3].

Анализируя принцип равноправия субъектов, Конституционный Суд РФ указывал на тот факт, что «федеральные органы государственной власти при разработке и осуществлении федеральной и региональной политики должны исходить из того, что правовое равенство субъектов Российской Федерации не означает равенства их потенциалов и уровня социально-экономического развития… Учет региональных особенностей является необходимым условием соблюдения баланса интересов и внедрения общегосударственных стандартов во всех сферах жизнедеятельности субъектов Российской Федерации»[4].

Вопросы федерализма, которым в свое время уделил внимание Конституционный Суд РФ, можно разделить по следующим сферам: единство федеративного пространства и государственный суверенитет; основные

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.1998 № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 3. Ст. 429.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.1995 № 16-П «По делу о проверке конституционности статей 23 и 24 Временного положения об обеспечении деятельности депутатов Калининградской областной Думы, утвержденного Постановлением Калининградской областной Думы от 8 июля 1994 года» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 50. Ст. 4969.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2003 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22 Федерального закона „О прокуратуре Российской Федерации“ в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 30. Ст. 3101.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1996 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1 и пункта 4 статьи 3 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года „О дорожных фондах в Российской Федерации“» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 29. Ст. 3543.

принципы федерализма; статус субъектов Российской Федерации; разграничение компетенции федерации и регионов; организационные основы региональной власти; вопросы совместного ведения и вопросы ведения субъектов; ответственность в федеративных отношениях и др.

Оценивая содержание новой редакции ч. 1 ст. 67 Конституции РФ и сравнивая правовой статус федеральных территорий и традиционных субъектов в контексте идеи единой системы публичной власти, Конституционный Суд указал на то, что «положение о возможности создания федеральных территорий по своему буквальному смыслу не предполагает возможности образования федеральных территорий с приданием им статуса, равного статусу субъектов Российской Федерации, и не может расцениваться как противоречащее статье 5 (часть 1) Конституции Российской Федерации, исчерпывающим образом определяющей состав России как федеративного государства (что, однако, не аналогично определению состава ее территории – статья 67, часть 1)»[1].

Обращаясь к проблеме «возвращения» органов местного самоуправления в единую систему публичной власти по итогам конституционной реформы 2020 года, отметим, что наиболее важные положения, касающиеся единой системы публичной власти, появились в главе о местном самоуправлении, в ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, в соответствии с которой «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». В этой связи можно отметить, что утвердившееся по итогам конституционной реформы 2020 года упоминание публичной власти в ч. 2 ст. 80 Конституции РФ, в том числе указание на тот факт,

[1] Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти“, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

что Президент РФ «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти», сняло целый ряд вопросов в отношении «прежних» полномочий Президента РФ, который в соответствии с прошлой редакцией конституционного текста обеспечивал «согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти», т. е. органы местного самоуправления по формально-юридическим критериям не входили в сферу президентского контроля. Теперь же можно сказать, что соответствующая конституционная «недоработка» разрешена.

Особого внимания заслуживают вопросы современного состояния местного самоуправления как элемента публичной власти. В Конституции 1993 года местному самоуправлению был придан особый статус: местная власть признавалась самостоятельной, а органы местного самоуправления не входили в органы государственной власти (ст. 12 Конституции РФ). Проблема полноценной интеграции местной власти в единую систему государственного управления ни один раз поднималась в отечественной юридической науке. Указывая на недостатки конституционного текста, отдельные авторы говорили о том, что буквальное прочтение ст. 12 может привести, в том числе, к противопоставлению органов местного самоуправления органам государственной власти. Отмечая слабость и необоснованность подобной позиции, как в отношении самого содержания ст. 12 Конституции РФ, так и в отношении самих по себе выводов, о противопоставлении государственной и местной власти, отметим, что соответствующая дискуссия все же имеет право на существование, как минимум, в рамках общей дискуссии о теоретических моделях местного самоуправления. При этом, публично-властный аспект в деятельности местной власти всегда присутствовал[1], а задачи, ею решаемые, –

[1] Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М.: Норма, 2009. С. 48–66.

развивали задачи государственного управления[1]. Как справедливо отмечает профессор Н.С. Бондарь, местное самоуправление не противопоставляет себя власти государственной – подобные попытки выглядят несостоятельными[2], а ограничиваются вопросами обеспечения интересов личности на местном уровне[3]. Отдельные исследователи отмечали, что «при решении проблемы взаимоотношений местного самоуправления с органами государственной власти необходимо пользоваться операцией сложения, а не вычитания»[4].

В конечном итоге, как мы уже говорили, соответствующий вопрос получил свое развитие на самом высоком уровне. Президент РФ В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию РФ 2020 года обратил внимание на важность обеспечения принципов единой системы публичной власти, необходимость взаимодействия между государственной и муниципальной властью, а также актуализации полномочий последней как «самого близкого к людям уровня власти». В продолжение темы отметим, что территория, на которой осуществляется местное самоуправление, является частью территории государства. В свою очередь, вопрос о границах и соответствующем статусе территории, на которой реализуется местная власть, характеризует типологический подход к пониманию муниципально-правовой культуры – «своеобразный „третий“ уровень российского федерализма… децентрализация в децентрализации»[5].

---

[1] Авакьян С.А. Особенности развития российской модели местного самоуправления и пути ее совершенствования // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2008. № 2. С. 66.

[2] Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Местное самоуправление: законодательство и практика реализации (в свете региональной правовой политики). Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Ростов н/Д: Профпресс, 2016. Вып. 6. С. 33.

[3] Бондарь Н.С. Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении: учебное пособие. М.: ОАО «Издательский дом „Городец“», 2004. С. 48.

[4] Курдюк П.М. Региональное правотворчество: состояние, проблемы, перспективы: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 163.

[5] Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Н. Кокотова по Постановлению Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области „Об отдельных

Следует отметить, что практика конституционного судопроизводства всегда демонстрировала вовлеченность в вопросы организации и функционирования местного самоуправления. Так, традиционным было подчеркивание особого значения городских и сельских поселений в системе территорий, на которых осуществляется местное самоуправление. В продолжение вопроса отметим, что упоминание последних, по итогам конституционных поправок 2020 года из текста Конституции (ст. 131) в преддверии ожидаемой реформы местного самоуправления в России было изъято. О причинах такого решения можно догадаться. Подготовленный проект нового закона о местном самоуправлении наглядно демонстрировал новый подход законодателя к территориальным основам системы местного самоуправления в России.

Также на уровне конституционного судебного процесса и соответствующих научных исследований была актуализирована проблема «муниципальной урбанизации». По мнению профессора Н.С. Бондаря, в отдельных субъектах процесс перевода (преобразования) поселенческого уровня муниципальных образований в городские округа приобрел негативный характер всеобщей «муниципальной урбанизации», тогда как Конституция РФ «устанавливает поселенческий принцип в качестве обязательного и приоритетного с точки зрения территориальных основ местного самоуправления»[1] (такая ситуация была актуальна еще до муниципальной реформы). В свою очередь, анализируя тенденции укрупнения муниципальных образований, многие авторы отмечали, что цели, которые преследуют региональные власти, нередко надуманны, а сами методы подобных

вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области“ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 50. Ст. 7226.

[1] Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Н.С. Бондаря по Определению Конституционного Суда РФ от 24 октября 2019 г. № 2599-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Павловой Татьяны Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью 3 статьи 13 и частью 4 статьи 28, а также частью 3 статьи 43 во взаимосвязи с частями 1, 4 и 5 статьи 44 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“» // СПС «КосультантПлюс».

преобразований сомнительны, ведь их конечная цель – не забота об усилении местного самоуправления, а пресловутая «управляемость территорий»[1]. Отметим, что принятый не так давно Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»[2] в той или иной форме все же сохранил двухуровневую систему, оставив ее использование на усмотрение субъектов, однако породил в этой связи достаточно много вопросов правового характера, которые уже сейчас активно обсуждаются учеными.

Были в практике конституционного судопроизводства правовые позиции, которые впоследствии не получили своего правового развития на уровне правовой системы России. Так, в свое время, Конституционный Суд допускал существование местных органов государственной власти, а не только органов местного самоуправления[3].

Вопросам, роли Конституционного Суда в механизме обеспечения реализации местного самоуправления посвящено немало работ[4]. Анализ практики Конституционного Суда РФ показывает, что в процессе конституционного судопроизводства разрешались вопросы, в том числе, посвященные формам непосредственного участия населения в реализации местного самоуправления. В последнем случае достаточно показательным

---

[1] Ежукова О.А. Предварительные итоги развития конституционной модели местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 29–35.

[2] Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года „О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике“» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 5. Ст. 708; Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1998 № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года „Об органах исполнительной власти в Республике Коми“» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 4. Ст. 532.

[4] Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М.: Норма, 2008; Русаков М.И., Цветков В.В. Местное самоуправление в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 11. С. 30–33.

является анализ практики реализации муниципальной демократии, основы которой заложены ч. 2 ст. 130 Конституции РФ, и более подробно раскрыты в федеральном законодательстве. Нетрудно заметить, что соответствующие формы непосредственной демократии за время действия уходящего в историю закона 2003 года были максимально формализованы[1]. Ярким примером является институт публичных слушаний и общественных обсуждений. Как правило, органы местного самоуправления, максимально формализовав соответствующие процедуры проявления общественной инициативы, сделав «ненавязчивой» систему оповещения населения о подобных мероприятиях, стараются по возможности минимизировать участие в них представителей оппозиционно настроенной общественности. Таким образом, органы местного самоуправления, за редким исключением, функционируют в искусственно создаваемом и поддерживаемом ими же самими общественном вакууме. Как правило, обращение к механизмам выявления воли населения происходит для легитимизации уже принятых решений. Аналогичные претензии предъявляются и к другим формам непосредственной местной демократии. Наблюдается значительный отрыв официальных оценок эффективности деятельности органов местного самоуправления от оценок населения и актуализация функций по контролю на уровне деятельности органов государственной власти[2]. Рассматривая проблемы, в том числе, реализации рекомендаций Конституционного Суда РФ, профессор Н.С. Бондарь отмечает, что долгое время не исполняется рекомендация, адресованная законодательным органам власти субъектов Российской Федерации, касающаяся обеспечения принципа гласности при подготовке и принятии решения о проведении муниципально-

[1] Подробнее см.: Баринов Э.Э. Муниципально-правовая культура российского общества: современное состояние и основные направления развития // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 7. С. 28–32.

[2] Щепачев В.А. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления как форма общественного контроля // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 2. С. 57–61.

территориальных преобразований и эффективного контроля местного сообщества за их осуществлением[1].

В этой связи подчеркнем важность оценки политических, в частности электоральных, аспектов именно муниципально-правовой культуры. Данной проблеме Конституционный Суд РФ, как мы уже отмечали, также уделяет значительное внимание[2]. В науке повышение политической активности граждан на муниципальном уровне справедливо рассматривается как одно из базовых условий повышения электоральной активности на государственном уровне. Объясняется это тем, что «участие граждан в местном самоуправлении в различных его формах позволит повысить гражданское самосознание; упрочить у граждан уверенность в необходимости участия в решении общих дел; а также спроецировать такое отношение и на решение вопросов общегосударственного масштаба»[3]. Не случайно действующий Президент России в своей программной статье «Демократия и качество государства» определял местное самоуправление как школу демократии, школу ответственности граждан и профессионально-политическое училище[4].

Также отметим, что за время, прошедшее с момента принятия российской Конституции 1993 г. развитого и полноценно функционирующего гражданского общества в России построено не было. Институт местного самоуправления, как один из важнейших элементов гражданского общества, ощутил на себе всю тяжесть последствий несформированности последнего. По причине низкой

---

[1] Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Местное самоуправление: законодательство и практика реализации (в свете региональной правовой политики). Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Ростов н/Д: Профпресс, 2016. Вып. 6. С. 65.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области „Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области“ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 50. Ст. 7226.

[3] Чучелина Н.Н. Правовая культура в сфере избирательного права и избирательного процесса в Российской Федерации (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

[4] Путин В. Демократия и качество государства // Коммерсант. 2012. № 20.

активности граждан в сфере реализации форм непосредственной самоуправленческой демократии центр тяжести был перенесен на публично-властные фикции местного самоуправления. Долгое время в научном сообществе бытовало мнение, что значительное количество проблем можно было бы решить путем большего вовлечения региональных властей в организацию работы местной власти. Однако ситуация с практическим упразднением института «выборного мэра», об опасности наступления которой очень часто предупреждали, и которая большей частью находится на совести именно законодательной власти субъектов, наглядно продемонстрировала значительную идеализацию таких рассуждений. Стоит отметить, что ответственность за формализацию непосредственных форм муниципальной демократии, вне всякого сомнения, лежит и на населении. Долгое время сводя свое участие в осуществлении местного самоуправления исключительно к его электоральным формам и активизируясь только в особо «резонансных», с точки зрения населения, случаях несовпадения интересов населения и интересов муниципальных чиновников, местная общественность тем или иным образом спровоцировала патерналистские настроения в среде местной элиты (по аналогии с государственной политической элитой). Вернуть ситуацию к ее изначальному состоянию и попробовать изменить взаимоотношения местной общественности и муниципальных чиновников теперь будет достаточно сложно.

Возвращаясь к Постановлению Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П, отметим ряд концептуальных положений, определяющих правовой статус местного самоуправления в современной России:

- «обеспечение принципиального единства системы публичной власти в Российской Федерации – отнесено к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов»;

- местное самоуправление – один из уровней публичной власти, наиболее приближенный к населению;

- «самостоятельность местного самоуправления… служит… не только пределом, ограничивающим произвольное вмешательство органов

государственной власти в дела местного самоуправления, но и базой для его интеграции в систему публичной власти и поддержания в ней – на основе баланса интересов – межуровневого взаимодействия»;

- «вопросы организационного устройства муниципальной власти… приобретают государственное значение с точки зрения реализации посредством местного самоуправления принципов народовластия, относящихся к основам конституционного строя Российской Федерации».

Одновременно, анализируя актуальные позиции Конституционного Суда РФ[1], ряд авторов указывают на тот факт, что Конституционный Суд РФ нередко предпринимает определенные шаги для того, чтобы избежать организации отношений между государственной и местной властью исключительно по принципу подчинения: «организационно-правовой механизм взаимодействия между уровнями публичной власти не может быть истолкован как право на произвольное толкование вопроса об определении ответственности только „нижестоящего“ уровня, так как вопросы, разрешаемые любым субъектом права, являются предметами общегосударственного значения»[2].

Вопрос об организации публичной власти не может обсуждаться исключительно в формально-юридическом ключе. Имеющие место особенности российской системы разделения властей порождены в том числе историческими причинами, когда сосредоточение большой власти в руках одного человека – это

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 3.3 Федерального закона „О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации“, пункта 18 части 1, частей 3 и 4 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации, статей 10 и 51 Федерального закона „Об охране окружающей среды“, пункта 1 статьи 22 Федерального закона „О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения“, пункта 2 статьи 9 и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона „Об отходах производства и потребления“, а также пунктов 16–18 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами в связи с жалобами муниципального образования „Городское поселение город Кодинск Кежемского муниципального района Красноярского края“ и администрации Новосибирского района Новосибирской области» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 23 (ч. II). Ст. 4273.

[2] Шахов А.А. Осторожный разворот: Конституционный Суд РФ о месте местного самоуправления в рамках единой системы публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 3. С. 33.

факт тысячелетней истории России, наложивший отпечаток на организацию государства. Как отмечают исследователи, «правда в том, что мы пытаемся доказать, что это наше сущее не противоречит классическим представлениям о разделении властей. Клятва на верность разделению властей в России изначально предполагает сравнение с американским вариантом как образцовым, чтобы избежать обвинений в тоталитарности»[1]. В отдельных случаях попытка соответствовать «классическим» стандартам организации власти выливается в значительные неудобства функционирования всего публично-властного механизма. С другой стороны, там, где это действительно необходимо, например, в системе организации местной власти, государство так и не смогло заинтересовать население проблемами муниципальной демократии, больше того, законодатель предпринял активные шаги на пути окончательного упразднения двухуровневой системы местного самоуправления, при том, что городские и сельские поселения долгое время выступали как важные элементы местного самоуправления.

Холистический подход в организации публичной власти одновременно предполагает и так называемый механизм самосохранения, т. е. механизм сдерживания и самоограничения власти. Одним из элементов этого механизма выступает принцип разделения властей. Холистический подход в учреждении этого механизма в России проявляется в том, что приоритет отдается не самоизоляции отдельных ветвей власти, а специальной системе распределения полномочий и функций взаимного контроля. Элементы взаимного контроля помогают сделать власть более восприимчивой к внутренним вызовам и обеспечить дополнительные гарантии своего существования. Официально учрежденный «внутренний аудит» позволяет власти быть более открытой для населения и, следовательно, пользоваться дополнительной легитимностью. С другой стороны, говорить о том, что данный механизм не нуждается в определенной коррекции, явно преждевременно. Так, например, в современной

[1] Колюшин Е.И. Ценности правды в государственном (конституционном) праве России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 8– 14.

России не существует никаких юридических возможностей принудить Федеральное Собрание исполнять решения Конституционного Суда РФ, что создает значительные неудобства для правовой системы в целом.

При этом вопрос о легитимности и легальности публичной власти в России также характеризуется национальной спецификой. Особенностью конституционного правосознания современных россиян выступают отдельные элементы сакрализации власти, предопределенные всем ходом отечественной истории, которая знала примеры абсолютной власти (как официальной, так и неофициальной), легитимность которой была на достаточно высоком уровне. Представления о сакральной (священной) природе монархической власти, власти как священной инстанции, долгое время характеризовали социальные-политические, культурные, религиозные и правовые стороны общественной жизни. Ставшая привычной для отечественного политико-правового менталитета «тоска по сильной власти» и желание перенести всю полноту власти на одного конкретного человека, являются отличительной чертой конституционной культуры россиян. Неоспоримым является тот факт, что сакрализация власти в России в большей степени распространяется на фигуру верховного правителя, но в значительно меньшей степени распространяется на остальных представителей публичной власти, которая вынуждена искать иные способы для поддержания свой легитимности.

Важнейшим органом публичной власти в современной России является Президент РФ. Идея введения поста Президента периодически возникала и в бывшем СССР. Первые попытки такого рода предпринимались еще в процессе подготовки Конституции СССР 1936 года, однако были отклонены фактическим руководителем государства И.В. Сталиным. Основание для этого было весьма существенное – в стране советов, принцип коллегиального управления которой был вынесен в само название, наличие единоличного руководителя государства вызывало бы вопросы. Введение же должности Президента, который был бы кому-либо подотчетен, не имело смысла. В массовом общественном сознании И.В. Сталин был безоговорочным и единоличным правителем государства,

несмотря на то, что пост секретаря партии формально такого и не предполагал. Подобное отношение со стороны населения к лицу, занимающему должность генерального (первого) секретаря партии, сохранялось вплоть до введения должности Президента СССР. Правда, в отличие от И.В. Сталина, последующие «правители» такой же безоговорочной поддержкой и любовью у населения не пользовались, несмотря на имеющую место популярность в народе последнего Генерального Секретаря и будущего Президента СССР, которая, правда, продлилась недолго. Что же касается должности Председателя совета министров СССР, то эта должность рассматривалась населением исключительно как техническая (исключая период, когда она была совмещена с должностью Первого секретаря), и это при учете, что реальная осведомленность жителей страны о системе публичного управления в то время находилась на значительно более низком уровне, нежели сегодня.

Показателен тот факт, в действующих во времена советской власти конституциях должность Генерального секретаря партии (секретаря, первого секретаря) никак не оговаривалась. В соответствии со ст. 30. Конституции СССР 1936 года высшим органом государственной власти СССР являлся Верховный Совет СССР. Аналогичные положения содержались и в ст. 108 Конституции СССР 1977 года.

Идея ввести в СССР пост главы государства оставалась актуальной и при работе над проектами будущих конституций СССР, однако так и не была реализована до конца 80-х годов прошлого века. Первым официальным главой государства стал Президент СССР М.С. Горбачев в 1990 году. Предшествовало этому событию принятие Закона СССР от 14.03.1990 № 1360-1 «Об учреждении поста Президента СССР…»[1]. Интересным представляется тот факт, что данным законом предполагалась также отмена руководящей роли КПСС и введение многопартийной политической системы. Таким образом, вошедшая в историю

[1] Закон СССР от 14.03.1990 № 1360-1 «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР (утратил силу) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 12. Ст. 189.

«отмена шестой статьи Конституции» произошла одновременно с учреждением в СССР поста Президента. Что же касается реализации идеи многопартийности, то ее окончательная легализация произошла в 1990 году поле принятия Закона СССР «Об общественных объединениях»[1].

В итоге в соответствующей редакции Конституции соседствовали положения о том, что главой СССР является Президент СССР (ст. 127), а Высшим органом государственной власти СССР является Съезд народных депутатов СССР (ст. 108), т. е. уже не Верховный Совет. Можно предположить, что Президент выделялся из государственной власти и ставился как бы над ней. В свою очередь, Верховный Совет СССР оставался в статусе постоянно действующего законодательного и контрольного органа государственной власти СССР. На деле по действующей Конституции государство получило два альтернативных и конкурирующих высших органа власти – Президента и Съезд народных депутатов. Однако эта условная конкуренция продлилась недолго – плоть до прекращения существования СССР. По Конституции Президент избирался всенародно на срок пять лет, однако первые выборы Президента были проведены силами Съезда народных депутатов. Следующим выборам Президента СССР уже не суждено было состояться.

Насколько функционально были распределены полномочия между высшими органами публичной власти в бывшем СССР и насколько рационально была выстроена система их публичного взаимодействия, сейчас судить достаточно тяжело. Тест на прочность в сложных внутриполитических условиях 1990-х она провалила, однако это не значит, что она не имела бы шансов при относительно спокойных и более благополучных обстоятельствах поступательного развития. Будучи несколько раз реформируемой еще до окончательно прекращения существования СССР, предотвратить развал союзного государства она не смогла. В какой-то момент данная система вообще осталась только «на бумаге», а вся полнота власти в конечном итоге

[1] Закон СССР от 09.10.1990 № 1708-1 (с изм. от 19.05.1995) «Об общественных объединениях» (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 42. Ст. 839.

сосредоточилась в руках Государственного Совета, органа, даже не обозначенного в Конституции СССР, решения которого носили обязательный характер. В соответствии со ст. 3 Закона СССР от 05.09.1991 № 2392-1 «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период»[1] Государственный Совет СССР создавался для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы республик, состоял из Президента СССР, руководящего его работой, и высших должностных лиц союзных республик. Именно Государственный Совет принимал решение об упразднении министерств и других центральных органов государственного управления СССР[2], за месяц до подписания Беловежских соглашений («Соглашения о создании Содружества Независимых Государств»). Можно констатировать, что введение поста главы государства в виде Президента спасти ситуацию не помогло. Как отмечается в соответствующих исследованиях, стремительным образом «реципированный институт президентства не реализовал возложенные на него задачи, глава государства оказался в политической и идеологической изоляции, что в итоге и привело к августовскому путчу 18–21 августа 1991 г.»[3] и последующему прекращению существования большого союзного государства.

СССР как «субъект международного права и геополитической реальности» прекратил свое существование, однако еще раньше был избран первый Президент в истории России. Им стал Б.Н. Ельцин, выбранный на всенародном голосовании 17 марта 1991 года. Это был первый в истории отечественной государственности одновременно и легальный, и легитимный глава будущей России – Президент РСФСР. Предшествовало этому событию положительное

---

[1] Закон СССР от 05.09.1991 № 2392-1 «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» – утратил силу // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 37. Ст. 1082.

[2] Постановление Госсовета СССР от 14.11.1991 № ГС-13 «Об упразднении министерств и других центральных органов государственного управления СССР» // Ведомости ВС СССР. 1991. № 50. Ст. 1421.

[3] Сайбулаева С.А. Институт президентства в Российской Федерации: вопросы учреждения и реформирования на современном этапе // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 1. С. 45–48.

решение, принятое на референдуме о необходимости введения поста Президента РСФСР, избираемого всенародным голосованием. Референдум этот проводился одновременно с общесоюзным референдумом о сохранении Советского Союза (17 марта 1991 г.). И если второй уже ни на что не повлиял, спасти СССР так и не удалось, то положительное решение, принятое по вопросу о введении поста Президента, стало началом формирования совершенно нового для России института, который успешно функционирует и по сегодняшний день.

Обращает на себя внимание тот факт, что в разделе V Конституции РСФСР (России)[1], которая была посвящена высшим органам государственной власти и управления Российской Федерации, глава о Съезде народных депутатов и Верховном совете Российской Федерации (глава 13) идет раньше, чем глава о Президенте (глава 13.1). При этом высшим органом государственной власти Российской Федерации по традиции обозначался Съезд народных депутатов Российской Федерации (ст. 104). В свою очередь, Президент обозначался как высшее должностное лицо. В целом все содержание главы 13.1 соответствовало закону о Президенте РСФСР с учетом изменений, внесенных в Конституцию в 1992 г. Конституция не предусматривала никаких способов разрешения конституционных кризисов Президентом в свою пользу. Что же касается выборов Президента, то им был посвящен Закон РСФСР от 24.04.1991 № 1096-1 «О Выборах Президента РСФСР»[2]. Мы не случайно выделили данный закон: давая Заключение по вопросу о соответствии поправок 2020 года первой и второй главам Конституции РФ, Конституционный Суд уделил отдельное внимание институту президенства.

Официальной датой создания первого в истории России Конституционного Суда считается 30 октября 1991 года. В этот день было проведено первое рабочее заседание избранных на Съезде народных депутатов

[1] Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России (принята ВС РСФСР 12.04.1978) (ред. от 10.12.1992) (утратила силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

[2] Закон РСФСР от 24.04.1991 № 1096-1 «О Выборах Президента РСФСР» (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 17. Ст. 510.

РСФСР судей Конституционного Суда[1], при том, что сам закон о Конституционном Суде[2] был принят значительно раньше. Буквально с момента своего создания Конституционный Суд активно включился в работу по проверке на конституционность указов Президента, тем самым оказав значительное влияние на процессы становления и формирования публичной власти в молодом государстве. В январе 1992 года Конституционный Суд признал неконституционным Указ Президента о слиянии в одно «суперведомство» двух ключевых, на тот момент силовых блоков – АФБ РСФСР (наследник КГБ) и МВД РСФСР. В своей аргументации Конституционный Суд отметил не только нарушение Конституции и принципа разграничения полномочий, но и тот факт, что «разделение и взаимное сдерживание служб государственной безопасности и внутренних дел обеспечивает конституционный демократический строй и является одной из гарантий против узурпации власти»[3].

По итогу рассмотрения нескольких указов Президента о КПСС и Коммунистической партии РСФСР Конституционный Суд признал неконституционными положения, касающиеся запрета деятельности первичных партийных организаций, сформированных по территориальному принципу[4], что впоследствии позволило коммунистической партии воссоздать свою структуру на уровне РСФСР (России).

Это знаковое решение Конституционного Суда стало его последним делом в первом оригинальном составе. Следует обратить внимание на следующие

---

[1] История КС РФ // https://www.ksrf.ru/about/History (дата обращения: 17.04.2025).

[2] Закон РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» от 6 мая 1991 г. (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 30. Ст. 1017.

[3] Постановление Конституционного Суда РСФСР от 14.01.1992 № 1-П-У «По делу о проверке конституционности Указа Президента РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 289 „Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФС“» // Собрание законодательства РФ. 1992. № 6. Ст. 247.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 1992 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности Указов Президента РФ от 23 августа 1991 года № 79 „О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР“, от 25 августа 1991 года № 90 „Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР“ и от 6 ноября 1991 года № 169 „О деятельности КПСС и КП РСФСР“, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 11. Ст. 400.

положения Закона РСФСР «О Президенте РСФСР»[1], которые существенным образом ограничивали полномочия Президента, по сравнению с ныне действующим. Так, Президент РСФСР не мог распустить или приостановить деятельность Съезда народных депутатов и Верховного Совета (п. 11 ст. 5). Однако в период масштабного конституционного кризиса в сентябре 1993 года Президент Б.Н. Ельцин в своем Указе «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» указал на тот факт, что «в Российской Федерации сложилась политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны… Съезд и Верховный Совет предпринимают систематические и все более активные усилия узурпировать не только исполнительную, но даже и судебную функции… Конституционная реформа в Российской Федерации практически свернута… разрушаются сами основы конституционного строя Российской Федерации: народовластие, разделение властей, федерализм… дискредитируется сам принцип парламентаризма в Российской Федерации. В сложившихся условиях единственным, соответствующим принципу народовластия средством прекращения противостояния Съезда, Верховного Совета, с одной стороны, Президента и Правительства, с другой, а также преодоления паралича государственной власти являются выборы нового парламента Российской Федерации»[2].

Конституционный Суд отреагировал, буквально, через несколько часов. В своем Заключении о соответствии Конституции РФ действий и решений Президента РФ Б.Н. Ельцина он указал на тот факт, что Указ Президента РФ, как и его «обращение к гражданам России», противоречат Конституции и «служат основанием для отрешения Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его

---

[1] Закон РСФСР от 24.04.1991 № 1098-1 «О Президенте РСФСР» (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 17. Ст. 512.

[2] Указ Президента РФ от 21.09.1993 № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 39.

ответственности»[1]. Последнюю точку в «споре» поставил Президент, фактически прекратив деятельность Конституционного Суда на неопределенный срок (формально обозначенный как – «до принятия новой Конституции»), и указал на тот факт, что «Конституционный Суд Российской Федерации оказался в глубоком кризисном состоянии. Дважды в течение 1993 года… своими поспешными действиями и решениями ставил страну на грань гражданской войны… из органа конституционного правосудия превратился в орудие политической борьбы, представляющее исключительную опасность для государства»[2].

В дальнейшем вновь воссозданный Конституционный Суд принимал активное участие в уточнении и разъяснении правового статуса Президента РФ, его полномочий, участии в законотворческом процессе, опережающем нормативно-правовом регулировании, взаимоотношениях с иными органами власти, в частности уточнении конституционной процедуры назначения Председателя Правительства РФ, участия в формировании органов власти субъекта РФ. Достаточно подробный анализ решений Конституционного Суда РФ, характеризующих правовой статус Президента РФ (до конституционной реформы 2020 года) представлен в научном исследовании Н.Т. Леоненко[3]. Отметим, что вопросам участия Президента РФ в законотворческом процессе мы еще уделим внимание на страницах данного исследования.

Конституционная реформа 2020 года внесла некоторые изменения в правовое положение Президента РФ, в частности в контексте развития идеи единой публичной власти. Конституционный Суд РФ в своем Заключении не нашел в предлагаемых изменениях противоречия главам первой и второй

---

[1] Заключение Конституционного Суда РФ от 21.09.1993 № 3-2 «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, связанных с его Указом от 21 сентября 1993 года „О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации“ и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1994. № 6.

[2] Указ Президента РФ от 07.10.1993 № 1612 «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 41. Ст. 3921.

[3] Леоненко Н.Т. Феномен „живой конституции“ и статус главы государства // Российский юридический журнал. 2019. № 3. С. 63–74.

Конституции, однако некоторые дискуссии в научном сообществе эти изменения породили.

Отдельно отметим вопрос, касающийся сроков, которые Президент может занимать свою должность, их длительности и периодичности. Как мы помним, Президент СССР мог занимать по Конституции не более двух пятилетних сроков, первый Президент России – не более двух пятилетних сроков подряд, согласно Конституции 1993 года – не более двух четырехлетних сроков подряд, с 2008 года – не более двух шестилетних сроков подряд. С 2020 года – не более двух шестилетних сроков, при этом отчет сроков начинался с момента принятия соответствующей поправки, прошлые сроки тех, кто уже занимал пост Президента, не учитывались, о чем в Конституции было специальное уточнение.

В классической американской избирательной традиции, как правило, Президент избирается или на один срок, или на два срока подряд, но это не обязательно. Возможно и повторное занятие должности через определенный промежуток времени. В истории США был только один такой Президент – Гровер Кливленд. Долгое время требование о максимальных двух сроках не было формально-юридическим, но согласно 22-й поправке к Конституции США, принятой в 1951, оно таковым стало. После конституционной реформы 2020 года Россия также перешла на «традиционное» количество президентских сроков – не более двух, всего.

Соответствующее конституционное новшество, а точнее юридические последствия его введения, нуждаются в своем отдельном анализе и пояснении, в том числе в исторической ретроспективе. В этой связи вспоминается ситуация, когда в 1998 году вопрос о периодичности сроков Президента, похожий по сути, но не аналогичный по юридическому содержанию, рассматривался Конституционным Судом[1]. Напомним, что в 1998 году Президент России Б.Н. Ельцин отбывал свой второй четырехлетний срок после первого пятилетнего

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 05.11.1998 № 134-О «По делу о толковании статьи 81 (часть 3) и пункта 3 раздела второго „Заключительные и переходные положения“ Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 46. Ст. 5701.

срока. Несмотря на то, что действующий Президент категорически отвергал всякую возможность и желание баллотироваться на следующий срок, Государственная Дума обратилась в Конституционный Суд РФ с запросом о толковании ч. 3 ст. 81 и п. 3 раздела второго Конституции РФ. Главный вопрос, который интересовал депутатов, – идет ли в зачет «первый» срок Президента, начавшийся еще до принятия Конституции 1993 года.

Конституционный Суд в своем определении ответил на данный вопрос положительно. Основные аргументы Конституционного Суда сводились к следующим:

- Президент РФ стал осуществлять установленные Конституцией 1993 года полномочия с момента ее принятия, в соответствии с пунктом 3 раздела второго, при этом срок не исчислялся заново, а продолжался с 1991 года;

- на всех стадиях избирательного процесса (регистрация кандидатов, голосование, вступление в должность), предусмотренных действующим тогда законом, определялось, что он баллотировался и был избран на второй срок подряд, в частности Постановлением Центральной избирательной комиссии от 9 июля 1996 о результатах года выборов это было официально объявлено);

- избиратели, голосуя в 1996 году за кандидатуру действовавшего Президента Российской Федерации, исходили из того, что избирают его на второй срок полномочий, поэтому предположение о том, что второй срок Президента можно признать вторым, вступают в противоречие с выраженной на выборах волей народа;

- сам Президент неоднократно публично заявлял, что на очередных выборах в 2000 году не будет нарушать положения Конституции и претендовать еще на один срок, как и добиваться изменения ее текста ради выдвижения своей кандидатуры.

В итоге Конституционный Суд определил, что неопределенность в понимании конституционных положений отсутствует и именно с 1996 года – начался второй срок действующего Президента.

Обратим внимание еще на один важный довод Конституционного Суда, по мнению которого в тексте Конституции, в частности заключительных и переходных положениях, отсутствует специальная оговорка о том, что срок, начавшийся до принятия Конституции, не включается в сроки, предусмотренные ч. 3 ст. 81. Другими словами, достаточно было отдельно оговорить данную ситуацию в тексте Новой Конституции и подобных вопросов ни при каких обстоятельствах бы не возникло. На лицо явная недоработка создателей конституционного теста. Отметим, что в процессе функционирования новой Конституции таких «недоработок» будет замечено немало, вплоть до отнесения органов прокуратуры к судебной системе.

Спустя четверть века, оценивая доводы, которые приводил в свое время Конституционный Суд, нельзя не признать отдельные из них достаточно дискуссионными. Наименее спорными выглядят доводы формально-юридического характера, в частности, в ситуации отсутствии специальной оговорки, речь действительно можно вести о том, что исчисление сроков началось с 1991 года. С другой стороны, в отсутствие специальной оговорки следовало бы ограничить первый срок четырьмя годами, а не пятью, но на этот счет в Конституции все же было дано разъяснение. В итоге мы получили ситуацию, когда первый срок полномочий российского Президента регулировался двумя Конституциями одновременно, что не очень логично. Нельзя также не согласиться с утверждением, что официальные документы действительно содержали упоминание о том, что Б.Н. Ельцин был выбран уже на второй срок: «Считать избранным на должность Президента Российской Федерации на второй срок Ельцина Бориса Николаевича» (Постановления ЦИК России от 09.07.1996 № 110/837-II «О результатах выборов Президента Российской Федерации»[1].

Возникает вопрос – почему вообще появилась эта необходимость указывать, на какой именно срок избирается Президентом Б.Н. Ельцин? И если

[1] Постановление ЦИК России от 09.07.1996 № 110/837-II «О результатах выборов Президента Российской Федерации» // Вестник Центризбиркома РФ. 1996. № 17.

уж это было так необходимо, то следовало более четко сформулировать на какой именно срок избрался Президент – на второй срок подряд. А если бы Президент, пропустив один срок, вновь избрался бы Президентом, что было бы написано в постановлении ЦИК? Что же впоследствии писал ЦИК, в случаях, когда Президент В.В. Путин избирался на второй срок подряд, а это в истории России случалось дважды. В 2008 году фраза ЦИК звучала следующим образом: «Считать избранным на должность Президента Российской Федерации Путина Владимира Владимировича»[1]. Председателем Центральной избирательной комиссии Российской Федерации на тот момент был А.А. Вешняков, во времена принятия постановления 1996 года занимавший должность секретаря ЦИК. В 2018 году соответствующие положения были сформулированы следующим образом: «Считать избранным на должность Президента Российской Федерации Путина Владимира Владимировича, получившего 56 430 712 голосов избирателей, что составляет 76,69 процента, то есть более половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании»[2]. Председателем Центральной избирательной комиссии Российской Федерации на тот момент уже была Э.А. Памфилова. Таким образом, оригинальная фраза «избирается на второй срок» прозвучала в истории постановлений ЦИК о результатах выборов всего один раза в 1996 году, когда секретарем Центральной избирательной комиссии был Н.Т. Рябов. Напомним, что Н.Т. Рябов на момент сентября 1993 года занимал должность заместителя Председателя Верховного Совета Российской Федерации. Учитывая обозначенные нами обстоятельства 1996 года и последующие события 1998 года, складывается ощущение, что уже на момент 1996 года часть государственного аппарата работала на то, чтобы не дать возможности Президенту Б.Н. Ельцину баллотироваться на третий срок.

---

[1] Постановление ЦИК России от 23.03.2004 № 99/799-4 «О результатах выборов Президента Российской Федерации» // Вестник Центризбиркома РФ. 2004. № 7.

[2] Постановление ЦИК России от 23.03.2018 № 152/1255-7 «О результатах выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 18 марта 2018 года» // Вестник ЦИК России. 2018. № 8.

Возвращаясь к доводам Конституционного Суда, обратим внимание на отдельные из них. Во-первых, это обращение к обещанию Президента больше не претендовать на данный пост, так как последний неоднократно и публично об этом заявлял. Здесь Конституционный Суд в качестве юридически значимых обстоятельств предлагает рассматривать устные высказывания политического деятеля, которые таковыми не являются и могут меняться в соответствии с изменяющейся политической обстановкой. Кроме того, спорно выглядит и ссылка на Президента в контексте обещания не добиваться изменения Конституции РФ, т. к. внесение поправок в главу четвертую – это в большей степени прерогатива Федерального Собрания. Аналогичным образом можно поставить под сомнение довод о том, что избиратели, голосуя в 1996 году за кандидатуру действовавшего Президента, исходили из того, что избирают его на второй срок полномочий, поэтому определение этого срока как «первого» вступает в противоречие с выраженной на выборах волей народа. В данном случае Конституционный Суд берется судить о том, о чем «думали» избиратели. Что также, на наш взгляд, выглядит достаточно спорно. Приняв во внимание обозначенные обстоятельства, Конституционный Суд приходит к выводу, что неопределенности по соответствующему вопросу в положениях Конституции нет. Другими словами, Конституционный Суд принимает решение по определенности или неопределенности положений Конституции на основе последующих за ее принятием высказываниями главы государства и своего мнения о том, как данная ситуация выглядела в глазах избирателей, о чем доподлинно Конституционному Суду известно быть не может. Не мог знать Конституционный Суд и о том, как избиратели отреагировали бы на то, если бы Б.Н. Ельцин принял решение вновь баллотироваться в Президенты после перерыва.

Что же касается ситуации начала отсчета с нуля сроков действующего Президента, то она, при учете значительной поддержки со стороны населения, принявшего участие в общероссийском голосовании, еще долго будет обсуждаться отечественными правоведами, в частности ее политико-

юридические аспекты. Важно отметить, что сам факт обнуления сроков был производным от конституционной поправки, касающейся количества сроков, на которые может избираться Президент, и их периодичности. Формально, если бы сроки президенства и их периодичность остались без изменения, то и речь об обнулении сроков бывших президентов не шла. Речь могла идти о снятии ограничений на количество сроков президенства в целом. Соответствующая поправка была предложена В. Терешковой, и ее предложение звучало следующим образом: «Предлагаю либо снять ограничение [по числу] президентских сроков, либо записать в одну из статей законопроекта положение о том, что после вступления в силу обновленной Конституции действующий Президент, как и любой другой гражданин, имеет право избираться на пост главы государства». Автор поправки также отметил, что речь идет об оправдании доверии граждан России в сложный период геополитической нестабильности, и о том, что именно граждане должны решать, кто будет следующим Президентом России[1]. Позднее Президент РФ В.В. Путин высказал свое мнение на этот счет: сейчас для России важнее стабильность, но позднее «совершенно точно нужно обеспечить сменяемость власти»[2].

Вспомним похожую ситуацию, связанную с принятием 22 поправки к Конституции США. Изначально никаких уточнений по поводу количества президентских сроков Конституция не содержала. В этой связи традиционно вспоминают мнение одного из авторов американской Конституции Александра Гамильтона: «Президент должен избираться сроком на четыре года и подлежит переизбранию столько раз, сколько сочтет необходимым народ Соединенных Штатов оказывать ему доверие»[3]. Однако в 1947 году на свет появился текст поправки, которая выглядела следующим образом: «Никто не может быть избран на должность Президента более чем два раза, а лицо, занимавшее должность Президента или действовавшее в качестве Президента в течение более двух лет

[1] URL: http://duma.gov.ru/news/47995/ (дата обращения: 01.07.2024).

[2] URL: https://www.interfax.ru/russia/698406 (дата обращения: 01.07.2024).

[3] Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 2000. С. 450.

от срока, на который был избран Президентом другой человек, не может избираться на должность Президента более чем один раз. Это положение не распространяется на лицо, занимающее пост Президента в период, когда данная поправка была предложена Конгрессу и не препятствует любому лицу, которое может занимать пост президента или исполняющего обязанности президента, в течение срока, в пределах которого данная статья вступает в силу, сохранять пост президента или исполняющего обязанности президента в течение оставшегося срока». Обратим внимание на тот факт, что в тексте поправки оговариваются специальные обстоятельства, касающиеся действующего Президента США. Мнения исследователей в отношении смысла данного «исключения» отличаются. Часть из них считает, что действующий Президент может (как это было и раньше) избираться неограниченное количество раз, другие – только два раза по окончанию действующего срока. В любом случае исключение касалось только действующего Президента, на бывших оно не распространялось, что представляется не вполне логичным. Отечественный вариант соответствующей «оговорки» выглядит более предпочтительным. Действующий на тот момент в качестве Президента США Гарри Трумэн, вступивший в должность вследствие кончины Рузвельта в 1945 году (после четырех сроков которого данная поправка и появилась), пробыл в должности Президента почти полный первый срок, в 1948 году был избран на следующий, а в 1952 году не выставил свою кандидатуру, несмотря на то, что уже к 1951 году данная поправка была ратифицирована необходимым количеством штатов. Таким образом, в США был только один Президент, избиравшийся четыре раза и один, избиравшийся повторно через промежуток времени. Все остальные президенты занимали свою должность не более двух сроков.

Напомним, что Конституционный Суд РФ в своем Заключении по конституционным поправкам не нашел противоречий в предполагаемом «обнулении» сроков действующего Президента, отдельно указав на тот факт, что «конституционный принцип народовластия подразумевает возможность реализации народом права избрать на свободных выборах то лицо, которое он

посчитает наиболее достойным должности главы государства, притом, что его определение в рамках электоральной конкуренции всегда остается за избирателями, а наличие у лица статуса действующего главы государства отнюдь не предрешает победы на выборах…».

Обратим внимание в этой связи на важность развития практики периодической смены власти, в том числе с точки зрения ее влияния на «молодой» электорат[1], тем более, что на это сам указывал действующий Президент РФ. Как мы видим, в конечном итоге идея полного снятия ограничений на сроки полномочий Президента РФ была отвергнута – количество сроков было ограничено двумя (без подряд), а сроки полномочий бывшего и действующего президентов начали новый отсчет. Теперь мы имеем классический американский вариант – не более двух сроков «всего».

По итогам конституционной реформы 2020 года срок проживания будущего Президента на территории Российской Федерации и требования к кандидату также изменились. В Конституции 1993 года был установлен срок – 10 лет, после реформы 2020 года – 25 лет. Однако самые жесткие ограничения ждут кандидата на должность Президента в сфере наличия или отсутствия у него гражданства (вида на жительство) других стран. По данному вопросу Конституционный Суд в своем заключении высказал достаточно оригинальную позицию, поэтому остановимся на проблеме подробнее. Изначально подобные требования отсутствовали – достаточно было быть гражданином России. Теперь Президентом может стать исключительно лицо, не имеющее и не имевшее ранее гражданства иностранного государства и т. д. Исключение сделано для имевших гражданство государства, которое было принято или часть которого была принята в Российскую Федерацию, и постоянно проживавших на территории принятого в Российскую Федерацию государства или территории принятой в Российскую Федерацию части государства. Требования действительно

[1] Рулев М.С. Президент как актор формирования повестки дня (по результатам Всероссийского конкурса «Если бы я был президентом») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 45, 47.

исключительные. Для сравнения, например, для депутатов Государственной Думы требование – отсутствие гражданства в настоящее время, для Президента – отсутствие вообще когда-либо.

В своем Заключении по поводу соответствия обозначенных поправок главам первой и второй, Конституционный Суд РФ указывал на то, что данные ограничения согласуются с особым конституционно-правовым статусом главы государства и гарантируют его гражданскую верность, а также стабильную правовую и эмоциональную (духовно-культурную) связь с государством. Одновременно данные ограничения не нарушают конституционные положения о том, что гражданство России «является единым и равным независимо от оснований приобретения» (ст. 6 Конституции РФ). Кроме того, Конституционный Суд допустил возможность отхода от обозначенных в основном законе правил. В частности, было указано, что требование об отсутствии в прошлом гражданства не будет препятствием для занятия должности Президента РФ, если это было связано с исполнением гражданином обязанностей перед Российской Федерацией или СССР. Как отмечают в этой связи исследователи, Конституционный Суд разграничивает цели приобретения гражданами России иностранного гражданства, допуская наличие таких целей, которые не будут препятствовать участию в выборах[1]. Вопрос о том, какие же цели имел ввиду Конституционный Суд и кто будет определять допустимость соответствующих целей, представляется нам очень интересной темой для исследования.

Отвлекаясь непосредственно от института Президента, обратим внимание на то, какое важное значение имеет обозначенное Заключение Конституционного Суда РФ для дополнительного содержательного раскрытия внесенных в 2020 году в Конституцию поправок. Напомним, что похожая ситуация сложилась и при разъяснении Конституционным Судом поправки,

[1] Алехин А.Е., Ромайкин И.А. Проблемы реализации обновленных требований к замещению должности Президента России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 59–62.

касающейся русского языка как языка государствообразующего народа (ст. 68 Конституции РФ). В своем разъяснении Конституционный Суд прямо назвал «государствообразующий народ» русским народом.

В продолжение темы гражданства отметим, что сама идея проверки наличия/отсутствия гражданства (вида на жительство) иностранного государства вызывает вопросы с точки зрения точности и правдивости ее результатов. Напомним, что обязанность сообщать о получении гражданства иностранного государства (ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»[1]) появилась только в 2014 году[2]. В действующем законе это статья одиннадцать[3]. Тогда же, в 2014 году, появилась и соответствующая ответственность (ст. 330.2 Уголовного кодекса РФ[4]) за неисполнение данного требования[5]. На наш взгляд, требование об отсутствии у претендента на пост Президента иностранного гражданства следовало бы уточнить и поставить в зависимость от даты принятия соответствующей поправки, т. е. учитывать иностранное гражданство, полученное только после 2020 года. Нетрудно представить себе ситуацию, когда ребенок рождается на территории другого государства, без всякого участия со своей стороны и исключительно по инициативе родителей получает иностранное гражданство, через месяц возвращается с родителями в Россию, получает российское гражданство и проживает там безвыездно на протяжении многих десятилетий, но не может претендовать на пост Президента. На наш взгляд, подобная ситуация

[1] Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

[2] Федеральный закон от 04.06.2014 № 142-ФЗ «О внесении изменений в статьи 6 и 30 Федерального закона „О гражданстве Российской Федерации“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 23. Ст. 2927.

[3] Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[5] Федеральный закон от 04.06.2014 № 142-ФЗ «О внесении изменений в статьи 6 и 30 Федерального закона „О гражданстве Российской Федерации“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 23. Ст. 2927.

также могла быть дополнительна разъяснена в соответствующем Заключении Конституционного Суда.

В рамках рассмотрения проблемы единства публичной власти сквозь призму конституционной культуры правосудия остановимся и на основных вопросах, характеризующих деятельность современного российского парламента. Конституционная реформа 2020 года актуализировала ряд важных и значимых вопросов, затрагивающих состояние конституционной культуры отечественного законодателя и выявила целый ряд проблем, каждая из которых заслуживает своего самостоятельного изучения. Однако нельзя не признать, что большая часть проблем в данной сфере для современного научного дискурса является достаточно традиционной. Хотим обратить внимание на наиболее показательные проблемы, которые складываются в практике законодательной деятельности.

В контексте соотношения законодательной и судебной деятельности неожиданным образом актуализировалась проблема ратификации международных договоров и соглашений, подписанных Президентом РФ, а также предполагаемые ими соответствующие изменения отраслевого законодательства. В качестве наиболее показательной вспомним о ситуации вокруг дополнительного шестого протокола к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, касающегося отмены смертной казни в России. Напомним, что соответствующий протокол был подписан Президентом РФ еще в 1997 году, однако вплоть до окончательной денонсации всего блока договоров и соглашений, связывающих Россию с Советом Европы, отечественный законодатель никаких итоговых законодательных решений в связи с запретом на применение смертной казни в России так и не оформил. И если присутствие смертной казни в ст. 20 Конституции РФ, при учете особого порядка изменения текста главы второй, можно объяснить именно сложностью самой процедуры, то принципиальное нежелание убрать институт смертной казни из Уголовного кодекса РФ объяснить тяжело. В этих условиях именно Конституционному Суду РФ пришлось взять на себя всю полноту

ответственности и ввести запрет на применение смертной казни в России. Первый раз это было сделано под объективным предлогом отсутствия во всех субъектах Российской Федерации судов присяжных[1].

В преддверии того, как суды присяжных появились во всех без исключения субъектах Российской Федерации (в Чеченской Республике суды присяжных начали функционировать с 1 января 2010 года) Конституционный Суд РФ продолжил действия моратория на смертную казнь, обратив внимание на то, что отмена смертной казни – важное условие нахождения России в Совете Европы и на то, что в современной России сложился «легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания»[2].

Сегодня, когда Россия больше не является членом Совета Европы, дискуссия о применении смертной казни будет все больше актуализироваться[3]. В данном примере мы хотели обратить внимание на ситуацию, когда законодатель, по сути, отказывается легитимизировать решение главы государства, подписавшего тот или иной международный договор или соглашение, а законных способов активизировать или принудить законодателя этого сделать не существует. Аналогичным образом можно констатировать, что

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года „О порядке введения в действие Закона Российской Федерации „О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР „О судоустройстве РСФСР“, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях“ в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 6. Ст. 867.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р // «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года „О порядке введения в действие Закона Российской Федерации „О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР „О судоустройстве РСФСР“, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях“» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 48. Ст. 5867.

[3] Василевич Д.Г. Право на жизнь: конституционные и этические проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 8. С. 23–30.

и механизма преодоления подобного разногласия, возникшего меду различными ветвями власти, не предусмотрено. Данная ситуация получила достаточно интересное с юридической точки зрения продолжение. Окончательный юридический разрыв по линии сотрудничества с Советом Европы и Европейским Судом произошел по итогам денонсации Россией «международных договоров Совета Европы», при том, что сам документ формулировку «денонсация» не использует. Законодателем используется следующая формулировка: «в связи с прекращением членства Российской Федерации в Совете Европы считать с 16 марта 2022 года прекратившими действие в отношении Российской Федерации следующие международные договоры…»[1]. В перечне международных договоров, прекративших действие в отношении Российской Федерации, дополнительный шестой протокол к Европейской Конвенции, касающийся неприменения смертной казни, отсутствует. Причины могут быть, как минимум, две – законодатель не смог сам для себя точно сформулировать механизм прекращения действия, подписанного Президентом, но не ратифицированного международного договора; Россия оставляет место для маневра в ситуации разрешения вопроса о применении или неприменении смертной казни в России.

Отдельной проблемой представляется и оперативное исполнение законодателем решений Конституционного Суда РФ. Как показала практика функционирования данного института, в России на сегодняшний день не существует реальных механизмов принуждения федерального законодателя к исполнению решений Конституционного Суда РФ, поэтому особое внимание в этой связи следует уделять именно конституционной культуре отечественного законодателя[2]. Более подробно данную проблему мы рассмотрим в иных частях

[1] Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.

[2] Подробнее см.: Баринов Э.Э. Конституционная культура современного российского законодателя // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2024. № 1 (109). С. 20–25.

нашего исследования, но уже сейчас скажем, что в отечественном правовом дискурсе утвердилась позиция, в соответствии с которой сегодня специальные механизмы принуждения федерального законодателя к исполнению решений Конституционного Суда РФ отсутствуют[1].

Отметим, что Федеральное Собрание как основной участник законодательной деятельности в современном конституционно-правовом пространстве оказался достаточно самостоятельным и не всегда подотчетным. Возможные ситуации роспуска Государственной Думы Президентом РФ актуальны только для случаев, затрагивающих формирование Правительства РФ и разрешение конституционных противоречий, которые могут возникнуть между Правительством и Государственной Думой РФ. Что же касается Совета Федерации, то даже таких возможностей воздействия на него нет. Это выводит проблему конституционной культуры современного российского законодателя на принципиально иной уровень. Соответствующий круг вопросов уже не может рассматриваться и анализироваться исключительно в формально-юридическом ключе. Ожидать же в подобных случаях наступления для федерального законодателя политической ответственности явно не приходится. В подобной ситуации выходов не так много: повышать конституционную культуру законодателя путем введения дополнительных требований к самим парламентариям или все же реализовать на практике действительные «правотворческие», а не как это сейчас принято говорить «квазиправотворческие» полномочия Конституционного Суда РФ, к чему современная правовая система России еще явно не готова.

Долгое время в отечественной юридической науке продолжалась дискуссия на тему, какая в России республика – смешанная или президентская. Несмотря на совершенно очевидные формальные признаки президентской республики, часть авторов продолжала говорить о республике смешанного

[1] Балаян Э.Ю., Сычев С.С. Исполнение решений Конституционного Суда РФ по жалобам на нарушения конституционных прав и свобод граждан // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 31–33.

(полупрезидентского) типа[1], или республики смешанного типа с широкими полномочиями Президента[2]. При этом нельзя не обратить внимание и на тот факт, что Президент РСФСР был главой исполнительной власти в РСФСР. Это особенно интересный момент, так как в современной теоретической науке сложилось устойчивое мнение, что одним из основных признаков президентской республики является объединение в одном лице должности Президента и главы исполнительной власти. С учетом остальных положений закона признать сформировавшуюся на тот момент республиканскую форму правления как президентскую республику нельзя. На наш взгляд, следует согласиться с мнением Председателя Конституционного Суда РФ профессора В.Д. Зорькина, который уже достаточно давно определил Россию как республику суперпрезидентского типа[3]. Соответствующие дискуссии прокомментировал и сам Президент РФ. В преддверии конституционной реформы Президент РФ В.В. Путин в своем послании Федеральному собранию 2020 года обращал внимание на тот факт, что Россия «с ее огромной территорией, сложным национально-территориальным устройством, многообразием культурно-исторических традиций не может нормально развиваться, я скажу больше, просто существовать стабильно в форме парламентской республики. Россия должна оставаться сильной президентской республикой».

Несмотря на тот факт, что многие вопросы, посвященные особенностям организации и функционирования судебной власти, в том числе ее самостоятельности, уже рассматривались или еще будут рассматриваться на страницах данного исследования, применительно к настоящей части работы отметим, что холистический подход к организации единой системы публичной власти предполагает, что судебная власть не существует вне государства,

---

[1] Осавелюк А.М. Особенности правового статуса главы государства при разных формах правления: миф и реальность // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 48–51.

[2] Кокотов А.Н. Конституционное право России: курс лекций. М.: Проспект, 2010.

[3] Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. М.: Юр. норма; НИЦ ИНФРА-М., 2013.

механизма публичного управления и обеспечения конституционного правопорядка. Включение судебной власти в единую систему публичной власти означает не подчиненность административно-властной вертикали, а участие в согласованном функционировании публично-властных институтов при сохранении самостоятельности в процессе реализации своих полномочий. Нарушение данного баланса способно привести либо к изоляции судебной власти, в контексте решения общих задач государственного строительства, либо, напротив, к ослаблению ее правоохранительного потенциала и превращению ее в орган зависимый и не влияющий в полной мере на процессы демократического функционирования правовой системы.

В заключение отметим следующее. На уровне конституционно-судебной доктрины принцип единства публичной власти был сформулирован задолго до конституционной реформы 2020 г. Сегодня в России формируется специфическая модель, при которой правосудие функционирует в условиях высокой степени политической централизации. Такое положение отражает холистический взгляд на организацию публичной власти, в рамках которого важно нахождение баланса между самостоятельностью судебной власти и ее интеграцией в единую систему публичной власти.

Выступая носителем публично-властных интересов, судебная власть на уровне конституционной культуры правосудия аккумулирует мировоззренческие и формально-юридические характеристики институтов российской государственности, одновременно контролируя процессы их развития и функционирования, что актуализирует проблему исполнения решений Конституционного Суда РФ. Данная проблема находится в предметном поле конституционной культуры правосудия и отражает не только уровень уважения органов власти к решениям высшей судебной инстанции, но и степень восприятия конституционного правосудия как ценностного ориентира всей системы публичной власти.

Современные основы отечественного федерализма и местного самоуправления были сформулированы в свое время во многом на уровне

доктринальных решений Конституционного Суда РФ. При этом объективными реалиями сегодняшнего дня стали перенос центра тяжести с форм непосредственной демократии на публичные полномочия органов местной власти и существенное сокращение пространства муниципальной демократии. Для конституционной культуры правосудия это означает, что судебная власть, аккумулирующая ценности муниципальной демократии, в еще большей степени становится гарантом защиты местных сообществ и прав граждан на осуществление местного самоуправления. В целом современная модель единой публичной власти формирует новые контуры функционирования конституционной культуры правосудия: актуализируется значение судебной власти как механизма поддержания баланса конституционных ценностей, усиливается роль правовых позиций Конституционного Суда РФ в процессе обеспечения единства публичной власти, как и правосудия в целом.

§ 3.3. Социальная ориентация судебной власти как отражение нового качества конституционной культуры правосудия

По итогам конституционной реформы 2020 года в тексте Конституции РФ появилась новая статья 75.1, в соответствии с которой «в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность». Это породило новый виток обсуждения проблемы солидаризма и идеи социальной солидарности. Вместе с тем следует отметить, что соответствующая проблематика обсуждалась отечественными учеными значительно раньше, в период до конституционной реформы. Кроме того, оригинальный текст Конституции также имел выраженную солидаристскую направленность. Так, Б.С. Эбзеев отмечает, что солидарность характерна для «организации общества, развивающегося не за счет подавления одних интересов

и признания других приоритетными, а на основе сочетания и учета их взаимообусловленности, формирования баланса интересов индивида, коллектива, общества... Речь идет о конвергенции по меньшей мере основных социальных субъектов, объединенных общими ценностями и действующими во имя общих целей»[1]. Также, по мнению автора, содержание ч. 3 ст. 17 Конституции РФ (осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц) в единстве с ч. 2 ст. 15 (органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы) отчетливо указывает на солидаристские мотивы в законодательном регулировании данной проблемы[2]. Другими словами, идея солидарности закладывалась в оригинальный текст Конституции изначально. Отметим также, что современное понимание социального государства значительным образом обогатилось по сравнению с его советской социалистической трактовкой, что предполагает использование принципиально новых научно обоснованных подходов к оценке реализации идеи социального государства в современной России.

Еще раз обращаясь к содержанию ст. 75.1 Конституции РФ, отметим, что отдельные исследователи рассматривают положения новой статьи о взаимном доверии государства и общества, об обеспеченности сбалансированности прав и обязанностей гражданина, об экономической, политической и социальной солидарности как идеи, положенные в основу, в том числе, государственного суверенитета. «В основе солидарного общества лежит представление о солидарности, понимаемой как социальная сплоченность в интересах обеспечения жизнедеятельности, безопасности и развития общества. Ключевой проблемой солидарного общества является консолидация государства, общества и бизнеса для формирования целостного образования, которое представимо как

[1] Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. С. 15.

[2] Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. С. 148–149.

метасубъект»[1]. Также можно согласиться с авторами, которые утверждает, что нововведенная статья отражает содержание идеи аристотелевского понимания общего блага для государства, общества и отдельной личности, развивая солидаризирующие положения Преамбулы Конституции РФ[2]. Другие авторы обращают внимание на то, что обозначенные нововведения являются важным шагом к восстановлению российской цивилизационной идентичности, основанным на общем признании благом не только внешнего воздействия, но и внутреннего духовного чувства взаимопонимания и взаимопомощи[3].

Практика конституционного правосудия также демонстрирует достаточно широкий диапазон использования идеи социальной солидарности в различных сферах конституционно-правовых отношений: как ценности[4], как конституционного принципа[5] и в контексте общей отсылки к содержанию ст. 75.1 Конституции РФ[6]. Что же касается «солидарности», то, в отличие от «социальной солидарности», она используется преимущественно в судебных

---

[1] Тимофеев Н.С. Суверенитет и активизация человеческого фактора в системе единства публичных властей // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 9. С. 33–40.

[2] Шадрин В.В. О конституционно-правовых основах идеи общего блага в Российской Федерации // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Сер. «История. Политология. Право». 2022. № 1. С. 71–75.

[3] Бабурин С.Н. Конституционализация социального партнерства во имя устойчивого развития современного мира // Глобальный диалог о целях устойчивого развития: правовое измерение: к 75-летию образования ООН: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.А. Сошникова. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2020. С. 24–29.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.2025 № 24-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.Г. Байгускаровой и М.Г. Мухаметчина» // СПС «КонсультатПлюс».

[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 10.04.2025 № 16-П // «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 333.19 и пункта 1 статьи 333.21 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 45 и 47 статьи 2 Федерального закона „О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах“ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 16. Ст. 2101.

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2022 № 48-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого части 1 статьи 48 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ в связи с жалобой граждан Ю.А. Плахтеевой, А.Ю. Савушкиной и А.Ю. Яковлевой» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 47. Ст. 8304.

решениях, посвященных системе пенсионного обеспечения[1] по аналогии с ее использованием в тексте Конституции РФ.

В рамках солидаристской концепции построения основ государственной и общественной жизни отдельного внимания заслуживает проблема самоограничения публичной власти в своих взаимоотношениях с социумом и отдельными индивидуумами. Как уже было отмечено, современные государства стараются не сводить свое участие в жизни общества к механизмам ограничения и принуждения. Всякое принуждение имеет свои границы, и вопрос легитимности действующей власти выходит далеко за рамки обеспечения установленного общественного порядка. Современная власть старается предстать как выразитель интересов большей части населения и верховный арбитр в механизме разрешения социальных конфликтов. Публичная власть берет на себя функции по обеспечению социально-экономического благополучия населения, защите его духовно-нравственных ценностей, справедливому разрешению споров, созданию в обществе условий для планомерного и устойчивого развития основных государственных и общественных институтов. Позитивный облик публичной власти – одно из главных условий функционирования государства в целом. Именно по этой причине единая система публичной власти в России осуществляется в жестких рамках соответствующего нормативно-правого регулирования. Знаменитая и вошедшая в историю фраза Дельвига Бенкендорфа: «Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства, и вы не имеете права в объяснениях со мною на них ссылаться или ими оправдываться», возможно, и была актуальна для XIX века. Сейчас же она выглядит явным анахронизмом. Современная публичная

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 10.07.2007 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 и пункта 2 статьи 13 Федерального закона „О трудовых пенсиях в Российской Федерации“ и абзаца третьего пункта 7 Правил учета страховых взносов, включаемых в расчетный пенсионный капитал, в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Учалинского районного суда Республики Башкортостан и жалобами граждан А.В. Докукина, А.С. Муратова и Т.В. Шестаковой» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 29. Ст. 3744.

власть действует в рамках предметно обозначенного правового поля и всячески подчеркивает свою приверженность идеалам правого государства.

Публичная власть во всех случаях стремится выступать не как механизм ограничения свободы, а как необходимое условие ее реализации. Показательным в этом смысле является обращение к группе личных прав и свобод человека, относящейся к первому поколению прав. Изначально личные (гражданские) права характеризовали негативный аспект свободы. Не вмешиваться в личные дела граждан, не лишать их жизни без соответствующих оснований, не нарушать права на тайну личных сообщений, не препятствовать реализации идеи достоинства личности – все эти обязанности возлагались на государство как главный потенциальный источник нарушения данных прав. Именно государство на первых этапах развития идей неприкосновенности личности выступало в качестве антагониста личной свободе. Со временем ситуация изменилась. Не вызывает сомнения, что государство в теории все еще остается одним из главных потенциальных нарушителей личных прав и свобод. Для этого у государства есть неограниченные средства и возможности. Однако нельзя не заметить, что государство одновременно выступает и как гарант обеспечения соответствующих прав, в случаях, когда речь идет о пресечении противоправного поведения и восстановлении нарушенного права. Не вызывает сомнения, что «типичный» набор личных прав может рассматриваться в качестве прав «позитивного» характера. Достаточно внимательно посмотреть на личные субъективные права, закрепленные в Конституции РФ: право на жизнь (ст. 20), достоинство личности (ст. 21), свобода и личная неприкосновенность (ст. 22), неприкосновенность частной жизни ст. 23) и т. д. Очевидно, что в современном мире данный блок прав олицетворяет не только уровень личной свободы и независимость личности от государства, но и полноценный конституционно-правовой механизм обеспечения данных прав в контексте их защиты от преступных посягательств со стороны других членов социума. Что же касается группы социально-экономических прав и свобод, то тут решающая роль государства в их обеспечении неоспорима.

Признавая, что государство одновременно является и учредителем, и гарантом обеспечения свободы личности, следует признать, что проблема личного и публичного выступает центральной не только для конституционно-правовой науки, но и для юридического дискурса в целом. Идея естественного происхождения прав, предполагающая их универсальность, безусловно, конструктивная и перспективная для системного и комплексного обеспечения свободы личности в современном государстве, не должна замещать продуктивную деятельность органов публичной власти, направленную на учреждение национально-ориентированной системы конституционно-правовых ценностей, в части взаимоотношений государства и личности. В свою очередь, «ценностным ориентиром реализации таких взаимоотношений… является универсальная категория общего блага. В основе понимания общего блага лежат подходы, связанные с поиском баланса ценностей власти и свободы, публичных и частных интересов…»[1].

Б.С. Эбзеев в этой связи отмечает, что, сталкивая «индивидуальное» и «социальное», можно выделить две диаметрально противоположные позиции – системоцентризм (человек – средство достижения надличностных целей) и персоноцентризм (человек – мерило всех вещей). «Полное забвение индивида и его прав, гипертрофия общественного начала в организации деятельности социума составляют основной порок коллективиских доктрин... Равновесие принципов индивидуального и коллективного – универсальное условие эволюционного развития общества»[2]. В этой связи именно социальная солидарность может выступать компромиссом между двумя противостоящими концепциями.

---

[1] Бондарь Н.С. Конфликт культур современных судебно-правовых систем: социальная справедливость или экономический прагматизм? // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире: XXI Международные Лихачевские научные чтения. 25–26 мая 2023 года. СПб., 2024. С. 37.

[2] Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма: очерки. М.: Проспект, 2023. С. 121–129.

Таким образом, обобщенно солидарность может рассматриваться как принцип социального существования, который предусматривает объединение возможностей и ресурсов какой-либо группы субъектов отношений, преследующих такое достижение общих целей, при котором интересы каждого отдельного субъекта находятся в определенном балансе с интересами их общности. Именно социальная солидарность является позитивным основанием отечественной государственности и права, этот принцип пронизывает основы конституционного строя нашего государства[1].

Также обратим внимание на тот факт, что новая статья Конституции включила в себя несколько видов «солидарности» – экономическую, политическую и социальную. Однако основное внимание представители юридической науки сосредоточили на последней. Причину этого объясняют и сами исследователи. «Идея социального партнерства уверенно перешагнула пределы социально-трудовой сферы, и ее экстраполяция на широкий комплекс социетальных отношений отражает трансформирующийся общественный (социетальный) договор, в котором не только общество наделяет государство определенными полномочиями, но и публичная власть начинает переходить к совместному управлению со структурами общества из коммерческого и некоммерческого секторов во имя устойчивого развития»[2]. Это не исключает рассмотрение принципа социальной солидарности в более узком социально-экономическом значении, или же подразумевая одно из направлений его реализации – правовое регулирование социально-трудовых отношений[3].

Напомним, что Конституционный Суд РФ в свое время пошел несколько иным путем. В своем Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-З он ввел новое

---

[1] Кокурина О.Ю. Публичная ответственность и обязанности государства в контексте конституционного принципа общественной солидарности // Административное право и процесс. 2024. № 2. С. 10–18.

[2] Ильина О.Ю. Конституционная идея социального партнерства в контексте трехсекторной социентальной модели общества и концепции совместного управления // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 4. С. 30–34.

[3] Корсаненкова Ю.Б. Конституционная значимость принципа социальной солидарности как основы правового регулирования социально-трудовых отношений // Социальное и пенсионное право. 2024. № 2. С. 17–21.

конституционно-правовое понятие «общественная солидарность»: указание в новой статье 75.1 Конституции РФ на то, что в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность, направлено на достижение в государственной политике, в правовом регулировании и правоприменительной практике оптимального соотношения индивидуальной свободы и общественной солидарности[1].

Что же касается некоторого ценностного дисбаланса и конкуренции ценностей естественно-правового и позитивистского характера, а также излишней либеральности действующей Конституции, на которые нередко указывают в современной юридической литературе[2], то следует отметить, что даже при самом большом желании текст современной российской Конституции никак нельзя признать текстом «либеральным», как и ставящим национальные ценности в подчиненное положение по отношению к ценностям универсального наднационального характера. Во-первых, идея прав человека как высшей ценности не должна противопоставляться идее коллективных прав граждан Российской Федерации. Текст Конституции РФ не содержит прямых указаний на то, что реализация индивидуальных прав должна осуществляться в ущерб

---

[1] Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти“, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

[2] Баранов П.П., Овчинников А.И. Конституционные ценности и совершенствование современной конституционно-правовой политики Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 1. С. 18–22; Тарибо Е.В. Соотношение различных процедур конституционного контроля в контексте диалога со Страсбургским судом: некоторые проблемные аспекты российской практики // Российский судья. 2018. № 8. С. 54–62.

государственным и общественным интересам, что делает сомнительным понимание действующий Конституции РФ в любой из ее редакций как либеральной. В этой связи многими авторами[1] часто приводятся в пример положения Преамбулы Конституции, в которой упор делается не только на права и свободы, но и на гражданский мир и согласие. Во-вторых, текст Конституции содержит значительное количество сдерживающих механизмов, в том числе содержащихся в ст. 55 Конституции РФ. В-третьих, Конституционный Суд РФ, формируя систему конституционных приоритетов, наглядно демонстрирует приверженность национальным культурным ценностям и традициям (в противовес «универсальным» и «прозападным»)[2].

Как мы уже отмечали, смена идеологических ориентиров в последнее десятилетие прошлого века привела и к переходу к принципиально новой системе экономических отношений. Однако значительная часть населения оказалась не удовлетворена ходом экономических реформ. Часть российского общества по-прежнему требует пересмотра итогов приватизации и очень болезненно воспринимает «отказ» государства от выполнения когда-то традиционной для него функции реализации идеи социального уравнивания. Все нагляднее проявляющееся в последние десятилетия расслоение российского общества на классы по экономическому и социальному признаку оценивается россиянами не в контексте конституционных принципов правового государства и верховенства прав и свобод, а в контексте идеи справедливости, которая хоть и упоминается в Конституции, но своего четкого нормативного правового закрепления не имеет. Не утихает дискуссия по поводу природных ресурсов как

---

[1] Гаджиев Г.А. Отечество – не корпорация. Россия – государство без обязательной идеологии // Российская газета. 2014. 19 февраля.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2014 № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Аникиева» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 7. Ст. 735; Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона „Об актах гражданского состояния“ в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 26. Ст. 3944; и др.

общенародного достояния и справедливости распределения материальных благ, получаемых в процессе их эксплуатации. Конкуренция между конституционными принципами социального государства и рыночной экономики – это объективная реальность современной России. В этих условиях деятельность Конституционного Суда РФ по конституционализации экономических отношений и институтов социальной защиты российских граждан приобрела особую значимость. Поиск и нахождение оптимальной модели соотношения частных и публичных интересов в социально-экономической сфере – одна из важнейших задач, в том числе, конституционного правосудия в России.

Переход от свойственной советскому государству модели «государство – личность» к модели «личность – государство» в свое время стал олицетворением идеи построения государства нового типа. Это затронуло и институт частной собственности. Напомним, что советская юриспруденция категорией «частная собственность» не оперировала. Последние советские конституции в первоначальных редакциях оперировали понятием «личная собственность», под которой понимались трудовые доходы, предметы обихода, личного потребления, удобства и подсобного домашнего хозяйства, жилой дом и трудовые сбережения[1]. Откровенное смещение приоритетов в сторону социалистической собственности в государственной экономической политике не выдержало проверку временем, однако необходимое политико-воспитательное сопровождение данной идеи реализовывалось на достаточном уровне.

Социалистический период развития отечественного государства характеризовался достаточно стабильным уровнем состояния социальной защищенности и отсутствием видимого и ощутимого социально-экономического расслоения общества. Гарантированность широкого круга социальных свобод,

[1] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617; Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята ВС РСФСР 12.04.1978) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

особенности социалистической системы хозяйствования, в том числе плановая экономика, общественная собственность на средства производства, приоритет социалистической формы собственности, государственная форма собственности на природные ресурсы выступали средством обеспечения идеи социальной справедливости, которая в советской науке, в отличие от «враждебных» буржуазных теорий, понималась в узком экономико-распределительном ключе (в современной науке этот принцип понимается значительно шире). Основные преимущества социалистической модели экономических отношений были четко сформулированы в преамбуле Конституции СССР 1977 г., в соответствии с которой проведенные в Советском государстве социально-экономические преобразования сделали невозможными эксплуатацию человека человеком и ликвидировали классовые антагонизмы. Социалистическая организация экономических отношений была призвана сформировать такое общество, «законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех»[1]. И пусть полный отказ от всего личного в пользу общественного так и не состоялся (сохранялась личная собственность, в пользование гражданам предоставлялись участки земли, в редких случаях допускалась индивидуальная трудовая деятельность, основанная на личном труде граждан и членов их семей), социалистическая система экономических отношений выступала гарантом, если и не благосостояния (в его современном понимании), то основным условием стабильности в сфере социально-экономического обеспечения жизни советских граждан.

Последнее десятилетие прошлого века было ознаменовано коренной ломкой не только идеологических и политических стереотипов, но и переходом к принципиально иной системе экономических отношений, в которой роль государства в соответствующей сфере была уже не так очевидна, а свобода экономической деятельности и равная защита всех форм собственности

[1] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) (ред. от 14.03.1990) (утратила силу) // Свод законов СССР. 1990. Т. 3. С. 14.

провозглашалась в качестве основного вектора конституционного развития, направленного на построение государства принципиально иного типа, как с точки зрения экономики, так и сточки зрения новых установок общественного сознания. Резкий отказ от социалистической системы хозяйствования и переход к свободному рынку привели к серьезным и системным социально-экономическим проблемам, решение которых все еще одна из основных задач современного Российского государства. Кроме того, наследием социалистического периода экономического развития стал целый ряд стереотипов, прочно утвердившихся на уровне обыденного сознания. К таковым можно отнести понимание предпринимательской деятельности как безграничной эксплуатации (в исключительно негативном значении) одного человека другим ради получения прибыли и понимание «предпринимателей» как лиц, паразитирующих на остальных членах общества. В свою очередь, снижение патерналистской роли государства рассматривается как путь повсеместному обнищанию населения, а сами идеи социального государства и рыночной экономики несовместимы, так как последняя не в состоянии обеспечить социальное равенство и исключить социальное расслоение общества.

В обсуждение всего блока соответствующих проблем на сегодняшний день вовлечены не только носители обыденного сознания, но и представители науки, экономической, социальной, политической и юридической. Значительная часть обсуждаемых в этой связи вопросов имеет концептуальное значение и свидетельствует об активной политико-идеологической подоплеке дискуссии, в частности, выборе дальнейших путей политического и экономического развития государства. Речь идет, например, о пределах вмешательства государства в сферу экономики и уровне социально-экономической поддержки граждан в ситуациях социальных рисков. Другая часть касается конкретных аспектов взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности друг с другом, другими гражданами (например, работник – работодатель, работник – потребитель услуг), и государством на практике, реализующем идею социально-ориентированной политики в сфере экономики.

На сегодняшний день сложилось устойчивое представление об имеющей место бинарности конституционных принципов рыночной экономики (свободы предпринимательской деятельности) и социального государства[1]. Вполне возможно, что они действительно выражают заметно отличающиеся и иногда противопоставляемые друг другу социальные интересы. Как показывает внимательное изучение данной проблемы, в большинстве случаев идея бинарности конституционных принципов замыкается на проблеме поиска баланса между частными и публичными интересами. При этом публичные интересы выступают как средства выражения базовых общественных, в том числе морально-нравственных ценностей населения. Однако, рассматривая в этой связи идею социального государства, следует тем или иным образом абстрагироваться от его «социалистического» понимания исключительно как государства социальной стабильности и формального социального равенства. На самом деле идея социального государства понимается в современной юридической науке достаточно широко и, например, свобода предпринимательской деятельности рассматривается как одно из его необходимых условий. Нельзя забывать и о конкретных положительных аспектах свободы экономической деятельности в процессе реализации идеи социального государства. Не секрет, что социалистическая форма хозяйствования не всегда в состоянии обеспечить даже базовые основные потребности человека в социальной сфере. История это наглядно продемонстрировала. В свою очередь, именно предприниматели выступают основной движущей силой, в том числе социально ориентированных проектов. Г.А. Гаджиев, говоря о конституционной экономике, справедливо указывает, на то, что вопросы экономической свободы, находящие отражение непосредственно в интересах предпринимателей, это, в конечном итоге, вопрос максимизации прибыли, последующее перераспределение которой одна из

[1] Якимова Е.М. Проблема бинарности конституционных принципов свободы предпринимательской деятельности и социального государства // Право и экономика. 2019. № 3. С. 35–40.

базовых составляющих построения социального государства[1]. Другими словами, эффективное коммерческое предприятие определяет благосостояние не только владельцев и работников предприятия, но и конечного потребителя услуг, каждого конкретного гражданина.

Соответствующая идея была должным образом обоснована в правовой позиции Конституционного Суда РФ, указавшего на то, что стимулирование свободной экономической деятельности и поддержка конкуренции гарантирует экономическую самостоятельность более широкому кругу лиц, что, в свою очередь, содействует обеспечению занятости населения и права каждого на защиту от безработицы, более успешной реализации принципов социального государства и социально ориентированной рыночной экономики[2].

Однако говорить о том, что все возможные концептуальные и конкретно-прикладные проблемы в соответствующей сфере разрешены, а дискуссии о преимуществах социалистической и капиталистической системы хозяйствования в деле построения социального государства близки к завершению, было бы крайне преждевременно. Не случайно в последнее время все большую популярность приобретает категория «социально ориентированная экономика», призванная охарактеризовать универсальную модель социально-экономических отношений, основанную на сочетании принципов рыночной экономики и социального государства[3].

---

[1] Гаджиев Г.А. Конституционная экономика и рациональность в конституционном праве // Ежегодник конституционной экономики. 2018 / отв. ред. С.А. Авакьян, П.Д. Баренбойм, В.В. Комарова. М.: ЛУМ, 2018. С. 36.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2010 № 22-П «По делу о проверке конституционности части 8 статьи 4 и частей 2, 3 и 4 статьи 9 Федерального закона „Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“ в связи с жалобой администрации города Благовещенска» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 264.

[3] Подробнее см.: Баринов Э.Э. Рыночная экономика и социальное государство: правосудие в поисках баланса конституционных ценностей // Российская юстиция. 2021. № 8. С. 15–20.

Роль Конституционного Суда РФ как высшего судебного органа конституционного контроля в деле развития социальной российской государственности, модернизации экономического порядка и выработки стратегии экономического и социального развития сложно переоценить. Конституция провозгласила Россию социальным государством (ч. 1 ст. 7). Однако, несмотря на соответствующие пояснения, присутствующие как на уровне конституционного текста, так и на уровне отраслевого законодательства, единое понимание принципа социального государства (как и большинства понятий и категорий, олицетворяющих основы конституционного строя Российской Федерации) до сих пор отсутствует, что во многом компенсируется, нормоконтрольной и интерпретационной деятельностью Конституционного Суда РФ, наполняющего данное понятие правовым содержанием.

Что же касается вопроса о современной форме экономических отношений, то экономическое содержание Основного Закона чрезвычайно богато и не ограничивается статьями Конституции, характеризующими принципы рыночной экономики. Не случайно в современной науке получили развитие и соответствующую интерпретацию такие близкие, но отличающиеся по своему смысловому наполнению юридические понятия, как экономический конституционализм, экономическая конституция и конституционная экономика[1].

Основные базовые принципы рыночной экономики в соотношении с принципами социального государства получили свое полноценное истолкование и развитие на уровне правовых позиций Конституционного Суда РФ. Соответствующие правовые позиции можно распределить по относительно обособленным сферам и представить их в виде системы, которая будет включать в себя следующие элементы.

1. Цели законодательного регулирования в сфере рыночной экономики: стимулирование свободы предпринимательской деятельности, поддержка

[1] Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: Очерки теории и практики. М.: Норма; ИНФРА-М., 2020. С. 21–24.

конкуренции, становления и развития рыночной экономики, основанной на свободе собственности и договора[1].

2. Место субъективных прав и свобод в сфере рыночных взаимоотношений в структуре конституционно-правового статуса личности:

- наряду с другими правами и свободами признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ[2];

- гарантируются в качестве основных и неотчуждаемых и реализуются на основе общеправовых принципов юридического равенства, неприкосновенности собственности и свободы договора, предполагающих равенство, автономию воли и имущественную самостоятельность участников гражданско-правовых отношений, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела[3].

3. Имманентные пределы и критерии ограничений прав и свобод субъектов предпринимательской деятельности:

- свобода, признаваемая за лицами, осуществляющими предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность, и гарантируемая им защита должны быть уравновешены обращенным к этим лицам требованием ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает их хозяйственная деятельность[4];

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2010 № 22-П «По делу о проверке конституционности части 8 статьи 4 и частей 2, 3 и 4 статьи 9 Федерального закона „Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“ в связи с жалобой администрации города Благовещенска» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 264.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 19.09.2019 № 2145-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности подпункта 3 пункта 6 статьи 1483 и статьи 1508 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 01.04.2003 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 7 Федерального закона „Об аудиторской деятельности“ в связи с жалобой гражданки И.В. Выставкиной» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 15. Ст. 1416.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2008 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10

- право частной собственности и свобода предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, не являясь абсолютными, наряду с другими правами и свободами, могут быть ограничены на основании части 3 ст. 55 Конституции РФ[1];

- соответствующие права могут быть ограничены, при условии, что в процессе законодательного регулирования не будет нарушен разумный баланс между публичными интересами общества и экономическими правами отдельных индивидов[2];

- возможные ограничения свободы предпринимательской деятельности и свободы договоров должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе частных и публичных прав и законных интересов других лиц, носить общий и абстрактный характер, не иметь обратной силы и не ограничивать пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм[3].

4. Пределы и цели вмешательства государства в сферу регулирования рыночных отношений:

Федерального закона „О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)“ в связи с жалобой гражданина В.В. Михайлова» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 31. Ст. 3763.

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.1998 № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений абзаца шестого статьи 6 и абзаца второго части первой статьи 7 Закона Российской Федерации от 18 июня 1993 года „О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением“ в связи с запросом Дмитровского районного суда Московской области и жалобами граждан» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 20. Ст. 2173.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2018 №10-О «По жалобе граждан Лебедик Зои Олеговны, Мельникова Дмитрия Алексеевича и Шатшнайдера Владимира Ивановича на нарушение их конституционных прав статьями 2 и 10 Федерального закона „Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации“ и пунктом 4 Указа Президента Российской Федерации „О свободе торговли“» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 4.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 01.04.2003 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 7 Федерального закона „Об аудиторской деятельности“ в связи с жалобой гражданки И.В. Выставкиной» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 15. Ст. 1416.

- государство вправе и обязано осуществлять вмешательство в сферу гражданского оборота, осуществляя контрольную функцию, которая по своей конституционно-правовой природе производна от его организующего и регулирующего воздействия на общественные отношения[1];

- государство вправе предусматривать возможность соответствующего контроля за использованием имущества, необходимого для занятия определенными видами деятельности, связанными с повышенной опасностью для окружающих[2];

- осуществляя правовое регулирование в экономической, гражданской и таможенной сферах, федеральный законодатель призван исходить из необходимости соблюдения баланса конституционно значимых ценностей – экономической безопасности, свободы предпринимательства, охраны прав потребителей и деловой репутации производителей путем предоставления эффективной государственной, в том числе судебной, защиты, предполагающей соблюдение баланса между конкурирующими правами и законными интересами, частными и публичными[3];

- регулируя деятельность коммерческих организаций, федеральный законодатель обязан учитывать, что соответствующее государственное

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2008 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона „О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)“ в связи с жалобой гражданина В.В. Михайлова» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 31. Ст. 3763.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений статей 6 и 7 Закона Краснодарского края „Об организации транспортного обслуживания населения таксомоторами индивидуального пользования в Краснодарском крае“ в связи с жалобой граждан В.А. Береснева, В.А. Дудко и других» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 5.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью „ПАГ“» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 9. Ст. 1435.

вмешательство должно обеспечивать частные и публичные начала в сфере экономической деятельности[1].

5. Особенности правового режима функционирования отдельных институтов рыночной экономики в контексте обеспечения идеи социального государства: институт акционирования (и в целом корпоративное право), институт банкротства, институт приватизации, налоговая сфера, лицензионно-разрешительная сфера и др.).

Напомним, что советские конституции, в отличие от современной, отдавали приоритет социально-экономическим правам и свободам, ставя их на первое место. Следом традиционно шли политические права и свободы. Общепринято, что блок социально-экономических прав и свобод в большей степени характеризует патерналистскую модель взаимоотношений личности и государства, тогда как институт личных прав в большей степени характеризует негативный аспект свободы – «свободы от…». Переход от советской системы хозяйствования и государственного устройства к принципиально новой характеризовал не только попытку смены приоритетов в экономической сфере, но и принципиально новую модель взаимоотношений между личностью и государством, что и получило соответствующе оформление на уровне основного закона страны. Однако сам механизм обеспечения конституционных прав и свобод остался традиционным. Глава вторая Конституции РФ закрепляет базовые и основополагающие права, одновременно закрепляя конституционно-правовые механизмы их ограничения.

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.18 № 32-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 69 Воздушного кодекса Российской Федерации, подпункта 1 пункта 2 статьи 78 Бюджетного кодекса Российской Федерации, а также пунктов 3 и 6 Правил предоставления субсидий из федерального бюджета организациям на возмещение недополученных ими доходов от предоставления услуг по аэропортовому и наземному обеспечению полетов воздушных судов пользователей воздушного пространства, освобожденных в соответствии с законодательством Российской Федерации от платы за эти услуги, в связи с жалобами публичного акционерного общества „Аэропорт Кольцово“ и акционерного общества „Международный аэропорт Нижний Новгород“» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 30. Ст. 4810.

Показательно, что в Информации Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности…» принцип солидарности напрямую связывается с положениями ч. 3 ст. 17 Конституции РФ. В частности, указывается на то, что «фундаментальной предпосылкой осуществления принципа солидарности в любой из определенных Конституцией сфер его проявления выступает обращенное ко всем субъектам любых правоотношений конституционное предписание о том, что реализация прав и свобод человека и гражданина не должна нарушать права и свободы других лиц»[1].

Обращаясь к теории ограничения прав и свобод, следует отметить, что соответствующий институт стал традиционным и неотъемлемым элементом комплексного института обеспечения прав и свобод личности. При этом в России до сих пор не существует специального базового закона, регламентирующего механизм, критерии и порядок ограничения субъективных прав и свобод[2], и все правое обеспечение в данной сфере ограничивается положениями Конституции РФ, разъяснительной практикой Конституционного Суда РФ.

Как мы уже отметили, традиционным является мнение, что любое субъективное право имеет свои границы. При этом сами носители прав выступают субъектами, ради которых система ограничений и учреждается. Такой поход методологически удобен в ситуации, когда необходимо одновременно обосновать особый ценностный подход к пониманию прав и свобод личности и не забыть про важность учреждения механизма их ограничения. Одновременно не забываем и о содержании ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, в соответствии с которой осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц. Данное положение действующей

---

[1] Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Баранов П.П. Проблемы ограничения прав и свобод граждан // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 2. С. 70.

Конституции имеет свою историю. В соответствии со ст. 39 Конституции СССР 1977 г. использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан[1]. Еще раз обратим внимание на расстановку приоритетов в конституциях советского периода. На первом месте – общество и государство. На втором – отдельно взятые граждане. Консервативная корректировка современного российского законодательства наглядно демонстрирует возвращение к советским идеям государственного строительства. В любом случае одновременное сочетание естественного характера прав и свобод с обязательной необходимостью их ограничения – конструкция достаточно сложная, как минимум, для общественного сознания. Это можно объяснить и естественной противоречивостью самой юридической природы данного конституционно-правового института[2].

Таким образом, абсолютных прав и свобод не бывает. Любое субъективное право, как и любая субъективная свобода, не существуют без ограничений. Единственное право, которое не может быть ограничено – это право на жизнь, в том числе, жизнь в ее физиологическом понимании (в современной юридической науке встречаются и более широкие трактовки данного права). Все остальные права могут быть ограничены. Некоторые вопросы может вызывать возможность ограничения права на достоинство личности. Однако в ситуациях применения к ней таких мер наказания, как лишение свободы, вопрос о том, было ли ограничено право на достоинство, останется дискуссионным. Формально, ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса РФ не допускает пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными[3]. Но вопросы, касающиеся возможности сохранения

---

[1] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

[2] Толстик В.А. Противоречия в понимании и практике ограничения прав и свобод человека и гражданина // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву. Н. Новгород, 1998. Ч. 1. С. 160–161.

[3] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 17.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

человеческого достоинства в подобных экстремальных ситуациях, все же остаются.

Подчеркнем, один из базовых способов для публичной власти обеспечить создание объективно необходимых условий взаимодействия со своими гражданами, отвечающих требованиям гласности и публичности в сфере реализации прав и свобод, – установить четкие критерии и основания для их ограничения. Одним из основных конституционных положений в этой связи необходимо считать положения ч. 3 ст. 55 Конституции, в соответствии с которой «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Характеризуя системообразующие положения статьи 55 Конституции, обратим внимание на ряд обстоятельств, которые на долгие годы определили всю систему законодательных ограничений прав и свобод в России. Положения ч. 3 ст. 55 сформулированы таким образом, чтобы практически любое возможное ограничение прав и свобод в пользу государственных и публичных интересов было легитимным с точки зрения конституционного текста. Н.С. Бондарь отмечал в этой связи, что критерии, получившие свое закрепление в ст. 55 Конституции РФ, «базируются на принципе сочетания публичных и частных интересов…», а «в основе соответствующего конституционного принципа лежит примат публичных интересов над личными»[1], с чем нельзя не согласиться.

Отметим также, что само отношение к данной статье Конституции может представляться под различными углами зрения. С одной стороны, из Конституции следует, что все права и свободы могут быть ограничены. С другой стороны, Конституция определяет, что права и свободы могут быть ограничены

[1] Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву: «круглый стол» // Государство и право. 1998. № 8. С. 39.

только на основании федерального закона. Однако и этот аспект данной статьи Конституции, как в общетеоретическом, так и в практическом плане, может быть поставлен под сомнение.

Отдельные ученые указывают на то, что формула ст. 2 Конституции РФ – «очень красива, эффектна и... (!) лукава», т. к. категория «высшая ценность» – не правовая, а нравственная, и «простая запись» в Конституции не превращает ее в правовую, для этого нужна трансформация содержания в правовую норму. «Лукавство в том, что высшее существо живого мира – человек – противоестественно отождествлен с юридической конструкцией – правами, вследствие чего независимо от субъективных намерений включение этой очень красивой формулы в российскую Конституцию трудно согласуется с естественным приоритетом жизни над правом. Эта формула не согласуется с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой права могут быть ограничены для защиты других ценностей» [1].

Как показала практика, права и свободы граждан могут быть ограничены и в отсутствие специальных на то оснований, закрепленных в федеральном законе. Так, в декабре 2020 года Конституционный Суд РФ выносил решение по делу «О проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 Постановления Губернатора Московской области „О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области“»[2]. Если кратко

[1] Колюшин Е.И. Ценности правды в государственном (конституционном) праве России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 8–14.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области „О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области“ в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (ч. II). Ст. 289.

характеризовать суть рассматриваемого дела, можно сказать следующее. Губернатор Московской области ввел так называемые «коронавирусные ограничения» раньше, чем соответствующие основания для подобных ограничений появились на уровне федерального законодательства. Тем самым был поставлен под сомнение основополагающий принцип ограничения прав и свобод человека в России – права и свободы человека и гражданина можно ограничивать лишь в случае, если необходимые для этого основания оформлены на уровне федерального законодательства. Ситуация, которая сложилась в связи с решениями Губернатора Московской области, была одной из многих, но только она заслужила своей правовой позиции в виде Постановления Конституционного Суда РФ. Данное Постановление Конституционного Суда РФ сделало бессмысленным аналогичные судебные проверки в отношении глав других регионов.

В конечном итоге Конституционный Суд не признал соответствующие ограничения противоречащими Конституции РФ. В качестве аргументов были озвучены следующие:

- соответствующие ограничения применялись более чем в 90 странах мира и, таким образом, охватывали более половины населения планеты;

- временной интервал между введением оспариваемого положения и принятием соответствующего федерального регулирования, с которым согласуется его содержание, был незначительным;

- губернатором Московской области как высшим должностным лицом государственной власти субъекта Российской Федерации (это относится к большинству регионов) было осуществлено оперативное (опережающее) правовое регулирование, впоследствии (спустя незначительный период) легитимированное правовыми актами федерального уровня, что снимает вопрос о противоречии Конституции РФ;

- динамика одновременного автономного развития нормативного регулирования по данному вопросу на федеральном и региональном уровне отчетливо отражает экстраординарность ситуации, в которой каждый из уровней

государственной власти в рамках конституционной обязанности по защите жизни и здоровья граждан предпринимал усилия по минимизации ущерба для этих ценностей регулятивными средствами;

- осуществленное в постановлении Губернатора Московской области регулирование не может служить основанием для вывода о признании его в конкретно-исторической ситуации противоправным и противоречащим положениям Конституции РФ даже в короткий период до принятия федеральных актов, придавших ему формально-юридическую легитимацию.

Не ставя ни в коем случае под сомнение обязательный характер соответствующего постановления Конституционного Суда, отметим, что конституционный тезис о том, что права и свободы могут быть ограничены исключительно на основании федерального закона, не является абсолютным, и в определенных, «экстраординарных», обстоятельствах может быть проигнорирован. Нельзя также не отметить, что подобный исход рассмотрения дела многими исследователями заранее предполагался[1].

Кроме того, дополнительного разъяснения также требует вопрос о том, все ли права и свободы, закрепленные в главе второй Конституции РФ, могут быть ограничены, или же есть некий перечень «неприкасаемых» субъективных прав. Отдельные авторы, рассматривая соответствующий вопрос, обращали внимание на ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, в соответствии с которой не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46–54, и по этой причине доказывали, что существуют права «абсолютные», не подлежащие ограничениям ни в каких случаях, и все «остальные»[2]. С таким подходом нельзя согласиться и надо сказать, что современными авторами он, как правило, уже не используется. Положения ч. 3 ст. 56, хоть и задают определенную иерархичность системе прав и свобод, однако

---

[1] Коновалов А.М. Законно ли введены режим повышенной готовности и последовавшие за ним ограничения прав и свобод на территориях субъектов Российской Федерации? // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 7. С. 32–34.

[2] Шустров Д.Г. Аксиология Конституции РФ 1993 года // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 17, 24.

делают это непосредственно в контексте института чрезвычайного положения, т. е. речь не идет о перечне «неприкасаемых» прав.

В обычных условиях необходимо руководствоваться положениями ч. 3 ст. 55. Следует помнить, что и Конституционный Суд РФ придерживается соответствующей позиции. Важное значение в этой связи имеет Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2007 № 428-О-О[1]. Сама же возможность ограничений и их характер должны обусловливаться необходимостью защиты конституционно значимых ценностей, а именно основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Неслучайно в качестве конституционно значимых ценностей Конституционный Суд РФ предлагает рассматривать и те, которые перечислены в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ[2]. К конституционно защищаемым ценностям относятся и достойная жизнь, и свободное развитие человека, обеспечение которых составляет обязанность государства (ст. 7 Конституции РФ), и право каждого на жилище (ст. 40; ч. 3 ст. 56 Конституции РФ)[3].

В этой связи стоит озвучить позицию Н.В. Витрука, в соответствии с которой в основе социально-экономических прав и свобод лежит право на достойное существование и корреспондируемые данным правом соответствующие обязанности государства. Сама по себе идея права на

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2007 № 428-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шаклеина Владимира Андреевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 2 статьи 8 Федерального закона „О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях“» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2019 № 2620-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кускалиева Самата Бектурсуновича на нарушение его конституционных прав подпунктом 3 пункта 2 статьи 56.3 и подпунктом 4 пункта 4 статьи 56.11 Земельного кодекса Российской Федерации, а также частью второй статьи 25.2 Закона Российской Федерации „О недрах“» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 456-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Октябрьского районного суда города Ижевска о проверке конституционности абзацев первого и второго пункта 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3.

«достойную жизнь» учитывает весь комплекс отношений в социальной сфере без полноценного обеспечения которых человеческая жизнь невозможна. При этом сами права являются «системно обеспечивающими достойную жизнь и развитие личности в условиях достижений современного общественно-исторического прогресса»[1]. Возвращаясь к проблеме «абсолютных ценностей», отметим позицию Конституционного Суда, который считает, что свобода предпринимательской и иной, не запрещенной законом, экономической деятельности статуса «абсолютной ценности» также не получила и может быть ограничена законом[2], как и право частной собственности[3] (напрямую не указано в ч. 3 ст. 56), и право на получение квалифицированной юридической помощи[4].

Важная проблема в контексте реализации идеи социальной солидарности – сбалансированность прав и обязанностей. Представляется логичным, что указание на сбалансированность прав и обязанностей гражданина должно было располагаться в главе второй Конституции, но получило закрепление в ст. 75.1. По мнению ученых, речь не идет о копировании «советской концепции единства конституционных прав и обязанностей гражданина», однако соответствующая новелла оказывает значительное влияние на первоначальную конституционную концепцию прав и свобод человека, смещая акценты в сторону поиска баланса прав и обязанностей[5]. На наш взгляд, даже изначально в оригинальном тексте

---

[1] Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.07.2001 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона „Об исполнительном производстве“ в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества „Разрез "Изыхский“» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 32. Ст. 3412.

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 № 443-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы публичного акционерного общества „Крымхлеб“ на нарушение конституционных прав и свобод абзацем третьим части 1 и частью 3 статьи 2-1 Закона Республики Крым „Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым“» // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2011 № 193-О-О «По жалобе гражданина Соколова Алексея Вениаминовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 20 Федерального закона „О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений“» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 3.

[5] Колюшин Е.И. Ценности правды в государственном (конституционном) праве России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 8–14.

Конституции серьезного дисбаланса, то есть переноса акцента с обязанностей на субъективные права, не было. Если, конечно, не считать умышленно идеализированных конструкций, когда в название главы второй «забыли» внести упоминание об «обязанностях», а личные и социально-экономические права поменяли местами. В остальном конституционное оформление идеи прав и свобод было достаточно традиционным. Права и обязанности связаны таким образом, что права одного человека подразумевают обязанности другого человека. В науке это называется соотношением прав и обязанностей. Наиболее авторитетным представителем изложенной теории прав является британский философ XVII в. Джон Локк, который утверждал, что законы природы предписывают не причинять вред чьей-либо жизни, здоровью, свободе или имуществу. Для Локка это естественные права человека, данные нам свыше, Богом[1]. Достаточно интересным является тот факт, что идея естественных прав и свобод гораздо удобней ложится на уже подготовленное религиозное сознание. Что же касается сознания материалистического, то тут ситуация несколько иная. Естественные или природные права (как наиболее тесно связанные с правами моральными) таковыми, по сути, не являются, поскольку вся история человечества демонстрирует склонность, скорее, к противоположному поведению – «мы защищаем права человека как моральные универсалии с полным осознанием того, что они не столько отражают естественные человеческие склонности, сколько противостоят им»[2]. В последнем случае рассматривать естественные права следует именно как идеальные, но нисколько не реальные конструкции. В свою очередь, идея о наличии естественных обязанностей как средства обеспечения естественных прав также вызывает ряд вопросов.

При этом сопоставление института прав человека как этического требования и как требования правового однозначно приводит к выводу о

---

[1] Ланг П.П. Развитие правовых ценностей в историческом контексте правовых идей // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 7–10.

[2] Игнатьев М. Права человека как политика и как идолопоклонство / пер. с англ. А.А. Захарова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 117.

необходимости четкого определения юридических обязанностей «противостоящих» участников общественных отношений, поскольку именно они и будут очерчивать вид и меру возможного поведения носителя субъективного права. Не следует забывать и о третьем носителе юридической обязанности – государстве, если речь идет об оформленных соответствующих образом, а не о природных или естественных правах[1]. В системе конституционно-правового регулирования социально-правовых отношений государство занимает центральное место и связано с гражданами не только своими правами, но также юридическими и социальными обязательствами. Как особое учреждение, государство, органы и должностные лица публичной власти Российской Федерации выступают в качестве субъектов конституционных обязанностей. Причем, с одной стороны, государство несет обязанности перед всем народом, с другой – имеет обязательства перед личностью[2]. Таким образом, права и свободы всегда корреспондируют обязанности.

Обратим также внимание на тот факт, что в современной отечественной науке присутствует еще один тип солидарности – межпоколенческая солидарность. Этот тип солидарности не получил прямого текстуального оформления в отечественном законодательстве, однако его аналог «солидарность поколений» на основании соответствующих положений Конституции РФ (ч. 6 ст. 75) уже закреплена в ст. 14 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации»[3], правда, исключительно в контексте системы пенсионного обеспечения. При этом на уровне непосредственно пенсионных законов «солидарность поколений» своего закрепления не получила, что позволяет сделать вывод о ее использовании в отечественной правовой системе в качестве конституционного принципа.

---

[1] Нечевин Д.К., Кирдяшова Е.В. Институт прав человека – философский взгляд // Административное право и процесс. 2021. № 9. С. 11–26.

[2] Кокурина О.Ю. Публичная ответственность и обязанности государства в контексте конституционного принципа общественной солидарности // Административное право и процесс. 2024. № 2. С. 10–18.

[3] Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.

Интересен тот факт, что Конституционный Суд РФ пусть и не на уровне решений, а на уровне упомянутой ранее Информации Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности…» категория «межпоколенческая солидарность» свое закрепление получила – «в обновленный конституционный текст было включено также специальное положение, посвященное солидарности поколений (межпоколенческой солидарности), которая, в том числе, выступает основой пенсионного обеспечения граждан». То, как сформулирован данный тезис, в частности оборот «которая в том числе выступает», свидетельствует о том, что Конституционный Суд допускает использование данного принципа и в иных жизненных сферах, а не только в сфере пенсионного обеспечения.

Ряд авторов, анализируя данную проблему, предлагают «систематизировать положения, относящиеся к формированию, укреплению и поддержанию межпоколенческой солидарности, что позволит сформировать консолидированный массив регулирующих правовых норм в целях „опредмечивания“, институционализации рассматриваемого феномена… разработка и реализация комплексной предметно-ориентированной межотраслевой концепции (стратегии) формирования, укрепления и поддержания межпоколенческой солидарности в Российской Федерации могут стать инструментами для воплощения единства и равенства народов нашей страны, создания связующих ментальных нитей между людьми разных поколений, соединенных общей судьбой в своем Отечестве»[1].

Научное осмысление и развитие философского и социологического понятия «общественная солидарность» трансформировалось сегодня в юридическую конструкцию отечественной правовой системы, получившую конституционное закрепление. При этом отдельные авторы также проводят

[1] Ирхин И.В. О публично-правовой институционализации феномена межпоколенческой солидарности (российская модель) // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 1. С. 23–25.

аналогию между понятиями «солидарность» и «соборность», и эта проблема заслуживает своего упоминания. В частности, многими исследователями отмечается, что конституционные изменения 2020 г. явили собой знаковый «поворот» к истокам отечественной государственности, безусловно, включающим морально-нравственный, духовный и религиозный компоненты, что делает возможным консолидацию всего общества на основе общих ценностей. Также отмечается, что в отечественном понимании правового статуса человека использовалась категория «соборность», которая отличалась от понятия «солидарности», утвердившейся в западной модели, своей духовностью, нравственностью и религиозностью. По итогам конституционной реформы появилась реальная возможность опираться на ценности морально-нравственного, духовного характера[1].

Часть авторов относится к идее отождествления соборности и солидарности более критично, другие – менее критично, но в целом поддерживают значительный потенциал данной идеи. Так, например, при оценке социально-философской концепции А.С. Хомякова анализируется идея о том, что люди, как существа социальные, не имеют вне солидарных основ не только подлинного развития, но и бытия. Поэтому солидарность необходимо рассматривать как способ соучастия в жизни других. В свою очередь, «в соборном контексте любовь – это не только идеальная, высшая ценность, это и способ сакральной, мистической солидаризации людей, причащающихся святыням, делающий возможным подлинно братское, вселенское единение. Любовь – это сущность отношений людей внутри пространства Церкви, где она проявляется в коллективном, религиозном единодушии, согласии с общими ценностями и ненасильственном следовании принятому и разделяемому всеми строю жизни. Смиренная любовь как выражение высшей, божественной человеческой сущности проявляется посредством соборного общения,

[1] Осавалюк А.М. Солидарность (соборность) как особенность отечественной модели человека // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы: сб. науч. трудов по итогам Всероссийской научно-практ. конф. с международным участием, Москва, 27–28 мая 2022 г. Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 139.

наполняющегося социальным содержанием через такие понятия, как единодушие, согласие, добровольность» [1], что, на взгляд исследователя, напрямую соотносится с принципом солидарности.

В.Т. Жалкиев, рассматривая соотношение солидарности и соборности в концепциях представителей органического персонализма, – Н.О. Лосского, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, отмечает, что с некоторыми оговорками можно принять тезис, о категории соборности как «русском» отражении солидарности. Признавая тот факт, что сама соборность понималась русскими философами неодинаково, автор показывает, что при некоторой степени обобщения можно предположить, что солидарность трактовалась в рамках концепта соборности как единства народа во Христе, что, с одной стороны, характерно для русского органического персонализма, а с другой – определяет глубинный и неформальный пласт народного сознания. При этом наиболее важным обоснованием соборности и солидарности выступает очевидная национальная и конфессиональная ориентация исследованных концептов. Тем не менее автор отмечает, что для России наиболее подходящей по духу будет реализация идеи, включающий такой набор ценностных установок, который будет выполнять стабилизирующую функцию в контексте организации социальных отношений и преодоления социальных рисков. При таком подходе основной задачей будет соединение духовных основ российского народа и концепта солидарности, что вполне достижимо в контексте идеи соборности[2].

В соответствующем аспекте обсуждаются и многие другие вопросы по данной проблематике: как идеал церковной соборности и общественной солидарности может быть возрожден, заново продуман и воплощен в наше время; можно ли вернуть понятию церковной соборности утраченную конкретность; как соборность может воплощаться сегодня в церкви; где сегодня

[1] Салимгареев М.В. Принцип солидарности в социально-философской концепции А.С. Хомякова // Христианские чтения. 2018. № 1. № 171–181.

[2] Жалкиев В.Т. Соотношение солидарности и соборности в концепциях представителей органического персонализма: Н.О. Лосского, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого // Общество и право. 2011. № 3 (35). С. 311–314.

место общественной солидарности и на каких духовных, культурных, социальных, экономических основаниях она может созидаться и др.[1] Отметим также, что дискуссии на стыке категорий «социальная солидарность» («солидарность») – «соборность» начали вестись задолго до принятия соответствующих поправок. Отметим, что современное российское законодательство не оперирует понятием «соборность», оставляя его для научно-теоретического дискурса[2]. Не используется данная категория и в решениях органов судебной власти, если только речь не идет о наименовании, например, книги, в отношении которой осуществляется проверка[3]. Тем не менее саму категорию соборность и ее производные можно найти в официальных документах публичной власти (административных документах информационно-методического характера), например в методическом пособии «Психолого-педагогическое сопровождение семей участников (ветеранов) специальной военной операции в образовании», являющимся приложением к письму Минпросвещения России от 26.12.2024 № 07-6324[4].

В заключение отметим следующее. На сегодняшний день идея социального государства значительно обогатилось и предполагает не только расширение социальных обязательств, но и формирование новых научно обоснованных подходов к оценке роли публичной власти и судебной системы в обеспечении социальной справедливости. Именно социальная солидарность выступает компромиссом между коллективистской и индивидуалистической

---

[1] Христианская соборность и общественная солидарность: материалы Международной научно-богословской конференции (Москва, 16–18 августа 2007 г.). М.: Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2012.

[2] Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции. Валерий Зорькин – о тревожных призывах к кардинальным конституционным реформам // Российская газета. 2018. 9 октября.

[3] Решение Хостинского районного суда г. Сочи Краснодарского края № 2А-1458/2020 2А-1458/2020~М-1552/2020 М-1552/2020 от 8 июля 2020 г. по делу № 2А-1458/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/dXpbkYAxNBdj/?page=2 (дата обращения: 11.04.2025).

[4] Письмо Минпросвещения России от 26.12.2024 № 07-6324 «О направлении материалов» (вместе с «Психолого-педагогическим сопровождением семей участников (ветеранов) специальной военной операции в образовании. Методическое пособие») // СПС «КонсультантПлюс».

концепциями. Судебная власть при таком подходе особым образом ориентирована и обеспечивает поддержание социальной гармонии в обществе.

Анализ практики конституционного правосудия показывает, что Конституционный Суд РФ последовательно использовал идею социальной солидарности, как до, так и после ее полноценного конституционного оформления в ходе реформы 2020 года, как ценностное основание для защиты социальных прав, обеспечения равенства граждан, реализации гарантий справедливости в различных жизненных сферах, а также обоснования правомерности ограничений прав граждан в конституционно-значимых целях[1].

При этом проблемы солидаризма, в целом, как и вопросы социальной солидарности, активно обсуждались в отечественной юридической и политической науке задолго до конституционной реформы 2020 года. Уже первоначальный текст Конституции 1993 года был серьезным образом социально ориентирован и предполагал необходимость защиты человеческого достоинства, равенства и социальной справедливости. Тем не менее именно конституционные новеллы 2020 года существенно актуализировали эту тематику, придав ей системный характер и напрямую связав ее с функционированием судебной власти и развитием конституционной культуры правосудия. Это существенным образом расширило ценностные основания Конституции, позволив опираться при взаимодействии личности и государства не только на юридические нормы, но и на морально-нравственные ориентиры, имеющие прямое значение для конституционной культуры правосудия. Таким образом, конституционное закрепление идеи социальной солидарности в 2020 году придало российской государственности уже на конституционном уровне новое ценностное измерение, получившее предварительное доктринально-судебное обоснование на уровне правовых позиций Конституционного Суда РФ.

---

[1] Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

Идея соборности при определенном допущении может рассматриваться как идеологическая и духовная опора, утвердившаяся по итогам конституционной реформы 2020 года идеи социальной солидарности (в широком смысле), так как в основе обеих лежат коллективизм, общность интересов, духовная целостность, принцип взаимной ответственности и др. В современных условиях солидаристская концепция взаимодействия государства, общества и личности призвана акцентировать и актуализировать роль публичной власти во взаимоотношениях с личностью не с точки зрения ограничения свободы индивида, а как необходимое условие ее реализации, определяя государство и власть как выразителя интересов большей части населения, в том числе в процессе разрешения социальных конфликтов. В контексте солидаристской концепции государственности отдельного внимания также заслуживает проблема самоограничения публичной власти. В социальной государственности власть должна восприниматься в большей степени не как механизм ограничения свободы, а как условие ее реализации, создающее социальное пространство, в котором личность получает реальные возможности для своего развития. Это особенно важно для понимания социальной ориентации судебной власти, поскольку именно суды выступают формализованным каналом согласования индивидуальных, общественных и государственных интересов. Социальная ориентация судебной власти, получающая свое формальное опосредование на уровне конституционной культуры правосудия, предполагает постоянный поиск баланса между личным и публичным, индивидуальным и коллективным, свободой и ограничением. В свою очередь, суды призваны учитывать социальные последствия принимаемых ими решений, что актуализирует проблему социальной ориентации судебной деятельности в целом.

§ 3.4. Конституционная ответственность как показатель конституционной культуры правосудия: формально-юридические и социально-политические факторы коллизионного сочетания

Институт конституционной ответственности – это неотъемлемая часть права и правовой системы, находящийся в прямой зависимости от состояния конституционной культуры. С одной стороны, уровень конституционной культуры определяет развитость, проработанность и социальную обусловленность конституционно-правовых институтов, их воплощение и реализацию на уровне позитивного законодательства, в частности Конституции РФ. С другой стороны, институт конституционной ответственности предполагает особенное внимание к феномену позитивной ответственности, пусть некоторые авторы и предпочитают не рассматривать институт позитивной ответственности (в отличие от ретроспективной), в частности конституционной ответственности, в юридическом ключе[1].

Несмотря на значительное количество работ по проблемам, затрагивающим институт ответственности в его правовом измерении, на концептуальном и общетеоретическом уровне единого понимания того, что же представляет из себя ответственность, в праве нет, как нет и единого понимания самой категории «ответственность». Речь идет о том, что категория «ответственность оказалась» в традиционной для многих юридических категорий «ловушке», когда обосновывать и раскрывать ее содержательные характеристики приходится в ситуациях ее долгого и, одновременно, устоявшегося и неоднозначного использования в науке и праве, а реальной возможности повлиять на изменение соответствующего законодательства нет. Поэтому под уже существующие формально-юридические реалии приходится подводить те или иные научно-теоретические выкладки. Влияние указанных факторов особенно очевидно на примере института конституционной ответственности. Особое внимание в научной среде к институту

[1] Жогин О.В. Конституционная ответственность как объект теоретико-правового исследования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2008. С. 7.

конституционной ответственности, как и институту политической ответственности публичной власти, не случайно, ведь именно данные виды ответственности имеют наиболее важное значение для характеристики всей сферы публично-властных отношений.

Указанные обстоятельства, касающиеся имеющей место неопределенности понятия «юридическая ответственность», не мешают активно использовать различные подходы к пониманию института ответственности как представителям политологической науки, так и представителям различных отраслей российского права. На уровне теории ответственность традиционно рассматривается в двух основных ипостасях: позитивная (положительная) ответственность, которая выступает необходимым условием правомерного поведения[1], и негативная (ретроспективная) ответственность, которая обеспечивает право принудительной силой. В современной науке упор нередко делается на превентивную, а не карающую функцию ответственности. Не случайно профессор Т.Я. Хабриева отмечает, что применение мер конституционно-правовой ответственности – это в большей степени стимулирование поведения, отвечающего нормам конституционного права и конституционным идеалам, нежели наказание нарушителя. В этой связи в рамках конституционно-правовой ответственности акцент должен делаться на ее позитивном аспекте[2].

Именно институт ответственности обеспечивает переход от понимания права как исключительно социального явления к его пониманию как императива, защищаемого и охраняемого государством. На основании такого подхода в юридической науке и сформировалось понимание главного условия наступления ретроспективной юридической ответственности – в результате нарушения закона. Соответствующее понимание ответственности в теоретическом плане часто поддерживает и Конституционный Суд РФ в своих правовых позициях. В

---

[1] Соламчак К.Б. Позитивная правовая ответственность человека: анализ философско-правовых подходов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 262–266.

[2] Хабриева Т.Я. Конституционные идеалы и современное законодательство // Вопросы правоведения. 2013. № 5. С. 12–22.

качестве конституционно приемлемых условий наступления ответственности обращается внимание на то, что ответственность может наступать лишь за деяния, предусмотренные законом[1], кроме того, ответственность без правонарушения недопустима в правовом государстве[2].

Однако, если в науке уголовного, административного, гражданского и трудового права понимание института ответственности можно считать относительно устоявшимся, то четкое понимание конституционной ответственности как юридической ответственности или же как абсолютно самостоятельного вида ответственности, требующего оригинальных методологических подходов в исследовании, в юридической, в частности конституционной науке, так и не сформировалось. Соответствующие соображения можно высказать и по поводу конституционного деликта. Несмотря на значительные усилия научного сообщества внести ясность в этот вопрос[3], соответствующей ясности как не было, так и нет. Разнообразие точек зрения по поводу конституционного деликта не позволяет сделать даже наиболее общие выводы и обобщения. Каждая новая работа в данной сфере – это, по сути, оригинальное научное исследование, обосновывающее авторскую позицию, как правило, достаточно критическую по отношению к остальным точкам зрения по соответствующей проблематике[4].

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 04.07.2017 № 1440-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 146, 153, 154, 247–249 и 274 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.2013 № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта „в“ пункта 2 статьи 51 Федерального закона „О воинской обязанности и военной службе“ в связи с жалобами граждан Р.В. Боскачева, И.В. Овсянникова и Д.А. Савельева» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 13. Ст. 1635.

[3] Рымарев Д.С. Вина как необходимое условие конституционно-правовой ответственности участников выборов: монография. Иркутск: Избирательная комиссия Иркутской области, Иркутский институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского, 2017; Трофимова Г.А. Субъективная сторона конституционного деликта: краткий анализ // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 6. С. 21–25; и др.

[4] Подробнее см.: Баринов Э.Э. Конституционно-правовая ответственность в системе публичной власти как показатель уровня конституционной культуры // Российская юстиция. 2022. № 5. С. 56–63.

Важное место в современной науке занимает рассмотрение политических аспектов конституционной ответственности. Многие исследователи отмечают, что конституционную ответственность нельзя рассматривать отдельно от политической ответственности, а сам институт ответственности в конституционном праве может быть представлен как институт конституционно-политической ответственности[1]. Однако, определяя конституционную ответственность как ответственность в сфере политических отношений и наделяя ее актуальным политическим содержанием, необходимо помнить, что это всего лишь одно из возможных ее проявлений. Достаточно вспомнить о том, каким сложным и неоднозначным выступает в юридической науке институт ответственности судей, формально находящихся вне политики (на этой проблеме мы уже останавливались более подробно). Какая граница отделяет дисциплинарную ответственность судей от конституционной? Каким образом все это соотносится с понятием этической ответственности? Проблемам ответственности представителей судейского корпуса (имеется в виду ответственность, выходящая за рамки уголовной, административной и гражданской) посвящено немалое количество работ[2], а в качестве отдельной и относительно самостоятельной сферы исследования может выступать проблема дисциплинарной конституционной ответственности судей Конституционного Суда РФ[3], ставшая особенно актуальной по итогам конституционной реформы 2020 года. При этом, например, роль и полномочия верхней палаты российского парламента в механизме реализации конституционной дисциплинарной ответственности в отношении судей высших судов нередко рассматривается как

---

[1] Тарабан Н.А. Институт конституционной ответственности: дуализм политических и правовых начал в свете теории общественного договора // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 44–47.

[2] Клеандров М.И. Институт присяги российского судьи: дефектность формулы и конституционная ответственность за нарушение // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 58–71; Клеандров М.И. Механизм этической ответственности судьи: проблемы формирования: монография. М., 2017.

[3] Велиева Д.С., Пресняков М.В. Реформа Конституционного Суда РФ 2020 года: „кто будет сторожить сторожей“ // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 12–22; Жуйков В., Воскобитова Л., Ярков В., Андреева Т., Пашин С., Алексеевская Е., Бевзенко Р. Конституционные поправки и независимость суда // Закон. 2020. № 2. С. 33–43; и др.

показатель расстановки политических сил в сфере публичного управления и взаимодействия[1]. Другие авторы подчеркивают, что наряду с «усилением» статуса Совета Федерации мы наблюдаем переход правовых норм из разряда регламентирующих меры дисциплинарной ответственности должностных лиц «в ранг конституционно-правовых деликтов, функционирующих в системе разделения властей»[2].

В продолжение вопроса об отделении конституционной ответственности от смежных видов ответственности, отметим, что данная проблема актуальна и в отношении других видов ответственности, выделяемых в науке. Одни авторы предлагают разграничивать, например, конституционно-правовую и муниципально-правовую ответственность в зависимости от того, перед кем наступает ответственность, перед государством или перед населением[3], другие – в зависимости от того, какие реализуются полномочия, местные или переданные государством[4].

При этом количество специальных научных монографических исследований по вопросам конституционной ответственности исчисляется десятками. Однако, как мы уже отмечали, институт конституционной (конституционно-правовой) ответственности, по сути, оказался в «заложниках» у законодателя, который не смог сформировать полноценную отрасль соответствующего законодательства и отделить ее от смежных. Отсутствие четкого понимания того, что представляет из себя рассматриваемый институт, с одной стороны, выступает показателем соответствующего уровня конституционной культуры, с другой, значительным образом усложняет и

---

[1] Осетров С.А. Российская модель разделения власти: конституционное поправление // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 10–17.

[2] Акчурина А.В. К вопросу об актуальных проблемах конституционно-правовой ответственности высших органов государственной власти и должностных лиц в свете внесенных поправок в Конституцию Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 3. С. 36–39.

[3] Мирошниченко Е.В. Организационные формы осуществления местного самоуправления: новый этап развития // Законодательство. 2005. № 4. С. 57–64.

[4] Томилова И.И., Школяренко Е.А. К вопросу о соотношении муниципально-правовой ответственности и конституционно-правовой ответственности // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2021. № 2. С. 27–29.

рассмотрение вопроса о состоянии института конституционной ответственности как качественного показателя уровня развития конституционной культуры правосудия, ввиду отсутствия четко определенных исходных. Отсутствует необходимое базовое и устоявшееся понимание соотношения таких понятий, как меры конституционной ответственности, меры конституционной профилактики, меры конституционного предупреждения, меры конституционного пресечения, меры конституционного реагирования, меры конституционного воздействия, меры конституционного принуждения и др.

Обращение в этой связи к правовым позициям Конституционного Суда РФ также оставляет некоторые дискуссии открытыми. С одной стороны, в правовых позициях Конституционного Суда прослеживается желание легитимизировать существование данного института (пусть он прямо и не обозначен в законодательстве), четко отграничить конституционную ответственность от иных видов юридической ответственности (уголовной, административной, гражданско-правовой и дисциплинарной). Кроме того, можно наблюдать ограничение круга субъектов конституционной ответственности органами публичной власти и лицами, входящими в их состав (последнее обстоятельство, возможно, производно от специфики конкретных рассматриваемых дел)[1]. О том, с какой осторожностью предпочитает выражаться в подобных случаях Конституционный Суд, свидетельствуют формулировки, аналогичные следующей: «Подобное претерпевание выступает, по сути, в качестве специальной меры конституционно-правовой ответственности: полномочия депутата Государственной Думы прекращаются досрочно, и он утрачивает свой

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1999 № 17-П «По спору о компетенции между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального прокурора Российской Федерации от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 51. Ст. 6364; Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.2002 № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 15. Ст. 1497; и др.

статус вследствие нарушения запрета (несоблюдения требования)»[1]. Одновременно отметим, что Конституционный Суд предпочитает избегать таких понятий, как «конституционное нарушение», видимо, ввиду очень слабой теоретико-правовой разработанности данной категории (за исключением Постановления Конституционного Суда РФ от 30.11.1992 № 9-П по делу о правомерности «запрета» коммунистической партии[2]). Категорию «конституционное правонарушение» можно найти в «особых мнениях» судей Конституционного Суда (публиковавшихся вплоть до 2020 года), хотя и там данное понятие встречаются крайне редко.

С другой стороны, Конституционный Суд РФ использует категорию «конституционная ответственность», на наш взгляд, и в достаточно широком понимании – «конституционная ответственность публичной власти за сохранение природы и окружающей среды»[3]. Можно было взять такое понимание конституционной ответственности за исходную гипотезу в процессе разграничения институтов «конституционной ответственности» и «конституционно-правовой ответственности», однако в другом постановлении Конституционный Суд, ссылаясь на обозначенное постановление, использует понятие «конституционно-правовая ответственность»[4].

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.2012 № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта „в“ части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона „О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации“ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 78.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.1992 № 9-П «По делу о проверке конституционности указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 г. № 79 „О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР“, от 25 августа 1991 г. № 90 „Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР“ и от 6 ноября 1991 г. № 169 „О деятельности КПСС и КП РСФСР“, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 11. Ст. 400.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2009 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта „б“ пункта 4 Постановления Правительства Российской Федерации „Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия“ в связи с запросом Верховного суда Республики Татарстан» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 22. Ст. 2752.

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1256-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Ивановской областной общественной организации

В практике конституционного правосудия встречаются и иные случаи использования категории «конституционная ответственность» в достаточно широком смысле, формально не предполагающем прямое обращение к институту конституционного деликта. Так, в своем Постановлении по делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции РФ[1] Конституционный Суд сформулировал идею «конституционной ответственности Президента РФ за деятельность Правительства РФ». Примечательно, что в этом же постановлении процедура назначения Президентом РФ Председателя Правительства РФ, роспуска Государственной Думы РФ и назначения ее выборов после трехкратного отклонения кандидатуры Председателя Правительства РФ (речь идет о редакции Основного закона на 1998 год) обозначается Конституционным Судом РФ как «правовой способ разрешения возникшего между Президентом Российской Федерации и Государственной Думой разногласия с использованием механизма свободных выборов». Применительно к роспуску Государственной Думы РФ ни категория «конституционная ответственность», ни «санкция конституционной ответственности» не используются.

Можно заключить, что институт конституционной ответственности, который так важен для понимания сути и существа конституционных процессов в современной России, все еще находится в стадии разработки и уточнения основных базовых характеристик. Одновременно существует возможность остановиться на отдельных вопросах соответствующей проблематики, которые видятся нам достаточно актуальными.

Конституционная ответственность во всех случаях основывается на норме закона – прямой или отсылочной. Однако политическая окраска конституционно-правовой ответственности может быть достаточно ярко

охотников и рыболовов на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 71 Федерального закона „Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 1.

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.1998 № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 52. Ст. 6447.

выражена. Использование упомянутой нами ранее категории «конституционно-политическая ответственность» в отдельных случаях будет вполне уместно. При этом в юридической науке нередко отмечается, что сама по себе политическая ответственность не является ни юридической, ни конституционной, «являясь негативной социальной оценкой деятельности избранного лица», а отдельные конституционно-правовые санкции могут быть одновременно и проявлением политической, и проявлением конституционно-правовой ответственности[1].

Можно заметить, что конституционная ответственность нередко основана на диспозитивном методе правового регулирования, тогда как традиционная юридическая ответственность – на императивном методе. В этой связи отметим, что традиционный, например, для уголовного права принцип неотвратимости ответственности применительно к институту конституционной ответственности отечественным законодателем «озвучен» не был, как и отечественным правоприменителем. В отдельных случаях такая диспозитивность носит многоступенчатый характер, как это происходит, например, в ситуации отрешения главы субъекта от должности Президентом РФ «по инициативе» законодательного органа:

– совершение главой субъекта Российской Федерации действий, предусмотренных ч. 1 ст. 30 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»;

- выражение недоверия законодательным органом власти субъекта главе субъекта;

- отрешение главы субъекта от должности Президентом РФ (ч. 4 ст. 29)[2].

Еще раз обратим внимание на диспозитивность процедуры – законодательный орган может выразить недоверие главе субъекта, а может и не

[1] Берлявский Л.Г., Тарабан Н.А. Отзыв депутата представительного органа: соотношение политической и конституционной ответственности // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 7. С. 30–33.

[2] Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

выразить; Президент РФ может «согласиться» с позицией законодательного органа, а может и не согласиться. Таким образом, даже при учете доказанного факта нарушения закона главой субъекта он может и не быть отрешен от должности (как одним, так и другим субъектом данной процедуры). При этом одно из оснований для вынесения недоверия, ненадлежащее исполнение своих обязанностей, при условии отсутствия достаточной конкретизации на уровне регионального законодательства, выглядит достаточно субъективным, и не предполагает прямого нарушения закона[1].

Исходя из вышеозвученного общетеоретического принципа – ответственность наступает только при наличии правонарушения – следует признать, что при отнесении того или иного полномочия высшего органа власти к реализации мер конституционной ответственности нужно обязательно привязывать соответствующее полномочие к конкретным обстоятельствам его реализации. Попытки представить роспуск Государственной Думы и отправление в отставку Правительства РФ исключительно в контексте конституционного деликта не выдерживают критики и очень уязвимы, так как Президент РФ может принимать свое решение, в том числе исходя из соображений политической целесообразности. Не случайно отдельные исследователи отмечают, что реализация одного и того же полномочия может как выступать мерой конституционно-правовой (конституционной) ответственности, так и не относиться к таковым, например, роспуск Государственной Думы[2]. В контексте обсуждения вопроса о конституционной ответственности палат Федерального Собрания актуальной представляется проблема реализации решений Конституционного Суда в законодательной

[1] Махов А.Р. Конституционно-правовая ответственность высшего должностного лица субъекта Федерации в связи с выражением недоверия со стороны законодательного (представительного) органа власти субъекта Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 1. С. 39–44.

[2] Колосова Н.М. Теория конституционной ответственности: природа, особенности, структура: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 24.

деятельности, однако она подробно рассматривается в иных частях нашего исследования.

В свою очередь, процедура отрешения Президента РФ от должности, нередко рассматриваемая в теории конституционного права как «обратное» политическое полномочие Федерального Собрания, по формальным критериям соответствует форме конституционно-правовой ответственности. Однако, оставаясь формой конституционно-правовой ответственности, процедура отрешения Президента от должности предполагает обязательное совершение им государственной измены или иного тяжкого преступления (ст. 93 Конституции), что, возможно, нивелирует как политическую, так и конституционную составляющую данного типа ответственности.

Проблему отрешения действующего Президента РФ от должности в контексте обсуждения конституционной культуры правосудия следует выделить в качестве относительно самостоятельной, так как она напрямую затрагивает место и значение Президента в системе публичной власти. Собственно, основы этой процедуры были заложены еще в последней действующей Конституции РСФСР. Правда, тогда сама формулировка, характеризующая условия возможного отрешения, предполагала более широкий спектр соответствующих обстоятельств – нарушение Конституции и законов Российской Федерации, а также данной им присяги (ст. 121.10).

В действующей Конституции РФ из оснований для отрешения – совершение тяжкого преступления. На этапе подготовки окончательного варианта конституционного текста предлагалось дополнить положения Конституции следующими положениями: Президент РФ несет конституционно-правовую ответственность за нарушение Конституции РФ, данной им присяги и за иные правонарушения в соответствии с Конституцией РФ и законами Российской Федерации. Кроме того, есть мнение, что порядок отрешения Президента от должности должен быть детализирован не на уровне регламентов палат Федерального Собрания, а на уровне соответствующего федерального

закона[1]. Высказываются предложения добавить в качестве оснований для инициирования процедуры импичмента нарушение Конституции РФ, неисполнение решений Конституционного Суда или иных федеральных судов[2], а также предусмотреть в качестве основания отрешения Президента от должности нарушение им Конституции РФ и федеральных законов, повлекшее тяжкие последствия[3].

Признавая дискуссионный характер соответствующих предложений, отметим, что сама процедура отрешения Президента от должности изначально вызывает вопросы, так как осуществляется не только силами законодательного органа, но и силами двух высших судов, тогда как судьи этих судов назначаются при непосредственном участии Президента. Нельзя не отметить в этой связи и появившиеся по итогам конституционной реформы 2020 года полномочия главы государства вносить предложение Совету Федерации о досрочном прекращении полномочий судей Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ (ст. 102 Конституции РФ). С другой стороны, следуя данной логике, можно поставить под сомнение и всю систему взаимодействия Президента, например, с Конституционным Судом РФ, в частности в процессе проведения предварительного конституционного контроля, который был легализован в процессе конституционной реформы 2020 года.

В теории конституционно-правовая ответственность публичной власти может быть двух видов: ответственность одного публично-властного органа перед другим (зачастую такой вид ответственности квалифицируется как ответственность перед государством и соответствующим образом обозначается в законодательстве, например, в законодательстве об организации местного самоуправления) и как ответственность публично-властного органа перед

---

[1] Авакьян С.А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31–44.

[2] Кондрашев А.А. Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика. М.: Юристъ, 2006. С. 112.

[3] Брежнев О.В. Роль судов в применении мер конституционно-правовой ответственности в отношении органов власти в России: проблемы и перспективы // Российский судья. 2006. № 3. С. 1.

населением. Отдельные авторы озвучивают точку зрения, в соответствии с которой ответственность органов публичной власти перед населением опосредованно реализуется во всех случаях наступления ответственности перед государством[1]. Вероятно, это и излишне идеализированное понимание проблемы, однако обратим внимание на тот факт, что именно такое понимание, возможно не прямо, а косвенно, поддержано в том числе на уровне отдельных правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Как мы уже говорили, конституционную ответственность не всегда возможно четко отграничить от политической ответственности. Конституционный Суд РФ в своих правовых позициях нередко указывает на то, что «политическая» ответственность, так же как и «юридическая», функционировать не может. Нередко такие правовые позиции ложатся в основу законодательного регулирования соответствующих проблем, в частности порядка отзыва депутата представительного органа местного самоуправления[2]. Однако, оценивая все еще действующий п. 3 ст. 74.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 года, Конституционный Суд РФ указывал на то, что, с одной стороны, удаление главы муниципального образования в отставку выступает мерой его ответственности перед представительным органом муниципального образования, а с другой, –оценочный характер выносимого представительным органом решения предполагает при его принятии использование демократических процедур и учет различных факторов и мнений, тем самым оценка деятельности органов местного самоуправления при осуществлении контрольных полномочий представительного органа может быть различной и

[1] Докторова А.Т. Ответственность органов публичной власти перед населением // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 4. С. 36–38.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 02.04.2002 № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края „О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления“ и Закона Корякского автономного округа „О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе“ в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 14. Ст. 1374.

связана с дискрецией этого органа. Другими словами, факт правонарушения, без которого невозможна юридическая ответственность, может представляться и в виде совершения действий, анализ которых имеет оценочный характер и обеспечивается демократичностью процедур и учетом различных факторов и мнений. Видимо, в аналогичном, или сходном, ключе следует оценивать и «новое» полномочие Президента РФ, который вправе отрешить высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации от должности в связи с утратой доверия (п. 1 ч. 4 ст. 29 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»). Показательно, что анализируемая статья называется «меры ответственности, применяемые к высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации», без указания на какую-либо видовую классификацию соответствующей ответственности. Исследуя проблему механизма реализации конституционной ответственности законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации, отельные исследователи предлагают рассматривать ее как составную часть более общего института – института федерального вмешательства[1]. Допустимо предположить, что подобные соображения можно высказать и в отношении института ответственности главы субъекта.

В продолжение проблемы ответственности представителей публичной власти перед населением отметим, что в соответствии с наиболее традиционным подходом она в большей степени реализуется в случае проведения выборов, когда население может «отказать в доверии» кандидату или политическому объединению и не избрать его на следующий срок. Как отмечает в этой связи профессор Н.С. Бондарь, риск утраты электоральной поддержки и доверия избирателей является особой формой политической ответственности ввиду возможных негативных последствий отдельных законодательных решений,

[1] Тхабисимова Л.А., Ахъядов Э.С.-М. О некоторых вопросах реализации конституционно-правовой ответственности законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 10. С. 46–50.

«которая по своей природе достаточно близка, но не идентична конституционно-правовой ответственности»[1].

Собственно, конституционная ответственность публичной власти перед населением теоретически может наступить в случае отзыва населением ранее выбранного органа публичной власти (полностью или частично). Однако такой вариант реализации конституционной ответственности, так и не начав, по сути, полноценно работать уже утратил свою актуальность. На уровне федеральной власти подобный институт изначально и не задумывался, однако на уровне региональной и местной – формально долгое время присутствовал. Между тем новый Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» уже не предусматривает процедуру голосования населения по отзыву главы субъекта Российской Федерации (в отличие от «старого» закона). Аналогичные соображения можно высказать и в отношении законодательства о местном самоуправлении. Если в «старом» федеральном законе подобная норма присутствовала, то в новом – процедуры «голосования по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления» уже нет[2]. Одновременно потеряла свою актуальность и дискуссия о выхолащивании механизма ответственности представителей перед избирателями на муниципальном уровне[3], окончательно перейдя в плоскость поиска новых альтернативных процедур. Учитывая соответствующие тенденции, можно сказать, что усиление контроля за деятельностью власти со стороны населения, как и развитие института императивного мандата (по мнению отдельных

---

[1] Бондарь Н.С. Между Сциллой и Харибдой: когда права меньшинства защищаются вопреки мнению («правлению») большинства // Журнал конституционного правосудия. 2020. № 4 (76). С. 10.

[2] Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2026. № 12. Ст. 1200.

[3] Болдырев О.Ю. Конституционная реформа в России: актуальность, реализация, перспективы. Часть 1. Государство по Конституции 1993 года: на бумаге и в жизни // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 3–8.

авторов, в наибольшей степени соответствующего правовой культуре россиян[1]), невозможно в рамках института конституционной ответственности и требует разработки принципиально иных конституционно-правовых механизмов. В этой связи возрастает актуальность других механизмов конституционной ответственности региональной и местной власти, в части из которых задействованы судебные органы.

В заключение сделаем некоторые выводы и обобщения. В современной юридической науке и практике отсутствует полноценное понимание института конституционной ответственности, в том числе публичной власти и органов, входящих в ее систему. В этой связи ожидать в ближайшей перспективе четкого законодательного обособления данного конституционно-правового института не приходится. При этом в практике конституционного правосудия не редки примеры использования термина «конституционная ответственность», не предполагающие обращения к институту конституционного деликта. Такова, например, концепция «конституционной ответственности Президента РФ за деятельность Правительства». В решениях Конституционного Суда РФ также можно найти обоснование идеи позитивной конституционной ответственности – например, ответственность Правительства РФ за состояние окружающей среды.

В настоящее время законодатель отказался от дальнейшего развития института прямой (буквальной) конституционно-правовой ответственности публичной власти перед населением. Эта ситуация актуализирует иные, в том числе судебные механизмы конституционной ответственности. В целом анализ института конституционной ответственности демонстрирует, что его содержание, границы и способы реализации напрямую зависят от состояния конституционной культуры правосудия, основаны на правовых позициях Конституционного Суда РФ, а также производны от способности правовой системы гармонизировать формально-юридическое и социально-политическое

[1] Курбанова З.М. Перспективы развития конституционно-правовой ответственности депутатов в России: пути совершенствования законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 11. С. 45–49.

измерения ответственности публичной власти. Также в условиях отсутствия «рабочих» процедур использования института конституционной ответственности на федеральном уровне на первый план выходит именно позитивный аспект ответственности, что предполагает особое внимание к повышению конституционной культуры в направлении формирования конституционно-значимого поведения. Следует обратить внимание и на ощутимую тенденцию выстраивания прямых форм конституционной ответственности (по принципу – от вышестоящих органов к нижестоящим) в рамках единой системы публичной власти. В свою очередь, именно конституционная культура правосудия способна обеспечить баланс между юридической формой конституционной ответственности и ее ценностным духовно-нравственным содержанием.

ГЛАВА 4. НАЦИОНАЛЬНОЕ В СООТНОШЕНИИ С УНИВЕРСАЛЬНЫМ В КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВОСУДИЯ

§ 4.1. Конституционное правосудие – хранитель ценностей культурных традиций судебной юриспруденции России как демократического правового государства

Современное российское общество находится на стадии доктринального и юридического оформления обновленной парадигмы своего дальнейшего развития. Масштабные геополитические конфликты последних лет оказали значительное влияние на все составляющие государственной и общественной жизни. Идет активное утверждение системы традиционных ценностей, критическому переосмыслению подвергаются положения, которые еще недавно не вызывали каких-либо серьезных разногласий в научном и юридическом сообществе. На смену либеральным идеям приходят консервативные. Значительным образом актуализируется проблема обеспечения конституционной безопасности в контексте осуществления судебной деятельности. Одновременно в законодательстве и правоприменительной практике утверждается идея социальной солидарности, которая также требует дополнительного осмысления, как на доктринальном, так и на правоприменительном уровне. В этих условиях огромное значение приобретает деятельность Конституционного Суда РФ по осуществлению конституционного нормоконтроля в различных сферах[1]. Не следует также забывать и об особой юридической природе решений Конституционного Суда РФ, по поводу которой в научном сообществе традиционно ведутся дискуссии[2].

---

[1] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

[2] Подробнее см.: Баринов Э.Э. Конституционная культура правосудия: сочетание нормоконтрольных и правотворческих аспектов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 39–46; Позднышов А.Н., Баринов Э.Э. Юридическая природа решений Конституционного Суда Российской Федерации // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 6(61). С. 14–18.

Обращаясь к истории конституционного контроля в России, отметим, что период, с которого можно вести отчет реального появления в России данного института, – первые советские конституции. До этого времени обсуждение задач и возможностей конституционного контроля носили в большей степени общетеоретический характер, ввиду отсутствия в государстве самой Конституции. Имеется ввиду традиционное понимание Конституции как документа, обладающего соответствующими юридическими свойствами: верховенство и высшая юридическая сила. При этом сам по себе вопрос об идее преемственности конституционного контроля в России можно оценивать по-разному, исходя из выбранного подхода: можно видеть в дореволюционных конституционных проектах и, в целом, основных достижениях правовой мысли зачатки будущего института конституционного правосудия, или вести речь о конституционной культуре в целом и особенностях отечественного конституционализма на соответствующем, интересующем исследователя, этапе. Стоит также учитывать особенности реализации идеи контроля за издаваемыми актами, который сложился в последние годы существования Российской империи. Соответствующая публично-властная конструкция включала контрольную деятельность Правительствующего Сената. Однако обозначенный механизм традиционно оценивается исследователями критически.

С появлением первых советских конституций вопрос об их охране актуализировался, однако основное внимание в этой связи уделялось прежде всего деятельности органов законодательной власти и непосредственно мероприятиям политико-идеологического характера. Часть исследователей указывает на тот факт, что в 1920-е годы и в первой половине 1930-х годов достаточно активно велся поиск механизмов конституционного контроля и надзора, что даже породило соответствующую конкуренцию между Верховным Судом СССР и Прокуратурой СССР. В конечном итоге доминирующее положение в этой сфере заняли парламентские формы надзора и различные

формы прокурорского надзора[1]. Более подробно на истории становления института конституционного контроля в России мы остановимся, анализируя «новые» полномочия Конституционного Суда РФ в сфере предварительного конституционного контроля.

Обращаясь к теории вопроса, отметим, что конституционный нормоконтроль по самой своей природе невозможен на основе лишь формально-юридических, исключительно нормативистских оценок. Это касается как принципа справедливости («несправедливость не должна признаваться конституционной»), заявленного в преамбуле Конституции, так и иных социокультурных и нравственно этических оснований российской государственности[2]. Нельзя забывать, что в большинстве случаев конституционно-судебная деятельность ориентирована именно на использование ценностных оценочных подходов. Таким образом, гармонизация социально-культурных и формально-юридических ценностных оснований развития государства и общества – одна из важнейших задач Конституционного Суда РФ, который осуществляет конституционный контроль в современной России[3].

Не вызывает сомнения, что исследование юридической природы правовых позиций Конституционного Суда РФ невозможно исключительно в рамках «узкого» формально-юридического анализа. Основная причина в том, что в рамках конституционного судопроизводства в большинстве случаев происходит выяснение и уточнение смысла правовых норм наибольшей степени абстрактности. В доктринальном плане проблема того, насколько Конституционный Суд свободен в своей интерпретации, традиционно рассматривается через тезис о том, что конституционный контроль не может

---

[1] Шульженко Ю.Л. Отечественный конституционный надзор (20-е – первая половина 30-х годов XX в.) // Государство и право. 2023. № 2. С. 154–162.

[2] Бондарь Н.С. Гармонизация юридических и нравственно-этических начал Конституции: практика конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 1. С. 8.

[3] Подробнее см.: Баринов Э.Э. Аксиологические характеристики конституционной культуры правосудия в России // Российская юстиция. 2025. № 11. С. 58–65.

быть ценностно нейтральным и предполагает обращение к историческому, социальному контексту и какому-либо иному контексту. Именно при таком подходе становится понятной логика определения юридической природы полномочий Конституционного Суда как «двуединой». Неофициальное наделение данного органа функциями не только контроля, но и правообразования (не случайно решения Конституционного Суда оцениваются многими исследователями как источники права) происходит не от произвольного расширения его функций, а определяет особую специфику самого механизма конституционного судебного производства. Использование при оценке юридической природы Конституционного Суда междисциплинарного подхода не случайно. В своих решениях последний ориентируется на целый набор конкурирующих ценностей, исходит из необходимости учета интересов государства, прав человека как вышей ценности, социальных последствий, принципов равенства, справедливости, соразмерности и др. Не случайно идея «живой конституции», используемая как в России, так и в других странах, предполагает, что конституция – это не только набор сухих норм и предписаний, но и совокупность ее интерпретаций и практики ее применения[1]. На сегодняшний день конституционная интерпретация является неотъемлемой частью решения Конституционного Суда. Во-первых, ч. 5 ст. 125 Конституции прямо говорит о таком полномочии Конституционного Суда РФ, как толкование, которое без интерпретации невозможно. Во-вторых, правовые последствия решений по конституционному нормоконтролю (там, где интерпретация формально не предусмотрена) предполагают обязанность применять положения законов исключительно в истолковании Конституционного Суда. Зачастую такая конструкция применяется в ситуациях, когда положения закона признаются соответствующими Конституции РФ.

Особая юридическая природа решений Конституционного Суда также объясняется их обязательностью для всех субъектов конституционно-правовых

[1] Судебная правовая политика в России и зарубежных странах: коллективная монография / под ред. А.А. Дорской. СПб.: Астерион, 2019. С. 92–93.

отношений, т. е. итоговое разрешение дела – это не только разрешение спора сторон, но и итоговое установление общеобязательного характера. В данном контексте также следует учитывать то, что решения вступают в силу сразу после их вынесения (если только иное не установлено в самом решении), их нельзя обжаловать на национальном уровне и они не требуют утверждения со стороны иных органов. Кроме того, юридическая сила решения о неконституционности не может быть преодолена повторным принятием того же акта. В ситуациях, когда обсуждается вопрос о том – является или нет решение Конституционного Суда источником права, зачастую именно эта связка «прямое действие – общеобязательность – окончательность» выступает в качестве главного довода.

Показательно, что сам Конституционный Суд характеризует себя как орган, «творящий право», – «оценивая конституционность правового регулирования, конституционная юстиция с необходимостью творит право. В частности, пробелы, заключающие в себе конституционно значимый дефект регулирования, преодолеваются через толкование соответствующих законоположений (выявление конституционного смысла) либо через установление временного регулирования. Устранение от такого восполнения, по существу, означало бы отказ в правосудии, а в некоторых случаях – обрыв осуществляемой в правовом поле коммуникации между публичной властью и частью общества, представленной заявителями» [1]. Обратим внимание на тот факт, что традиционной в отношении деятельности Конституционного Суда стала формулировка: «преодоление пробелов в праве», а не их, например, «ликвидация».

Основные подходы к систематизации функций Конституционного Суда РФ сформированы в отечественной юридической науке достаточно давно и уже стали традиционными. Конституционный контроль подразделяется на абстрактный и конкретный, предварительный и последующий, формальный и

[1] Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

материальный. Причем в подавляющем числе случаев в отечественных реалиях речь идет именно о последующем, конкретном, материальном конституционном контроле. Последний может осуществляться как по запросам судов, так и по жалобам граждан, однако на практике подавляющее количество обращений – это именно жалобы граждан. Отметим, что данный институт за время своего существования подвергся значительным изменениям. В первоначальном оригинальном варианте Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» содержалась формулировка, предполагавшая, что Конституционный Суд РФ может проверять конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан (п. 3 ст. 3). Аналогичные положения содержались и в актуальном на тот момент варианте Конституции РФ. Однако в 2010 году возможности граждан по обращению в Конституционный Суд РФ были значительным образом ограничены[1]. Теперь обращение в Конституционный Суд было возможно только после вынесения судебного решения. По итогам конституционной реформы 2020 года полномочия Конституционного Суда РФ, касающиеся запросов судов и жалоб граждан, в тексте Конституции РФ были разделены. Кроме того, на уровне специального закона возможность обращения граждан в Конституционный Суд РФ была ограничена еще одним условием – необходимостью использования всех средств внутригосударственной защиты[2].

Однако в обновленном варианте закона присутствовала и оговорка о том, что Конституционный Суд РФ может признать внутригосударственные средства судебной защиты исчерпанными даже при невыполнении обязательных условий, если «иное применение оспариваемого нормативного акта, чем имевшее место в

[1] Федеральный конституционный закон от 03.11.2010 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации“» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 45. Ст. 5742.

[2] Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации“» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 46. Ст. 7196.

конкретном деле, не предполагается» (ст. 97). Таким образом, институт обращения граждан в Конституционный Суд РФ дошел до сегодняшнего дня в значительно урезанном варианте, что, однако, не мешает и сегодня оставаться жалобам граждан основным поводом для возбуждения судебного конституционного судопроизводства. Одновременно отметим, что опасения части авторов о том, что очередное ограничение прав граждан на обращение в Конституционный Суд окончательно уничтожит институт конституционного контроля[1], не оправдались. Как показала официальная статистика, количество жалоб граждан сократилось незначительным образом. С другой стороны, ситуация, когда граждане самостоятельно принимают решение – обязательно ли в их конкретном случае использовать все средства внутригосударственной защиты, выглядит неоднозначно[2].

Важной вехой в развитии конституционного контроля в России стала Конституционная реформа 2020 года, которая наделила Конституционный Суд РФ новыми полномочиями. Часть из этих новых полномочий стали результатом многолетней интерпретационной деятельности самого Конституционного Суда РФ, речь идет о полномочиях в сфере обеспечения конституционного суверенитета. Другие полномочия конкретизировались в ходе оформления процедурных моментов будущей реформы. Желание авторов конституционной реформы придать дополнительную легитимность конституционным поправкам и добавить в механизм их принятия две новые процедуры (обращение в Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности поправок и общероссийское голосование) изначально не предполагало законодательного оформления процедуры предварительного нормоконтроля, как минимум, в отношении законов о поправке к Конституции РФ. Однако в окончательном

[1] Жуйков В., Воскобитова Л., Ярков В. и др. Конституционные поправки и независимость суда // Закон. 2020. № 2. С. 33–43.

[2] Подробнее см.: Баринов Э.Э. Критический анализ законодательных новелл в сфере судебного конституционного контроля в России // Спутник высшей школы. 2024. Т. 4. № 4 (19). Вып. «Современный конституционализм: теория и практика. С. 200–209.

варианте Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ[1] обозначенные полномочия появились и наравне с остальными были официально закреплены в тексте Конституции РФ по итогам конституционной реформы.

Институт внешнего и внутреннего предварительного контроля, осуществляемого в процессе законодательной деятельности, имеет в России достаточно долгую, но неоднозначную историю. В качестве одного из первых примеров предварительного конституционного контроля, пусть и не осуществляемого специализированным органом, как правило, рассматриваются полномочия Правительствующего сената Российской империи начала прошлого века. Именно данный орган принимал решение о том, соответствует ли порядок издания законодательных постановлений положениям Основных Законов. В противном случае они не могли быть обнародованы. Обратим внимание на тот факт, что оценивалась только формальная процессуальная сторона законотворческого процесса. С другой стороны, данный вид контроля был сплошным и не предполагал отдельной процедуры его инициирования. Однако за свою недолгую жизнь в царской России данный институт никак себя не проявил, а Правительствующий сенат вынес всего два решения о «несоответствии». К органу, который также имел опосредованное отношение к внешнему предварительному конституционному контролю, относят и Юридическое совещание, однако оно просуществовало крайне недолго (в короткий отрезок времени между двумя революциями), а его компетенция скорее сводилась к подготовке юридических заключений на законопроекты.

После создания СССР функции по конституционному контролю взял на себя Верховный Суд СССР. Формально Верховный Суд осуществлял только последующий конституционный контроль, однако на практике нередко давал предварительные консультативные заключения на предварительных стадиях нормотворческого процесса, вне судебных заседаний. Идея легализовать и

[1] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

сделать обязательными подобные заключения Верховного Суда не оставляла отдельных представителей советской юридической науки. Однако уже тогда подобные идеи наталкивались на контрдовод, который, на наш взгляд, является традиционным и сегодня – давая предварительное положительное заключение, суд связывает себя при последующей проверке данного акта, являясь, по сути, одной из причин возникшего «противоречия». Забегая вперед, отметим, что сегодня подобные доводы не рассматриваются в качестве решающих. В этом случае современная юридическая наука исходит, в том числе, из необходимости последующего изучения соответствующей судебной практики, сложившейся по итогам применения уже приятого закона, что делает последующий контроль логичным продолжением предварительного. В случае с предварительным контролем речь, таким образом, идет лишь об одном из вариантов абстрактного нормоконтроля, легитимность которого, в случае использования его в отношении уже принятых нормативных актов, как правило, не вызывает дискуссий. Возвращаясь к нормоконтрольной деятельности Верховного Суда СССР 1924–1933 гг., отметим, что, по мнению исследователей данной проблемы, в конечном итоге, этот институт в большей степени оказался формальным и декларативным, а его дальнейшее развитие, в условиях господства партийных директив и укрепляющегося автократизма, закономерно не получило своего продолжения[1].

Новой вехой в истории внешнего предварительного конституционного контроля стало приятие Закона СССР от 23 декабря 1989 «О конституционном надзоре в СССР». Определяя поднадзорные Комитету акты, закон рассматривал в качестве таковых проекты законов СССР и иных актов, внесенных на рассмотрение Съезда народных депутатов СССР; проекты законов СССР и проекты иных актов, принимаемых Верховным Советом СССР, проекты постановлений Совета Союза и Совета Национальностей; международные договорные и иные обязательства СССР и союзных республик (ст. 10).

[1] Митюков М.А. Судебный конституционный надзор (1924–1933 гг.): сущность, назначение и характерные особенности // Право и политика. 2005. № 12. С. 48–62.

Аналогичные полномочия Комитета содержались и в действующей на тот момент Конституции СССР, для развития положений которой и принимался обозначенный закон. В отличие от уже действующих нормативных актов, Комитет не мог рассматривать проекты нормативных актов по собственной инициативе. Возможно, именно по этой причине предварительный конституционный контроль Комитетом не осуществлялся – уполномоченные на принятие нормативных актов органы власти обходились внутренним предварительным контролем и в дополнительном внешнем контроле своей деятельности не нуждались. В юридической практике тех лет было зафиксировано всего два случая обращения в Комитет, по одному из которых даже не было вынесено итогового решения. Как отмечают исследователи, эксперимент с введением внешнего предварительного контроля в целом следует признать не только неудачным, но и на долгие годы сформировавшим особое специфическое отношение к данному институту[1]. В Законе РСФСР от 12.07.1991 №1599-1 «О Конституционном Суде РСФСР» предварительный конституционный нормоконтроль нормативных актов не просто не был обозначен, а был прямо запрещен, несмотря на то, что сама идея предварительного конституционного контроля на разных этапах подготовки закона все же обсуждалась. Позволим себе целиком процитировать ч. 6 ст. 32 итоговой редакции указанного закона: «Конституционный Суд РСФСР не вправе осуществлять предварительный контроль и рецензирование проектов договоров и нормативных актов, консультировать кого бы то ни было по подведомственным ему вопросам, высказывать суждения о конституционности неподписанных договоров, непринятых нормативных актов, отсутствующей практики их применения и несовершенных действий». Показательным является тот факт, что первый и последний раз на уровне федерального законодательства прозвучала сама формулировка «предварительный контроль», которую,

[1] Галяева И.С. Институт предварительного конституционного контроля законов в конституционной истории России: есть ли преемственность? // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 1. С. 164–183.

несмотря на ее частое использование в науке («предварительный конституционный контроль»), не встретишь ни в Конституции РФ, ни в иных федеральных законах, даже по итогам полноценного юридического оформления данного института в ходе конституционной реформы 2020 года. Также отметим, что по итогам полного и категорического запрета внешнего конституционного контроля соответствующие положения «исчезли» и из готовящихся проектов новой российской Конституции.

На наш взгляд, идея предварительного конституционного контроля в России на всем протяжении от ее появления и развития всегда носила в некоторой степени политическую окраску и рассматривалась не только как способ обеспечения высшей юридической силы и верховенства Конституции, но и как, в определенном смысле, средство политической борьбы. Не случайно действующий на тот момент Президент Б.Н. Ельцин выступал с инициативой внесения в Конституцию положений, дающих ему право обращаться в Конституционный Суд с предложением о подтверждении соответствия закона Конституции РФ до его подписания, с целью более четкого разделения функций Президента и законодательной власти. Речь в данном случае шла именно о содержании закона. Однако соответствующая поправка принята не была.

Принятая в 1993 году новая российская Конституция, несмотря на тот факт, что ее окончательный вариант готовился уже после крупномасштабного политического и конституционного кризиса, в частности открытого вооруженного противостояния между Президентом и законодательной властью, «победителем» из которого вышел Президент, не закрепила полномочий Конституционного Суда по предварительному нормоконтролю, в том числе и по инициативе Президента (не считая проверки конституционности не вступивших в силу международных договоров и соглашений). Однако перечень полномочий Конституционного Суда РФ был открытым и допускал закрепление новых полномочий на уровне законодательства. Между тем политическая обстановка тех лет, выразившаяся в том числе и в жесткой политической конфронтации между Президентом и Федеральным Собранием, сделала подобные инициативы

Президента неосуществимыми. Кроме того, сами судьи Конституционного Суда, с самого его образования, и почти до сегодняшнего дня были жесткими противниками легализации данного института. Основные тезисы противников предварительного конституционного контроля на сегодняшний день являются традиционными:

- предварительный контроль, как «на входе», так и «на выходе», безосновательно затягивает законодательный процесс;

- предварительный контроль может стать благоприятной основой для политизации законодательного процесса;

- Конституционный Суд не должен превращаться в орган, производящий на заказ предварительную юридическую экспертизу;

- орган предварительного контроля сам связывает себе руки, делая последующий контроль затруднительным (об этом доводе мы уже упоминали).

Стоит отметить, что отдельные полномочия по предварительному конституционному контролю все же были пролоббированы действующим Президентом России Б.Н. Ельциным и получили свое оформление на уровне правовой позиции Конституционного Суда РФ. Правда, касались они исключительно процессуальной стороны, т. е. возможных нарушений при принятии федеральных законов. В частности, Конституционный Суд РФ отмечал, что возвращение Президентом РФ федерального закона в соответствующую палату Федерального Собрания, возможное только в случае нарушения палатой установленных Конституцией РФ требований к порядку принятия федеральных законов, не является отклонением федерального закона в смысле ч. 3 ст. 107 Конституции РФ[1].

В дальнейшем Конституционный Суд переформулировал свою позицию, однако речь в последнем случае шла, в том числе, о проверке на конституционность положений Регламента Государственной Думы. Итоговая

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.1996 № 10-П «По делу о толковании отдельных положений статьи 107 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 18. Ст. 2253.

правовая позиция Конституционного Суда РФ выглядела следующим образом: в соответствии с ч. 3 ст. 107 Конституции РФ Президент обязан подписать и обнародовать принятый Федеральный закон «О культурных ценностях…», что не препятствует Президенту РФ обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности названного Федерального закона, в том числе по порядку принятия[1]. В этой связи также следует обратить внимание на особое мнение судьи Э.М. Аметистова, который не только поставил под сомнение итоговую правовую позицию Конституционного Суда 1998 года, но и саму процедурную часть принятия Конституционным Судом соответствующего решения.

Обозначенная нами проблема так и не получила своего окончательного и единого понимания в юридической литературе и заслуживает специального рассмотрения. На наш взгляд, обозначенную ситуацию можно рассматривать следующим образом: Президент действительно может вернуть в палаты Федерального Собрания закон, в процессе принятия и одобрения которого присутствовали, на его взгляд, нарушения процедурного характера, и это не будет являться отклонением федерального закона в смысле ч. 3 ст. 107 Конституции РФ, однако палаты Федерального Собрания, если в конечном итоге не придут к согласию с Президентом РФ, могут обратиться в Конституционный Суд РФ, который и разрешит этот спор. Именно такой точки зрения придерживалась сторона Президента, рассматривая Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.1998 № 11-П как частный случай, касающийся конкретного федерального закона. Впоследствии данный инструмент формального предварительного контроля применялся Президентом РФ достаточно часто вплоть до начала 2000-х годов.

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.1998 № 11-П «По делу о разрешении спора между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации, между Государственной Думой и Президентом Российской Федерации об обязанности Президента Российской Федерации подписать принятый Федеральный закон „О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации“» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 16. Ст. 1879.

Конституционная реформа 2020 года наделила Конституционный Суд РФ и Президента РФ новыми полномочиями, в том числе в сфере предварительного конституционного контроля. Изначально на уровне обновленного конституционного текста предполагалось закрепить возможность предварительного конституционного контроля только в отношении федеральных конституционных и федеральных законов. Однако решение конституционного законодателя придать дополнительную легитимность конституционным поправкам и добавить в механизм их принятия две новые процедуры (обращение в Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности поправок и общероссийское голосование) привело к тому, что аналогичные процедуры были закреплены и по отношению к Закону о поправке к Конституции РФ. Надо сказать, что техническая составляющая конституционной реформы 2020 года, в том числе использование процедуры предварительного конституционного контроля, все еще вызывает много вопросов у ученых[1]. Как отмечается в специальной литературе, ситуация, когда вступившая в силу часть закона уполномочивает Конституционный Суд РФ проверять конституционность не вступившей части этого же закона, противоречит традиционным представлениям о действии закона и принципу правовой определенности[2].

Как мы уже отмечали, Конституционный Суд РФ на протяжении долгого времени выступал активным противником даже подобия присутствия отдельных элементов предварительного конституционного контроля в своей деятельности. Так, Конституционный Суд мог отказать в рассмотрении запроса, если соответствующий законопроект находился на рассмотрении в Государственной Думе. Были из этого правила и исключения – в деле о возможности сокращения

---

[1] Подробнее см.: Баринов Э.Э. Конституционная реформа – 2020: особенности процедуры и юридической техники // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 3–8.

[2] Шустров Д.Г. Полномочия Конституционного Суда РФ по предварительному конституционному контролю за поправками к Конституции РФ: конституционные и законодательные новеллы // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 48–59.

срока полномочий Государственной Думы из-за переноса дня голосования (Постановление Конституционного Суда РФ от 1 июля 2015 года № 18-П). По мнению отдельных ученых, отказ в проведении конкретного нормоконтроля, особенно по жалобам граждан, в обозначенных обстоятельствах выглядит решением достаточно спорным. В подтверждение данной точки зрения приводятся следующие аргументы:

- напрямую связать жалобу и рассматриваемый в это время законопроект возможно только при наличии прямой ссылки на него заявителя;

- Конституционный Суд не может обладать достоверной информацией о сроках рассмотрения законопроекта и о том, будет ли он вообще принят, в связи с чем срок восстановления нарушенного права становится максимально неопределенным;

- в условиях постоянно изменяющегося законодательства всегда может найтись проект закона на рассмотрении, который целиком или в отдельной своей части соответствует предмету жалобы, а бесконечное ожидание плохо сочетается с годичным сроком допустимости обращения[1].

Обратим внимание на тот факт, что даже после легализации специальных полномочий Конституционного Суда по предварительному нормоконтролю, последний так и не отказался от своей позиции, по поводу недопустимости смешения толкования Конституции РФ и предварительного нормоконтроля. В «Методологических аспектах конституционного контроля», подготовленных Конституционным Судом к 30-летию Конституционного Суда РФ, отмечается, что в отдельных случаях запрос о толковании Конституции может представлять собой ненадлежащую попытку получить предварительную оценку конституционности конкретных положений обсуждаемого парламентом законопроекта, а толкование Конституции не должно подменять собой иные виды конституционного судопроизводства.

---

[1] Галяева И.С. Институт предварительного конституционного контроля законов в конституционной истории России: есть ли преемственность? // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 1. С. 164–183.

Что же касается прямых полномочий по предварительному контролю, то с течением времени позиция Конституционного Суда изменилась, и к моменту начала конституционной реформы никаких сомнений в том, что Конституционный Суд положительным образом отреагирует на новые полномочия в сфере предварительного конституционного контроля, уже не было[1]. В Заключении Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З дается оценка соответствия новых полномочий Конституционного Суда РФ и Президента РФ главам первой и второй Конституции РФ. В частности отмечается, что соответствующие изменения направлены на обеспечение верховенства и высшей юридической силы Конституции РФ, а также на разрешение возможных конституционных споров между Федеральным Собранием и Президентом РФ и тем самым на создание одного из механизмов сдержек и противовесов, что не противоречит принципу разделения властей. В специальном комментарии Закона о поправке, подготовленном одними из авторов конституционной реформы, доводы в поддержку нового института даются более развернуто. Мы обратим внимание на часть из них:

- предоставление Конституционному Суду РФ функции предварительного контроля не является вторжением Суда в законодательную деятельность и не влечет за собой нарушение принципа разделения властей, так как речь идет о конструктивном взаимодействии с законодательной властью;

- новые полномочия направлены на разрешение разногласий между Президентом РФ и Федеральным Собранием, что устраняет риск разрастания конституционного конфликта;

- предварительный контроль не следует смешивать с институтом «Президентское вето»;

[1] Шустров Д.Г. Полномочия Конституционного Суда РФ по предварительному конституционному контролю за поправками к Конституции РФ: конституционные и законодательные новеллы // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 48–59.

- в ходе проведения предварительного конституционного контроля происходит выработка критериев конституционности правовой стратегии законодателя;

- соответствующие поправки отражают преемственность в отношении советского опыта государственного строительства (упоминается Комитет конституционного надзора СССР)[1].

Нетрудно заметить, что большая часть из заявленных тезисов в поддержку нового института уже давно являются активно дискутируемыми в отечественной правовой науке. Однако наибольшее количество вопросов вызывает последний из них – большая часть ученых сходится во мнении, что до сегодняшнего дня попытки ввести внешний предварительный конституционный контроль не выглядели сколько-нибудь успешными.

Новые полномочия Конституционного Суда РФ по предварительному конституционному контролю получили свое развитие на уровне Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» (ст. 110.6–110.12). Следует отметить более подробную регламентацию процедуры предварительного конституционного контроля положений законов о поправке к Конституции РФ. Если на уровне конституционного текста речь идет о проверке конституционности проектов законов Российской Федерации о поправке к Конституции РФ по запросу Президента РФ, то в трактовке федерального конституционного закона соответствующие процедуры разделяются на относительно самостоятельные. Многие исследователи данной проблемы уже обратили внимание на тот факт, что в тексте федерального конституционного закона полномочие Президента РФ обращаться с запросом о проверке конституционности проекта закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ в части, касающейся норм, изменяющих положения Конституции РФ или определяющих порядок вступления в силу таких норм,

[1] Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: НОРМА; ИНФРА-М., 2020. С. 187–194.

обозначена не как право, а как обязанность[1], т. к. формулировка закона «президент направляет…» не дает возможности выбора и делает соответствующие действия Президента РФ обязательными. В случае с проверкой, не связанной с изменением положений Конституции РФ и порядка вступления соответствующих норм в силу, аналогичное полномочие Президента определяется как «Президент вправе направить».

Отметим, что процедура внесения поправок в Конституцию РФ, обозначенная в главе девятой, по итогам конституционной реформы 2020 года осталась без изменений – у законодателя не было возможности изменить содержание данной главы путем внесения поправок. При этом возможность обращения в Конституционный Суд РФ по поводу проверки законов о поправке также прямо не была обозначена в Конституции РФ в качестве полномочий Президента РФ, в отличие от аналогичных полномочий в отношении федеральных и федеральных конституционных законов, и опосредованно вытекает из положений ст. 125, характеризующих полномочия Конституционного Суда РФ. Учитывая изменившийся порядок принятия федеральных конституционных законов (ст. 108), можно сказать, что и сама процедура принятия конституционных поправок претерпела существенные изменения. Так, положения ст. 136 отсылают нас к положениям ст. 108 Конституции РФ. И если до конституционной реформы 2020 года никаких особых вопросов в смысле определения различий между процедурами принятия федеральных конституционных законов и законов о поправке к Конституции не наблюдалось, то сегодня они, без сомнения, появились.

Вместе с тем нельзя не заметить, что законодатель приложил значительные усилия, чтобы по возможности внести ясность в процедуры, составляющие основу нового конституционного института. Например, развивая и продолжая положения Конституции РФ, законодатель уточняет возможности

[1] Брежнев О.В. Процессуальные особенности осуществления Конституционным Судом РФ новых полномочий, связанных с предварительным нормоконтролем // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 34–38.

предварительного конституционного контроля в отношении «проектов законов» и «законов». Следует отметить, что в современной юридической науке понятие «проект закона» выступает как крайне неопределенное, и именно по этой причине законодатель четко определяет ситуацию и обстоятельства допустимости соответствующего запроса. В случае, если речь идет о проектах федеральных конституционных и федеральных законов, таковыми считаются законы, одобренные (принятые) Государственной Думой в первом или во втором чтении, но не одобренные (не принятые) в третьем чтении. Если закон уже принят (одобрен) палатами Федерального Собрания, такая процедура обозначается как «проверка законов» (ст. 110.6–110.7).

Аналогичного разделения в отношении проверки конституционности законов субъектов Российской Федерации законодателем не проводится (также по аналогии с Конституцией РФ), конституционный контроль в последнем случае возможен только по итогам окончательного принятия закона региональным парламентом, до его опубликования главой субъекта (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти). Что же касается проекта закона о поправке к Конституции РФ, то таковой именуется законодателем «проектом» во всех случаях проверки его конституционности, а специальные условия направления и допустимости запроса рассматриваются применительно к конкретной ситуации и процедуре. Исключением является проверка соблюдения порядка принятия (одобрения) закона. В этом случае речь идет именно о «законе».

В современной юридической науке можно наблюдать значительное количество исследований по обозначенной проблематике, так как тема действительно представляется актуальной. Однако, по понятным причинам, данные исследования носят в большей степени теоретический характер – институт предварительного конституционного контроля в современной России не используется.

Следует также отметить более подробную регламентацию процедуры предварительного конституционного контроля положений законов о поправке к

Конституции РФ. Если на уровне конституционного текста речь идет о проверке конституционности проектов законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации по запросу Президента РФ, то в трактовке Федерального конституционного закона соответствующие процедуры разделяются на:

- запрос о проверке на предмет соответствия Конституции РФ порядка принятия палатами Федерального Собрания РФ и рассмотрения законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации закона о поправке к Конституции;

- запрос о проверке конституционности проекта закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ в части, касающейся норм, изменяющих положения Конституции РФ или определяющих порядок вступления в силу таких норм, а также о проверке конституционности поправки к такому закону (в части указанных норм);

- запрос о проверке конституционности проекта закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ или поправки к такому закону, не изменяющие положений Конституции РФ и не определяющие порядок вступления в силу норм, изменяющих положения Конституции.

Последние две процедуры разделены нами не случайно. Многие исследователи данной проблемы уже обратили внимание на тот факт, что в тексте федерального конституционного закона полномочие Президента РФ обращаться с запросом о проверке конституционности проекта закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ в части, касающейся норм, изменяющих положения Конституции РФ или определяющих порядок вступления в силу таких норм, обозначена не как право, а как обязанность [1], так как формулировка закона «Президент направляет…» не дает возможности выбора и делает соответствующие действия Президента РФ обязательными. В случае с проверкой, не связанной с изменением положений Конституции РФ и порядка вступления соответствующих норм в силу, аналогичное полномочие Президента определяется как «Президент вправе направить».

Обратим внимание на тот факт, что в отношении процедуры внесения поправок в Конституцию РФ, обозначенной в главе девятой, по итогам конституционной реформы 2020 года формально никаких изменений не произошло, так как содержание девятой главы в процессе конституционной реформы по понятным причинам не изменялось. Также отметим, возможность обращения в Конституционный Суд РФ прямо не была обозначена в Конституции РФ в качестве полномочий Президента РФ, в отличие от аналогичных полномочий в отношении федеральных и федеральных конституционных законов, и опосредованно вытекает из положений ст. 125, характеризующих полномочия Конституционного Суда РФ.

Одновременно, учитывая изменившийся порядок принятия федеральных конституционных законов (ст. 108), можно сказать, что и сама процедура принятия конституционных поправок претерпела существенные изменения, так положения ст. 136 отсылают нас к положениям ст. 108 Конституции РФ. И если до конституционной реформы 2020 года никаких особых вопросов, в смысле определения различий между процедурами принятия федеральных конституционных законов и законов о поправке к Конституции не наблюдалось, то сегодня они без сомнения появились. В частности, вопросы вызывает соотношение формулировки ст. 108 Конституции РФ «Если Президент РФ в течение указанного срока обратится в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности федерального конституционного закона…» и обозначенных нами ранее положений федерального конституционного закона, в соответствии с которым обновленный порядок принятия закона о поправке к Конституции РФ в одном случае предполагает не право, а обязанность Президента РФ обратиться в Конституционный Суд РФ. Однако, на наш взгляд, делать вывод о том, что положения Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ», если их рассматривать как обязывающие Президента РФ обращаться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности законов о поправке к Конституции РФ не соответствуют положениям самой Конституции,

не следует. Как мы уже отметили, обращение в Конституционный Суд по поводу конституционности закона о поправке может иметь как обязательный, так и не обязательный характер. То, как сформулирована ст. 108 Конституции – «если Президент обратится…», это наглядно демонстрирует.

При этом сложно не заметить некоторую несогласованность положений обновленной Конституции РФ и продолжающих их нормативных установлений федерального конституционного закона. Небезынтересным может выглядеть предположение о том, что на момент подготовки к внесению поправок четкого понимания, как соответствующие полномочия будут реализовываться на практике, что будет выступать предметом разбирательства и др. еще не существовало. По сути, придется признать, что конституционные формулировки были не до конца проработаны. Показательно такое новое полномочие, как решение вопроса о возможности исполнения решений иностранного или международного (межгосударственного) суда, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации. Статья 104.7 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ», определяя «пределы проверки», предлагает разрешать данный вопрос с точки зрения соответствия решений надгосударственных судебных органов основам конституционного строя Российской Федерации.

Возвращаясь к новым полномочиям Конституционного Суда РФ в сфере предварительного конституционного контроля, также отметим, что, развивая и продолжая положения Конституции РФ, законодатель уточняет возможности предварительного конституционного контроля в отношении «проектов законов» и «законов». Следует отметить, что в современной юридической науке понятие «проект закона» выступает как крайне неопределенное, и именно по этой причине законодатель четко определяет ситуацию и обстоятельства допустимости соответствующего запроса. В случае, если речь идет о проектах федеральных конституционных и федеральных законов, таковыми считаются законы, одобренные (принятые) Государственной Думой в первом или во втором чтении, но не одобренные (не принятые) в третьем чтении. Если закон уже

принят (одобрен) палатами Федерального Собрания, такая процедура обозначается как «проверка законов» (ст. 110.6–110.7).

Аналогичного разделения в отношении проверки конституционности законов субъектов Российской Федерации законодателем не проводится (также по аналогии с Конституцией РФ), конституционный контроль в последнем случае возможен только по итогам окончательного принятия закона региональным парламентом, до его опубликования главой субъекта (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти). Что же касается проекта закона о поправке к Конституции РФ, то таковой именуется законодателем «проектом» во всех случаях проверки его конституционности, а специальные условия направления и допустимости запроса рассматриваются применительно к конкретной ситуации и процедуре. Исключением является проверка соблюдения порядка принятия (одобрения) закона. В этом случае речь идет именно о «законе».

Отметим также, что новая группа полномочий вызывает ряд дополнительных вопросов. Проверив федеральный закон на соответствие Конституции РФ, может ли Конституционный Суд еще раз вернуться к его проверке? Федеральный Конституционный закон «О Конституционном Суде РФ» в статье 110.12 отвечает на этот вопрос утвердительно, однако нельзя не признать справедливость скептического отношения многих авторов к реальным юридическим возможностям предварительного конституционного контроля не подписанных законов[1]. Небезынтересной также является ситуация, когда Конституционному Суду будет «предложено» проверить конституционность значительного по объему нормативного акта, например, нового кодекса производства по делам об административных правонарушениях, или же данное полномочие по умолчанию предполагает предварительный контроль законопроектов о внесении изменений в уже действующие нормативные акты. В этой связи логичен вопрос: какая объективная необходимость может быть в

[1] Велиева Д.С., Пресняков М.В. Реформа Конституционного Суда РФ 2020 года: «кто будет сторожить сторожей» // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 12–22.

соответствующей проверке закона, если это только не Закон о поправке к Конституции (на последнее обстоятельство указывали депутаты от коммунистической партии при обсуждении соответствующего законопроекта в Государственной Думе). Отметим в этой связи, что вполне понятные опасения ученых, касающиеся того, что предварительный конституционный нормоконтроль должен вытеснить «традиционный» и в конечном итоге поднять на недосягаемую высоту идею непогрешимости законодательной деятельности, на сегодняшний день не оправдываются, а сам институт предварительного нормоконтроля не используется.

Также необходимо учитывать, что формально проверка закона на конституционность по инициативе Президента привязана к ситуации, когда Президент наложил на законопроект «вето», а палаты Федерального собрания его преодолели, то ест такая проверка на конституционность позиционируется именно как последний способ «не согласиться» с мнением палат Федерального Собрания (во всяком случае, это следует из формального и буквального прочтения ст. 107 Конституции РФ). Рассмотренная ситуация касается принятия федеральных законов. Аналогичные соображения можно высказать и в отношении федеральных конституционных законов (ст. 108 Конституции), за вычетом того, что на последние «институт президентского вето» не распространяется.

Как мы уже отмечали, Конституционный Суд РФ в своей деятельности нередко занимается преодолением правовых пробелов, коллизий (хоть это прямо и не закреплено в его полномочиях) или же предлагает единственно верное истолкование законодательных положений. Следует ли Конституционному Суду реализовывать аналогичные функции на стадии предварительного нормоконтроля, если их объективная необходимость будет очевидна? Отметим, что такая «смоделированная» ситуация, по сути, уже стала реальностью. Так Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года легализовал понятие «государствообразующий народ» (ст. 68 Конституции РФ). Часть исследователей поспешило объявить о том, что категорию «русский народ»

легализовали на уровне Конституции, другие отмечали, что в Конституции закрепили не «русский народ», а все-таки «государствообразующий», без соответствующей конкретизации. Однако Конституционный Суд, проверяя закон о поправке, оперировал понятием «русский народ»[1]. Исходя из правила об обязательности интерпретации, даваемой Конституционным Судом, можно утверждать, что в Конституции действительно не только легализовали «русский народ», но и обозначили его как государствообразующий. И все это мы можем утверждать именно благодаря разъяснению, данному Конституционным Судом на стадии предварительного контроля[2].

Отдельное внимание следует уделить еще одной важной проблеме. Речь идет о том, что качество правосудия оказывает непосредственное влияние на распространение и внедрение конституционной культуры в различные сферы государственной и общественной жизни, что обеспечивается, прежде всего, реализацией принципов открытости и гласности судопроизводства, укреплением доверия к правосудию. Последнее обстоятельство обуславливает необходимость выработки и использования дополнительных механизмов реализации соответствующих принципов, усиление взаимодействия судебных органов с юридическим сообществом.

Итогом конституционного судебного разбирательства является выявление истинного смысла конституционной нормы. Актуальные требования к конституционному судебному разбирательству предполагают его открытость (за исключением особых случаев), публичность итоговых решений, а на официальном сайте размещаются сведения о поступивших обращениях, обращениях, принятых к рассмотрению, итоговые решения. Отечественный законодатель делает обязательной информацию о факте и статусе обращений, но не требует публикации текстов самих обращений. На наш взгляд, необходима публикация и текста самого обращения в Конституционный Суд РФ. В ситуации,

---

[1] Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

[2] Подробнее см.: Баринов Э.Э. Перспективы применения предварительного конституционного контроля в России // Российская юстиция. 2024. № 3. С. 9–17.

когда решения Конституционного Суда РФ воспринимаются как оказывающие огромное влияние на современный правопорядок, посредством опубликования обращений уменьшается разрыв между обществом, юридическим сообществом и судом. Безусловно, раскрытие отдельной информации о заявителе должно соответствовать критериям, выработанным на уровне Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»[1]. В обозначенном законе речь идет о требованиях к публикуемым судебным актам, но их можно распространить и на обращения в Конституционный Суд РФ. Существует риск, что раскрытие текста обращения на ранней стадии может породить некоторое давление на суд, в том числе и политическое, поэтому требуются особые мероприятия по профилактике недопущения внешнего влияния на итоговое судебное решение. С другой стороны, изначальная открытость судебной власти для общества и юридического сообщества может быть полезной в процессе реализации принципа невмешательства в осуществление правосудия.

К обозначенной нами проблеме тесно примыкает проблема использования в конституционном судопроизводстве «amicus curiae». В условиях отсутствия раннего доступа к конкретному тексту обращения институт «друзей суда» испытывает серьезные трудности (в настоящее время он вообще упразднен). Но даже в ситуации его возвращения инициативные научные заключения будут достаточно редкими ввиду отсутствия у заинтересованной стороны какой-либо информации по делу. Напомним, что в 2017 году в Регламент Конституционного Суда были внесены изменения, позволяющие легализовать инициативные научные заключения[2]. В частности отмечалось, что «научные организации, осуществляющие деятельность в сфере права, граждане, осуществляющие

[1] Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

[2] Решение Конституционного Суда РФ от 10.10.2017 «О внесении изменений в Регламент Конституционного Суда Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 6.

научную деятельность в сфере права, могут представить в Конституционный Суд инициативное научное заключение по делу, рассматриваемому Конституционным Судом». Новые положения были сформулированы достаточно осторожно. Друзья суда не получали статуса участников процесса и права на получение материалов дела, однако у научного сообщества появился особый канал взаимодействия с Конституционным Судом РФ. Между тем в 2021 году упоминание об инициативных научных заключениях из Регламента Конституционного Суда было исключено[1]. При этом в публичных комментариях акцент был сделан на том факте, что у данного института нет законодательной основы, а сам механизм мог создавать риск в том числе политического лоббизма, который идет в разрез с чисто научной деятельностью. При этом отмечалось, что авторитетные научные исследования по соответствующему делу могут быть приобщены к собственной аргументации судьи[2]. Авторы, исследовавшие данную проблему, отмечали, что положительный эффект от инициативных заключений (даже в статистическом плане) был неоспорим, при этом очень важно исходить из требований научной беспристрастности и более прозрачном использовании таких материалов[3]. На наш взгляд, рассматриваемый институт необходимо вернуть и легализовать на уровне федерального конституционного закона. При этом особенно важно максимально точно сформулировать все возможные процедурные аспекты его использования.

В продолжение темы отметим, что действующий вариант Регламента Конституционного Суда РФ допускает создание научно-консультативного совета[4]. При этом сама идея такого совета имеет достаточно долгую историю. В Законе РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» создание

---

[1] Решение Конституционного Суда РФ от 28.01.2021 «О внесении изменений в Регламент Конституционного Суда Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] URL: https://www.rbc.ru/society/04/02/2021/601b93a59a7947ef249f23d7 (дата обращения: 09.04.2026).

[3] Кряжкова О. Право быть услышанным: меморандумы amici curiae в российском Конституционном Суде // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 5. С. 87–105.

[4] Регламент Конституционного Суда Российской Федерации (принят Решением Конституционного Суда РФ от 01.03.1995 № 2-1/6) (ред. от 29.05.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

научно-консультативного совета предусматривалось. Даже сегодня такой совет действует при Верховном Суде. В соответствии со ст. 19 соответствующего закона «для подготовки научно обоснованных рекомендаций по принципиальным вопросам судебной практики при Верховном Суде Российской Федерации действует Научно-консультативный совет, состав которого утверждается Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. Организация и порядок деятельности… определяются положением о нем, утверждаемым Пленумом Верховного Суда Российской Федерации»[1]. На наш взгляд, на сегодняшний день назрела объективная необходимость полноценной институционализации и организации деятельности научно-консультативного совета при Конституционном Суде РФ. Речь, как и прежде, не идет о придании обязательного характера внешней экспертизе. Как на уровне конституционного федерального закона, так и на уровне Регламента или специального Положения можно предусмотреть характер его полномочий, не предполагающий вмешательство во внутренние процедурные и организационные процессы, а также подмену судебного органа.

В заключение отметим, что сочетание нормоконтрольных и правообразующих аспектов в деятельности Конституционного Суда РФ характеризует двуединую природу его полномочий в сфере реализации конституционной культуры. Исследование юридической природы правовых позиций Конституционного Суда РФ с использованием междисциплинарного подхода представляется одним из важнейших направлений в юридической науке, оказывающим значительное влияние на качественное изменение уровня конституционной культуры правосудия. Анализ практики конституционного правосудия наглядно демонстрирует значительное преобладание в его деятельности элементов конкретного нежели абстрактного нормоконтроля, что подтверждает актуальность использования ценностных, деятельностных и

[1] Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

социологических подходов к пониманию конституционной культуры правосудия. В свою очередь, новые полномочия Конституционного Суда по предварительному нормоконтролю (появившиеся по итогам конституционной реформы 2020 года), сделавшие его буквальным участником законотворческого процесса, принципиальным образом не повлияли на специфику его деятельности. Сама идея конституционного правосудия по своим сущностным характеристикам предполагает полноправное участие в законотворческой политике государства.

В этой связи значительный интерес вызывают цели и задачи введения соответствующего института. Официальная позиция авторов конституционной реформы известна. Предварительный конституционный контроль не противоречит базовым принципам функционирования основных демократических институтов, несет в себе богатый политико-правовой потенциал, положительно влияет на выработку критериев конституционности стратегии законодателя и предназначен, в первую очередь, для разрешения разногласий между Президентом РФ и Федеральным Собранием, что устраняет риск разрастания конституционного конфликта. Однако в условиях современной политической ситуации в России ожидать в ближайшее время соответствующих оснований для применения данного института не приходится. Кроме того, так и остались не опровергнутыми многочисленные доводы противников наделения Конституционного Суда РФ соответствующими полномочиями. Наименее дискуссионным и не вызывающим особых замечаний, в этой связи, следует признать проведение предварительного конституционного контроля в отношении законов о поправке к Конституции РФ. Вместе с тем напомним, что идея закрепления этих полномочий в первом варианте поправок не присутствовала и была реализована только в их окончательной редакции. Однако, как отмечали «авторы» конституционной реформы, у данного института есть богатый государственно-правовой потенциал. Возможно, что в современных условиях необходима разработка специального и научно обоснованного механизма использования возможностей данного института, хотя

сегодня каких-либо специальных действий в этом направлении мы не наблюдаем.

Говорить о том, что соответствующая реформа прошла максимально гладко, не следует. С одной стороны, имеет место пусть и не критическая, но все же достаточно значительная несогласованность текста Конституции РФ, как при сравнении отдельных ее положений, так и в сравнении с содержанием Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ». Кроме того, и сами положения специального закона нуждаются в уточнении, и это относительно самостоятельная тема для исследования. Отдельной проблемой представляется нежелание законодателя вносить какие-либо значимые и актуальные изменения в Федеральный закон «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации»[1]. Последние изменения вносились в данный закон в июле 2023 года, однако никаких изменений в части дополнения действующего закона актуальными на сегодняшний момент процедурами в настоящее время не наблюдается.

Анализируя наиболее традиционный для современной России способ конституционного контроля, в частности институт обращения граждан, обратим внимание на тот факт, что последний дошел до сегодняшнего дня в значительно урезанном варианте, что, однако, не мешает и сейчас оставаться жалобам граждан основным поводом для начала судебного конституционного судопроизводства. Как показала официальная статистика, количество жалоб граждан сократилось незначительным образом. С другой стороны, ситуация, когда граждане должны самостоятельно принимать решение – обязательно ли в их конкретном случае использовать все средства внутригосударственной защиты, выглядит нормативно неопределенным, особенно в свете специфики конституционного судопроизводства.

Также целесообразно внести изменения в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», закрепив создание

[1] Федеральный закон «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 10. Ст. 1146.

научно-консультативного совета при Конституционном Суде РФ по аналогии с моделью, применяемой в Верховном Суде РФ. Кроме того, необходимо на законодательном уровне предусмотреть публикацию на сайте Конституционного Суда РФ текстов принятых к рассмотрению обращений, а также легализовать правовой статус инициативных экспертных заключений (amicus curiae).

§ 4.2. Политико-правовой режим судебного обеспечения прямого действия Конституции и ее верховенства как отражение достигнутого уровня культуры правосудия

Под влиянием конституционных ценностей происходит формирование и воспроизводство конституционной культуры в обществе и государстве путем обращения к Конституции РФ как документу, обладающему значительным потенциалом не только правового, но и воспитательного, образовательного характера. Как справедливо отмечает Л.В. Бутько, «Конституция как правовой документ в системе права отличается такой особенностью, как универсальность, суть которой в том, что Конституция является общеправовым и общеотраслевым источником права, содержит положения, обязательные для любого элемента правовой системы страны и системы российского права»[1].

Адекватное восприятие конституционного текста всеми участниками конституционно-правовых отношений создает реальные предпосылки для укрепления конституционного правопорядка и конституционной законности. С другой стороны, объективные или мнимые противоречия между конституционно-правовой реальностью и основными идеями, заложенными в тексте Конституции, не только подрывают ее авторитет, но и существенно затрудняют ее реализацию. Последнее возможно как в случае реальных ухудшений в сфере защиты прав и свобод личности, а также формирования

[1] Бутько Л.В. Конституция как источник правосознания: диалектика обновления // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2017. № 17 (238). Вып. 37. С. 122.

неправовых или антидемократических практик функционирования органов публичной власти, так и в случае несколько романтизированного и идеализированного подхода к пониманию и расстановке соответствующих конституционно-правовых приоритетов в обыденном правосознании и правоприменительной практике.

Конституция РФ «имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации» (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ). В соответствии с актуальной редакцией конституционного текста, «Конституционный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющим судебную власть посредством… обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации…». Обозначение роли Конституционного Суда в деле обеспечения прямого действия Конституции подобным образом стало традиционным в отечественной науке[1]. Однако отметим, что в «оригинальном» варианте Конституции 1993 года положения о том, что Конституционный Суд обеспечивает прямое действие Конституции, отсутствовали. Соответствующие изменения в тексте Конституции не случайны. Вопрос о том, что именно представляет из себя прямое действие Конституции и какие органы судебной власти вправе решать вопрос о возможности ее прямого применения, решался в конце прошлого века в ситуации имевшего место соперничества двух высших судов – Верховного Суда РФ[2] и Конституционного Суда РФ[3]. В юридической науке конца 90-х годов прошлого века встречались откровенно негативные оценки соответствующего решения Конституционного

[1] Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Конституционное правосудие как институт обеспечения прямого действия Конституции Российской Федерации // Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: ИЗиСП; НОРМА; ИНФРА-М., 2017.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.

Суда[1], что, по мнению критиков, последний в сложившейся ситуации не должен был делать: быть судьей в собственном деле, определять границы своей власти, разграничивать компетенцию судебных органов (это функция законодателя), усиливать свои полномочия и влияние на отечественную правовую систему. Признаем, что в настоящее время такие оценки знакового решения Конституционного Суда практически невозможны. Сегодня Конституционный Суд РФ окончательно утвердился как главный орган обеспечения прямого действия Конституции, а основные проблемы обеспечения ее прямого действия сосредоточены вокруг обязательного исполнения решений Конституционного Суда РФ.

Надо сказать, что проблема исполнения решений Конституционного Суда РФ – это не только вопрос повышения эффективности правовой системы, а основа обеспечения прямого действия и верховенства Конституции РФ. Если решение Конституционного Суда не исполняется, это означает, что сама идея конституционного правосудия теряет смысл, так его основная функция – обеспечение верховенства Конституции остается нереализованной. С другой стороны, вопрос об исполнении решений Конституционного Суда и учете его правовых позиций является определяющим в контексте обеспечения доверия ко всей судебной системе в целом. Не случайно проблеме исполнения решений Конституционного Суда уделялось и уделяется такое пристальное внимание в отечественной науке[2]. Конституционный Суд, стараясь облегчить жизнь законодателю, а возможно, по причинам, указанным ранее, предпочитает

---

[1] Ершов В. В. Теоретические и практические проблемы прямого применения Конституции Российской Федерации // Российское правосудие. 2007. № 7(15). С. 12-24.

[2] Султанов А.Р. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 65–77; Евдокимов В.Б. Об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 11. С. 35–40; Балаян Э.Ю., Сычев С.С. Исполнение решений Конституционного Суда РФ по жалобам на нарушения конституционных прав и свобод граждан // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 31–33; Брежнев О.В. Нормоконтроль судов общей юрисдикции как средство исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 55–58; Дудко И.А. «Нет ничего важнее мелочей», или Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. № 1. С. 183–206; и др.

избегать ситуации признания нормы закона неконституционной и предлагает применять норму законодательства исключительно в понимании, сформулированном Конституционным Судом.

Однако даже в случаях, когда Конституционный Суд РФ прямо указывает на необходимость изменения нормы соответствующего закона, федеральный законодатель не всегда оперативно вносит необходимые изменения. В ситуации, когда норма не признается неконституционной, это представляет меньшую проблему – суды могут использовать правовую позицию Конституционного Суда напрямую. В ситуации, когда Конституционный Суд требует от законодателя принципиально нового регулирования в указанной сфере, а законодатель предпочитает никак не реагировать на прямое указание Конституционного Суда, правовая система оказывается в ситуации полного отсутствия каких-либо формально определенных ориентиров, что сказывается максимально неблагоприятным образом и на системе правоприменения.

Ситуация, когда решения Конституционного Суда РФ по обязательному регулированию отдельных вопросов не исполняются законодателем, не нова и достаточно активно обсуждается в современной юридической науке. В качестве наглядного примера можно привести действительно примечательную позицию Конституционного Суда и прокомментировать сложившуюся ситуацию.

Речь идет о Постановления Конституционного Суда[1], которое касалось выделения жилплощади детям, реабилитированные родители которых утратили жилые помещения в городе Москве в связи с репрессиями. Решение Конституционного Суда РФ хоть и было однозначным и категоричным – «федеральному законодателю надлежит… внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения», так и не было исполнено, несмотря на

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2019 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 13 Закона Российской Федерации „О реабилитации жертв политических репрессий“, пунктов 3 и 5 статьи 7, пункта 1 части 1 и части 2 статьи 8 Закона города Москвы „Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения“ в связи с жалобами граждан А.Л. Мейсснер, Е.С. Михайловой и Е.Б. Шашевой» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 51 (ч. II). Ст. 7760.

то, что проект закона, включающий необходимые изменения, был подготовлен. В этой связи группа граждан даже обратилась с коллективным административным исковым заявлением о признании незаконным бездействия Государственной Думы в Верховный Суд РФ, однако Определением судьи Верховного Суда РФ от 1 ноября 2021 года заявителям было отказано в принятии этого коллективного административного искового заявления к рассмотрению. Позднее Конституционный Суд РФ также отказал в принятии жалобы на ряд положений Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации[1], тем самым подтвердив решение судьи Верховного Суда РФ. В итоге ситуация с исполнением решения Конституционного Суда осталась неразрешенной, права и свободы граждан Российской Федерации не защищены, а все механизмы внутригосударственной защиты исчерпаны.

Надо сказать, что сам Конституционный Суд уделяет значительное информационное и научное сопровождение проблеме неисполнения своих решений федеральным законодателем. На конец 2024 года Конституционный Суд указывал на наличие 40-ка неисполненных решений, при том, что некоторым из них уже более десяти лет[2]. Однако никаких реальных рычагов воздействия на ситуацию у Конституционного Суда нет, как и у других органов публичной власти. Избегая таких радикальных предложений, как роспуск

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2022 № 3280-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Брусницыной Веры Евгеньевны, Брянского Владимира Вениаминовича и других на нарушение их конституционных прав статьей 6, пунктом 12 части первой статьи 75, частями второй и четвертой статьи 79 Федерального конституционного закона „О Конституционном Суде Российской Федерации“, пунктом 1 части 1 статьи 128 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и частью второй статьи 1 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2024 году (подготовлен Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации в соответствии с пунктом 2 § 67 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации). URL: https://www.ksrf.ru/about/Maintenance/Documents/Report_2024.pdf (дата обращения: 25.04.2025).

Государственной Думы на основании неисполнения решений Конституционного Суда РФ, предположим, что одним из способов решения данной проблемы могла бы стать более активная деятельность Конституционного Суда по всестороннему информированию органов публичной власти по вопросам, затрагивающим наиболее проблемные моменты конституционного правосудия, и возможностей реализации на практике соответствующих решений. В этой связи представляется целесообразным закрепление на законодательном уровне ежегодных аналитических материалов Конституционного Суда РФ и их обязательного рассмотрения в Государственной Думе, Совете Федерации, Министерстве юстиции РФ, а также в иных государственных органах, участвующих в законопроектной и законодательной деятельности. Надо сказать, что изначальный вариант Конституции РФ в ст. 100 предусматривал возможность совместного заседания палат Федерального собрания для заслушивания посланий Конституционного Суда РФ. При этом в Государственную Думу вносились законопроекты о придании статуса обязательного Посланию Конституционного Суда Федеральному Собранию, однако даже до рассмотрения в первом чтении они не дошли[1].

В контексте обсуждения принципа прямого действия Конституции актуальной представляется проблема оперативной реакции законодателя на изменения конституционного текста. Как показала практика, не во всех случаях федеральный законодатель проявляет необходимую оперативность. Никаких обязательных временных рамок в данной сфере в современном отечественном законодательстве не наблюдается. Даже если бы таковые и были, никакой возможности заставить федерального законодателя принять (одобрить) необходимый закон нет. Этот момент мы уже выяснили, рассматривая институт конституционной ответственности. С другой стороны, упорное нежелание законодателя оперативно реагировать на конституционные поправки позволило

[1] Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/338318-7 (дата обращения: 25.05.2025).

обнаружить правовую коллизию, разрешение которой на сегодня не представляется возможным. Здесь необходимо сделать некоторые пояснения.

Не так давно мы стали свидетелями достаточно редкого в последнее время показательного случая прямого применения Конституции РФ органами публичной власти, в обход явно противоречащего ее нормам положений отраслевого законодательства, без получения необходимой «консультации» у Конституционного Суда РФ. Надо сказать, что сама необходимость такой «консультации» современным российским законодателем никак не регламентируется. Как мы уже отметили, конституционная реформа 2020 года дала старт целому ряду изменений в законодательстве. В отдельных случаях предполагаемые изменения допускались, в других – были обязательными. Однако, как мы уже отметили, федеральный законодатель не всегда успевал делать соответствующие изменения. Показательна в этом отношении ситуация, которая сложилась вокруг изменения порядка назначения и отправления в отставку Председателя Счетной палаты. Когда в ноябре 2022 года созрела объективная необходимость отправить в отставку Председателя Счетной палаты РФ А.Л. Кудрина, оказалось, что в Федеральный закон «О Счетной палате РФ»[1] так и не были внесены необходимые изменения. Это же касалось и регламентов палат Федерального Собрания. При этом изменения в специальный закон о Счетной палате после конституционной реформы уже вносились и касались в том числе и новых требований к кандидатам на посты Председателя и заместителя Председателя Счетной палаты, однако сам порядок их назначения затронут не был.

В итоге необходимые изменения в законе были сделаны только в декабре 2022 года[2], то есть уже после того, как Председатель Счетной палаты был отправлен в отставку в обход действующих на тот момент норм специального

[1] Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О Счетной палате РФ» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.

[2] Федеральный закон от 18.12.2022 № 514-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О Счетной палате Российской Федерации“» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 51. Ст. 9061.

закона и в обход актуальных на тот момент редакций регламентов палат Федерального собрания. Совет Федерации внес соответствующие изменения в свой Регламент в декабре 2022 года[1]. Удивительно, но необходимые изменения п. «е» ч. 1 ст. 93 Регламента Государственной Думы были внесены только в апреле 2024 года[2], спустя почти четыре года после принятия соответствующих конституционных поправок.

Сама проблема внесения необходимых законодательных изменений по итогам конституционных поправок для России не нова. В свое время конституционные поправки об изменении порядка формирования Совета Федерации[3] вообще не были продублированы на уровне действовавшего тогда Федерального закона «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»[4], что на тот момент также вызвало многочисленные вопросы. Законодатель так и не внес в итоге необходимых изменений в закон, дождавшись конституционной реформы 2020 года и очередного уточнения порядка формирования Совета Федерации. В последнем случае новейшие конституционные изменения, касающиеся нового порядка формирования Совета Федерации обрели жизнь на уровне уже нового федерального закона[5], где они должным способом были уточнены и конкретизированы (так же не быстро – через полгода).

---

[1] Постановление СФ ФС РФ от 14.12.2022 № 632-СФ «О внесении изменений в Регламент Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 52. Ст. 9427.

[2] Постановление ГД ФС РФ от 02.04.2024 № 5945-8 ГД «О внесении изменений в Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 15. Ст. 2010.

[3] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4202.

[4] Федеральный закон от 03.12.2012 № 229-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6952.

[5] Федеральный закон от 22.12.2020 № 439-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8585.

Какую же правовую ситуацию мы наблюдаем в итоге? Суды не могут применять Конституцию напрямую в обход действующего законодательства и обязаны обратиться с запросом в Конституционный Суд РФ. Граждане Российской Федерации также не могут напрямую руководствоваться положениями Конституции в обход действующего законодательства. Каким именно образом граждане могут отстаивать свои нарушенные отраслевым законодательством права в Конституционном Суде, мы уже разъясняли. При этом как минимум отдельным органам публичной власти (Президент РФ, Государственная Дума, Совет Федерации) позволено при формировании других органов власти напрямую руководствоваться актуальными положениями Конституции в обход действующего законодательства. Каким-либо образом прокомментировать данную ситуацию и дать ей полноценную правовую оценку, на наш взгляд, достаточно тяжело.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соответствии Конституции сильно измененного порядка внесения поправок. Отметим, что до этого момента поправки в Конституцию вносились ни один раз в точном соответствии с положениями главы девятой. Поправки эти не носили революционного характера, и даже упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ было воспринято юридическим сообществом с пониманием, а для подавляющей части россиян осталось незамеченным. Изменение сроков полномочий Президента РФ и Государственной Думы РФ, как и уточнение порядка формирования Совета Федерации также не вызывало какого-либо ажиотажа, как и решение привести наименование главы седьмой Конституции в соответствие с ее содержанием.

Однако вокруг «обновленного» в ходе конституционной реформы 2020 года механизма внесения конституционных поправок сложилась оригинальная ситуация. Напомним, что глава девятая Конституции РФ не содержит таких стадий внесения поправок, как «дача Конституционным судом заключения по запросу Президента» и «общероссийское голосование по поправкам». Однако в ходе конституционной реформы 2020 года эти стадии были использованы, а полномочия Конституционного Суда РФ по предварительному нормоконтролю,

в части проверки Закона о поправке, были юридически закреплены как на уровне Конституции РФ, так и на уровне Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ». Однако ситуация далека от окончательного разрешения. Существующий на сегодняшний день Федеральный закон от 04.03.1998 № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» по итогам конституционной реформы 2020 года обогатился только одной законодательной новеллой: «члены Совета Федерации» были заменены на «Сенаторов». Во всем остальном он остался без изменений. Не получили свое закрепления в его тексте новые полномочия Президента РФ и Конституционного Суда РФ в сфере предварительного конституционного контроля, а использовавшаяся в ходе конституционной реформы 2020 года процедура общероссийского голосования вообще не прозвучала на уровне отраслевого российского законодательства.

Напомним, что, используя принципиально новую процедуру «общероссийского голосования» по поправкам, законодатель заранее отказался от уже ранее обозначенной на уровне Федерального конституционного закона от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» процедуры «всенародного голосования». Видимо, основная цель, которая преследовалась в данном случае – провести четкое разделение между голосованием по проекту новой Конституции РФ (референдум – всенародное голосование) и голосованием по поправкам (общероссийское голосование). Однако на выходе мы получили принципиально новую процедуру, которая так и не была закреплена на уровне какого-либо закона, кроме непосредственно Закона о поправке 2020 года, который предполагал исключительно разовый характер его использования, так что формально процедуры общероссийского голосования в правом пространстве России так и не появилось. На наш взгляд, тот факт, что конституционный законодатель не видит причин, которые не позволяли бы расширять и обогащать процедуру принятия конституционных поправок даже в ходе отдельно взятой конституционной реформы, объективно предполагает

обозначение новых конституционных процедур механизма внесения поправок на уровне специального закона. Однако законодатель этого делать не стал.

Кроме того, нельзя не согласиться с авторами, которые анализируя многоступенчатый порядок вступления в силу Закона о поправке и самих конституционных поправок, отмечают, что «законодатели исходили из безусловного одобрения поправок большинством участников общероссийского голосования, то есть был спрогнозирован определенный результат данной процедуры. А вот был ли разработан правовой механизм, позволяющий конституционно легитимно дезавуировать принятый в полном соответствии со ст. 136 Конституции РФ и одобренный всеми региональными парламентами Закон о поправке, сегодня можно только предполагать»[1].

Таким образом, конституционная реформа 2020 оставила много вопросов не только в части активных дискуссий о дальнейших политических путях развития России, но и вопросов, непосредственно касающихся самой процедуры внесения поправок в конституционный текст. Основной вопрос –насколько целесообразно вводить новый (уточненный) порядок изменения конституционного текста тем же правовым актом, который содержит и сами поправки, оставляя его по сути актом разового использования (как минимум в части общероссийского голосования), тогда как «уточненный порядок» в текст Конституции РФ инкорпорировать было технически возможно, путем внесения поправок в главу пятую, так как именно к ней отсылает глава девятая.

Оценивая ситуацию с усложнением процедуры внесения конституционных поправок, Конституционный Суд в своем Заключении коснулся обеих новых «стадий». В отношении полномочий Конституционного Суда по запросу Президента РФ давать соответствующее заключение было отмечено, что последнее «установлено в надлежащей нормативной форме» (на тот момент таких полномочий Президента и Конституционного Суда еще не

[1] Курячая М.М. Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации в системе институтов непосредственной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 18–22.

было (закреплено в Конституции). Что же касается ситуации, когда конституционные поправки вступают в силу после их одобрения на общероссийском голосовании, то Конституционный Суд не стал оценивать «согласованность такого требования с положениями Федерального закона «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации», принятого в развитие статьи 136 Конституции Российской Федерации». При этом Конституционный Суд подчеркнул, что «вступившие в силу положения Закона о поправке – применительно к регулированию процедуры последующего вступления в силу других его положений – имеют приоритет перед названным Федеральным законом как содержащиеся в специальном и более новом правовом акте, притом обладающем большей юридической силой… Общероссийское голосование… не заменяет собой осуществления прерогативы Федерального Собрания и органов законодательной власти субъектов Российской Федерации… конституционный законодатель, руководствуясь принципом народовластия, в целях конституционной легитимации своего решения был вправе обратиться к общероссийскому голосованию, прямо не предусмотренному действующим правовым регулированием для принятия конституционной поправки»[1].

Однако один из наиболее интересных, по нашему мнению, вопросов так и остался открытым – не ставит ли «новый единоразовый порядок» в некоторое ущербное положение ранее принятые поправки, на наш взгляд, не менее важные для политико-правовой жизни государства и общества (сроки полномочий высших органов государственной власти, упразднение Высшего Арбитражного Суда и др.). Что будет, если появится необходимость в редакции конституционных положений, введенных поправками 2020 г., – насколько

[1] Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти“, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

легитимным будет изменение «нового» текста Конституции (в части принятых в 2020 году поправок) без обязательной предварительной проверки на конституционность и проведения общероссийского голосования. В этой связи, правда, можно вспомнить о том, что в Конституцию РФ, принятую на всенародном голосовании, по умолчанию предполагалось вносить поправки без участия населения.

Вопрос об обеспечении прямого действия Конституции можно рассмотреть и в отношении конституций (уставов) субъектов Российской Федерации. Невнесение в судебную систему конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (ч. 3 ст. 18 Конституции РФ) повлекло за собой и законодательное упразднение данного института на территории России («до 1 января 2023 года конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации упраздняются»… Субъекты Российской Федерации вправе принять решение о создании конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации)[1]. Таким образом, реформируя текст Конституции, законодатель заранее имел относительно четкий и ясный план последующих конституционно-правовых преобразований в данной сфере.

Надо сказать, что институт региональной конституционной юстиции за все время своего существования вызывал со стороны научного сообщества как критику, так и частые положительные отзывы. В частности, обращалось внимание на ощутимый положительный эффект в процессе реализации местного самоуправления[2], защиты избирательных прав[3] и др. Одновременно как на одну из важных, в юридическом смысле, причин ликвидации соответствующих судов

---

[1] Федеральный конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (ч. I). Ст. 8029.

[2] Демидов В.Н. Роль конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в осуществлении контроля за нормотворческой деятельностью органов местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 57–61.

[3] Тлехатук А.К., Дзыбова С.Г. Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации в системе средств защиты избирательных прав граждан // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 8. С. 56–60.

указывалось на пересечение их компетенции и компетенции судов общей юрисдикции[1].

Обобщая научные изыскания по данной проблеме, позволим себе указать на утвердившиеся в юридической литературе положительные и отрицательные характеристики данного института. В качестве положительных выделяют: дополнительный уровень защиты прав и свобод граждан, реализацию принципа федерализма на уровне судебной системы, оперативный контроль за региональным законодательством, развитие и совершенствование правовой системы субъекта силами региона, защита прав местного самоуправления и др. В качестве недостатков в функционировании данного института выделяли следующие: изначальная непродуманность модели региональной юстиции (отсутствие единой федеральной концепции), неопределенность статуса в судебной системе России, диспозитивность в создании специальных органов, слабая востребованность данного института (одна из наиболее частых претензий, обусловленная малым количеством дел и решений, а иногда фактическим отсутствием всякой деятельности), высокая стоимость содержания соответствующих органов при низкой эффективности, дублирование компетенции, отсутствие институциональной устойчивости (в том числе, легкость ликвидации), зависимость от региональных властей и др.

Можно предположить, что институт региональной конституционной юстиции представлял собой потенциально значимый, но институционально слабый, должным образом не поработанный и противоречивый элемент отечественной судебной системы, который сочетал в себе высокий правозащитный Законодательно оформленная, пусть и не обязательная, рекомендация – создавать региональные конституционные (уставные) советы, привела к появлению новых механизмов обеспечения конституционной законности. Стоит отметить, что очень незначительная часть регионов на

[1] Митусова И.А. Пересечение компетенции судов общей юрисдикции и конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации как причина упразднения последних // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 2. С. 28–30.

сегодняшний день успела реализовать соответствующие рекомендации законодателя. Однако количество научных работ, посвященных новому институту конституционного контроля, уже сегодня представляется значительным[1], что говорит об актуальности проблемы и ее важности для конституционно-правового развития России.

На наш взгляд, диспозитивность нормы о создании конституционных (уставных) судов субъектов, как и слабая проработка соответствующего механизма на федеральном уровне, в частности соотношение их компетенции с иными органами судебной власти, выступили одним из главных дефектов прежней модели конституционного регионального контроля. Собственно, сам выбор формы – контроль, а не надзор, было одним из самых непроработанных моментов данного института. При этом новый институт при создании определенных условий для его функционирования может стать эффективным способом обеспечения конституционной законности на региональном уровне и, как следствие, значительным образом повлиять на эффективность механизмов зашиты прав и свобод, оптимизации характера взаимоотношений органов публичной власти субъекта и местного самоуправления. Диспозитивный характер создания органов региональной конституционной юстиции нарушал единство правового пространства России. Придание новому институту конституционного надзора характера обязательного устранит имевшую место асимметрию и снимет целый ряд проблем, характерных для функционирования ушедшего в историю института регионального конституционного контроля.

В пользу не только обязательности, но и необходимости нового института для всех субъектов Российской Федерации, можно привести следующие доводы.

---

[1] Брежнев О.В. Проблемы организации и компетенции конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации (на примере республик Адыгея, Саха (Якутия), Башкортостан) // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4 (149). С. 21–30; Галяева И.С. Предварительный конституционный надзор за региональным законодательством как полномочие конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации: причины появления и проблемы регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 8. С. 40–48; Кряжков В.А., Брежнев О.В. Преемственность и новизна в организации и деятельности конституционных советов республик в составе Российской Федерации // Государство и право. 2025. № 10. С. 108–117.

Региональное законодательство динамично развивается, что предполагает оперативный и системный надзор за его качеством. Именно конституционные советы могут выполнять мониторинг региональных и местных нормативных актов, вовремя выявлять их несоответствие региональной Конституции (уставу) и, в целом, позволять реагировать до возникновения конкретных судебных споров, тем самым снижая нагрузку на суды. Институт регионального надзора может эффективно проявлять себя как предварительный, текущий и последующий надзор. Региональные советы не ограничены в формах деятельности, могут осуществлять надзор, консультирование, проводить правовую экспертизу, мониторинг законодательства и др. Повсеместное введение данного института позволит актуализировать механизм защиты региональных конституций (уставов).

В заключение отметим следующее. Юридическая конструкция обеспечения прямого действия и верховенства Конституции РФ представляет собой особый политико-правовой режим, в рамках которого реализация конституционных норм, принципов и идей выступает высшей формой оценки сложившейся системы правотворчества и правоприменения. При этом ключевой особенностью данной модели выступает решающая роль Конституционного Суда РФ как главного толкователя и интерпретатора современной российской Конституции. В его решениях формируются нормативные конституционные стандарты и ценностные ориентиры для всей правовой системы. Именно он наделен полномочиями окончательно разрешать вопросы конституционности нормативных актов. Посредством правовых позиций Конституционного Суда РФ реализуется механизм прямого действия Конституции в строгом юридико-институциональном смысле.

Необходимость обеспечения прямого действия и верховенства Конституции РФ, в том числе в контексте преодоления проблем, связанных с исполнением решений Конституционного Суда РФ, актуализирует необходимость учреждения и законодательного оформления специальных конституционно-правовых механизмов. В диссертации обосновывается

необходимость учреждения института обязательных ежегодных аналитических материалов Конституционного Суда РФ (с обозначением органов публичной власти для рассмотрения в которых они предназначены), с включением в структуру таких материалов раздела, посвященного практике исполнения решений Конституционного Суда РФ.

В рамках анализа проблемы учреждения региональных механизмов обеспечения конституционной законности целесообразным представляется закрепление на законодательном уровне обязанности субъектов Российской Федерации сформировать региональные органы конституционного надзора с установлением рамочных требований к их компетенции.

§ 4.3. Культура правосудия как интегральное отражение конституционной идентичности России

Конституционная культура правосудия как явление, охватывающее различные стороны конституционно-правовой жизни общества, закономерно предполагает исследование феномена конституционной идентичности. Соотношение базовых конституционно-правовых принципов и сложившейся системы национальных ценностей характеризует современное состояние российского конституционализма, а также возможные направления его дальнейшего развития. Рассмотрение механизма защиты национальных ценностей посредством обращения к феномену конституционной идентичности происходит в контексте соотнесения реально формирующейся системы конституционно-правых отношений с базовыми принципами, заложенными в Конституции, и активными общемировыми процессами правовой глобализации. Как справедливо отмечает председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, «проблема национальной конституционной идентичности привлекает внимание специалистов прежде всего в контексте двух актуальных для последнего времени тенденций: 1) возрождения и распространения популистской идеологии, охватившей современные развитые общества по всему

миру, и 2) противоречия между национальными и наднациональными судебными системами, все более заметного в разных регионах мира»[1]. Как показала современная жизнь, к механизмам унификации ценностей межгосударственного характера нужно подходить с известной степенью осторожности.

Традиционно именно Конституция признается нормативным правовым актом, аккумулирующим идеи конституционной идентичности, сложившиеся на конкретный момент времени в обществе и государстве. Как правило, связь государственно-правовых национальных ценностей и Конституции рассматривается в двух аспектах. С одной стороны, заключенные в Конституции социальные ценности рассматриваются в контексте «общедемократического опыта и национально-исторической практики… фундаментальных целей и норм развития, наиболее целесообразных форм общественного и государственного устройства». С другой стороны, с момента конституционной формализации соответствующей системы социально-правовых ценностей «фактические аксиологические конституционные отношения… не могут развиваться иначе как посредством коррелирующего взаимодействия с формально закрепленными правилами и нормами»[2].

Не секрет, что значительная часть мирового сообщества движется по пути универсализации государственно-правовых ценностей. Однако общемировые процессы универсализации и унификации государственно-правовых ценностей имеют свои естественные и объективно обусловленные пределы. В качестве таковых, как правило, рассматриваются историческая память, национальная идентичность, социальный и религиозный менталитет, устройство личной жизни и социальной, духовной, экономической и государственно-правовой

[1] Зорькин В.Д. Конституционная доктрина России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4 (58). С. 12.

[2] Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6. С. 1–11.

жизнедеятельности и др[1]. Конституция РФ, по степени своей «универсализации» в свое время оставившая далеко позади конституции многих демократических государств, выступила не как средство фиксации объективно сложившихся государственно-правовых реалий, а как желаемый государственно-правовой ориентир для дальнейшего развития. Заимствование типичных для европейских демократических государств механизмов организации и функционирования системы публичной власти натолкнулось на частичную неготовность населения почувствовать себя полноправным участником политической жизни. Обновление «идейных оснований государственного права», которое во всех случаях протекает значительно дольше и сложнее[2], в конечном итоге не привело к образованию нового типа конституционной культуры. Повсеместное распространение идей конституционно-правового нигилизма наглядно об этом свидетельствует. Даже сегодня, когда Российское государство предпринимает все большие и большие шаги на пути отстаивания конституционной идентичности и нивелирования отдельных излишне либеральных положений оригинального варианта Конституции, побороть соответствующие негативные тенденции в обыденном сознании россиян достаточно сложно. В свое время принципиально новый набор конституционных ценностей молодого Российского государства, изначально предназначавшийся для замены «морально устаревших» идеологических, нравственных и государственно-правовых стратегических ориентиров бывшего СССР, создавался в условиях острого политического противостояния ветвей власти и частичной политически обусловленной недооценки национальных особенностей объективно сложившегося правового менталитета россиян. Сегодня мы наблюдаем последствия кризиса в системе конституционно-правовых отношений. Современный российский конституционализм все еще находится в ситуации выбора оптимального актуального пути развития. Анализ

[1] Невинский В.В. Сущность и универсализация конституционных ценностей в современном обществе // Lex russica. 2018. № 11. С. 106–121.

[2] Арановский К.В. Конституционная традиция и ее распространение в российском обществе: дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 12.

современного состояния конституционно-правовой культуры российского общества должен выступить основополагающим условием для стабилизации конституционно-правового пространства современной России.

При этом состояние отечественной конституционной культуры определяется именно системой национальных конституционных ценностей. Эта система не лишена какого-либо влияния извне, в частности влияния так называемых универсальных и общечеловеческих ценностей, но именно доктрина конституционной идентичности «может служить тем „водоразделом“, который потенциально способен отделить приемлемые и подчас желанные изменения внутреннего конституционного правопорядка, инспирированные, например, наднациональным органом по защите прав человека, от тех принципов, которыми государства, признавшие обязательную юрисдикцию подобных органов, поступиться не могут»[1]. Традиционным для отечественной науки было утверждение о том, что уязвимость доктрины конституционной идентичности в современной России – отсутствие своего прямого конституционного текстуального оформления[2]. Несмотря на видимые старания современного Российского государства каким-то образом исправить данную ситуацию, обозначенная проблема все еще остается актуальной.

Нельзя не заметить, что долгое время балансировавшее между «национальным» и «универсальным» современное Российское государство сегодня активно обращается к традиционным консервативным национальным ценностям уже не только на уровне политической риторики, но и на уровне конституционно-правового законодательства и правоприменительной практики. Одна из причин – отсутствие авторитета универсальных ценностей среди большей части рядовых россиян, другая – имеющие место проблемы социально-экономического, политического и, в первую очередь, идеолого-ценностного характера, существенным образом затрудняющие полноценное

[1] Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2019. С. 278.

[2] Должиков А.В. Общие принципы права в эпоху конституционной идентичности (ч. 1) // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 6 (72). С. 2.

функционирование основных институтов публичной власти и гражданского общества в современной России.

Идея обеспечения конституционной идентичности требует обсуждения вопросов, выходящих далеко за рамки ее общетеоретического представления. «Соответствующая тема требует обращения не только к базовым идеям, лежащим в основе идентификации явлений в праве на момент их появления, но и к вопросу о наделении их новыми смыслами… Этим обосновывается внимание к такой стороне темы правовой идентичности, как толкование права, правообразование… Проблема правовой идентичности в практическом отношении часто проявляется через постановку вопроса о конституционной идентичности или, иными словами, об освоении конституционных основ, начал права и его ценностно-смысловых аспектов. Прежде всего, это связано со значением для права, правопорядка его основного источника – Конституции и естественным стремлением с учетом системообразующей роли данного акта в правовом развитии содействовать его конкретному воплощению, обеспечению в современных условиях, во многом довольно далеких от обстоятельств (социально-экономических, политических и правовых), в связи с которыми принимался соответствующий акт»[1].

Обозначенная ситуация не могла остаться вне сферы внимания современной юридической науки. Оставляя за скобками (но не принижая их важности) многочисленные работы по теории государства и права, философии права, сравнительному правоведению, политологии и др., отметим, что наиболее важным направлением по изучению соответствующей проблематики в рамках конституционного права стала конституционная аксиология. В отличие от общетеоретического понимания всего блока сопутствующих проблем, именно конституционная аксиология предложила реальные конституционно-правовые механизмы противодействия правовой глобализации и нивелированию

[1] Грачева С.А. Развитие концепта конституционной идентичности в связи с поиском подходов к разрешению конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 53.

национальных особенностей государственно-правовых систем. В рамках конституционной аксиологии были предложены основные подходы к пониманию системы конституционных ценностей, их иерархии и нормативно-правому обеспечению, как на уровне правотворчества, так и на уровне судебного конституционного производства.

Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. – пример первого буквального использования Конституционным Судом термина «конституционная идентичность»[1]. Однако особые методологические подходы для решения соответствующих вопросов были выработаны задолго до этого. На сегодняшний день имеется значительное количество решений Конституционного Суда, затрагивающих вопросы конституционной идентичности. В качестве наиболее актуальных в данном плане представляются правовые позиции Конституционного Суда по вопросам о возможности создания политических объединений по религиозному признаку[2], равнозначности традиционных и нетрадиционных отношений в контексте запрета пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних[3], о праве

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона „О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней“, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона „О международных договорах Российской Федерации“, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2004 № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона „О политических партиях“ в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации „Православная партия России“ и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 51. Ст. 5260.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 40 (ч. III). Ст. 5489.

военнослужащего-мужчины на отпуск по уходу за ребенком[1], об избирательных правах осужденных[2]. Отдельного внимания и анализа заслуживает, по сути, «программный документ», характеризующий новые подходы государства к обеспечению идей конституционной идентичности – Заключение о проверке на соответствие главам 1 и 2 Конституции не вступивших в силу положений Закона РФ о поправке к Конституции[3]. Одновременно отметим, что на сегодняшний день ценность государства, напрямую не заявленная ни в качестве конституционной ценности, ни в качестве традиционной ценности, тем или иным способом отстаивается в правовых позициях Конституционного Суда РФ[4].

Вопрос самостоятельной ценности государства конкретизируется на уровне проблемы конституционной безопасности. Прямым продолжением и развитием идеи конституционной безопасности является концепция конституционного суверенитета. В свою очередь, конституционный суверенитет выступает основным условием обеспечения конституционной идентичности, означающей результат реализации признанной и принятой обществом конституционной модели, которая соответствует особенностям национальной

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона „О государственных пособиях гражданам, имеющим детей“, статей 10 и 11 Федерального закона „О статусе военнослужащих“, статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу „Анчугов и Гладков против России“ в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.

[3] Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти“, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 17 марта.

[4] Подробнее см.: Баринов Э.Э. Деуниверсализация конституционной идентичности и новый евразийский цивилизационный проект: в поисках баланса между интеграцией и уважением национально-культурных традиций // Вестник Российско-Армянского университета (Серия: Гуманитарные и общественные науки). 2022. № 2 (41). С. 44–57.

конституционной культуры. В основе обеспечения конституционного суверенитета лежат политические и правовые отношения, складывающиеся на территории Российского государства, в их единстве и системной взаимосвязи[1].

Защита конституционного суверенитета предполагает баланс национальных и наднациональных ценностей в правовой системе России, а также конституционно-правовой баланс частных и публичных интересов. Одновременно, обеспечение конституционного суверенитета выступает основой и для формирования конституционного правопорядка. Традиционная консервативная модель обеспечения конституционного суверенитета предполагает реализацию идеи конституционной идентичности, которая затрагивает следующие проблемные вопросы современной российской политической действительности.

1. Сочетание идеи прав и свобод человека с традициями российской конституционной культуры. Последнее время в России справедливо подвергается сомнению формула «чем свободнее человек – тем сильнее государство». Ей противопоставляется тезис о том, что сильное государство может обеспечить необходимый уровень свободы. В свое время попытка перехода от одной социально-политической модели взаимоотношений государства, общества и личности к более либеральной не увенчалась сколько-нибудь значительным успехом. Патерналистские настроения в российском обществе, как и персонификация власти в лице ее носителя, остаются базовой чертой отечественного политического сознания.

2. Соотношение индивидуализма и коллективизма, сочетание идей равенства и справедливости, которые только на первый взгляд комфортно уживаются друг с другом. На деле оказывается, что современное отечественное правовое пространство может гарантировать лишь равноправие (формально-

[1] Подробнее см.: Баринов, Э. Э. Обеспечение безопасности и охрана суверенитета в контексте сохранения конституционной идентичности России // Проблемы права. 2020. № 2(76). С. 23-29.

юридическое равенство), что в определенных случаях вступает в противоречие с идеями равенства и социальной справедливости.

3. Баланс национальных и культурных ценностей в системе обеспечения прав и свобод личности. Речь идет о защите правовой системы государства с точки зрения особенностей ее индивидуальных политических и социокультурных характеристик. Сложность в достижении такого баланса основывается, в том числе, и на порой отличающихся идеологических, политических и мировоззренческих установках, как у различных поколений российских граждан, так и у различных народов, населяющих ее территорию.

В систему обеспечения конституционного суверенитета и реализации идеи конституционной идентичности входят: конституционное законодательство; основанная на реализации конституционно-правовых норм система государственных и общественных институтов; специальные органы, обеспечивающие защиту конституционного суверенитета, в частности органы конституционной юстиции; государственная и общественно-политическая практика; профилактика и предупреждение конституционных угроз; своевременная модернизация конституционно-правового законодательства др. На публично-правовом уровне механизм обеспечения конституционного суверенитета представлен специальными органами, обладающими необходимой компетенцией в сфере реализации государственных интересов по противодействию внутренним и внешним угрозам конституционной безопасности. Особое место в механизме обеспечения конституционного суверенитета, сохранения конституционной идентичности, защите конституционного пространства принадлежит Конституционному Суду РФ, который выступает в качестве главного, а в отдельных случаях, и единственного регулятора условной иерархии конституционных ценностей в сфере обеспечения национальной правовой идентичности России, разрешая коллизии национальных и наднациональных интересов, обеспечивая выявление истинного смысла действующего права.

Особого внимания в контексте изучения проблем конституционной идентичности заслуживает проблема конфессионально-этнического состава населения России. В этой связи обращение к метаюридическим аспектам системы конституционных ценностей требует особой осторожности и обязательного учета соображений политической целесообразности. Высокий удельный вес величин морально-нравственного характера, характеризующих, как это принято говорить, особый генетический код россиян, не исключает неоднородности социокультурного пространства.

Вопросы сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры и др. решаются в Российской Федерации также на уровне реализации института культурной автономии, которые не редко выступают предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ, в том числе с учетом этнического фактора[1]. Значительное количество решений Конституционного Суда РФ касается взаимоотношений светской власти и религиозных организаций[2]. Отдельная сфера конституционно-судебной практики – решение вопросов о правомерности ограничений свободы совести и свободы вероисповедания в России[3].

В этой связи отметим, что некоторые существенные различия межконфессионального характера в правовом сознании россиян видны невооруженным взглядом. Например, брачно-семейные отношения – в

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 03.03.2004 № 5-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 5 Федерального закона „О национально-культурной автономии“ в связи с жалобой граждан А.Х. Дитца и О.А. Шумахер» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 11. Ст. 1033.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2020 № 47-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 2 Федерального закона „О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности“ в связи с жалобой местной религиозной организации „Община Православной Церкви Божией Матери Державная города Твери“» // Собрание законодательства РФ 2020. № 48. Ст. 7837.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 03.11.2020 № 45-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и пункта 8 статьи 8 Федерального закона „О свободе совести и о религиозных объединениях“ в связи с жалобой религиозной организации Церковь христиан веры евангельской (пятидесятников) „Слово жизни“ Долгопрудный» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 46. Ст. 7378.

информационном пространстве периодически озвучиваются попытки легализовать многоженство на территории Российской Федерации (последствия рассмотрения такого дела в суде, если такое случится, представить достаточно сложно, особенно в контексте использования идеи защиты традиционных ценностей). Кроме того, как всегда, остро стоит проблема соотнесения интересов различных возрастных и социальных групп. В этой связи актуализируются вопросы пенсионного обеспечения, также нередко становящиеся предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ[1]. Напомним, что по итогам конституционной реформы 2020 года русский язык был официально оформлен как язык государствообразующего народа, однако Конституционный Суд РФ пошел еще дальше и в своем Заключении назвал государствообразующий народ «русским»[2] (последний раз категория «русский народ» упоминалась в Конституции РСФСР 1978 г.), что также вызывало значительное количество дискуссий. В таких потенциально конфликтогенных условиях на представителей публичной власти всех уровней и, в частности, органы судебной власти, возлагается особая задача по аккумуляции консолидированной воли представителей различных поколений, национальностей и конфессий, представителей различных политических и идеологических блоков.

Особого учета требуют конституционные ценности, отвечающие за базовые основы российской государственности, которые на уровне конституционного текста и в теории конституционного права получили обозначение в виде основ конституционного строя. Последние также требуют своей коррекции, в том числе в процессе последующих этапов конституционно-

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона „О страховых пенсиях“ в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 7. Ст. 694.

[2] Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти“, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

правовых реформ в России. Речь идет о том, что современная российская Конституция так и не смогла выполнить свою базовую функцию – консолидировать общество на основе принципиально новой системы государственно-правовых ценностей. Рассмотрение Конституции в контексте идеи общественного договора также не встречает энтузиазма – формально-юридические содержательные характеристики Основного Закона на уровне обыденного понимания выглядят достаточно неоднозначно. Возможно, значительной части проблем можно было бы избежать, в свое время пойдя по пути создания не «общедемократической» и «универсальной», а национально-ориентированной Конституции, в которой национально-культурный аспект был выражен в значительно большей степени. Однако история, в том числе конституционно-правовая, не знает сослагательного наклонения.

Конституционная реформа 2020 года в качестве одной из своих задач заявляла защиту традиционных национальных ценностей. Однако, как мы помним, решения о пересмотре системообразующих и центральных глав Конституции РФ принято не было, и именно по этой причине реальные возможности законодателя радикальным образом переформатировать систему национально-государственных ценностей и обратить их лицом к населению России были существенным образом ограничены. Таким образом, на сегодняшний день Конституция России все еще представляет яркий образец достаточно унифицированного и универсализированного подхода, национальная ориентированность которого все еще вызывает вопросы. Вне всякого сомнения, обозначенные проблемы достаточно успешно преодолеваются на уровне системы конституционного судопроизводства и национального законодательства, однако часть проблем этим не снимутся.

Решение «не трогать» в ходе конституционной реформы Преамбулу и главы 1, 2 и 9 не только не самым лучшим образом отразилось на логике, структуре и содержании третьей главы Конституции, но и существенным образом снизило значимость, конституционный потенциал и конституционную ценность вносимых в третью главу поправок. Ведь, как справедливо отмечает в

своей работе профессор Н.С. Бондарь, Преамбула, первая и вторая главы Конституции – это «нормативно-правовой генератор конституционного духа, с помощью которого можно проникать в глубинное содержание всех других ее статей, обнаруживать их сакральные свойства»[1].

Достаточно много вопросов вызывает и сама целесообразность активной редакции главы третьей Основного Закона, посвященной федеративному устройству, которая по итогам конституционной реформы включила в себя значительное количество положений, больше соответствующих содержанию Преамбулы, а также первой и второй глав Конституции РФ. Аналогичные соображения касаются и снижения ценности Преамбулы Основного Закона, положения которой, по сути, были развиты на уровне главы третьей, хотя по логике должны были оказаться именно в тексте Преамбулы. На соответствующие особенности данного блока конституционных поправок уже обратили внимание исследователи[2]. Особо показательными в этой связи являются положения ч. 2. ст. 67.1. Отметим, что попытки унифицировать порядок внесения поправок в главы с третьей по восьмую и порядок изменения содержания Преамбулы предпринимались в 2015 году, однако соответствующая законодательная инициатива не дошла даже до стадии первого чтения. В соответствии со сложившимися на сегодняшний день научными представлениями, касающимися возможного изменения текста Преамбулы, такие изменения возможны только в порядке пересмотра Конституции или принятия новой.

Для решения поставленных задач законодатель не во всех случаях использовал соответствующий технический инструментарий. Так, положения о вере в Бога соседствуют с положениями о том, что Россия – правопреемница СССР, что в контексте известного отношения советской власти к религии и

---

[1] Бондарь Н.С. Гармонизация юридических и нравственно-этических начал Конституции: практика конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 1 (61). С. 13.

[2] Коновалов А.М. Обзор некоторых поправок к Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 3. С. 40–44.

верующим выглядит не вполне корректно. В свою очередь, попытка конституционализировать понятие брака, закрепленное в Семейном кодексе РФ, лишь продемонстрировала невозможность решения отдельных проблем законодательного регулирования в соответствующей сфере без изменений текста первой и второй главы Основного Закона. В итоге центральное для семейного права понятие брака закреплено в ст. 72 Конституции РФ, касающейся совместных предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов, что уже заключает в себе некоторую двусмысленность. Кроме того, прямого и категорического запрета, на, например, «однополые партнерства» (широко распространенные в других странах) или другие аналогичные юридические конструкции в Конституции нет, что открывает возможности для развития данной «темы» на уровне отраслевого законодательства, а это сутью конституционной поправки, как нам видится, не предусматривалось.

Анализ механизмов защиты национальных духовно-нравственных ценностей (этой проблеме уже было уделено достаточное внимание в настоящей работе), в частности обращение к «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400) и ряду продолжающих и развивающих ее документов стратегического планирования, демонстрирует имеющиеся внутренние противоречия в сложившейся на сегодняшний день системе традиционных ценностей, элементы нормативной неопределенности. Анализ соответствующего законодательства и судебной практики также демонстрирует тот факт, что полноценный механизм защиты традиционных ценностей на сегодняшний день все еще не сформировался, что требует значительных усилий государства в данной сфере и актуализирует особое значение конституционной культуры правосудия для решения поставленных задач. Именно на суды возлагается основная обязанность преодолевать значительные пробелы, коллизии и неоправданности в процессе защиты духовно-нравственных ценностей в рамках реализации идеи конституционной идентичности.

В целом складывается ощущение, что единого ценностного представления о том, как должна выглядеть юридическая модель современной российской конституционно-правовой идентичности, у современной политической элиты все еще нет. Еще раз обратимся к показательному в этом отношении вопросу о моратории на применение смертной казни в России, в контексте особенностей его юридического оформления. В свое время Указ Президента РФ от 16.05.1996 № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в совет Европы»[1] получился весьма двусмысленным. С одной стороны, Правительству РФ ставилась задача в месячный срок подготовить для внесения в Государственную Думу проект федерального закона о присоединении Российской Федерации к Протоколу № 6 от 22 ноября 1984 г. к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. С другой стороны, палатам Федерального Собрания рекомендовалось обсудить при рассмотрении проекта нового Уголовного кодекса вопрос о сокращении составов преступлений, за совершение которых может быть назначена смертная казнь. Подчеркнем, не полностью исключить смертную казнь из видов наказания, а лишь сократить количество составов преступлений, за которые она назначается. За последующие почти уже тридцать лет отечественный законодатель так и не взял на себя ответственность за полную отмену смертной казни в России, по сути, переложив ее на Конституционный Суд РФ, которому пришлось и вводить[2], и продлевать[3] мораторий на ее применение. Сегодня, когда Россия

---

[1] Указ Президента РФ от 16.05.1996 № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в совет Европы» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 21. Ст. 2468.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года „О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судоустройстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях“ в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 6. Ст. 867.

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и

окончательно разорвала свои отношения с Советом Европы и денонсировала весь блок соответствующих документов[1], вопрос о ратификации шестого дополнительного протокола уже не стоит. Тем самым некоторую часть аргументов Конституционного Суда РФ, используемых при решении вопроса о продолжении моратория на применение смертной казни, можно признать отчасти потерявшими свою актуальность. Однако возвращение смертной казни в России, на сегодняшний день, так и не состоялось. Никто из субъектов права обращения в Конституционный Суд с запросом о толковании, несмотря на огромное количество политических высказываний, своим правом так и не воспользовался. То есть соответствующих призывов, например, со стороны парламентариев мы слышим много, а реальных действий пока не наблюдаем. Вместе с тем сам по себе вопрос о том, является ли в общественном сознании такая мера наказания, как смертная казнь обязательным элементом конституционной идентичности россиян (отдельные авторы напрямую увязывают вопросы применения смертной казни и конституционной идентичности), является достаточно дискуссионным, а часть авторов дают на этот вопрос отрицательный ответ[2].

Проблема защиты конституционной идентичности может решаться как на внутригосударственном уровне, так и на уровне консолидации усилий в рамках регионального международного взаимодействия. Последние десятилетия в России отмечены пристальным вниманием к проблемам цивилизационной идентичности, что привело к формированию полноценного научного направления конституционно-правовой науки и появлению значительного

части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года „О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судоустройстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях“» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 48. Ст. 5867.

[1] Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.

[2] Виноградова Е.В. Российская конституционная идентичность. Смертная казнь: против и... против // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 1. С. 22–47.

количества работ, посвященных обеспечению конституционной безопасности и региональному (межгосударственному) сотрудничеству. Проблема принудительной универсализации социокультурного и правового пространства по вполне понятным причинам актуальна не только для России, но и для ее партнеров по Европейскому экономическому союзу. В частности, в специальных научных исследованиях отмечается, что в настоящее время армянская государственность переживает наплыв «разношерстных мнимых ценностей», которые «неприемлемы с точки зрения местных национальных традиций, менталитета, характера мышления и правил бытия»[1]. В этой связи особую актуальность и все большую популярность приобретает идея региональной интеграции на базе общности цивилизационной идентичности.

Для решения соответствующей задачи необходим набор ценностей объединяющего характера, которые можно обозначить как «цивилизационные ценности». Цивилизационные ценности – это такой набор морально-нравственных, этических, идеологических установок, который может объединять относительно разнородные по географической, этнической, конфессиональной, социальной и иной принадлежности человеческие группы. Именно цивилизационную идентичность необходимо рассматривать как важнейший структурный элемент евразийской социокультурной интеграции, олицетворяющий, в том числе, одно из ее мировоззренческих оснований[2]. На сегодняшний день соответствующий проект евразийской интеграции реализуется на уровне стран постсоветского пространства, которые в наибольшей степени обнаруживают свою ментальную связь на уровне конституционно-правовой идентичности, по причинам долгого времени нахождения в составе единого территориально-государственного образования,

[1] Вардумян Г.Д., Вардумян С.Д. Цивилизационные ценности армянского общества в ответ на глобальные вызовы человеческой цивилизации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 4. С. 63.

[2] Мохов А.В., Сенюшкина Т.А. Цивилизационная идентичность как фактор евразийской интеграции // Политическое пространство и социальное время: правда и ложь в политике и искусстве: сборник научных трудов XXXVI Международного Харакского форума. Симферополь: Ариал, 2019. С. 169.

что предопределило и особенности общей исторической памяти. Как правило, на постсоветском пространстве выделяются следующие цивилизационные ценности: естественный консерватизм, коллективизм, ценность традиции (духовной традиции), преемственность в развитии.

Нельзя не признать, что за годы, прошедшие со времен распада Советского Союза, значительное количество связей цивилизационного характера было разрушено. В частности, «русский язык» уже не выполняет своей консолидирующей функции, как это было во времена СССР. Многие из стран, даже участвующих в ЕАЭС, достаточно неоднозначно позиционируют себя в связи с бывшим историческим прошлым, отчетливо ощутимы результаты процессов декоммунизации и десоветизации (в этом смысле показательны даже изменения названий улиц в республиках бывшего СССР). В этих условиях актуализируется проблема поиска новых и восстановления старых связей, способных оказать серьезное консолидирующее влияние на процессы евразийской кооперации. Ситуация усложняется значительным расширением этнического и конфессионального охвата состава участников строящегося сообщества. В этих условиях важен конструктивный диалог, с одной стороны, направленный на поиск объединяющих ценностей, с другой, – не допускающий полного изоляционизма в соответствующей сфере, что ограничило бы идею евразийской интеграции исключительно соображениями экономического и геополитического взаимодействия. Как отмечал в свое время А.С. Панарин, рассматривая конфессиональную составляющую проблемы евразийской интеграции, единственно возможной и реальной альтернативой «суперэкуменизму» является выработка особых евразийских религиозно-культурных универсалий[1].

Следует согласиться с тем, что у бывших «территорий» Российской империи, а затем – СССР, значительно больше объединяющих факторов,

[1] Мохов А.В., Сенюшкина Т.А. Цивилизационная идентичность как фактор евразийской интеграции // Политическое пространство и социальное время: правда и ложь в политике и искусстве: сборник научных трудов XXXVI Международного Харакского форума. Симферополь: Ариал, 2019. С. 169.

определяемых принадлежностью к «общей большой Родине», непрекращающимися контактами на уровне человеческого общежития и отдельными знаниями особенностей этнонационального менталитета, которые являются ментальным стержнем евразийской интеграции. Не следует игнорировать историческое и культурное наследие народов бывшего СССР в наиболее чувствительных для исторической памяти сферах. В частности, в исторической памяти народов постсоветского пространства особое место занимает феномен Великой Отечественной войны, результатом которой стала «совместная Великая победа»[1]. Следует разработать полноценную стратегию, направленную на поиск и развитие идеи цивилизационной идентичности и ее конституционно-правовой составляющей. Это касается сферы научных исследований, образовательных программ, совместных культурно-политических проектов и др. В рамках разработки действующих механизмов защиты конституционной идентичности можно рассмотреть идею создания системы надгосударственного судебного контроля на уровне евразийского интеграционного проекта в ситуации, когда традиционные, в частности европейские механизмы, становятся все более геополитически ангажированными. Отметим, что на настоящий момент функционирует Суд Евразийского экономического союза, однако его компетенция и полномочия ориентированы в большей степени на цели и задачи именно «экономического союза».

В заключение отметим следующее. Анализ конституционной культуры правосудия предполагает исследование феномена национальных ценностей в их соотношении с интернациональными (универсальными). Объективно существующие процессы универсализации и унификации государственно-правовых ценностей имеют свои естественные и исторически обусловленные пределы. В качестве таковых рассматриваются историческая память,

[1] Саркисян О.Л. Осмысление победы в Великой Отечественной войне в контексте современных интеграционных процессов // Вестник Российско-армянского (славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2015. № 1 (19). С. 16.

национальная идентичность, социальный и религиозный менталитет, особенности личной, социальной, духовной, экономической и государственно-правовой жизни. Конституционная культура правосудия, формирующаяся на пересечении правовых и социокультурных факторов, выступает необходимым условием выработки оптимальных моделей сочетания национальных и универсальных ценностей в правотворчестве и правоприменении. Конституционная реформа 2020 года одной из своих задач заявляла защиту традиционных национальных ценностей. Вместе с тем конституционная реформа имела незаконченный характер, что лишний раз актуализировало проблему ценностной интерпретации идеи национальной идентичности на уровне конституционного правосудия.

Конституционная культура правосудия способна служить инструментом гармонизации универсальных и традиционных начал в правовой политике государства. Одним из необходимых условий противостояния универсальным ценностям является развитие идеи конституционной идентичности как самостоятельного научного направления конституционно-правовой науки. В диссертации показано, что защита конституционной идентичности может осуществляться как на внутригосударственном уровне, так и в рамках региональных международных объединений. В этой связи интерес представляет региональная интеграция на основе особой цивилизационной общности. Проект евразийской интеграции, реализуемый на постсоветском пространстве, базируется на общности исторической памяти и ценностных моделей правовой культуры. В этой связи особое значение приобретает способность судебной системы обеспечивать реализацию ценностей коллективизма, преемственности и общей духовной традиции. Актуальной также представляется судебная защита ценностей геополитического характера: суверенитет, свобода принятия решений, независимость от внешних центров давления, обеспечение безопасности и стабильности. Это актуализирует значение судебных механизмов, способных адекватно реагировать на вызовы санкционного, информационного, экономического и культурного характера.

§ 4.4. Социокультурные и правовые факторы взаимодействия национальной и зарубежных (наднациональных) судебных юрисдикций в условиях глобальных вызовов

Конкуренция между ценностями космополитического и национального характера, характеризующая в том числе культурные, социальные, этнические и религиозные сферы общественного сознания, формирует особые духовно-нравственные и морально-этические ориентиры, определяющие систему ценностных установок, лежащих в основе конституционного мировоззрения россиян. Сочетание надгосударственных и национальных начал в практике конституционно-правового строительства позволяет в соответствии с общими тенденциями правового прогресса адаптировать универсальные стандарты свободы и справедливости к реальным условиям общества в его стремлении самостоятельно определять для себя особенности национального развития[1].

Важность межгосударственного сотрудничества, в том числе в сфере осуществления судебной деятельности, не подлежит сомнению. Даже сегодня, когда одна из основных сфер правового межгосударственного взаимодействия (имеется ввиду взаимодействие с Советом Европы и Европейским Судом) стала достоянием истории, не следует говорить о том, что отечественная конституционно-правовая судебная практика взяла курс на полное нивелирование ценностей наднационального, космополитического и универсального характера. Глобализация конституционно-правовых систем – процесс не столько неизбежный, сколько жизненно необходимый. И если бы процессы конституционно-правовой интернационализации в какой-то момент окончательно приостановились, их бы следовало тем или иным образом стимулировать. Ссылка на принципы римского права при вынесении Конституционным Судом своих решений, как и следование соответствующим максимумам, призваны напомнить о правовом наследии, объединяющем Россию

[1] Бондарь Н.С. Гармонизация юридических и нравственно-этических начал Конституции: практика конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 1. С. 6–16.

и другие государства Европы[1]. Отрицание самой необходимости интеграции, в том числе на конституционно-правовом уровне, которое сегодня можно услышать от отдельных представителей политической элиты и юридического сообщества, может свидетельствовать о серьезной недооценке наднациональных механизмов обеспечения мирного сосуществования всех членов международного сообщества и их взаимодействия в различных отраслях человеческой жизнедеятельности, которые, как бы мы к ним не относились в свете быстро изменяющейся геополитической ситуации, являются обязательным условием существования современного мирового правопорядка. Признавая тот факт, что процессы глобализации содержат определенные риски для национальных конституционно-правовых систем, нельзя не отметить их насущную необходимость во многих сферах, затрагивающих не только возможные угрозы для всего человечества, но и отдельно взятое поступательное развитие национальных законодательств.

Однако адекватная оценка рисков, которые влечет конституционно-правовая унификация, помогает трезво оценивать необходимую, политически и экономически обусловленную степень вовлеченности государства в процессы конституционно-правовой глобализации. Не случайно профессор В.Д. Зорькин, еще во времена тесного сотрудничества России и Совета Европы, отмечал, что «стратегическая перспектива развития правового пространства Совета Европы должна быть связана с формированием полноценных демократических механизмов правообразования», при этом «поиск способов разрешения противоречий между решениями ЕСПЧ и национальными конституциями одно из важных условий правовой политики государства, так как даже самый профессиональный надгосударственный суд не может подменять собой объективно необходимые процессы национального правообразования»[2].

---

[1] Должиков А.В. Общие принципы права в эпоху конституционной идентичности (ч. 1) // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 6 (72). С. 5.

[2] Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2019. С. 294, 293.

Другими словами, любое наднациональное влияние должно в обязательном порядке проходить соответствующую «фильтрацию» не только на уровне общественного сознания, но и, в первую очередь, на уровне всей деятельности органов публичной власти. Особое место в этой связи занимает орган национальной конституционной юстиции. Если рассматривать соответствующий вопрос в формально-юридическом ключе, то именно Конституционный Суд РФ выступает тем самым фильтром, который позволяет рассматривать универсальные стандарты с точки зрения возможности и целесообразности их реализации в России. Ни в коем случае не принижая роль Президента РФ, Федерального Собрания РФ и иных органов публичной власти, в том числе судебной, в механизме защиты конституционной идентичности, отметим, что характер взаимодействия национальной и зарубежных (наднациональных) судебных юрисдикций, определяющий эффективность всей системы обеспечения конституционного суверенитета, определяет Конституционный Суд РФ, выступая правовым ориентиром не только для отечественного правоприменителя, но и законодателя.

При этом вопрос о соотношении национальных и универсальных ценностей затрагивает не только правовые, политические и культурные компоненты, но и элементы социального и экономического развития, которые все больше и больше вовлекаются в сферу прямого и опосредованного конституционного воздействия. Речь идет о том, что практически в каждом компоненте современного конституционализма присутствует экономическое содержание, как в виде непосредственного оформления базовых принципов в области организации экономических отношений в государстве, так и в смысле экономического значения институтов политической демократии. В таком аспекте конституционное регулирование экономических процессов, безусловно, носит в том числе политический характер, а сами по себе экономические явления приобретают ярко выраженное политическое значение.

Учитывая тот факт, что современная российская экономика, особенно в современных условиях, выступает как базовая сфера и внутренней, и внешней

политики, особый интерес представляет не только проблема поиска оптимального сочетания публичных и частных начал в правовом регулировании финансово-экономических отношений, но и проблема защиты экономического суверенитета страны. Отметим также, что Конституция РФ содержит сложную систему аксиологических ценностей, представляющих собой правовую основу и одновременно систему ориентиров финансово-экономического развития российской государственности, а также экономических и социальных прав и свобод личности[1].

Тот факт, что мы обратили внимание на проблему экономической безопасности России как часть общей проблемы – конституционной безопасности – не случаен. В общетеоретическом плане можно сказать, что именно назревшая необходимость выработки специального правового механизма оценки рисков, которые влечет за собой исполнение решений органов надгосударственной юстиции легла в основу специальной правовой позиции Конституционного Суда РФ 2015 года, которая значительным образом изменила всю систему межгосударственного судебного сотрудничества и взаимодействия. В частности, Конституционный Суд указал на тот факт, что пристальное внимание наднациональных органов к основополагающим элементам конституционной идентичности, которые «образуют внутригосударственные нормы о фундаментальных правах, а также гарантирующие эти права нормы об основах конституционного строя, позволит снизить вероятность конфликта между национальным и наднациональным правом, что, в свою очередь, во многом будет определять… эффективность всей европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина и дальнейшую гармонизацию европейского правового пространства в этой области»[2].

---

[1] Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма; ИНФРА-М., 2020. С. 14–27.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона „О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней“, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона „О международных договорах Российской Федерации“, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального

Если внимательно посмотреть на историю вопроса, нетрудно заметить, что причиной появления на свет знаковой позиции Конституционного Суда, по сути определившей направление дальнейшего развития соответствующего законодательства, стали вопросы социально-экономического характера, вынесенные на уровень международного арбитражного разбирательства. 28 июля 2014 года Постоянная палата третейского суда в Гааге обязала Россию выплатить бывшим акционерам компании ЮКОС, от имени которых выступали Hulley Enterprises, Yukos Universal и Veteran Petroleum, 50 млрд долларов (на сегодняшний день эта сумма с учетом пени составляет 65 млрд долларов). Буквально через три дня 31 июля 2014 года свое решение по схожему вопросу вынес Европейский Суд, который, отметив несоразмерность налоговых санкций и нарушение права на справедливое судебной разбирательство, постановил, что государство-ответчик обязано выплатить компании-заявителю в течение трех месяцев 1.866 млрд евро.

На наш взгляд, между обозначенными решениями органов надгосударственной юстиции и рассматриваемой нами позицией Конституционного Суда (Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П) существует прямая связь. Обозначенная позиция Конституционного Суда РФ появилась на свет по итогам запроса депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», Гражданского процессуального кодекса РФ и других федеральных законов. Соответствующий запрос депутатов Государственной Думы был подан в июне 2015 года, за несколько дней до

кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

крайнего срока, когда Россия должна была представить в Совет Европы план по выплате акционерам ЮКОСа компенсации в размере 1,86 млрд евро. В течение кратчайшего времени после подачи депутатского запроса, не дожидаясь решения Конституционного Суда РФ, Министерство юстиции РФ заявило, что исполнение решения Европейского Суда является преждевременным, до тех пор, пока Конституционный Суд не даст соответствующие разъяснения по депутатскому запросу. Отметим также, что на момент вынесения соответствующих решений органами надгосударственной юстиции это были самые крупные финансовые требования к России со стороны международных судебных органов, как по линии международного арбитража, так и по линии Европейского Суда.

Таким образом, рассматриваемое дело было главным практическим стимулом для создания особого национального конституционно-правового механизма проверки решений надгосударственных судебных органов на исполнимость, хотя формально правовая позиция Конституционного Суда затрагивала общие доктринальные вопросы верховенства Конституции и не касалась частных случаев. Одновременно виднейшие представители политической элиты не отрицали того, что новый механизм в будущем позволит рассматривать дела, подобные делу ЮКОСа. Забегая вперед, отметим, что в итоге так и произошло и уже в 2017 году Конституционный Суд РФ официально признал неисполнимым решение Европейского Суда о выплатах акционерам ЮКОСа, одновременно подчеркнув невозможность взаимодействия национальной и зарубежных (наднациональных) судебных юрисдикций в условиях субординации – «взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами служит основой их надлежащего равновесия, и от уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной

идентичности во многом зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском конституционном правопорядке»[1].

Еще раньше у Конституционного Суда РФ официально появилось новое полномочие – разрешать вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека[2], которое не было отражено в Конституции, однако было подробно регламентировано на уровне федерального конституционного закона. Основная идея Постановления 2015 года была воспроизведена достаточно точно – возможность принимать решение о неисполнимости решений, в том числе Европейского Суда, если они противоречат Конституции РФ. Вместе с тем в законе не нашлось места для развернутой аргументации Конституционного Суда, затрагивающей вопросы конституционного и конвенционного толкования, а также идею диалога правовых систем и поиска согласованных решений. Кроме того, закон не содержит указаний на необходимость максимально возможного учета позиции межгосударственного судебного органа. Указание на тот факт, что сфера деятельности межгосударственного органа – защита прав и свобод человека, некоторым образом сужает сферу применения данного полномочия, в частности в контексте решений органов международного арбитража. Предвидя возможные возражения, отметим, что в ныне действующем варианте закона данное полномочие терминологически и по смыслу видоизменено – «разрешает вопрос о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу „ОАО "Нефтяная компания «ЮКОС»" против России“ в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 5. Ст. 866.

[2] Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации“» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 51 (ч. I). Ст. 7229.

Российской Федерации»[1]. Совершенно очевидно, что в последнем варианте соответствующее полномочие заявлено шире, при этом отдельное внимание обращается на международные третейские суды. К анализу данного полномочия в его окончательной редакции мы еще вернемся.

Уже на основе своего нового полномочия Конституционный Суд РФ принимал решение по делу «Анчугов и Гладков против России». Речь шла о ч. 3 ст. 32 Конституции РФ, в соответствии с которой «не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда», которая не нашла поддержки у Европейского Суда. Конституционный Суд предпочел не только детально аргументировать свою позицию, касающуюся неисполнения данного решения, но и предложил возможные законодательные способы смягчения соответствующего оспариваемого режима, одновременно категорично отвергнув идею пересмотра отечественный Конституции[2].

На лежащей в основе данных постановлений Конституционного Суда РФ проблеме соотношения конституционного и конвенционного толкования следует остановиться подробнее. Конституционный Суд РФ исходит из того, что Российская Федерация, ратифицировав Конвенцию, «признала ipso facto и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции» (Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П), однако это не влечет отказа от идеи верховенства Конституции РФ в сравнении с Европейской конвенцией. Конституция РФ обладает высшей юридической силой, в случае коллизии между конституционным и конвенционным

[1] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 13. Ст. 1447.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу „Анчугов и Гладков против России“ в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.

толкованием приоритет принадлежит Конституции РФ. Положения Конвенции подлежат применению в том смысле, который им придается Европейским Судом исключительно в случаях, когда такое толкование не приводит к противоречию с положениями Конституции РФ, в значении, придаваемом им Конституционным Судом РФ. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П ситуация еще более показательна, так как решение Европейского Суда напрямую вступает в противоречие с конституционной нормой, закрепленной в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ. Одновременно Конституционный Суд подчеркивает, что речь идет не об отказе от международных обязательств как таковых, а о невозможности исполнения конкретного решения Европейского Суда.

Конституционный Суд РФ, аргументируя свое решение, также обратился к зарубежной практике (Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П), указывая, что аналогичные подходы к соотношению национального и международного права применяются в других правовых системах. В частности, Конституционный Суд отсылает к практике Федерального конституционного суда Германии, Конституционного суда Италии и др. Таким образом, обосновывается, что российская модель проверки соответствующих решений на исполнимость не является исключительной, а вписывается в европейскую традицию конституционного контроля.

Несомненный интерес представляют также правовые позиции Конституционного Суда РФ, которые появились раньше, чем был сформирован полноценный механизм проверки решений надгосударственных судебных органов на исполнимость, однако уже в них прослеживается идея приоритета Конституции РФ, конституционного толкования или же приоритета учета социокультурных особенностей российского общества.

Вспомним правовую позицию Конституционного Суда по вопросам о возможности создания политических объединений по религиозному признаку[1],

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2004 № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона „О политических партиях“ в связи

в которой подчеркивалось, что, несмотря на сложившуюся в отдельных государствах практику использования в названия политических объединений религиозных и этических компонентов, данная практика в силу особенностей социокультурного характера в России использоваться не может. Важно, что данная правовая позиция в целом совпадала со сложившимся в практике Европейского Суда подходом к данной проблеме. В правовых позициях о праве военнослужащего-мужчины на отпуск по уходу за ребенком Конституционный Суд обратил внимание, что решение Европейского Суда не ведет к автоматическому пересмотру дела по вновь открывшимся обстоятельствам[1]. При этом правовая система России продемонстрировала возможности мягкой адаптации, даже в условиях, когда это не было обязательным, что подтвердило тезис о том, что подобные коллизии могут решаться различными способами.

Следующие правовые позиции Конституционного и Европейского судов характеризуют избирательность в работе специального механизма проверки решений Европейского Суда на исполнимость. Речь идет, в том числе, о правовой позиции Конституционного Суда РФ 2014 года, затрагивающей запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних[2]. Особенность рассматриваемой ситуации в том, что

с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации „Православная партия России“ и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 51. Ст. 5260.

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона „О государственных пособиях гражданам, имеющим детей“, статей 10 и 11 Федерального закона „О статусе военнослужащих“, статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей» // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 50. Ст. 6670.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 40 (ч. III). Ст. 5489.

решение Европейского Суда[1], отличное от решения Конституционного Суда РФ, появилось три года спустя. В открытых источниках отсутствуют достоверные сведения о фактическом исполнении Российской Федерацией решения Европейского Суда, в частности о произведенных Россией выплатах, по данному делу. При этом совершенно очевидно, что соответствующее законодательство изменено не было. Сам факт отсутствия обращения в Конституционный Суд по вопросу исполнимости отдельных решений Европейского Суда свидетельствует о том, что механизм соответствующего конституционного судебного фильтра носит не универсальный, а избирательный характер. В рассматриваемой ситуации проблема представляется еще более неоднозначной, так как правовая позиция Конституционного Суда появилась на свет раньше, чем соответствующее решение Европейского Суда, вступающее с ней в противоречие. Одновременно можно сказать, что данное решение Конституционного Суда служит одним из первых примеров реализации на практике идеи обеспечения конституционного суверенитета.

В дальнейшем задачи по обеспечению конституционной безопасности и защите конституционного суверенитета получили свое дополнительное обоснование и разъяснение на уровне Конституции РФ. В Законе РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ было предложено уточненное понимание допустимости исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров[2]. Конституционный Суд РФ, давая заключение о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и

[1] Постановление ЕСПЧ от 20.06.2017 «Дело „Баев и другие (Bayev and Others)“ против Российской Федерации» (жалобы № 67667/09 и две другие) // Российская хроника Европейского Суда. 2018. № 2.

[2] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

функционирования публичной власти», отметил, что «данный механизм предназначен не для утверждения отказа от исполнения международных договоров и основанных на них решений межгосударственных юрисдикционных органов, а для выработки конституционно приемлемого способа исполнения таких решений Российской Федерацией при неуклонном обеспечении высшей юридической силы Конституции Российской Федерации в российской правовой системе, составной частью которой являются односторонние и многосторонние международные договоры России, в том числе предусматривающие соответствующие правомочия межгосударственных юрисдикций»[1].

По итогам конституционной реформы Конституционный Суд стал обладателем уже двух полномочий по обеспечению конституционной безопасности – принимать решение о возможности исполнения на территории России решений межгосударственных органов и межгосударственных судебных органов (ст. 125 Конституции РФ). В первом случае речь идет об их оценке в контексте надгосударственного истолкования, противоречащего Конституции, во втором – в контексте противоречия основам публичного правопорядка. Как мы уже упоминали, аналогичное полномочие, ранее уже закрепленное в ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ», вызывало ряд вопросов, однако его новое изложение (идентичное конституционному) также нельзя признать идеальным. В ранее действовавшем варианте соответствующего закона возможность проверки на исполнимость решений надгосударственного органа судебной власти была привязана к возможному противоречию между положениями международного договора Российской Федерации в истолковании, данном межгосударственным органом по защите прав и свобод человека и непосредственно Конституции РФ. Данное

[1] Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти“, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 17 марта.

положение следовало понимать в тесном сочетании конвенционного и конституционного судебного процесса, когда именно Конституционный Суд решает, соответствует ли конвенционная трактовка международного договора интерпретации Конституции, данной Конституционным Судом.

Напомним, что в основе всей системы конституционно-правовых изменений в сфере обеспечения конституционной безопасности и в том числе появления на свет новых полномочий Конституционного Суда лежит правовая позиция Конституционного Суда (Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П), в которой исполнимость решений судебных надгосударственных органов привязывается как раз к противоречиям в конвенционном и конституционном толковании. Еще раз обратимся к тексту данного постановления – «во всех приведенных случаях конвенционно-конституционных коллизий речь идет не о противоречии между Конвенцией о защите прав человека и основных свобод как таковой и национальными конституциями, а о коллизии толкования конвенционного положения, данного Европейским Судом по правам человека в постановлении по конкретному делу, и положений национальных конституций, в том числе в их истолковании конституционными судами». С другой стороны, нельзя не отметить, что идею защиты «национального публичного порядка» предложил сам Конституционный Суд в обозначенном постановлении 2015 года – «постановление Европейского Суда по правам человека не может считаться обязательным для исполнения Российской Федерацией, если конкретное положение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на которое опирается это постановление, в результате толкования, осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, по своему смыслу вступает в противоречие с имеющими свои основания в международном публичном порядке и формирующими национальный публичный порядок положениями Конституции Российской Федерации, прежде всего относящимися к правам и свободам человека и гражданина и к основам конституционного строя России».

В итоге в окончательном варианте действующего закона надгосударственная интерпретация, противоречащая Конституции, привязана к решению межгосударственного органа, а противоречие основам публичного правопорядка – к решениям межгосударственного судебного органа. В последнем случае много вопросов вызывает сама категория «основы публичного правопорядка», которая достаточно редко встречается в науке и не так часто встречается в судебной практике (несмотря на упоминание ее Конституционным Судом в «оригинальном» постановлении). На имеющую место неопределенность понятия «основы публичного правопорядка» в соответствующем контексте уже обратили внимание отдельные исследователи[1]. Одновременно нельзя не заметить, что часть исследований, затрагивающих содержательное и концептуальное наполнение категории «основы публичного правопорядка», появились как раз по итогам легализации новых полномочий Конституционного Суда РФ[2]. На наш взгляд, показателен и тот факт, что в самом Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде РФ»[3] в ст. 104 соответствующие пределы проверки обозначены как проверка на соответствие основам конституционного строя, а не основам публичного правопорядка, тогда как в «первом» случае такого разночтения в законе не наблюдается. Также отметим некоторую неоднозначность обозначенных формулировок, которые или же заранее настраивают на приятие положительного решения (не исполнять), или же наоборот формально допускают возможность исполнения решения даже в случае, когда речь идет о противоречии Конституции или основам публичного правопорядка[4].

---

[1] Брежнев О.В. Конституционная реформа 2020 г. и развитие конституционного правосудия в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 3–6.

[2] Гаврилов Д.А., Гаврилова Ю.А. Конституционализация публичного правопорядка в современной России // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 6. С. 13–17.

[3] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

[4] Подробнее см.: Баринов Э.Э. Промежуточные итоги конституционной реформы 2020 года в свете оценки ее влияния на современное российское законодательство // Спутник

Сегодня, когда Россия уже не является членом Совета Европы и не находится под юрисдикцией Европейского Суда по правам человека, вопрос о правовых последствиях данного события выступает одним из наиболее актуальных. Правовой основой для признания юрисдикции Европейского Суда обязательной, что предполагало, в том числе, учет особой юридической природы актов толкования и применения Европейской Конвенции, являлся Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». В свою очередь, Конституционный Суд РФ в своих правовых позициях затрагивал не только проблему исполнения решений Европейского Суда, но и юридическую силу его интерпретационных решений. В частности, он отмечал, что «решения Европейского Суда по правам человека – в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод… являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем»[1].

Как мы уже отмечали, по итогам конституционной реформы 2020 года Конституционный Суд РФ стал обладателем частично новых, частично уточненных полномочий, предполагающих оценку конституционности не только судебных, но и судебных решений органов надгосударственной власти, что, безусловно, относилось и к решениям Европейского Суда. Однако Конституционный Суд РФ, начиная с 2017 года, не выносил соответствующих решений, а в 2022 году возможность актуализировать соответствующие полномочия в отношении решений Европейского Суда вообще перестала быть возможной. Речь идет о выходе России из Совета Европы и разрыве «рабочих» и

высшей школы. 2022. № 2 (7). Вып. «Современный конституционализм: теория и практика». С. 12–21.

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ „Нижнекамскнефтехим“ и „Хакасэнерго“, а также жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

компетенционных связей с Европейским Судом. Обращаясь к истории, еще раз напомним, что изначально в основе соответствующих полномочий Конституционного Суда РФ лежал экономический спор между Российской Федерацией и акционерами компании ЮКОС, а не намерение Конституционного Суда или России в целом разорвать какие-либо связи с Европейским Судом. В свою очередь, и ситуация с Европейским Судом стала итогом глобального кризиса в международных отношениях, а не отсутствии желания отечественной судебной системы сотрудничать и взаимодействовать с последним.

При этом окончательный юридический разрыв по линии сотрудничества с Советом Европы и Европейским Судом произошел по итогам денонсации Россией «международных договоров Совета Европы»[1], однако система отечественного законодательства начала приспосабливаться к новым геополитическим реалиям значительно раньше. По причине того, что по итогам разрыва с Советом Европы часть законодательных норм утратила свой смысл и возможность быть исполненными, актуализировалась необходимость точечной редакции системы действующего законодательства. Обозначенные изменения прежде всего коснулись уголовно-процессуального права. Сам по себе Федеральный закон от 11.06.2022 № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[2] представлял собой оригинальную юридическую конструкцию. С одной стороны, он устранял всякое упоминание о Европейском Суде из Уголовно-процессуального кодекса, с другой, – устанавливал порядок исполнения или неисполнения правовых позиций последнего в новых условиях. Так, решения Европейского Суда, вступившие в силу после 15 марта 2022 года, были исключены из перечная новых обстоятельств, выступающих основанием для возобновления уголовного

[1] Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.

[2] Федеральный закон от 11.06.2022 № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 24. Ст. 3940.

производства по делу, тогда как в отношении решений Европейского Суда, принятых до 15 марта 2022 года, сохранялся старый порядок. Другими словами, правоприменитель был вынужден руководствоваться в отношении решений Европейского Суда, принятых до 15 марта 2022 года, не Уголовно-процессуальным кодексом, а положениями соответствующего закона о внесении изменений. На этот момент позднее обращал внимание и Конституционный Суд РФ, подчеркивая, что российские суды могут при необходимости применять отдельные положения Уголовно-процессуального кодекса в уже не действующей редакции[1].

На наш взгляд, следовало бы избрать иной подход к регулированию данной ситуации и разрешить ее одним из следующих способов:

- указать в Уголовно-процессуальном кодексе, что часть его положений в редакции, действовавшей до 11 июня 2022 года, применяются к решениям Европейского Суда, вступившим в силу до 15 марта 2022 года (наименее предпочтительный);

- оставить соответствующие нормы в Уголовно-процессуальном кодексе, но указать на то, что они применяются только к решениям, вступившим в силу до 15 марта 2022 года;

- выделить необходимые нормативные положения в отдельную статью «Особенности пересмотра дел в связи с решениями ЕСПЧ, вступившими в силу до 15 марта 2022 года».

Следует отметить, что реформа отечественного законодательства, вызванная входом России из Совета Европы, не остановилась на Уголовно-процессуальном кодексе. Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» внес изменения в Арбитражный процессуальный кодекс

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2024 № 859-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Капранова Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ, Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». В частности, были удалены упоминания о спорах в Европейском Суде, представительстве в Европейском Суде, жалобах и обращениях в Европейский Суд, компенсациях по решению Европейского Суда, свиданиях с представителями Европейского Суда, решениях Европейского Суда как «новых обстоятельствах», выступающих основанием для пересмотра дела и судебных постановлений и др.

В законе также повторялось положение о том, что Постановления Европейского Суда, вступившие в силу после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению в Российской Федерации и регулировали порядок выплат по решениям, вынесенным до указанного срока, в частности запрещались выплаты в страны, совершающие недружественные действия. Последнее указание не в полной мере отвечало требованиям правовой определенности, так как на тот момент перечней таких стран было как минимум два[1].

Анализ решений Конституционного Суда РФ, последовавших за прекращением сотрудничества с Советом Европы, показывает, что на протяжении 2022 года в ряде решений Конституционного Суда Европейская Конвенция, а также акты ее интерпретации Европейским Судом и его решения все еще рассматривались в качестве составной части российской правовой системы, если речь шла о правовых позициях Европейского Суда, принятых до 15 марта 2022 года. Это были отказные определения Конституционного Суда РФ, затрагивающие относительно самостоятельную и актуальную для процессуального права проблему: обязательность или необязательность рассмотрения решений Европейского Суда в качестве основания для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Начиная с 2023 года, решения

[1] Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11. Ст. 1748; Распоряжение Правительства РФ от 13.05.2021 № 1230-р (ред. от 02.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 21. Ст. 3610.

Конституционного Суда РФ, в которых фигурирует Европейский Суд, – это отказные определения, касающиеся проблемы неисполнения решений Европейского Суда по жалобам, поданным российскими гражданами до 15 марта 2022 года, решения по которым были вынесены уже после этого срока. Определяющей в этой связи стала позиция Конституционного Суда РФ, подтверждающая законность такого законодательного установления, но не затрагивающая его суть. Конституционный Суд в данном случае подтвердил дискрецию законодателя. В частности, отмечалось, что, внося изменения в правовое регулирование порядка возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, обусловленных прекращением международного договора, федеральный законодатель не вышел за пределы своих полномочий[1].

Будем считать, что данное положение распространяется и на иные изменения процессуального законодательства. Однако остается открытым вопрос, почему законодатель все же решил отказаться от исполнения решений, вынесенных после 15 марта 2022 года по жалобам, поданным до 15 марта 2022 года. В этой связи напомним, что согласно многочисленным правовым позициям Конституционного Суда РФ такие решения и в прошлом не в обязательном порядке должны были выступать основанием для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам, да и итог рассмотрения соответствующего дела не обязательно должен был быть «положительным». Кроме того, и у самого Конституционного Суда РФ оставалась возможность несколько иначе разрешить вопрос о неисполнении решения Европейского Суда на территории Российской Федерации. При этом, согласно публично-правовой позиции Европейского Суда, последний правомочен не только рассматривать жалобы российских граждан, поступившие до 16 сентября 2022 года, но и жалобы на предполагаемые

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2022 № 3565-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аникеева Вадима Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьями 1 и 2 Федерального закона от 11 июня 2022 года № 180-ФЗ „О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации“» // СПС «КонсультантПлюс».

нарушения, совершенные до этого срока, что явно расходится с официальной позицией Российской Федерации в данном вопросе[1]. Даже при учете того факта, что отношения с Советом Европы были разорваны, данный момент на уровне межгосударственного взаимодействия следовало согласовать.

В конечном итоге, как на законодательном уровне, так и на уровне правовых позиций Конституционного Суда РФ вопрос о неисполнении решений Европейского Суда, начиная с 15 марта 2022 года, получил достаточно детальное рассмотрение. Сейчас, когда исполнение решений Европейского Суда, как и всякое сотрудничество с ним, прекращено, целый блок вопросов нуждается в разъяснении. Так, не поступило никаких уточнений ни со стороны законодателя, ни со стороны Конституционного Суда РФ на предмет дальнейшего использования правых позиций Европейского Суда (ранее заявленных в качестве составной части российской правовой системы) в конституционно-правовой практике. Речь идет о тех позициях, которые так и не получили своей легализации на уровне отраслевого законодательства. В этой связи нельзя забывать о значительном положительном эффекте, который решения Европейского Суда оказывали на отечественное процессуальное законодательство[2]. Достаточно вспомнить историю появления на свет Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»[3], а также его последующие изменения.

Актуальной остается проблема использования ранее исполненных решений Европейского Суда. Кроме того, значительная часть решений

---

[1] Мамитова Н.В., Полищук Д.А. Влияние денонсации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и прекращения юрисдикции Европейского суда по правам человека на территории Российской Федерации на права граждан // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 37–40.

[2] Мельник С.В., Гомозова О.Ю. К вопросу последствий денонсации Россией Европейской конвенции по правам человека: обеспечение прав и свобод участников гражданского судопроизводства // Российский судья. 2022. № 8. С. 45–49.

[3] Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

Европейского Суда легла в основу правовых позиций Конституционного Суда, что также делает важным решение вопроса о возможности их дальнейшего использования. Причем эти решения Европейского Суда не во всех случаях касались заявителей из России.

Одновременно нельзя не отметить, что свой особый подход к решению данной проблемы избрал Верховный Суд РФ. В своем Постановлении от 09.12.2025 № 33[1] он не только отменил Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»[2], но и внес изменения в более чем два десятка других действующих постановлений Пленума (в том числе аналогичные соответствующим изменениям в законодательстве, о которых мы уже говорили). Все эти изменения преследовали цель устранить всякое упоминание о Европейской конвенции, Европейском Суде и его решениях (независимом от даты их вынесения). Там, где раньше были отсылки на нормы Европейской конвенции, теперь используются отсылки к другим международным документам, в частности к Международному пакту о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года. Насколько оптимальным был такой подход к решению проблемы, покажет время.

Последнее обстоятельство наглядно демонстрирует, что прекращение сотрудничества России и Европейского Суда по правам человека, ставшее следствием глобального геополитического кризиса, породило целый ряд проблем как формально-юридического, так и концептуального характера. Долгие годы Россия выстраивала оптимальную модель взаимодействия с

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2025 № 33 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 21 „О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней“» // Российская газета. 2025. 19 декабря.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета. 2013. 05 июля.

Европейским Судом, которая учитывала одновременно и важность межгосударственного сотрудничества в данной области, и необходимость обеспечения конституционного суверенитета. За всю историю существования соответствующих полномочий Конституционного Суда решение о неисполнении решений Европейского Суда выносилось всего несколько раз. В остальных случаях сотрудничество с Европейским Судом было достаточно продуктивным и оказало значительное влияние как на систему в большей степени отечественного процессуального законодательства, так и в целом на комплексный механизм защиты и охраны прав и свобод граждан.

На наш взгляд, в рамках дальнейшего развития и модернизации отечественного законодательства было бы целесообразно разработать системную концепцию использования решений Европейского Суда, даже в условиях отсутствия полноценного сотрудничества с последним. При этом можно было бы руководствоваться следующими соображениями:

- решения Европейского Суда (прошлые и будущие) не признаются обязательными, но могут использоваться как дополнительный аргумент в интерпретационной деятельности;

- прежняя практика Европейского Суда может использоваться как правовой ориентир, если раньше она уже получила внутригосударственное опосредование на уровне законодательства или же была позитивно востребована отечественной правовой системой на уровне правоприменительной практики;

- если решение Европейского Суда в свое время выявило системный дефект в правовом регулировании, который не был ликвидирован, то проблема не перестает существовать и требует своего решения;

- прошлые и будущие решения Европейского Суда можно избирательно использовать в процессе научной, исследовательской и аналитической деятельности и др.

В заключение отметим следующее. Современное взаимодействие национальной и наднациональных судебных юрисдикций представляет собой сложный механизм, в котором ключевое значение приобретает способность

отечественной правовой системы адаптировать универсальные правовые стандарты с учетом собственных социокультурных, политических и экономических особенностей. Конституционный Суд РФ в рассматриваемой модели выступает не только органом конституционного контроля в узком смысле, но и специальным механизмом «фильтрации» наднационального правового воздействия, обеспечивающим защиту конституционной идентичности Российского государства. Сформированная Конституционным Судом РФ идея приоритета конституционного толкования над конвенционным, исходящая из того, что именно Конституция РФ является актом, обладающим высшей юридической силой, не отрицает возможности поиска консолидированных решений преодоления правовых коллизий. Анализ конституционно-судебной практики показывает, что механизм конституционного контроля возможности исполнения решений надгосударственных органов носит не системный, а избирательный характер, в том числе по причине отсутствия обращения за соответствующими разъяснениями в Конституционный Суд РФ, тогда как сам Суд инициировать подобное разбирательство не может. Законодательные изменения 2022 года, направленные на исключение упоминаний о Европейском Суде, как и соответствующие решения Верховного Суда РФ, продемонстрировали стремление России к формированию относительно автономной модели национального правового регулирования, одновременно выявив проблемы в части определения правовой судьбы решений Европейского Суда, принятых до прекращения сотрудничества с Советом Европы. Перспективы дальнейшего развития сотрудничества и взаимодействия национальных и наднациональных судебных юрисдикций будут зависеть в том числе от выработки основных направлений политики в данной сфере, включающей учет правовых позиций Европейского Суда, получивших свое позитивное опосредование на уровне отечественной правовой системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ конституционной культуры правосудия предполагает уяснение места и роли Конституции РФ в системе конституционно-правового регулирования, раскрытие характера ее воздействия на устройство судебной власти и профессиональные стандарты поведения в сфере правосудия. Для уяснения содержания данного феномена важно учитывать как юридические характеристики Конституции, так и политико-идеологическую и воспитательную составляющие, формирующие мировоззренческие основания современного российского конституционализма.

Понимание сущности современного российского конституционализма имеет принципиальное значение для характеристики природы отечественного правосудия. Национально-исторические особенности правового развития России обусловливают специфику восприятия конституционных норм участниками конституционно-правовых отношений. Культурно-историческая среда формирует представления о праве, власти, справедливости, свободе и ответственности государства перед личностью, характеризующие состояние конституционной культуры; в свою очередь, именно конституционная культура задает основы формирования ценностных характеристик правосудия. Социокультурная природа отечественного конституционализма предопределяет содержание и направленность судебной деятельности, задает ценностные координаты правосудия и обеспечивает связь между конституционными идеями и практикой их реализации. В этой связи конституционная культура правосудия может рассматриваться как один из показателей укорененности конституционных ценностей в правовой и социокультурной реальности.

Отечественная юридическая наука выработала ряд подходов к пониманию ее сущности. Эти подходы, прежде всего философский, деятельностный и аксиологический, заложили основу для представленного исследования конституционной культуры правосудия. Необходимость использования философского подхода предопределена философско-правовыми основаниями современного конституционного мировоззрения, определяющего характер

отечественного конституционализма. Философский подход позволяет оперировать такими категориями, как правда, добро, справедливость, честь, достоинство, равенство в их максимально широком, а не только узкоотраслевом значении, которое придается некоторым из них на уровне законодательства. Деятельностный подход позволяет выявить конкретные формы реализации конституционной культуры правосудия в судебной деятельности. Основное назначение конституционной культуры правосудия, в этой связи, состоит в том, чтобы на основе накопленного конституционно-правового опыта и судебной практики создавать реальные предпосылки для развития общества в направлении максимальной реализации его конституционно-правового потенциала. Аксиологический подход позволяет выявить систему конституционно-значимых ценностей, которые становятся основой конституционной культуры правосудия.

Для анализа конституционной культуры правосудия важно использовать антропоцентричный подход, который позволяет выстраивать систему причинно-следственных связей в развитии, функционировании судебной системы с учетом комплекса конкретно-исторических, политических, геополитических, этнополитических, правовых и социально-экономических факторов. В свою очередь, теоцентричный подход позволяет выйти за рамки антропоцентризма и показать связь конституционного мировоззрения и религиозного сознания как элементов духовного мира современного человека, влияющих на восприятие нравственных оснований судебной деятельности.

Ценностно-деятельностный подход к исследованию данного феномена позволяет определить саму культуру как динамический процесс освоения, воспроизводства, сохранения и распространения конституционных идей, принципов, ценностей. В свою очередь, в рамках междисциплинарного подхода актуальным представляется обоснование категории конституционной культурологии, позволяющей характеризовать процесс доктринального обретения судебно-правовой культурой конституционных характеристик.

Правосудие, рассматриваемое через призму Конституции, является не только механизмом разрешения юридических споров, но и уникальной формой выражения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в том числе равенства, справедливости, достоинства личности и верховенства права. Эти конституционные ценности, выполняя аксиологическую, гносеологическую и онтологическую функции, становятся необходимым условием формирования правовой культуры правосудия и задают смысловые рамки интерпретации и применения норм отраслевого законодательства. Такое понимание подчеркивает необходимость перехода от формально-догматического к институционально-функциональному и ценностному анализу правовой культуры правосудия.

Для выявления содержательного наполнения категории конституционной культуры правосудия целесообразно использовать, в том числе, институционально-функциональную модель, характеризующую связи между элементами соответствующей системы и реализуемыми ими функциями, с учетом того, что один и тот же институт может быть предназначен для решения нескольких задач. К институтам конституционной культуры правосудия следует относить как общие социально-политические институты, так и специально-правовые институты, в том числе правовые учреждения, систему специального (юридического) образования, конституционно-правовую науку, конституционную идеологию и т. п. Функции конституционной культуры правосудия целесообразно рассматривать в рамках системного подхода, различая общие (универсальные) и специальные функции, что позволяет не только определить ее место в механизме правового регулирования в целом, но и обозначить ее специфическое значение в сфере судебной деятельности. Такое разграничение соответствует представлению о конституционной культуре правосудия как многоуровневом и многоаспектном феномене, сочетающем ценностные, нормативные и практико-ориентированные элементы. Важное значение для анализа имеют также специальные функции конституционной культуры правосудия, в ряду которых одной из базовых является правозащитная

функция, с которой тесно связаны регулятивная, ценностно-нормативная, интерпретационная, правопреобразовательная, коммуникативная функции. Анализ институционально-функциональных характеристик конституционной культуры правосудия позволяет выявить ряд проблем в сфере судебной деятельности и определить необходимые пути их решения.

В основе сущностных характеристик конституционной культуры правосудия лежат материальные предпосылки, отражающие специфику судебно-властных отношений. Эти отношения, являясь разновидностью отношений властвования как предмета конституционного права, включают судоустройство и судопроизводство. Именно конституционно-правовая природа судебно-властных отношений предопределяет специфику методов правового воздействия и процессуально-правовые механизмы правосудия как публично-властной деятельности. Одновременно конституционная природа правовой культуры правосудия имеет формально-юридическую основу: ключевые элементы организации и функционирования судебной власти, гарантии справедливого осуществления правосудия закреплены непосредственно в Конституции РФ. Право на судебную защиту и справедливый суд – не только одно из важнейших прав и свобод человека, но и важный показатель легитимности государственной судебной власти в современной России, служит одним из ключевых ценностных ориентиров конституционной культуры правосудия. В отличие от других смежных понятий, категория «правосудие» в отечественной правовой традиции обладает большим морально-нравственным и этическим потенциалом. Традиционное использование категории «правосудие» в значении функциональной характеристики судебной власти, сформировавшееся в отечественном законодательстве, призвано придать итоговому решению суда морально-нравственное и этическое содержание. Понимание правосудия исключительно в организационном, формально-юридическом плане (как государственные органы) недостаточно для уяснения его социально-правовой природы, места и роли в системе разделения властей. Современная модель единой публичной власти формирует новые контуры

функционирования конституционной культуры правосудия: актуализируется значение судебной власти как механизма поддержания баланса конституционных ценностей, усиливается роль правовых позиций Конституционного Суда РФ в процессе обеспечения единства публичной власти, как и правосудия в целом.

Интегрированность судебной власти в систему публичной власти не означает, что в процессе принятия судебных решений может ставиться под сомнение принцип ее самостоятельности. Напротив, последовательная реализация конституционной культуры правосудия возможна только при условии законного, объективного и профессионального судебного производства. Содержательный аспект самостоятельности выражается в беспристрастности судей, невозможности оказания внешнего воздействия на процесс осуществления правосудия и принятие судебных решений. В последнем случае принцип самостоятельности судебной власти выступает более общим по отношению к принципу независимости судей. Таким образом, самостоятельность судебной власти предполагает как независимость судей, так и наличие собственной организационной структуры, функциональной автономии, специфических полномочий и особых способов взаимодействия с другими ветвями власти.

Реализация нравственно-этических начал конституционной культуры правосудия предполагает создание специальных механизмов, обеспечивающих соответствие представителей судейского корпуса высоким требованиям профессиональной этики. В этой связи особое значение приобретает деятельность органов судейского сообщества – прежде всего квалификационных коллегий судей. Институты судейского самоуправления выступают носителями корпоративной судебно-правовой культуры и источником ее формирования. Через систему специальных внутренних механизмов ответственности и самоконтроля судейское сообщество задает необходимые стандарты должного поведения, соответствующее ценностям конституционной культуры правосудия. Несмотря на корпоративный характер, Кодекс судейской этики имеет ярко

выраженную нормативную направленность, в связи с чем актуальным является вопрос о возможностях и пределах применения соответствующих норм в судебной практике.

Рассмотрение института дисциплинарной ответственности судей позволяет выявить соотношение принципов независимости и ответственности. Независимость, являясь охранительным принципом, защищает судью от внешнего давления, а ответственность выступает обратной стороной независимости, ведь без наличия адекватных мер воздействия на судей независимость может превратиться в произвол. Поддержание баланса этих принципов в деятельности судьи лежит в основе конституционной культуры правосудия. Независимость судей обеспечивает доверие граждан к суду, поддерживая устойчивость и преемственность правовой системы и способствуя развитию правового государства.

Судебная практика, выступая одной из ключевых сфер реализации и формирования конституционной культуры правосудия, оказывает существенное влияние на развитие современного российского правового пространства. Важная функциональная характеристика судебной практики состоит в том, что она представляет собой не только деятельность по применению законов, но и результат такой деятельности. Именно поэтому судебная практика выступает одновременно и сферой реализации конституционной культуры правосудия, и важнейшим ее генератором, позволяющим определять ценностные ориентиры правосудия. Судебная практика может рассматриваться как самостоятельный конституционно-правовой феномен, когда под ней подразумеваются те судебные решения, которые привносят новое нормативное знание, обладают аксиологической и интерпретационной значимостью для судебной деятельности. В этом смысле судебная практика становится особой формой выражения конституционной культуры правосудия, направленной на приращение нормативного потенциала при разрешении судом конкретных дел.

Особое место в обеспечении единства судебной практики, преодолении пробелов в праве и, соответственно, в развитии конституционной культуры

правосудия, принадлежит Конституционному Суду РФ. В основе его деятельности лежит поиск баланса между конституционными ценностями. Ценностный подход позволяет выявить «дух Конституции», концентрированно отражающий мировоззренческие, социокультурные начала культуры правосудия. Правовые позиции Конституционного Суда РФ, представленные на уровне конституционно-судебного толкования, рекомендаций законодателю и конституционных разъяснений, требуют самостоятельного рассмотрения с точки зрения оценки их влияния на конституционную культуру правосудия. Конституционное судопроизводство по самой своей сути невозможно на основе лишь формально-юридических и исключительно позитивистских оценок. Конституционный нормоконтроль непосредственно связан с выявлением «духа» Конституции, интерпретацией конституционных норм, определением границ действий публичной власти и защитой конституционных ценностей. Одновременно сочетание контрольно-юрисдикционных и правообразующих аспектов в деятельности Конституционного Суда РФ характеризует двуединую природу его полномочий в сфере реализации конституционной культуры правосудия.

Посредством интерпретации конституционных норм обеспечивается наполнение их ценностным содержанием социокультурного характера, ориентированным на поддержание социальной стабильности и доверия к публичной власти. Конституционная культура правосудия предполагает способность судебной системы воспроизводить и транслировать конституционные ценности таким образом, чтобы они воспринимались обществом как нормативные и социально значимые. Конституционная реформа 2020 года наделила Конституционный Суд РФ новыми полномочиями по предварительному нормоконтролю, сделавшими его буквальным участником законотворческого процесса, которые, однако, принципиальным образом не повлияют на основное назначение его деятельности. Наиболее актуальным представляется использование данного института как механизма разрешения

разногласий между Президентом РФ и Федеральным Собранием РФ, в целях предупреждения конфликта между ветвями власти.

Верховный Суд РФ также имеет конституционно определенные полномочия по обеспечению единообразия судебной практики, являясь в этом плане одним из важных генераторов конституционной культуры правосудия. В качестве нетипичных источников правоприменения выступают не только решения Президиума, но и разъяснения Пленума, оказывающие системное влияние на судебную практику и формирование ее единообразия. Несмотря на имеющееся нормативное разграничение полномочий Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, актуальным представляется уточнение компетенции высших судебных органов, форм их взаимодействия в процессе реализации соответствующих полномочий. Суды общей юрисдикции и арбитражные суды, осуществляя правосудие, действуют в рамках правовых позиций Конституционного Суда РФ. Прямое действие Конституции в судебной практике реализуется через институциональный механизм обращения в Конституционный Суд РФ и обязательный учет его решений при разрешении конкретных дел. Уровень конституционной культуры правосудия в этой конструкции определяется в том числе тем, насколько последовательно суды общей юрисдикции и арбитражные суды используют предоставленный им инструмент обращения в Конституционный Суд РФ, своевременно выявляют проблемы соответствия Конституции применяемым ими нормам и корректно используют правовые позиции Конституционного Суда РФ в своей практике. Необходимость обеспечения прямого действия и верховенства Конституции РФ, в том числе в контексте преодоления проблем, связанных с исполнением решений Конституционного Суда РФ, актуализирует необходимость учреждения и законодательного оформления специальных конституционно-правовых механизмов. Представляется актуальной необходимость учреждения института обязательных ежегодных аналитических материалов Конституционного Суда РФ (с обозначением органов публичной власти для рассмотрения в которых они

предназначены), с включением в структуру таких материалов раздела, посвященного практике исполнения соответствующих решений.

Выступая носителем публично-властных интересов, судебная власть на уровне конституционной культуры правосудия аккумулирует мировоззренческие и формально-юридические характеристики институтов российской государственности, одновременно контролируя процессы их развития и функционирования, что актуализирует проблему исполнения решений Конституционного Суда РФ. Проблема отсутствия эффективных механизмов принуждения федерального законодателя к исполнению решений Конституционного Суда при наличии таких механизмов на региональном уровне находится в предметном поле конституционной культуры правосудия и отражает не только уровень уважения органов власти к решениям высшей судебной инстанции, но и степень восприятия конституционного правосудия как ценностного ориентира всей системы публичной власти. Кроме всего прочего, такое положение дел создает значительные препятствия для функционирования всех звеньев судебной власти, когда суды вынуждены выносить решения, находясь в ситуации правовой неопределенности. Существующие проблемы в данной сфере оказывают негативное влияние на реализацию принципа единой системы публичной власти, в связи с чем на органы судебной власти возлагается дополнительная нагрузка, что еще больше актуализирует проблему ценностных характеристик конституционной культуры правосудия.

В настоящее время законодатель отказался от дальнейшего развития института прямой (буквальной) конституционно-правовой ответственности публичной власти перед населением. Эта ситуация актуализирует иные, в том числе судебные механизмы конституционной ответственности. В целом анализ института конституционной ответственности демонстрирует, что его содержание, границы и способы реализации напрямую зависят от состояния конституционной культуры правосудия, основаны на правовых позициях КС РФ, а также производны от способности правовой системы гармонизировать формально-юридическое и социально-политическое измерения ответственности

публичной власти. В свою очередь, именно конституционная культура правосудия способна обеспечить баланс между юридической формой конституционной ответственности и ее ценностным духовно-нравственным содержанием.

Анализ конституционной культуры правосудия предполагает исследование феномена национальных ценностей в их соотношении с интернациональными (универсальными). Объективно существующие процессы универсализации и унификации государственно-правовых ценностей имеют свои естественные и исторически обусловленные пределы. В качестве таковых выступают историческая память, национальная идентичность, социальный и религиозный менталитет, особенности личной, социальной, духовной, экономической и государственно-правовой жизни. Конституционная культура правосудия, формирующаяся на пересечении правовых и социокультурных факторов, выступает необходимым условием выработки оптимальных моделей сочетания национальных и универсальных ценностей в правотворчестве и правоприменении. Конкуренция между ценностями национального и универсального характера формирует особые духовно-нравственные и морально-этические ориентиры, определяющие систему метаюридических ценностных установок, лежащих в основе конституционного правосудия. При этом в основе всей системы конституционно-правовых изменений в сфере обеспечения конституционной идентичности, и, в частности, появления на свет новых полномочий Конституционного Суда РФ, лежит судебно-доктринальная идея, обосновывающая формально-юридическую природу противоречий между конституционным и конвенционным толкованием. В рамках дальнейшего развития и модернизации отечественного законодательства представляется целесообразным разработать системную концепцию использования решений Европейского Суда, уже ставших составной частью российской правовой системы, даже в условиях отсутствия полноценного сотрудничества с последним.

Конституционная культура правосудия способна служить инструментом гармонизации универсальных и традиционных начал в правовой политике государства. Защита конституционной идентичности может осуществляться как на внутригосударственном уровне, так и в рамках региональных международных объединений. Актуальной также представляется судебная защита ценностей геополитического характера: суверенитет, свобода принятия решений, независимость от внешних центров давления, обеспечение безопасности и стабильности. Это актуализирует значение судебных механизмов, способных адекватно реагировать на вызовы санкционного, информационного, экономического и культурного характера.

Переход от коллективистской к индивидуалистической модели взаимоотношений государства и личности стал одним из негативных последствий 90-х годов прошлого века. Последующий период развития общества и государства показал, что именно на органы судебной власти, в частности Конституционный Суд РФ, была возложена задача преодоления этих деформаций. Анализируя в этой связи результаты конституционной реформы 2020 года, можно заметить, что значительное обновление гл. 3 Конституции РФ привело к изменению ценностной ориентации в направлении традиционных оснований российской государственности. Соответствующие поправки заложили прочную основу для имплицитных, т. е. вытекающих из общих начал конституционного регулирования, характеристик традиционных национальных ценностей. Именно такими являются, например, нормы статьи 67.1 (о памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога; о защите исторической правды), статьи 75.1 (о защите достоинства граждан; сбалансированности прав и обязанностей гражданина; о социальном партнерстве; экономической, политической, социальной солидарности) и др. Это существенным образом расширило ценностные основания Конституции, позволив опираться при взаимодействии личности и государства не только на юридические нормы, но и на морально-нравственные ориентиры, имеющие прямое значение для конституционной культуры правосудия. Конституционное закрепление идеи

социальной солидарности стало закономерным продолжением развития идеи соборности и одновременно придало российской государственности уже на конституционном уровне новое ценностное измерение, получившее предварительное доктринально-судебное обоснование на уровне правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Защита традиционных ценностей всегда была важной прерогативой Конституционного Суда РФ. Нормативно-правообразующее значение духовно-нравственных ценностей проявляется в том, что с их помощью Конституционный Суд РФ выявляет и оценивает правовые модели организации тех или иных сфер общественных отношений, преодолевает пробелы и дефекты в правовом регулировании и, одновременно, определяет тенденции развития конституционных отношений, обосновывает конституционную стратегию совершенствования законодательства по направлениям, попавшим в сферу конституционного нормоконтроля. Соответствие фактических духовно-нравственных ценностей формальным юридическим требованиям значительным образом увеличивает их нормативный потенциал. В этой связи гармонизация фактических и формальных социально-правовых ценностей в нормативном содержании положений действующей Конституции – одна из важных задач правосудия.

В диссертации обращается внимание на ряд актуальных на сегодняшний день проблем (кроме уже обозначенных) в сфере правосудия: поиск оптимального соотношения унификации и дифференциации, совершенствование процессуальных механизмов доступности правосудия, преодоление избыточных барьеров для реализации конституционного права на судебную защиту, транспарентность судебной деятельности и др. Актуальным представляется и совершенствование механизмов назначения судей различных уровней, в частности назначение судей высших судов, использование на практике института выборности мировых судей населением, равно как и совершенствование института ответственности судей и т. д. В рамках анализа проблемы учреждения региональных механизмов обеспечения конституционной

законности в диссертации обосновывается целесообразность закрепления на законодательном уровне обязанности субъектов Российской Федерации сформировать региональные органы конституционного надзора с установлением рамочных требований к их компетенции.

Опыт работы в качестве члена ВККС РФ позволяет предложить различные варианты совершенствования деятельности органов судейского сообщества, включая предоставление ВККС РФ права давать наряду с рекомендациями официальные разъяснения, обязательные для квалификационных коллегий судей, иных органов судейского сообщества. Также представляется целесообразной разработка процессуального механизма отмены решений региональных квалификационных коллегий судей с направлением материалов на новое рассмотрение, что будет способствовать реализации принципов законности и равноправия в деятельности представителей судейского корпуса.

В целом исследование правовой культуры правосудия имеет фундаментальное значение для конституционно-правовой науки, поскольку позволяет выявить глубинные зависимости между юридической формой, ценностным содержанием Конституции РФ и реалиями правоприменительной деятельности. Правовая культура правосудия выступает механизмом согласования юридической формы требований Конституции РФ и нравственно-этических ценностей общества, в связи с чем и сама Конституция выступает не только источником нормативных предписаний, но и мировоззренческой, политико-правовой основой для поиска общественного согласия, баланса интересов и разрешения конфликтов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и другие официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет– портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 06.10.2022.

2. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // СПС «Консультант Плюс».

3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – 1998. – 10 декабря.

4. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.

5. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.

6. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 1. – Ст.1.

7. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 1. – Ст.2.

8. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30 (Часть I). – Ст.4202.

9. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 548.

10. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

11. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 29.12.2025) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.

12. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст.1447.

13. Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 № 1-ФКЗ (ред. от 29.12.2-25) «О военных судах Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. – 1999. – №26. – Ст.3170.

14. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 21.07.2023) «Об арбитражных судах в Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. – 1995. – №18. – Ст.1589.

15. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 №3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. 2014. №6. Ст.550.

16. Федеральный конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 50 (часть I). – Ст. 8029.

17. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ (ред. от 28.12.2025) «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 45. Ст. – 7061.

18. Федеральный закон от 14.03.2002 №30-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. – 2002. – №11. – Ст.1022.

19. Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О мировых судьях в Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. – 1998. – №51. – Ст.6270.

20. Федеральный закон от 04.06.2014 № 142-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О внесении изменений в статьи 6 и 30 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 23. – Ст. 2927.

21. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

22. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 12. – Ст. 1200.

23. Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 171.

24. Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 8. – Ст. 801.

25. Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 10. – Ст. 1566.

26. Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О гражданстве Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. –2023. – № 18. – Ст. 3215.

27. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26 (часть I). – Ст. 3378.

28. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – №1 (часть I). – Ст. 28.

29. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.04.2025) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – №53 (ч. 1). – Ст.7598.

30. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 04.11.2025) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №30. – Ст.3032.

31. Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – №29 (часть II). – Ст.5222.

32. Федеральный закон от 22.12.2020 № 439-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 52 (Часть I). – Ст. 8585.

33. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217.

34. Федеральный закон от 04.03.1998 № 33-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 10. – Ст. 1146.

35. Федеральный закон от 18.12.2022 № 514-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О Счетной палате Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 51. – Ст. 9061.

36. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О Счетной палате РФ» // Собрание законодательства РФ. – 2013. № – 14. – Ст. 1649.

37. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3340.

38. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

39. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.11.2024) «О средствах массовой информации» // Российская газета. – 1992. – 8 февраля.

40. Федеральный закон от 29.06.2013 № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона „О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 26. Ст. 3208.

41. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

42. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 29.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №1 (ч. 1). – Ст.1.

43. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 11.02.2026) //Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

44. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 №3612-1) (ред. от 24.06.2025) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – №46. – Ст.2615.

45. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.

46. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (ред. от 04.03.2026) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

47. Указ Президента РФ от 07.08.2004 № 1013 (ред. от 15.01.2024) «Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 32. – Ст. 3314.

48. Указ Президента РФ от 16.05.1996 № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в совет Европы» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 21. – Ст. 2468.

49. Указ Президента РФ от 23.05.1996 № 763 (ред. от 03.03.2022) «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 22. – Ст. 2663.

50. Указ Президента РФ от 21.09.1993 № 1400 (ред. от 10.01.2003) «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 27.09.1993.

51. Указ Президента РФ от 07.10.1993 № 1612 (ред. от 27.06.1994) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 11.10.1993. № 41. Ст. 3921.

52. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 №Пр-1168)// Российская газета. – №151. – 2011.

53. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

54. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 15.01.2024) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 52. – Ст. 7477.

55. Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 14. – Ст. 2406.

56. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 14.12.2022 № 632-СФ «О внесении изменений в Регламент Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 52. – Ст. 9427.

57. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 02.04.2024 № 5945-8 ГД «О внесении изменений в Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 15. – Ст. 2010.

58. Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 13.12.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Реализация государственной национальной политики“» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 2 (часть I). – Ст. 361.

59. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 16.07.2025) «О Правилах дорожного движения» // Российские вести. – № 227. – 1993.

60. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4356-р «Об утверждении национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 1 (часть III). – Ст. 477.

61. Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 30.03.2026) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Реализация государственной национальной политики"» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 2 (Часть I). – Ст. 361.

62. Постановление ЦИК России от 09.07.1996 № 110/837-II «О результатах выборов Президента Российской Федерации» // Вестник Центризбиркома РФ. – № 17. – 1996.

63. Постановление ЦИК России от 23.03.2004 № 99/799-4 «О результатах выборов Президента Российской Федерации» // Вестник Центризбиркома РФ. – № 7. – 2004.

64. Постановление ЦИК России от 23.03.2018 № 152/1255-7 «О результатах выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 18 марта 2018 года // Вестник ЦИК России. – № 8. – 2018.

65. Постановление Госсовета СССР от 14.11.1991 № ГС-13 «Об упразднении министерств и других центральных органов государственного управления СССР» (ред. от 27.11.1991) // Ведомости ВС СССР. – 1991. – № 50. – Ст. 1421.

66. Письмо Минпросвещения России от 26.12.2024 № 07-6324 «О направлении материалов» (вместе с «Психолого-педагогическим сопровождением семей участников (ветеранов) специальной военной операции в образовании. Методическое пособие») // СПС «КонсультантПлюс».

67. Регламент Конституционного Суда Российской Федерации (принят Решением Конституционного Суда РФ от 01.03.1995 № 2-1/6) (ред. от 29.05.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

68. Положение о порядке работы квалификационных коллегий судей (утв. Высшей квалификационной коллегией судей РФ 22.03.2007) (ред. от 10.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

69. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (вместе с Протоколом № 1» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 «об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) (Документ прекратил действие в отношении России с 16 марта 2022 года) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

70. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России (принята ВС РСФСР 12.04.1978) (утратила силу) // Ведомости ВС РСФСР. – 1978. – № 15. – Ст. 407.

71. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) (утратила силу) // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

72. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята ВС РСФСР 12.04.1978) (утратила силу) // Ведомости ВС РСФСР. – 1978. – № 15. – Ст. 407.

73. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) (утратила силу) // Свод законов СССР. – 1990. – Т. 3. – С. 14.

74. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) (утратила силу) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – № 283. – 1936.

75. Закон РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» от 6 мая 1991 г. (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 30. – Ст. 1017.

76. Федеральный закон от 03.12.2012 № 229-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 50 (часть 4). – Ст. 6952.

77. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 22. – Ст. 2031.

78. Закон РСФСР от 24.04.1991 № 1096-1 «О Выборах Президента РСФСР» (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 17. – Ст. 510.

79. Закон РСФСР от 24.04.1991 № 1098-1 «О Президенте РСФСР» (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 17. – Ст. 512.

80. Закон СССР от 05.09.1991 № 2392-1 «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» (утратил силу) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1991. – № 37. – Ст. 1082.

81. Закон СССР от 09.10.1990 № 1708-1 (с изм. от 19.05.1995) «Об общественных объединениях» (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1990. – № 42. – Ст. 839.

82. Закон СССР от 14.03.1990 № 1360-1 «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР (утратил силу) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1990. – № 12. – Ст. 189.

83. Закон СССР от 16.08.1938 г. «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. – 1938. – № 11.

84. Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик» (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. – 1958. – № 1. – Ст. 12.

85. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.

86. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.

87. Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. –1997. – № 52. – Ст. 5909.

88. Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 2. – Ст. 170.

89. Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» (утратил силу) // СУ РСФСР. – 1918. – № 26. – Ст. 420.

Акты органов судебной власти

1. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления

в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №12. – Ст.1855.

2. Заключение Конституционного Суда РФ от 21.09.1993 № 3-2 «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, связанных с его Указом от 21 сентября 1993 года "О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации" и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1994. – № 6.

3. Постановление Конституционного Суда РСФСР от 14.01.1992 № 1-П-У «По делу о проверке конституционности Указа Президента РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 289 "Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР"» // Собрание законодательства РФ. – 1992. – № 6. – Ст. 247.

4. Постановление Конституционного Суда РСФСР от 13.03.1992 № П-РЗ-I «По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан от 30 августа 1990 года, Закона Республики Татарстан от 18 апреля 1991 года "Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Республики Татарстан", Закона Республики Татарстан от 29 ноября 1991 года "О референдуме Республики Татарстан", Постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 года "О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан» // Вестник Конституционного Суда. – 1993. – № 1.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.1992 № 9-П «По делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 г. № 79 "О приостановлении деятельности коммунистической партии РСФСР", от 25 августа 1991 г. № 90 "Об имуществе КПСС и коммунистической партии РСФСР" и от 6 ноября 1991 г. № 169 "О деятельности КПСС и КП РСФСР", а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР» // Собрание законодательства РФ. – 1993. – №11. – Ст. 400.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 "О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики", Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 "О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино - ингушского конфликта", Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 "Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа", Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 "Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3424.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.1995 № 16-П «По делу о проверке конституционности статей 23 и 24 Временного положения об обеспечении деятельности депутатов Калининградской областной Думы, утвержденного Постановлением Калининградской областной Думы от 8 июля 1994 года» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 50. – Ст. 4969.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.1996 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша»// Собрание законодательства РФ. – 1996. – №14. – Ст.1549.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.1996 № 10-П «По делу о толковании отдельных положений статьи 107 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 18. – Ст. 2253.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1996 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1 и пункта 4 статьи 3 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года "О дорожных фондах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 29. – Ст. 3543.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года ″О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике″» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 5. – Ст. 708.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.1998 № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 3 – Ст. 429.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1998 № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года ″Об органах исполнительной власти в Республике Коми″» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 4. – Ст. 532.

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.1998 № 11-П «По делу о разрешении спора между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации, между Государственной Думой и Президентом Российской Федерации об обязанности Президента Российской Федерации подписать принятый Федеральный закон "О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 16. – Ст. 1879.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.1998 № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений абзаца шестого статьи 6 и абзаца второго части первой статьи 7 Закона Российской Федерации от 18 июня 1993 года "О применении контрольно - кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением" в связи с запросом

Дмитровского районного суда Московской области и жалобами граждан» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 20. – Ст. 2173.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 25. – Ст. 3004.

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.1998 № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 52. – Ст. 6447.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года "О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судоустройстве РСФСР", Уголовно - процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях" в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 6. – Ст. 867.

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1999 № 17-П «По спору о компетенции между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального прокурора Российской Федерации от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 51. – Ст. 6364.

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 25. – Ст. 2728.

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.07.2001 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона "Об исполнительном производстве" в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества "Разрез “Изыхский”"» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 32. – Ст. 3412.

22. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.04.2002 № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края "О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления" и Закона Корякского автономного округа "О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе" в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 14. – Ст. 1374.

23. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.2002 № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета - Хасэ Республики Адыгея» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 15. – Ст. 1497.

24. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.04.2003 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 7 Федерального закона "Об аудиторской деятельности" в связи с жалобой гражданки И.В. Выставкиной»// Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 15. – Ст. 1416.

25. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2003 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22

Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" в связи с запросами Государственного Собрания - Курултая Республики Башкортостан, государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 30. – Ст. 3101.

26. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.03.2004 № 5-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 5 Федерального закона "О национально-культурной автономии" в связи с жалобой граждан А.Х. Дитца и О.А. Шумахер» // Собрание законодательства РФ. – № 11. – 2004. – Ст. 1033.

27. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2004 № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона "О политических партиях" в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации "Православная партия России" и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 51. – Ст. 5260.

28. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 7. – Ст. 932.

29. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.07.2007 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 и пункта 2 статьи 13 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации" и абзаца третьего пункта 7 Правил учета страховых взносов, включаемых в расчетный пенсионный капитал, в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Учалинского районного суда Республики Башкортостан и жалобами граждан А.В. Докукина, А.С. Муратова и Т.В. Шестаковой» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 29. – Ст. 3744.

30. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2008 № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6.1 и 12.1 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и статей 21, 22 и 26 Федерального закона "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации" в связи с жалобами граждан Г.Н. Белюсовой, Г.И. Зиминой, Х.Б. Саркитова, С.В. Семак и А.А. Филатовой» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 10 (часть 2). – Ст. 976.

31. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2008 № 10-П "По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)" в связи с жалобой гражданина В.В. Михайлова"// Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 31. – Ст. 3763.

32. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2009 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 8 статьи 5, пункта 6 статьи 6 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и пункта 1 статьи 23 Федерального закона "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина В.Н. Рагозина» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 14. – Ст. 1771.

33. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2009 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта "б" пункта 4 Постановления Правительства Российской Федерации "Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия" в связи с запросом Верховного суда Республики Татарстан» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 22. – Ст. 2752.

34. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества

"Производственное объединение "Берег", открытых акционерных обществ "Карболит", "Завод "Микропровод" и "Научно-производственное предприятие "Респиратор"» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 6. – Ст. 699.

35. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений статей 6 и 7 Закона Краснодарского края "Об организации транспортного обслуживания населения таксомоторами индивидуального пользования в Краснодарском крае" в связи с жалобой граждан В.А. Береснева, В.А. Дудко и других» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2010. – № 5.

36. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2010 № 22-П "По делу о проверке конституционности части 8 статьи 4 и частей 2, 3 и 4 статьи 9 Федерального закона "Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с жалобой администрации города Благовещенска"// Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 264.

37. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.04.2011 № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона "О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации" в связи с жалобой граждан А.С. Епанечникова и Е.Ю. Епанечниковой» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – 16. – Ст. 2309.

38. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.10.2011 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина С.Л. Панченко"» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №44. – Ст.6319.

39. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.2012 № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта "в" части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона "О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 1. – Ст. 78.

40. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.2013 № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта "в" пункта 2 статьи 51 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе" в связи с жалобами граждан Р.В. Боскачева, И.В. Овсянникова и Д.А. Савельева» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 13. – Ст. 1635.

41. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2014 № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Аникиева» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 7. – Ст. 735.

42. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 40 (Часть III). – Ст. 5489.

43. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона "Об актах гражданского состояния" в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 26. – Ст. 3944.

44. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой

статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 30. – Ст. 4658.

45. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона ″Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации″ и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области ″Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области″ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 50. Ст. 7226.

46. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу "Анчугов и Гладков против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства – РФ. 2016. – № 17. – Ст. 2480.

47. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "ПАГ"» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 9. – Ст. 1435.

48. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2018 № 32-П "По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 69 Воздушного кодекса Российской Федерации, подпункта 1 пункта 2 статьи 78 Бюджетного кодекса

Российской Федерации, а также пунктов 3 и 6 Правил предоставления субсидий из федерального бюджета организациям на возмещение недополученных ими доходов от предоставления услуг по аэропортовому и наземному обеспечению полетов воздушных судов пользователей воздушного пространства, освобожденных в соответствии с законодательством Российской Федерации от платы за эти услуги, в связи с жалобами публичного акционерного общества "Аэропорт Кольцово" и акционерного общества "Международный аэропорт Нижний Новгород"// Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 30. – Ст. 4810.

49. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2019 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 112 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан Н.А. Баланюк, Н.В. Лаврентьева, И.В. Попова и В.А. Чернышева» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 4. – Ст. 361.

50. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2019 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 13 Закона Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий", пунктов 3 и 5 статьи 7, пункта 1 части 1 и части 2 статьи 8 Закона города Москвы "Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения" в связи с жалобами граждан А.Л. Мейсснер, Е.С. Михайловой и Е.Б. Шашевой» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 51 (часть II). – Ст. 7760.

51. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.11.2020 № 45-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и пункта 8 статьи 8 Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" в связи с жалобой религиозной организации Церковь христиан веры евангельской (пятидесятников) "Слово жизни" Долгопрудный"» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 46. – Ст. 7378.

52. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2020 № 47-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 2 Федерального закона "О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения,

находящегося в государственной или муниципальной собственности" в связи с жалобой местной религиозной организации Община Православной Церкви Божией Матери Державная города Твери"» // Собрание законодательства РФ. – 2020. № – 48. – Ст. 7837.

53. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области "О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области" в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1 (часть II). – Ст. 289.

54. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2022 № 48-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого части 1 статьи 48 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" в связи с жалобой граждан Ю.А. Плахтеевой, А.Ю. Савушкиной и А.Ю. Яковлевой» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 47. – Ст. 8304.

55. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 3.3 Федерального закона "О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации", пункта 18 части 1, частей 3 и 4 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации", статей 10 и 51 Федерального закона "Об охране окружающей среды", пункта 1 статьи 22 Федерального закона "О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения", пункта 2 статьи 9 и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона "Об отходах производства и потребления", а также пунктов 16 - 18 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами в связи с жалобами муниципального образования

"Городское поселение город Кодинск Кежемского муниципального района Красноярского края" и администрации Новосибирского района Новосибирской области» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 23 (Часть II). – Ст. 4273.

56. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго части второй статьи 85, статей 96 и 97, части шестой статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой автономной некоммерческой организации "Экспертно-криминалистический центр "Судебная экспертиза"» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 31 (Часть III). – Ст. 6116.

57. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона "О страховых пенсиях" в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой"» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 7. – Ст. 694.

58. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.04.2025 № 16-П // «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 333.19 и пункта 1 статьи 333.21 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 45 и 47 статьи 2 Федерального закона "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 16. – Ст. 2101.

59. Определение Конституционного Суда РФ от 07.05.1998 № 90-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Налетова Виталия Иннокентьевича на нарушение его избирательных прав Законом Кемеровской области "О статусе депутата Законодательного Собрания Кемеровской области"» // СПС КонсультантПлюс.

60. Определение Конституционного Суда РФ от 05.11.1998 № 134-О «По делу о толковании статьи 81 (часть 3) и пункта 3 раздела второго "Заключительные и переходные положения" Конституции Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 46. – Ст. 5701.

61. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 456-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Октябрьского районного суда города Ижевска о проверке конституционности абзацев первого и второго пункта 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 3.

62. Определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2004 № 452-О «По жалобе гражданки Шевелевой Ларисы Анатольевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»// Вестник Конституционного Суда РФ. – № 3. – 2005.

63. Определение Конституционного Суда РФ от 15.02.2005 № 5-О «По жалобе гражданки Сухачевой Валентины Васильевны на нарушение ее конституционных прав положениями пункта 8 статьи 15 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и подпунктов 11 и 13 пункта 2 статьи 17 Федерального закона "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации"» // Вестник Конституционного Суда РФ. – № 5. – 2005.

64. Определение Конституционного Суда РФ от 15.02.2005 № 17-О «По жалобе гражданки Енборисовой Прасковьи Федоровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 8 статьи 14 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 16. – Ст. 1479.

65. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2007 № 428-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шаклеина Владимира Андреевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 2 статьи 8 Федерального закона "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях"» // СПС «КонсультантПлюс».

66. Определение Конституционного Суда РФ от 07.02.2008 № 224-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданки Ахмидзяновой Надежды Файзиевны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 8 и 9 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности",

статей 144 и 145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 26 Федерального закона "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации"»// СПС «КонсультантПлюс».

67. Определение Конституционного Суда РФ от 09.10.2008 № 482-О-Р «По ходатайствам Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации и Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2008 года N 3-П» // Вестник Конституционного Суда РФ". – №6. – 2008.

68. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей» // СПС «КонсультантПлюс».

69. Определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2009 №377-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Булгакова Николая Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 54 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

70. Определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 №1085-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кубанова Виктора Борисовича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 1 статьи 3 Федерального закона "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей"» // СПС «КонсультантПлюс».

71. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного

Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года "О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судоустройстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. – 30.11.2009. – № 48. – Ст. 5867.

72. Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2011 № 193-О-О «По жалобе гражданина Соколова Алексея Вениаминовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 20 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений"» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2011. – № 3.

73. Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 175-О-О «По жалобе гражданина Макаева Хамеда Халидовича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 статьи 16 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации"»// СПС «КонсультантПлюс».

74. Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 176-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гладкова Владимира Станиславовича на нарушение его конституционных прав пунктами 3 и 8 статьи 16 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации"»// СПС «КонсультантПлюс».

75. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2012 № 1033-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гладкова Владимира Станиславовича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, статей 143, 144, 145, 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации"»// СПС «КонсультантПлюс».

76. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1256-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Ивановской областной общественной организации охотников и рыболовов на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 71 Федерального закона "Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – № 1. – 2013.

77. Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 № 443-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы публичного акционерного общества "Крымхлеб" на нарушение конституционных прав и свобод абзацем третьим части 1 и частью 3 статьи 2-1 Закона Республики Крым "Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым"» // СПС «КонсультантПлюс».

78. Определение Конституционного Суда РФ от 04.07.2017 № 1440-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 146, 153, 154, 247 - 249 и 274 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

79. Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2018 № 10-О "По жалобе граждан Лебедик Зои Олеговны, Мельникова Дмитрия Алексеевича и Шатшнайдера Владимира Ивановича на нарушение их конституционных прав статьями 2 и 10 Федерального закона "Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации" и пунктом 4 Указа Президента Российской Федерации "О свободе торговли"// Вестник Конституционного Суда РФ. – 2018. – № 4.

80. Определение Конституционного Суда РФ от 19.09.2019 № 2145-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности подпункта 3 пункта 6 статьи 1483 и статьи 1508 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

81. Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2019 № 2620-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кускалиева Самата Бектурсуновича на нарушение его конституционных прав подпунктом 3 пункта 2 статьи 56.3 и подпунктом 4 пункта 4 статьи 56.11 Земельного кодекса Российской Федерации, а также частью второй статьи 25.2 Закона Российской Федерации "О недрах"» // СПС «КонсультантПлюс».

82. Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2022 № 3280-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Брусницыной Веры Евгеньевны, Брянского Владимира Вениаминовича и других на нарушение их конституционных прав статьей 6, пунктом 12 части первой статьи 75, частями второй и четвертой статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", пунктом 1 части 1 статьи 128 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и частью второй статьи 1 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

83. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2024 № 441-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кучеренко Игоря Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 3 статьи 432 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

84. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.2025 № 24-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.Г. Байгускаровой и М.Г. Мухаметчина» // СПС «КонсультатПлюс».

85. Определение Конституционного Суда РФ от 24 10.2019 г. № 2599-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Павловой Татьяны Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью 3 статьи 13 и частью 4 статьи 28, а также частью 3 статьи 43 во взаимосвязи с частями 1, 4 и 5 статьи 44 Федерального закона ″Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации″» // СПС «КосультантПлюс».

86. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 №8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»// Российская газета. – 1995. – №247. – 28 декабря.

87. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 марта 2011 г. № 5 "О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 6.

88. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 64 "О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами" // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. –2017. – № 2.

89. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 "О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)" // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 2.

90. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2025 № 33 "О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 21 "О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней" // СПС «КонсультантПлюс».

91. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.03.2001 № 38пв-2001 // СПС «КонсультантПлюс».

92. Постановление Верховного Суда РФ от 06.07.2015 № 8-АД15-4 //СПС «КонсультантПлюс».

93. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.04.2016 № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 6.

94. Определение Верховного Суда РФ от 20.09.2023 № 305-ЭС23-16690 по делу № А40-29793/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

95. Решение Верховного Суда РФ от 13.02.2020 № АКПИ19-1021 // СПС «КонсультантПлюс».

96. Решение Верховного Суда РФ от 12.09.2022 N АКПИ22-631 // СПС «Консультант Плюс».

97. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2024 № 43-УД24-9-А4 // СПС «КонсультантПлюс».

98. Определение Верховного Суда РФ от 23.06.2005 № 67-005-36 // СПС «КонсультантПлюс».

99. Решение Хостинского районного суда г. Сочи Краснодарского края № 2А-1458/2020 2А-1458/2020~М-1552/2020 М-1552/2020 от 8 июля 2020 г. по делу № 2А-1458/2020 // https://sudact.ru/regular/doc/dXpbkYAxNBdj/?page=2 (дата обращения 11.04.2025).

100. Апелляционное определение Суда Еврейской автономной области от 17.01.2025 33-15/2025 (УИД 79RS0002-01-2024-004422-12) // СПС «Консультант Плюс».

101. Решение Кировского районного суда города Санкт-Петербурга № 2А-3417/2020 2А-3417/2020~М-2337/2020 М-2337/2020 от 6 июля 2020 г. по делу № 2А-3417/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/RcodbBRRlRWC/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%96+2%D0%90-3417%2F2020+2%D0%90-3417%2F2020%7E%D0%9C-2337%2F2020+%D0%9C-2337%2F2020&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-

workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1779622564834 (дата обращения: 11.04.2025).

102. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.04.2024 по делу № 33-13630/2024 (УИД 77RS0015-02-2023-013715-43) // СПС «КонсультантПлюс».

103. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.02.2024 № 33-5161/2024 (УИД 77RS0002-02-2023-012997-73) // СПС «КонсультантПлюс».

104. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 15.01.2018 № 33а-505/2018 по делу № 2-5353/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

105. Решение Кулебакского городского суда Нижегородской области № 2А-1200/2024 2А-204/2025 2А-204/2025(2А-1200/2024;)~М-1011/2024 М-1011/2024 от 23 февраля 2025 г. по делу № 2А-1200/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

106. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.10.2020 № 88а-14413/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

107. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14.05.2025 № 88А-7128/2025 (УИД 42RS0009-01-2021-010707-93) // СПС «КонсультантПлюс».

108. Решение Гулькевичского районного суда Краснодарского края № 12-10/2019 12-244/2018 от 11 февраля 2019 г. по делу № 12-10/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/xZ1RgMA0XQdR/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%96+12-10%2F2019+12-244%2F2018&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1779643273588 (дата обращения: 11.04.2025).

109. Решение Еланского районного суда Волгоградской области № 2А-257/2020 2А-257/2020~М-233/2020 А-257/2020 М-233/2020 от 27 июля 2020 г. по делу № 2А-257/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/KUVxx526BRQ8/?regular-

txt=&regular-case_doc=2%D0%90-257%2F2020+2%D0%90-257%2F2020%7E%D0%9C-233%2F2020+%D0%90-257%2F2020+%D0%9C-233%2F2020+&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1779643509169 (дата обращения: 11.04.2025).

110. Решение Ухтинского городского суда Республика Коми № 2А-2345/2020 от 28 июля 2020 г. по делу № 2А-820/2020~М-214/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/96nX48ywyoW5/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%96+2%D0%90-2345%2F2020&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=%D0%A3%D1%85%D1%82%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0+%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%B8%29&regular-judge=&_=1779643828144 (дата обращения: 11.04.2025).

111. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда Ставропольского края № 22-2581/2019 от 3 июня 2019 г. по делу № 22-2581/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/IcFEnJREtwUL/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%96+22-2581%2F2019+&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%A1%D1%82%D0%B0%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%29&regular-judge=&_=1779645090473 (дата обращения: 15.02.2025).

112. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Мордовия от 20.05.2015 № 22-842/2015) // СПС «КонсультантПлюс».

113. Приговор Чаунского районного суда Чукотского автономного округа № 1-20/2020 от 5 июля 2020 г. по делу № 1-20/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Uzh6eJ5p6bWP/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%96+1-20%2F2020+&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=%D0%A7%D0%B0%D1%83%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%A7%D1%83%D0%BA%D0%BE%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D0%BE%D0%BA%D1%80%D1%83%D0%B3%29&regular-judge=&_=1779645258144 (дата обращения: 10.02.2025).

114. Приговор Богородицкого районного суда Тульской области № 1-1/2020 1-177/2019 от 16 января 2020 г. по делу № 1-1/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/33KsVoIdymLp/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%96+1-1%2F2020+1-177%2F2019&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=%D0%91%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%A2%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%29&regular-judge=&_=1779645355171 (дата обращения: 20.02.2025).

115. Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2025 по делу № 77-767/2025 (УИД 34RS0040-01-2024-000184-03) // СПС «КонсультантПлюс».

116. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14.05.2025 № 88А-7128/2025 (УИД 42RS0009-01-2021-010707-93) // СПС «КонсультантПлюс».

117. Решение Красноярского краевого суда от 24.10.2022 № 3А-1/2022 (УИД 24OS0000-01-2020-000829-11) // СПС «КонсультантПлюс».

Монографии, учебники, учебные пособия

1. Авакьян, С. А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики / С. А. Авакьян. – Москва : Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова Издательский Дом (типография), 2022. – 484 с. – ISBN 978-5-7205-1831-8. – EDN UWDMCC.

2. Аверин, А. В. Истина и судебная достоверность : Постановка проблемы / А. В. Аверин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2007. – 466 с. – ISBN 978-5-94201-536-7. – EDN RYRVTV.

3. Алексеев, Н. Н. Русский народ и государство / Сост. А. Дугин, Д. Тараторин. – М.: Аграф, 1998. – 640 с.

4. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – 2-е издание, стереотипное. – Москва : Издательство "БЕК", 1994. – 224 с. – ISBN 5-85639-005-9. – EDN RLSTLX.

5. Арановский, К. В. Конституционная традиция в российской среде / К. В. Арановский ; К.В. Арановский. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 656 с. – (Конституционное, муниципальное и административное право /Ассоц. юрид. центр). – ISBN 5-94201-208-3. – EDN QVPYMB.

6. Арутюнян Г.Г. Конституционная культура: уроки истории и вызовы времени. Ереван: Нжар, 2016. – 672 с.

7. Арутюнян Г.Г. Конституционный мониторинг / Г.Г. Арутюнян. Ереван: Nijar, 2016. - 351 с.

8. Баллер, Э. А. Преемственность в развитии культуры [Текст] / АН СССР. Ин-т философии. – Москва : Наука, 1969. – 294 с.

9. Барак Аарон. Судейское усмотрение. М.: Издательство НОРМА, 1999. – 376с.

10. Баранов, П. П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел / П. П. Баранов. – Москва : ВЮЗШ МВД СССР, 1991. – 130 с. – EDN WLSKJT.

11. Баренбойм, П. Д. 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера / П.Д. Баренбойм. – М., 2003. – 288 с.

12. Белл, Д. Эпоха разобщенности : размышления о мире XXI века / Даниел Белл, Владислав Иноземцев. – Москва : Свободная мысль, Центр исслед. постиндустриального об-ва, 2007. – 303 с.

13. Бердяев, Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. Москва: Философское общество СССР, 1990. – 240 с.

14. Блохин, П. Д. Методы конституционного правосудия. Опыт России, Германии и США / П. Д. Блохин. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2025. – 352 с. – ISBN 978-5-392-43413-8. – EDN GAURUY.

15. Бог. Человек. Конституция. Библейская философия права в научном наследии А. П. Лопухина (1852-1904) / В. М. Баранов, П. Д. Баренбойм, А. А. Васильев [и др.] ; Южный федеральный университет; Московско-Петербургский философский клуб; Международный союз (содружество) адвокатов. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2020. – 272 с. – ISBN 978-5-392-32580-1. – DOI 10.31085/9785392325801-2020-272. – EDN JSVVOT.

16. Бог. Человек. Конституция. Библейская философия права в научном наследии А. П. Лопухина (1852-1904) / В. М. Баранов, П. Д. Баренбойм, А. А. Васильев [и др.] ; Южный федеральный университет; Московско-Петербургский философский клуб; Международный союз (содружество) адвокатов. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. – 272 с. – ISBN 978-5-392-38163-0. – DOI 10.31085/9785392325801-2020-272. – EDN LFARFT.

17. Бондарь А.Н. Состязательность и равноправие сторон в гражданском судопроизводстве: соотношение конституционных и отраслевых начал: Монография. Ростов-на-Дону: Профпресс, 2017. – 203 с.

18. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: Монография / 2-е изд., перераб. М.: Норма; ИНФРА-М, 2021. – 528 с.

19. Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России: Очерки теории и практики / Н.С. Бондарь. Москва: Норма; ИНФРА-М, 2020. - 272 с.

20. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2018. – 224с.

21. Бондарь, Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия / Н. С. Бондарь ; Н. С. Бондарь. – Москва : Издательская группа "Юрист", 2013. – 176 с. – ((Библиотечка судебного конституционализма). – ISBN 978-5-91835-214-4. – EDN XHTDON.

22. Бондарь, Н. С. Гражданин и публичная власть : конституц. обеспечение прав и свобод в мест. самоуправлении : учеб. пособие / Н. С. Бондарь ; Н. С. Бондарь. – Москва : Издат. дом "Городец", 2004. – 351 с. – ISBN 5-9584-0059-2. – EDN QVYABH.

23. Бондарь, Н. С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ) / Н. С. Бондарь ; Н. С. Бондарь. – Москва : Викор-Медиа, 2006. – 223 с. – (Библиотечка эж-Юрист). – ISBN 5-902190-10-X. – EDN QXDVSN.

24. Бондарь, Н. С. Ростовская область как субъект конституционно-правовой жизни Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра / Н. С. Бондарь ; Н. С. Бондарь. – Ростов-на-Дону : Профпресс, 2014. – 263 с. – (Библиотечка судебного конституционализма). – ISBN 978-5-905468-18-6. – EDN UZSFVB.

25. Бондарь, Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России/ Н. С. Бондарь. - М.: Норма, 2008. – 592 с.

26. Бондарь, Н.С. Местное самоуправление: законодательство и практика реализации (в свете региональной правовой политики). Серия

"Библиотечка судебного конституционализма". Вып. 6 / Н.С. Бондарь, А.А. Джагарян. Ростов-на-Дону: Профпресс, 2016. – 176 с.

27. Булгаков, С. Н. Сочинения в двух томах / С. Н. Булгаков ; вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания С. С. Хоружего. : Издательство Наука, 1993. – 603 с.

28. Вехи конституционной реформы в России : Коллективная монография / С. А. Авакьян, Н. А. Антонова, П. А. Астафичев [и др.]. – Санкт-Петербург : Скифия-Принт, 2025. – 250 с. – ISBN 978-5-98620-776-6. – EDN YTZMQZ.

29. Вопленко, Н. Н. Сущность, принципы и функции права / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Волгоградский государственный университет, 1998. – 56 с. – ISBN 5-85534-141-0. – EDN WMFZEV.

30. Воскобитова Л.А. Сущностные характеристики судебной власти. Ставрополь, 2003. – 160 с.

31. Вышинский А.Я., Ундревич В.С. Курс уголовного процесса: судоустройство: учебник для правовых вузов. Т. 1. М.: Сов. законодательство, 1936. – 564 с.

32. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) / Г.А. Гаджиев. Москва: Норма, 2013. – 319 с.

33. Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации / Н. С. Бондарь, В. И. Крусс, Г. Н. Чеботарев [и др.]. – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. – 240 с. – ISBN 978-5-400-01777-3. – EDN BYRKMD.

34. Гуськова, А. П. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства / А. П. Гуськова, Н. Г. Муратова. – Москва : ИГ "Юрист", 2005. – 176 с. – EDN YSKJAG.

35. Евразийская природа России и некоторые современные проблемы развития государственно-правовых институтов / Ю. И. Скуратов ; М-во образования и науки Российской Федерации, Бурятский гос. ун-т, юридический

фак., Юридический фак.. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – ISBN 978-5-9793-0484-7. – EDN QSUHAN.

36. Ю. А. Жданов о культуре / Отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов н/Д: ГЮР, 2014. –176 с.

37. Жданов, Ю. А. Проблемы теории и истории культуры. Сущность культуры / Ю. А. Жданов, В. Е. Давидович. – 2-е издание, переработанное. – Ростов-на-Дону : Наука-пресс, 2005. – 432 с. – ISBN 5-88558-027-8. – EDN BMGNFZ.

38. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России: Монография / В.Д. Зорькин. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Норма, 2019. – 448 с.

39. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика: монография. М.: Норма, 2018. – 592с.

40. Зорькин, В. Д. Современный мир, право и Конституция / В. Д. Зорькин. – Москва : Инфра-М, 2010. – 544 с. – ISBN 978-5-91768-068-2. – EDN SDQQLF.

41. Ильин, И. А. О сущности правосознания / Подготовка текста и вступительная статья И. Н. Смирнова. – М.: «Рарогъ», 1993. – 235 с.

42. Ильин, И.А. Основы христианской культуры / И.А. Ильин. - Мюнхен : Изд. Обители Преп. Иова Почаевского, 1990. – 51 с.

43. Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2024 году (подготовлен Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации в соответствии с пунктом 2 § 67 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации) // https://www.ksrf.ru/about/Maintenance/Documents/Report_2024.pdf - дата обращения 25.04.2025

44. Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020 - 2023

годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023) // СПС «КонсультанПлюс».

45. Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

46. Кабышев, В. Т. С Конституцией по жизни : избранные научные труды / В. Т. Кабышев. – Москва : ООО "Формула права", 2013. – 320 с. – ISBN 978-5-8467-0081-9. – EDN RVXYKJ.

47. Каган, М.С. Философская теория ценности / С.-Петерб. гос. ун-т; Акад. гуманитар. наук. – СПб. : Петрополис, 1997. – 204 с.; – ISBN 5-86708-101-X.

48. Каландриашвили З.Н. Конституционная культура: генезис и эволюция: монография; под науч. ред. А.А. Ливеровского. – СПб.: Алетейя, 2025. – 170с.

49. Каминская В.И., Ратинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания. Сборник научных трудов / Редкол.: Бойков А.Д., Каминская В.И., Ратинов А.Р. [и др.]. – М.: Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. Мер предупреждения преступности, 1974. – С. 39-67.

50. Мальцев, Г.В. Культурные традиции права: монография/ Г.В. Мальцев. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2013. – 608 с.

51. Киреевский, И. В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007. – 448 с.

52. Клеандров М.И. Механизм этической ответственности судьи: проблема формирования: монография / М.И. Клеандров. М.: Норма, 2016. – 240 с.

53. Клеандров М.И. Статус Судьи: правовой и смежные компоненты/ М.И. Клеандров. – М.: Норма, 2011. – 448с.

54. Клеандров, М. И. Ответственность судьи : монография / М. И. Клеандров ; М. И. Клеандров ; Российская акад. наук, Ин-т государства и права. – Москва : Норма, 2011. – 575 с. – ISBN 978-5-91768-216-7. – EDN QSGLJJ.

55. Ковлер, А. И. Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации / А. И. Ковлер. – Москва : Издательский Дом "Инфра-М", 2019. – 400 с. – ISBN 978-5-91768-987-6. – EDN MXPBCW.

56. Кожокарь, И. П. Акты стратегического планирования: теоретико-правовое исследование / И. П. Кожокарь, Д. Р. Мамяшева. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2024. – 160 с. – ISBN 978-5-392-42686-7. – EDN VPSLUE.

57. Кокотов, А. Н. Конституционное право России : курс лекций / А. Н. Кокотов ; А. Н. Кокотов. – Изд. 2-е доп. и перераб.. – Москва : Проспект, 2010. – 296 с. – ISBN 978-5-392-01624-2. – EDN QRQAFF.

58. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 1008 с.

59. Кондрашев, А. А. Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика / А. А. Кондрашев ; А.А. Кондрашев. – Москва : Юристъ, 2006. – 345 с. – (res cottidiana). – ISBN 5-7975-0843-5. – EDN QWYAKR.

60. Кондрашев, А. А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации / А. А. Кондрашев. – Москва : Юристъ, 2006. – 345 с. – EDN WGMPLX.

61. Конституционная культура: Универсальные ценности и национальные особенности : Сборник научных трудов / Центр социал. науч.-информ. исслед. Отдел правоведения; Отв. ред. Алферова Е.В., Андреева Г.Н.. – Москв : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2011. – 244 с. – (Правоведение). – ISBN 978-5-248-00606-9. – EDN OJXBNJ.

62. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 430 с.

63. Корнев, А.В. Социология права. М.: Проспект, 2016. – С. 199.

64. Кравец И.А. Российский конституционализм. Проблемы становления, развития и осуществления. СПб. Юридический центр Пресс 2004. – 675с.

65. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории / В.И. Крусс. Москва: Норма; Инфра-М, 2016. – 239 с.

66. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М., 1989. – 638 с.

67. Лебедев В. М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб., 2001. – 383с.

68. Лебедев, В. А. Суверенная демократия как конституционная идея современной России / В. А. Лебедев, В. В. Киреев. – Челябинск : Челябинский государственный университет, 2007. – 255 с. – ISBN 978-5-7271-0871-0. – EDN QBEHHJ.

69. Лосский Н.О. Характер русского народа / Н. О. Лосский. – Посев, 1957. – 152 С.

70. Лосский, Н.О. Условия абсолютного добра; Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.

71. Малько, А. В. Судебная система и судебная политика в современной России: проблемы теории и практики / А. В. Малько, Д. С. Семикин, Ю. М. Гайдидей. – Москва : Издательство "Юрлитинформ", 2014. – 160 с. – (Теория и история государства и права). – ISBN 978-5-4396-0750-1. – EDN SYPLKL.

72. Маркарян, Э. С. Культурология в контексте глобальной безопасности / Э. С. Маркарян // Фундаментальные проблемы культурологии : в 4 т. Т. 1: Теория культуры. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 95-114.

73. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2024. – 448с.

74. Марченко М.Н. Теория государства и права. 2-е изд. М.: «Проспект». 2003. – 640 с.

75. Межуев, В.М. История, цивилизация, культура: опыт исторического истолкования. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 440 с.

76. Митюков, М. А. В поисках обретения Конституции: от Конституции РСФСР 1978 года к Конституции Российской Федерации 1993 года : документально-монографическое исследование / М. А. Митюков. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. – 736 с. – ISBN 978-5-392-37545-5. – EDN KNWCOJ.

77. Михайловская И.Б., Кузьминский Е.Ф., Мазаев Ю.Н. Права человека в массовом сознании. - М.: Проектная группа по правам человека. 1995.

78. Михайловская, И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость / И. Б. Михайловская. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. – 128 с. – ISBN 978-5-392-38706-9. – EDN ISJWIU.

79. Модернизация статуса судьи: современные международные подходы: монография/ отв. Ред. Т.Н. Нешатаева. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 336с.

80. Морщакова, Т. Г. Судебное правоприменение в России: о должном и реальном / Т. Г. Морщакова ; Т. Г. Морщакова. – Москва : Р. Валент, 2010. – ISBN 978-5-93439-325-1. – EDN QSCTAJ.

81. Наследие семьи Аксаковых и проблемы ценностного выбора в современной культуре : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 14 ноября 2017 года. – Самара: Самарский государственный институт культуры, 2018. – 285 с. – ISBN 978-5-88293-407-0. – EDN VMORMW.

82. Научные концепции развития российского законодательства / Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров, В. Р. Авхадеев [и др.]. – 8-е издание переработанное и дополненное. – Москва : Норма, 2024. – 656 с. – ISBN 978-5-00156-353-2. – EDN VJUIJQ.

83. Нерсесянц, В.С. Философия права. Учебник для вузов. – М.: Издательская группа ИНФРА-М -НОРМА, 1997. - 652.

84. Новгородцев, П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П.И. Новгородцев. Москва: Наука, 1996. - 270 с.

85. Новгородцев, П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П.И. Новгородцев. Санкт-Петербург: Лань, 2000. – 374 с.

86. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2001. — 520 с.

87. Панфилов, А. Н. Культура и местное самоуправление: конституционно-правовые аспекты взаимодействия / А. Н. Панфилов. – Москва : Издательский Дом "Инфра-М", 2015. – 237 с. – ISBN 978-5-16-011457-6. – EDN VHVQRR.

88. Пашуканис, Е. Б. Общая теория права и марксизм. Издание 3-е. – М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1929. – 136 с.

89. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий ; Лев Иосифович Петражицкий; сост., авт. вступ. ст. и коммент.: А. Н. Медушевский ; Институт общественной мысли. – Москва : Издательство "Российская политическая энциклопедия", 2010. – 798 с. – (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века). – ISBN 978-5-8243-1202-7. – EDN SBFDIT.

90. Победоносцев, К. П. Московский сборник / К. П. Победоносцев. - Изд. 5-е, доп. – Москва : Синодальная тип., 1901. – 366 с.

91. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Российская газета. – № 7. – 2020.

92. Правосознание и правовое регулирование в России / Г. Э. Адыгезалова, К. Б. Волик, Г. Ф. Гараева [и др.]. – Краснодар : Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2024. – 178 с. – ISBN 978-5-91718-771-6. – EDN DXIYIC.

93. Правосудие в современном мире: монография / В.И. Анишина, В.Ю. Артемов, А.К. Большова и др.; под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М.: Норма, Инфра-М, 2012. - 704 с.

94. Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности / А. В. Белякова, Х. И. Гаджиев, С. А. Грачева [и др.]. – Москва : Юридическое издательство "Норма", 2024. – 416 с. – ISBN 978-5-00156-333-4. – DOI 10.12737/2090017. – EDN BREFFH.

95. Режабек, Е.Я. Когнитивная культурология/ Е. Я. Режабек, А. А. Филатова. – М.: Алетейя, 2010. – 316 с.

96. Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М., 1998. – 216с.

97. Рымарев, Д. С. Вина как необходимое условие конституционно-правовой ответственности участников выборов / Д. С. Рымарев ; Избирательная комиссия Иркутской области ; Иркутский институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского. – Иркутск : Избирательная комиссия Иркутской области, 2017. – 176 с. – ISBN 978-5-91106-041-1. – EDN YQFOPN.

98. Рябко, И.Ф. Правосознание и правовое воспитание масс в советском обществе. Ростов н/Д: Изд. Рост. Ун-та, 1969. – 191с.

99. Савенков, А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации / А. Н. Савенков. – Москва : ФГБУ «Издательство «Наука», 2024. – 739 с. – ISBN 978-5-8339-0281-3. – EDN MXWSKU.

100. Сальников В.П. Правовая культура советского человека. Л., 1982. – 16 с.

101. Сальников, В. П. Правовое воспитание и правовая культура в системе органов МВД СССР / В. П. Сальников, В. Ф. Казаченко // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 1. – С. 54-58. – EDN UCCOZV.

102. Сисакьян, А. К. Философско-правовые аспекты конституционного правосознания / А. К. Сисакьян. – Челябинск : Челябинский государственный университет, 2022. – 114 с. – ISBN 978-5-7271-1801-6. – EDN FNAFYW.

103. Скуратов, Ю. И. Евразийская парадигма России и современные проблемы ее конституционно-правового развития / Ю. И. Скуратов. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2021. – 416 с. – ISBN 978-5-392-33769-9. – DOI 10.31085/9785392337699-2021-416. – EDN BSKKDB.

104. Современное государство и личность в историческом и философско-правовом осмыслении, Москва, 02–03 октября 2017 года / В. Г. Графский ; Ответственный редактор и составитель доктор юридических наук, профессор В.Г. Графский. – Москва: Юридическое издательство "Норма", 2017. – 144 с. – ISBN 978-5-91768-954-8. – EDN VGIEVA.

105. Современные проблемы правового регулирования: ответы на вызовы XXI века / Г. Э. Адыгезалова, Л. В. Бутько, Л. П. Высоцкая [и др.]. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2024. – 267 с. – ISBN 978-5-8209-2387-6. – EDN GAORLG.

106. Соловьев, В.С. Право и нравственность. –Минск: Харвест; –М.: АСТ, 2001. – 192 с.

107. Стучка П.М. Учение о Советском государстве и его конституции ССР и РСФСР: учебное пособие для вузов / П.М. Стучка. 6-е изд., перераб. Москва: Государственное издательство; Ленинград: Печатный двор, 1929. – 311 с.

108. Судебная власть в Российской Федерации. Тенденции и перспективы развития / П. К. Лысов, Н. Д. Эриашвили, В. Н. Калинин [и др.]. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2016. – 167 с. – (Magister). – ISBN 978-5-238-02798-2. – EDN XRVVUH.

109. Судебная правовая политика в России и зарубежных странах : Коллективная монография. – Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2019. – 608 с. – ISBN 978-5-00045-711-5. – EDN BSFWAH.

110. Судебная практика в современной правовой системе России / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов [и др.]. – Москва : Юридическое издательство "Норма", 2017. – 432 с. – ISBN 978-5-91768-835-0. – EDN ZOQHQV.

111. Судебная практика в современной правовой системе России / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов [и др.]. – Москва : Юридическое издательство "Норма", 2017. – 432 с. – ISBN 978-5-91768-835-0. – EDN ZOQHQV.

112. Судебная юриспруденция : от доктрины к единообразию судебной практики / А. В. Белякова, Х. И. Гаджиев, С. А. Грачева [и др.]. – Москва : НОРМА, ИНФРА-М, 2024. – 384 с. – EDN CHOSSG.

113. Судебная, прокурорская и правоохранительная деятельность как гарантия обеспечения суверенитета Российской Федерации: текущие вызовы и перспективы : Монография. По материалам Всероссийской конференции, проведенной в рамках XXIV Международной научно-практической конференции "Кутафинские чтения". – Москва : Издательство Проспект, 2024. – 304 с. – ISBN 978-5-392-41684-4. – EDN KJTBOY.

114. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев [и др.]. – Москва : Юридическое издательство "Норма"; Инфра-м, 2020. – 344 с. – ISBN 9785001561101;9785160165714. – EDN CRPJUU.

115. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика : монография / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев [и др.]. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, ООО "Юридическое издательство Норма", ООО "Научно-издательский центр Инфра-М", 2026. – 344 с. – ISBN 978-5-16-109163-0. – EDN USNLMQ.

116. Телятников В.И. Убеждение судьи. - СПб: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 180с.

117. Тихомиров, Л.А. Монархическая государственность. М.: ГУП "Облиздат", ТОО "Алир", 1998. - 672 с.

118. Тихомиров, Ю. А. Право: традиции и новые повороты / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Блок-Принт, 2021. – 208 с. – ISBN 978-5-6043370-4-2. – EDN FZHHRZ.

119. Туманов, В.А. Фундаментальная роль Конституции// Конституция и закон: стабильность и динамизм. М.: Юридическая Книга, 1998. – 208с.

120. Тхабисимова, Л. А. О конституционно-правовой ответственности законодательных (представительных) органов власти субъектов Российской Федерации (с учетом нормотворчества и правоприменительной практики по Северо-Кавказскому федеральному округу) / Л. А. Тхабисимова, Э. С. М. Ахъядов. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2020. – 136 с. – ISBN 978-5-392-31444-7. – DOI 10.31085/9785392314447-2020-136. – EDN KZQZTA.

121. Фарбер, И.Е. Правосознание, как форма общественного сознания. М.: Юрид. лит., 1963. – 206с.

122. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея: Пер. с англ. / Под общ. ред., с предисл. Н.Н.Яковлева, коммент. О.Л.Степановой. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1994. – 592 с.

123. Хабриева, Т. Я. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, Р. А. Курбанов. – Москва : Юридическое издательство "Норма", 2023. – 384 с. – ISBN 978-5-00156-322-8. – EDN DLWAMW.

124. Хабриева, Т. Я. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти" / Т. Я. Хабриева, А. А. Клишас. – Москва : Издательский Дом "Инфра-М", 2020. – 240 с. – ISBN 978-5-00156-090-6. – EDN ANUONY.

125. Хомяков, А.С. Избранные труды. М.: Мир истории, 2004. – 589 с.

126. Хомяков, Д.А. Православие. Самодержавие. Народность/ Составление, вступ. ст., примечания, именной словарь А.Д. Каплина/ Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 576 с.

127. Чашин А.Н. Философские основания права. – М.: Дело и сервис, 2016. – 224 с.

128. Чичерин, Б. Н. Несколько современных вопросов / Б.Н. Чичерин; вступительная статья А.С. Сенина. Москва: ГПИБ, 2002. – 265 с.

129. Шуберт, Т. Э. Доктрина, законотворчество, судебная практика: вопросы взаимовлияния / Т. Э. Шуберт. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2018. – 119 с. – (Научная мысль). – ISBN 978-5-16-013111-5. – DOI 10.12737/monography_5995a512031210.29926014. – EDN ZRDFHH.

130. Эбзеев, Б. С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования : 20-летию Конституции Российской Федерации посвящается / Б. С. Эбзеев. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2020. – 336 с. – ISBN 978-5-392-13413-7. – EDN MVQXTY.

131. Эбзеев, Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б. С. Эбзеев. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2022. – 656 с. – ISBN 978-5-392-35556-3. – EDN NEKGHD.

Статьи в научных сборниках, журналах и других периодических изданиях

1. Авакьян, С. А. Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 10. – С. 5-11. – EDN ULFNUF.

2. Авакьян, С. А. Особенности российской модели местного самоуправления и пути ее совершенствования / С. А. Авакьян // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2008. – № 2. – С. 61-75. – EDN JUUVVN.

3. Авакьян, С. А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 1. – С. 31-44. – DOI 10.18572/1812-3767-2020-1-31-44. – EDN YLKPYO.

4. Адыгезалова, Г. Э. Конституционные нормы и русская правовая традиция / Г. Э. Адыгезалова // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. – 2024. – № 1(109). – С. 7-11. – EDN RHDSII.

5. Адыгезалова, Г. Э. Ответ российского государства и права на вызовы современности: социально-правовой анализ / Г. Э. Адыгезалова // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности : Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: к 85-летию Краснодарского края, Сочи, 04–08 ноября 2022 года / Отв. редактор А.А. Зайцев. – Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный издательско-полиграфический центр "Перспективы образования", 2023. – С. 16-22. – EDN XCBLPX.

6. Азарова, Е. С. Генезис судебной власти / Е. С. Азарова // Мировой судья. – 2023. – № 8. – С. 2-6. – DOI 10.18572/2072-4152-2023-8-2-6. – EDN CODWYJ.

7. Азнагулова, Г. М. Правовая культура как функциональная система / Г. М. Азнагулова // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 5-17. – DOI 10.61205/jrp.2024.3.1. – EDN VERZMT.

8. Акутаев, Р. М. К вопросу о методологической роли решений Конституционного Суда Российской Федерации для правоприменительной практики / Р. М. Акутаев // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2022. – Т. 42, № 2. – С. 48-53. – DOI 10.21779/2224-0241-2022-42-2-48-53. – EDN AKNDLI.

9. Акчурина, А. В. К вопросу об актуальных проблемах конституционно-правовой ответственности высших органов государственной власти и должностных лиц в свете внесенных поправок в Конституцию

Российской Федерации / А. В. Акчурина // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 3. – С. 36-39. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-3-36-39. – EDN BBCKIT.

10. Алебастрова, И. Политическая инклюзия меньшинств как фактор мажоритаризма и контрмажоритаризма (размышления конституционалиста) / И. Алебастрова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. – № 4(125). – С. 16-37. – DOI 10.21128/1812-7126-2018-4-16-37. – EDN ZVEVUH.

11. Алехин, А. Е. Проблемы реализации обновленных конституционных требований к замещению должности Президента России / А. Е. Алехин, И. А. Ромайкин // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 9. – С. 59-62. – DOI 10.18572/1812-3767-2021-9-59-62. – EDN XYDSDQ.

12. Андреева, Г. Н. Национальная конституция как историко-культурный артефакт / Г. Н. Андреева // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 9. – С. 18-25. – DOI 10.18572/1812-3767-2023-9-18-25. – EDN WCHUUA.

13. Арановский, К. В. Конституция и безопасность / К. В. Арановский, С. Д. Князев // Государство и право. – 2018. – № 1. – С. 17-28. – EDN YMEIOM.

14. Арапов, А. В. Конституционная идеология и ее философские обоснования / А. В. Арапов // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2016. – № 4(20). – С. 9-15. – EDN XRZPPJ.

15. Арутюнян, Г. Г. Конституционализм в контексте конституционной культуры нового тысячелетия / Г. Г. Арутюнян // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2014. – № 1. – С. 22-34. – EDN RYKZEJ.

16. Арутюнян, Г. Г. Конституционно-правовое развитие в зеркале общественной трансформации / Г. Г. Арутюнян // Журнал Конституционного правосудия. – 2010. – № 3. – С. 34-37. – EDN MTARTH.

17. Бааль, Н. Б. Экстремизм как угроза национальной безопасности государства / Н. Б. Бааль // Российский следователь. – 2020. – № 12. – С. 43-47. – DOI 10.18572/1812-3783-2020-12-43-47. – EDN CCQBSN.

18. Бабурин, С. Н. Нравственные императивы современного российского конституционализма / С. Н. Бабурин // Государство и право. – 2024. – № 8. – С. 55-60. – DOI 10.31857/S1026945224080057. – EDN LVUIGC.

19. Бабурин, С. Н. Преодоление нравственного нейтралитета публичной власти как первоочередная задача российского конституционализма / С. Н. Бабурин // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 9. – С. 11-15. – DOI 10.18572/1812-3767-2024-9-11-15. – EDN AITRPX.

20. Байтин, М. И. О юридической природе решений Конституционного Суда РФ / М. И. Байтин // Государство и право. – 2006. – № 1. – С. 5-11. – EDN HTBOXF.

21. Баландин, А. А. Конституционно-правовая идеология как структурный элемент конституционного правосознания: понятие и формы проявления / А. А. Баландин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 19(200). – С. 5-10. – EDN NDBVGZ.

22. Балаян, Э. Ю. Исполнение решений Конституционного Суда РФ по жалобам на нарушения конституционных прав и свобод граждан / Э. Ю. Балаян, С. С. Сычев // Российская юстиция. – 2020. – № 10. – С. 31-33. – EDN FNAZBU.

23. Балаян, Э. Ю. Национальные конституционные ценности как гарантия защиты национальных интересов государства в условиях современной глобализационной трансформации / Э. Ю. Балаян // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 9. – С. 29-32. – DOI 10.18572/1812-3767-2024-9-29-32. – EDN PJVMFZ.

24. Балаян, Э. Ю. Национальные конституционные ценности как гарантия защиты национальных интересов государства в условиях современной глобализационной трансформации / Э. Ю. Балаян // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 9. – С. 29-32. – DOI 10.18572/1812-3767-2024-9-29-32. – EDN PJVMFZ.

25. Баранов, П. П. Конституционные ценности и совершенствование современной конституционно-правовой политики Российской Федерации / П. П.

Баранов, А. И. Овчинников // Журнал Конституционного правосудия. – 2016. – № 1. – С. 18-22. – EDN VHELKV.

26. Баранов, П. П. Проблемы ограничения прав и свобод граждан / П. П. Баранов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 2. – С. 67-73. – DOI 10.22394/2074-7306-2021-1-2-67-73. – EDN ABJWFH.

27. Батерякова, А. И. Федерализм в свете отечественной судебной конституционной доктрины / А. И. Батерякова // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 6. – С. 36-40. – DOI 10.18572/1812-3767-2024-6-36-40. – EDN LPJKRI.

28. Безруков, А. В. Современная модель конституционного правопорядка: контуры формирования / А. В. Безруков, И. В. Тепляшин // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 77-88. – DOI 10.12737/jrl.2021.008. – EDN QCCCKK.

29. Белов, С. А. Роль ценностей в отправлении правосудия / С. А. Белов // Российская юстиция. – 2024. – № 12. – С. 75-80. – DOI 10.52433/01316761_2024_12_75. – EDN RIGPSJ.

30. Беляев, В. П. О классификации юридической деятельности / В. П. Беляев // Ленинградский юридический журнал. – 2005. – № 3(4). – С. 175-185. – EDN MTVZFH.

31. Беляев, В. П. Понятие и сущность юридической деятельности / В. П. Беляев, В. И. Кузьменко, Е. И. Холодова // Социально-политические науки. – 2018. – № 4. – С. 83-85. – EDN XYTLBR.

32. Берлявский, Л. Г. Отзыв депутата представительного органа: соотношение политической и конституционной ответственности / Л. Г. Берлявский, Н. А. Тарабан // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 7. – С. 30-33. – EDN PEZYMT.

33. Бессонов, А. А. Криминалистика на защите российских традиционных духовно-нравственных ценностей / А. А. Бессонов // Журнал российского права. – 2025. – Т. 29, № 1. – С. 17-26. – DOI 10.61205/jrp.2025.1.2. – EDN NRMQDK.

34. Болдырев, О. Ю. Конституционная реформа в России: актуальность, реализация, перспективы. Часть 1. Государство по Конституции 1993 года: на бумаге и в жизни / О. Ю. Болдырев // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 9. – С. 3-8. – DOI 10.18572/1812-3767-2020-9-3-8. – EDN RMWZEM.

35. Большакова, В. М. Концепция судебных преобразований в России во второй половине XIX - начале XXI в. (теоретико-правовой, исторический и структурно-функциональный аспекты) / В. М. Большакова // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 4. – С. 116-134. – DOI 10.12737/jrl.2022.045. – EDN KQKUBJ..

36. Бондарь, Н. С. "Вечные" конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? / Н. С. Бондарь // Государство и право. – 2020. – № 6. – С. 20-34. – DOI 10.31857/S013207690009933-8. – EDN XMUDFN.

37. Бондарь, Н. С. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть I. Конституционное мировоззрение в ценностном измерении обновленной Конституции России / Н. С. Бондарь, Э. Э. Баринов // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 12. – С. 3-12. – DOI 10.18572/1812-3767-2021-12-3-12. – EDN ODEMPA.

38. Бондарь, Н. С. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть II. Ценностное измерение конституционного мировоззрения в координатах конституционного правосудия / Н. С. Бондарь, Э. Э. Баринов // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 2. – С. 3-10. – DOI 10.18572/1812-3767-2022-2-3-10. – EDN KUSFRH.

39. Бондарь, Н. С. Вне нравственных начал невозможно справедливое правосудие / Н. С. Бондарь // Судья. – 2026. – № 4(184). – С. 20-25. – DOI 10.52433/18178170_2026_04_20. – EDN SFXNHM.

40. Бондарь, Н. С. Гармонизация юридических и нравственно-этических начал Конституции: практика конституционного правосудия / Н. С. Бондарь // Журнал Конституционного правосудия. – 2018. – № 1. – С. 6-16. – EDN YNMCJC.

41. Бондарь, Н. С. Гармонизация юридических и нравственно-этических начал Конституции: практика конституционного правосудия / Н. С. Бондарь // Журнал Конституционного правосудия. – 2018. – № 1. – С. 6-16. – EDN YNMCJC.

42. Бондарь, Н. С. Единообразие судебной практики в современном правопорядке: конституционно-правовые механизмы обеспечения / Н. С. Бондарь // Российская юстиция. – 2022. – № 9. – С. 11-21. – DOI 10.52433/01316761_2022_09_11. – EDN BISXKT.

43. Бондарь, Н. С. Законодательные пробелы - категория конституционно-правовой дефектологии: методология исследования, практика преодоления / Н. С. Бондарь // Журнал Конституционного правосудия. – 2017. – № 3. – С. 1-9. – EDN WAINLJ.

44. Бондарь, Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 25-42. – DOI 10.12737/jrl.2019.11.2. – EDN CNJFSM.

45. Бондарь, Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 25-42. – DOI 10.12737/jrl.2019.11.2. – EDN CNJFSM.

46. Бондарь, Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика / Н. С. Бондарь // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 4. – С. 19-31. – EDN YMXSHZ.

47. Бондарь, Н. С. Конституционные ценности - категории действующего права: проблемы восприятия студентами юридических вузов / Н. С. Бондарь // Социология и право. – 2011. – № 2(8). – С. 8. – EDN OIJSSH.

48. Бондарь, Н. С. Конституционный Суд в системе юрисдикционных органов (о "богоугодных грехах" конституционного правосудия) / Н. С. Бондарь // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 1(62). – С. 26-32. – DOI 10.12737/24283. – EDN XWZOAZ.

49. Бондарь, Н. С. Конституция против коррупции: о формировании национальной конституционно-правовой модели антикоррупционной деятельности / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 4. – С. 36-55. – DOI 10.12737/jrl.2022.039. – EDN JTGNNE.

50. Бондарь, Н. С. Конфликт культур современных судебно-правовых систем: социальная справедливость или экономический прагматизм? / Н. С. Бондарь // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : Материалы XXI Международных Лихачевских научных чтений, Санкт-Петербург, 25–26 мая 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2023. – С. 35-39. – EDN XYMOCG.

51. Бондарь, Н. С. Между Сциллой и Харибдой: когда права меньшинства защищаются вопреки мнению ("правлению") большинства / Н. С. Бондарь // Журнал Конституционного правосудия. – 2020. – № 4. – С. 1-11. – EDN YLNQCD.

52. Бондарь, Н. С. Независимость суда как аксиологическая основа судебного права / Н. С. Бондарь // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 10. – С. 2-9. – DOI 10.18572/1812-3767-2025-10-2-9. – EDN XMRDOR.

53. Бондарь, Н. С. Нетипичные источники судебного правоприменения: конституционные механизмы формирования и реализации / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 2. – С. 5-27. – DOI 10.61205/S160565900026552-1. – EDN FWWAWS.

54. Бондарь, Н. С. От «живой конституции» к судебному конституционализму: сравнительно-правовой концепт России и США / Н. С. Бондарь, Л. Г. Берлявский // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2024. – Т. 20, № 4. – С. 46-59. – DOI 10.61205/S199132220030646-6. – EDN TMXAUH.

55. Бондарь, Н. С. Равенство в этико-правовом измерении человека как юридической личности (от равенства перед Богом - к конституционному равенству) / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 4. – С. 5-21. – DOI 10.12737/jrp.2023.037. – EDN JSIUYR.

56. Бондарь, Н. С. Современные ориентиры российского юридического образования: национальные традиции или космополитические иллюзии? / Н. С. Бондарь // Юридическое образование и наука. – 2013. – № 1. – С. 7-15. – EDN PXSLIT.

57. Бондарь, Н. С. Социальная справедливость как методологическая основа функционирования и развития современных судебно-правовых систем / Н. С. Бондарь // Российская юстиция. – 2024. – № 8. – С. 49-56. – DOI 10.52433/01316761_2024_08_49. – EDN EBNBKK.

58. Бондарь, Н. С. Судебная юриспруденция: от Дигестов Юстиниана - к современной общеправовой категории / Н. С. Бондарь // Российская юстиция. – 2022. – № 12. – С. 17-29. – DOI 10.52433/01316761_2022_12_17. – EDN KBPYVD.

59. Бондарь, Н. С. У истоков национальной модели прецедентных начал, судебного правотворчества и судебного права (в свете Великой судебной реформы 1864 года) / Н. С. Бондарь, К. П. Краковский // Закон. – 2025. – № 4. – С. 93-110. – DOI 10.37239/0869-4400-2025-22-4-93-110. – EDN FCIPET.

60. Бондарь, С. Б. Особенности юридической природы конституционных ценностей как категории действующего права / С. Б. Бондарь // Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики. – 2011. – № 2(32). – С. 6-9. – EDN MLAJOF.

61. Борисова, Л. В. Примирение при расторжении брака: в аспекте сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей / Л. В. Борисова // Семейное и жилищное право. – 2025. – № 3. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1999-477X-2025-3-8-11. – EDN KYUDQT.

62. Боташев, Т. Р. Аксиология права и фундаментальные правовые ценности: современные подходы / Т. Р. Боташев // Гражданин. Выборы. Власть. – 2024. – № 4(34). – С. 170-176. – EDN GKSAKA.

63. Брановицкий, К. Л. Судебное правотворчество в условиях пандемии коронавируса: нонсенс или необходимость? / К. Л. Брановицкий, И. Г. Ренц, В. В. Ярков // Закон. – 2020. – № 5. – С. 107-117. – EDN CVHYZN.

64. Брежнев, О. В. Конституционная реформа 2020 г. и развитие конституционного правосудия в России / О. В. Брежнев // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 7. – С. 3-6. – DOI 10.18572/1812-3767-2020-7-3-6. – EDN JJKPJT.

65. Брежнев, О. В. Нормоконтроль судов общей юрисдикции как средство исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации / О. В. Брежнев // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 12. – С. 55-58. – DOI 10.18572/1812-3767-2023-12-55-58. – EDN POUQFX.

66. Брежнев, О. В. Правовой статус конституционного (уставного) совета субъекта Российской Федерации: первый опыт законодательного регулирования / О. В. Брежнев // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 11. – С. 32-36. – DOI 10.18572/1813-1247-2022-11-32-36. – EDN UPUAQT.

67. Брежнев, О. В. Проблемы организации и компетенции конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации (на примере республик Адыгея, Саха (Якутия), Башкортостан) / О. В. Брежнев // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 4(149). – С. 21-30. – DOI 10.17803/1994-1471.2023.149.4.021-030. – EDN ZKTNZO.

68. Брежнев, О. В. Процессуальные особенности осуществления Конституционным Судом РФ новых полномочий, связанных с предварительным нормоконтролем / О. В. Брежнев // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 5. – С. 34-38. – DOI 10.18572/1812-3767-2022-5-34-38. – EDN HWOXCD.

69. Брежнев, О. В. Роль судов в применении мер конституционно-правовой ответственности в отношении органов власти в России: проблемы и перспективы / О. В. Брежнев // Российский судья. – 2006. – № 3. – С. 38-42. – EDN KXDUSZ.

70. Бурдина, Е. В. Природа Кодекса судейской этики как регулятора поведения судей / Е. В. Бурдина // Российский судья. – 2025. – № 11. – С. 45-49. – DOI 10.18572/1812-3791-2025-11-45-49. – EDN LPMQXW.

71. Бутько, Л. В. Конституционные реформы в концепциях современного конституционализма / Л. В. Бутько // Очерки новейшей камералистики. – 2024. – № 1. – С. 11-16. – DOI 10.31429/20785224_2024_1_11. – EDN JOEOUK.

72. Бутько, Л. В. Конституция как источник правосознания: диалектика обновления / Л. В. Бутько, М. В. Мархгейм // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2016. – № 17(238). – С. 121-126. – EDN WZRGRR.

73. Бутько, Л. В. Роль исторических знаний в формировании современного правосознания / Л. В. Бутько, О. В. Лепешкина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 401-407. – EDN KNFSWV.

74. Вардумян, Г. Д. Цивилизационные ценности армянского общества в ответ на глобальные вызовы человеческой цивилизации / Г. Д. Вардумян, С. Д. Вардумян // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2018. – № 4(26). – С. 59-66. – EDN TRMLVH.

75. Василевич, Д. Г. Право на жизнь: конституционные и этические проблемы / Д. Г. Василевич // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 8. – С. 23-30. – DOI 10.18572/1812-3767-2023-8-23-30. – EDN NSSDRY.

76. Веденеев, Ю. А. Гражданская правовая культура в контексте международных избирательных стандартов / Ю. А. Веденеев // Гражданин. Выборы. Власть. – 2024. – № 4(34). – С. 11-23. – EDN CQXMLE.

77. Велиева, Д. С. Реформа Конституционного Суда РФ 2020 года: "кто будет сторожить сторожей" / Д. С. Велиева, М. В. Пресняков // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 1. – С. 12-22. – DOI 10.18572/1812-3767-2021-1-12-22. – EDN GODVRN.

78. Вилкова, А. В. О некоторых проблемах на пути возвращения к традиционным духовно-нравственным ценностям / А. В. Вилкова, Ю. Н. Строгович // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2025. – № 1. – С. 7-11. – DOI 10.18572/2072-4438-2025-1-7-11. – EDN XYSTLQ.

79. Вилова, М. Г. Право на справедливое судебное разбирательство в системе прав нового поколения / М. Г. Вилова // Российская юстиция. – 2018. – № 1. – С. 51-53. – EDN YNWPIZ.

80. Виноградов, В. А. Конституционное правосудие: проблемы реализации мер конституционно-правовой ответственности / В. А. Виноградов // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2002. – № 4(41). – С. 89-93. – EDN HSLKJT.

81. Виноградов, В. А. Конституционно-правовая ответственность судей / В. А. Виноградов // Закон и право. – 2004. – № 11. – С. 8-10. – EDN OPCPDP.

82. Виноградова, Е. В. Когнитивные технологии трансформации ценностей: конституционно-правовой аспект / Е. В. Виноградова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 3. – С. 221-226. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-3-221-226. – EDN ECASHH.

83. Виноградова, Е. В. Российская конституционная идентичность. Смертная казнь, против И... Против / Е. В. Виноградова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 55. – С. 22-47. – DOI 10.17072/1995-4190-2022-55-22-47. – EDN IGWWUH.

84. Витрук, Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение / Н. Витрук // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 1999. – № 3(28). – С. 95-102. – EDN HSKUOF.

85. Волков, К. А. Искусственный интеллект в российском правосудии: перспективы и риски / К. А. Волков // Российский судья. – 2025. – № 8. – С. 44-48. – DOI 10.18572/1812-3791-2025-8-44-48. – EDN BVHDLE.

86. Воронцова, И. В. Судебное правотворчество как замкнутый круг (на примере постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 "О применении судами законодательства ри рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства") / И. В. Воронцова // Современное право. – 2018. – № 3. – С. 58-61. – EDN TGTAKZ.

87. Гаврилов, Д. А. Конституционализация публичного правопорядка в современной России / Д. А. Гаврилов, Ю. А. Гаврилова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 6. – С. 13-17. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-6-13-17. – EDN CIWVLJ.

88. Гаврилова, Ю. А. Судебная практика и правоприменительное смыслообразование в Российской Федерации / Ю. А. Гаврилова // Lex Russica (Русский закон). – 2018. – № 7(140). – С. 125-134. – DOI 10.17803/1729-5920.2018.140.7.125-134. – EDN LXFPYL.

89. Гаджиев Г. А. Отечество – не корпорация. Россия – государство без обязательной идеологии // Российская газета. 2014. 19 февраля.

90. Гаджиев, Г. А. Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации / Г. А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 1. – С. 16-28. – DOI 10.12737/jrl.2022.002. – EDN QALXVB.

91. Гаджиев, Г. А. Почему и о чем спорят судьи? (Попытка обнаружить когнитивные причины) / Г. А. Гаджиев // Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд : монография. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. – С. 13-19. – EDN XLVUNG.

92. Гаджиев, Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как новый источник российского гражданского права / Г. А. Гаджиев // Закон. – 2006. – № 11. – С. 22-32. – EDN HVUJYX.

93. Гаджиев, Г. А. Солнечное сплетение российского права (об эволюции судебно-нормативной конституализации российского права) / Г. А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 12. – С. 38-53. – DOI 10.61205/jrp.2023.137. – EDN LJOQIF.

94. Гаджиев, Г. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права / Г. Гаджиев // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 1999. – № 3(28). – С. 81-85. – EDN HSKUNL.

95. Гаджиев, Г.А. Конституционная экономика и рациональность в конституционном праве // Ежегодник конституционной экономики. 2018. – Москва : ЛУМ, 2018. – 440 с. – ISBN 978-5-906072-37-5. – EDN YXYFCP.

96. Галяева, И. С. Предварительный конституционный надзор за региональным законодательством как полномочие конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации: причины появления и проблемы регулирования / И. С. Галяева // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 8. – С. 40-48. – DOI 10.18572/1812-3767-2023-8-40-48. – EDN NHJDIS.

97. Гатауллин, А. Г. Конституционная юстиция субъектов Российской Федерации: шаг вперед, два шага назад / А. Г. Гатауллин, Д. Р. Зайнутдинов // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20, № 3(172). – С. 172-188. – DOI 10.17803/1994-1471.2025.172.3.172-188. – EDN JNHCCZ.

98. Глушаченко, С. Б. Право как элемент общечеловеческой культуры / С. Б. Глушаченко, Р. А. Ромашов // История государства и права. – 2003. – № 6. – С. 2-3. – EDN RZDUTZ.

99. Головина, С. Ю. Верховный Суд Российской Федерации - законодатель в сфере трудового права? / С. Ю. Головина, Н. Л. Лютов // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 10. – С. 52-67. – DOI 10.12737/jrl.2022.105. – EDN CPCLQQ.

100. Горбуль, Ю. А. К вопросу о форме правления современной России в контексте конституционных поправок 2020 года / Ю. А. Горбуль // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 2. – С. 31-35. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-2-31-35. – EDN FJOPKC.

101. Горбунов, М. Д. Философско-правовые аспекты оценки человеческой природы в позитивистской и юснатуралистской правовой аксиологии / М. Д. Горбунов // Академический юридический журнал. – 2024. – Т. 25, № 3(97). – С. 378-388. – DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(3).378-388. – EDN ZRIDEV.

102. Гранат Н.Л. Правосознание и правовая культура // Юрист. – 1998. – № 11/12. –С. 2-6.

103. Грачева, С. А. Развитие концепта конституционной идентичности в связи с поиском подходов к разрешению конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов / С. А. Грачева // Журнал российского права. – 2018. – № 9(261). – С. 52-64. – DOI 10.12737/art_2018_9_5. – EDN XYUMXJ.

104. Гребнев, Р. Д. К вопросу о судебном правотворчестве в контексте судоустройства Российской Федерации / Р. Д. Гребнев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 4. – С. 3-7. – EDN IKLEFA.

105. Гриценко, Е. В. Федерализм и местное самоуправление в свете российской конституционной реформы 2020 года / Е. В. Гриценко // Сравнительное конституционное обозрение. – 2020. – № 4(137). – С. 80-97. – DOI 10.21128/1812-7126-2020-4-80-97. – EDN WUCDNZ.

106. Гук, П. А. Единство судебной практики как особая ценность правосудия / П. А. Гук, П. В. Коршунова // Журнал российского права. – 2020. – № 12. – С. 103-118. – DOI 10.12737/jrl.2020.151. – EDN ETNDIP.

107. Гук, П. А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: процессы демократизации / П. А. Гук // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 126-130. – EDN RUPWHN.

108. Гук, П. А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики / П. А. Гук // Lex Russica (Русский закон). – 2016. – № 7(116). – С. 14-27. – DOI 10.17803/1729-5920.2016.116.7.014-027. – EDN WJXCWV.

109. Гунич, С. В. Ответственность Президента Российской Федерации как основа функционирования системы органов государственной власти / С. В. Гунич // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 3. – С. 25-30. – DOI 10.18572/1813-1247-2018-3-25-30. – EDN YVJFSG.

110. Данилюк, С. Е. Конституционная герменевтика как искусство поиска социально-созидательной регулятивной идеи / С. Е. Данилюк // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 8. – С. 54-69. – DOI 10.61205/S160565900031064-4. – EDN TQGLKL.

111. Демидов, В. Н. Роль конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в осуществлении контроля за нормотворческой

деятельностью органов местного самоуправления / В. Н. Демидов // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 6. – С. 57-61. – DOI 10.18572/1812-3767-2020-6-57-61. – EDN MHFEAS.

112. Денисов, С. А. Общая теория имитации конституционного строя / С. А. Денисов // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 3. – С. 12-18. – EDN TIGKDD.

113. Джагарян, А. А. Апология ценностного подхода в конституционном праве и правосудии / А. А. Джагарян, Н. В. Джагарян // Юридический мир. – 2014. – № 2. – С. 27-34. – EDN RWZGFT.

114. Джагарян, А. А. Российский конституционализм: в поисках идентичности / А. А. Джагарян // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. – № 6(127). – С. 82-100. – DOI 10.21128/1812-7126-2018-6-82-100. – EDN YROPUL.

115. Джагарян, Н. В. Муниципальный конституционализм: законодательство, правоприменение, судебные гарантии / Н. В. Джагарян, К. О. Поломошнова // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 121-130. – DOI 10.18522/2313-6138-2025-12-1-18. – EDN NZBDQO.

116. Дзидзоев, Р. М. Вопросы формирования Правительства Российской Федерации в свете конституционных поправок / Р. М. Дзидзоев // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 11. – С. 38-40. – DOI 10.18572/1813-1247-2020-11-38-40. – EDN CZVPID.

117. Дзидзоев, Р. М. Конституционное право в информационном и цифровом пространстве России / Р. М. Дзидзоев // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 10. – С. 21-22. – EDN AJXYVP.

118. Дзидзоев, Р. М. Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации: новые грани взаимоотношений / Р. М. Дзидзоев // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 5. – С. 43-54. – DOI 10.12737/jrl.2021.059. – EDN AFDEOE.

119. Дзидзоев, Р. М. Цифровое конституционное право: к постановке вопроса / Р. М. Дзидзоев, А. С. Лолаева // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 6. – С. 17-20. – DOI 10.18572/1812-3767-2022-6-17-20. – EDN DFTOVZ.

120. Добрынин, Н. М. Конституционно-правовая наука и российский конституционализм: в поисках выхода из системного кризиса / Н. М. Добрынин // Право и политика. – 2007. – № 6. – С. 5-10. – EDN HZSNQF.

121. Докторова, А. Т. Ответственность органов публичной власти перед населением / А. Т. Докторова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 4. – С. 36-38. – DOI 10.18572/1813-1247-2018-4-36-38. – EDN LBSBKX.

122. Должиков, А. В. Общие принципы права в эпоху конституционной идентичности (часть 1) / А. В. Должиков // Журнал Конституционного правосудия. – 2019. – № 6. – С. 1-16. – EDN RWAIJX.

123. Дорская, А.А. Юридическое наследие Николая Семеновича Суворова // А.А. Дорская // История государства и права. – 2009. – №13. – С. 17 - 20.

124. Дудко, И. А. «Нет ничего важнее мелочей», или Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ / И. А. Дудко // Сравнительное конституционное обозрение. – 2024. – Т. 33, № 1(158). – С. 183-206. – DOI 10.21128/1812-7126-2024-1-183-206. – EDN NZHSUS.

125. Дудко, И. Г. К вопросу об авторитетности Конституции Российской Федерации / И. Г. Дудко // Lex Russica (Русский закон). – 2018. – № 11(144). – С. 93-105. – DOI 10.17803/1729-5920.2018.144.11.093-105. – EDN YPCIWL.

126. Дудко, И. Г. Современные концепции в российском конституционном праве / И. Г. Дудко // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 3(112). – С. 35-46. – DOI 10.17803/1994-1471.2020.112.3.035-046. – EDN KHQRLJ.

127. Евдокимов, В. Б. Об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации / В. Б. Евдокимов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2017. – № 11. – С. 35-40. – DOI 10.18572/1813-1247-2017-11-35-40. – EDN ZTNEGH.

128. Евлоев, И. М. Ликвидация конституционных (уставных) судов субъектов РФ: закономерность или ошибка? / И. М. Евлоев // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 10(119). – С. 141-150. – DOI 10.17803/1994-1471.2020.119.10.141-150. – EDN OZQSAM.

129. Ежукова, О. А. Предварительные итоги развития конституционной модели местного самоуправления / О. А. Ежукова // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 11. – С. 27-33. – EDN YOFEEP.

130. Ермолаева, Ю. В. Духовно-нравственные ориентиры российского общества: конституционно-правовые вопросы / Ю. В. Ермолаева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2024. – № 1(156). – С. 60-67. – DOI 10.24412/2227-7315-2024-1-60-67. – EDN QZQHRG.

131. Ершов, В. В. Теоретические и практические проблемы прямого применения Конституции Российской Федерации / В. В. Ершов // Российское правосудие. – 2007. – № 7(15). – С. 12-24. – EDN KWOALH.

132. Жилкин, М. Г. Понятие, происхождение, правовая природа правоположений и их роль в правовом регулировании / М. Г. Жилкин // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 10. – С. 73-78. – EDN TEHYPP.

133. Жуйков, В. М. Новые проблемы прямого действия Конституции Российской Федерации и доступа к правосудиюв целях защиты прав и свобод человека / В. М. Жуйков // Закон. – 2022. – № 7. – С. 79-86. – DOI 10.37239/0869-4400-2022-19-7-79-86. – EDN RLNOVS.

134. Зайнитдинов, Н. А. Указание национальности в паспорте гражданина Российской Федерации как форма реализации права на национальную принадлежность / Н. А. Зайнитдинов // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 1(110). – С. 46-53. – DOI 10.17803/1994-1471.2020.110.1.046-053. – EDN ASYFRP.

135. Залоило, М. В. Концепция мема (меметика) и первичные механизмы социокультурной эволюции права / М. В. Залоило // Право. Журнал Высшей

школы экономики. – 2024. – № 3. – С. 32-56. – DOI 10.17323/2072-8166.2024.3.32.56. – EDN WPRJFO.

136. Зарипов, Р. Р. Функции современной судебной практики в Российской правовой системе / Р. Р. Зарипов // Образование и право. – 2024. – № 7. – С. 210-219. – DOI 10.24412/2076-1503-2024-7-210-219. – EDN RLZVQH.

137. Захаров, В. В. Единообразие судебной практики в России по версии Судебной реформы 1864 года: рождение кассации / В. В. Захаров // Российская юстиция. – 2025. – № 3. – С. 10-18. – DOI 10.52433/01316761_2025_03_10. – EDN QRMONE.

138. Зорькин, В. Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика / В. Д. Зорькин // Журнал Конституционного правосудия. – 2017. – № 4. – С. 1-12. – EDN ZEINVX.

139. Зорькин, В. Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика / В. Д. Зорькин // Журнал Конституционного правосудия. – 2017. – № 4. – С. 1-12. – EDN ZEINVX.

140. Зубарева, М. А. Проблемы существования конституционных (уставных) судов субъектов РФ / М. А. Зубарева // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 2. – С. 69-72. – DOI 10.18572/1812-3767-2020-2-69-72. – EDN FQYBVD.

141. Ильин В.Н. Триада С.С. Уварова «православие - самодержавие – народность» // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2018. – № 16. – С. 33-35.

142. Ирхин, И. В. Будущие поколения человечества в системе конституционно-правового регулирования / И. В. Ирхин // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 1. – С. 41-45. – DOI 10.18572/1812-3767-2021-1-41-45. – EDN UNHSOT.

143. Ирхин, И. В. К дискуссии о природе принципов права (правовых принципов) в условиях конвергенции правовых систем / И. В. Ирхин // Lex Russica (Русский закон). – 2020. – Т. 73, № 4(161). – С. 117-129. – DOI 10.17803/1729-5920.2020.161.4.117-129. – EDN QEPRFT.

144. Ирхин, И. В. О публично-правовой институционализации феномена межпоколенческой солидарности (российская модель) / И. В. Ирхин // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 1. – С. 22-25. – DOI 10.18572/1812-3767-2023-1-22-25. – EDN HEXNOA.

145. Ирхин, И. В. Принцип субсидиарности: в поисках баланса между централизацией и децентрализацией (государственно-правовой аспект) / И. В. Ирхин // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 11(120). – С. 160-171. – DOI 10.17803/1994-1471.2020.120.11.160-171. – EDN FPVICZ.

146. Исаева, А. А. Правовое регулирование миссионерской деятельности: российские реалии и опыт стран Содружества Независимых Государств / А. А. Исаева // Сравнительное конституционное обозрение. – 2017. – № 3(118). – С. 27-45. – DOI 10.21128/1812-7126-2017-3-27-45. – EDN YUNGGZ.

147. Исаева, А. А. Признаки светского государства и особенности их реализации в современной России / А. А. Исаева // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 9. – С. 28-34. – EDN XYZQLR.

148. Исаева, К. М. Идеологическая функция Конституции Российской Федерации / К. М. Исаева // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – № 4. – С. 59-62. – EDN RSJMDF.

149. Итоги работы в 2017 году// Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – 2018. – № 2 (58). – С.3-6.

150. Итоги работы в 2018 году// Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – 2019. – № 2 (64). – С.3-6.

151. Итоги работы в 2019 году// Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – 2020. – № 2 (70). – С.3-7.

152. Итоги работы в 2020 году// Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – 2021. – № 2 (76). – С.3-6.

153. Итоги работы в 2021 году// Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – 2022. – № 2 (82). – С.5-9.

154. Итоги работы в 2022 году// Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – 2023. – № 2 (88). – С.3-7.

155. Итоги работы в 2023 году// Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – 2024. – № 2 (94). – С.3-7.

156. Итоги работы в 2024 году// Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – 2025. – № 2 (100). – С.4-8.

157. Итоги работы в 2025 году// Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – 2026. – № 2 (106). – С.4-8.

158. Кабацкая, Е. А. Цифровая платформа в сфере судебной деятельности: понятие, признаки, обеспечение надлежащего функционирования / Е. А. Кабацкая // Российский судья. – 2024. – № 8. – С. 36-40. – DOI 10.18572/1812-3791-2024-8-36-40. – EDN QQAIOA.

159. Казначейский, В. В. Принцип прямого действия Конституции РФ при рассмотрении уголовных дел / В. В. Казначейский // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 1. – С. 18-22. – DOI 10.18572/1812-3767-2024-1-18-22. – EDN LEQPFA.

160. Казначейский, В. В. Прямое действие Конституции Российской Федерации при рассмотрении дел о превышении должностных полномочий / В. В. Казначейский // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2024. – № 1. – С. 14-17. – DOI 10.18572/2072-4314-2024-1-14-17. – EDN XMYSFT.

161. Калинин, А. Ю. Судебный прецедент как источник права в дореволюционной России / А. Ю. Калинин // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2005. – № 2(12). – С. 55-64. – EDN TYFWZT.

162. Каримов, Р. М. Использование специальных средств для обеспечения независимости судей / Р. М. Каримов // Российский судья. – 2021. – № 4. – С. 41-45. – DOI 10.18572/1812-3791-2021-4-41-45. – EDN YQYLMR.

163. Кашкина, Е. В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект уголовно-правовой охраны. Часть первая / Е. В. Кашкина // Российский судья. – 2024. – № 9. – С. 16-19. – DOI 10.18572/1812-3791-2024-9-16-19. – EDN FBLIKC.

164. Кашкина, Е. В. Уголовно-правовая охрана "крепкой семьи" как элемента традиционных российских духовно-нравственных ценностей / Е. В. Кашкина // Российский судья. – 2024. – № 5. – С. 24-27. – DOI 10.18572/1812-3791-2024-5-24-27. – EDN YOPLIJ.

165. Клеандров, М. И. В защиту конституционных (уставных) судов субъектов РФ / М. И. Клеандров // Российская юстиция. – 2015. – № 6. – С. 2-7. – EDN TWIRDF.

166. Клеандров, М. И. Институт присяги российского судьи: дефектность формулы и конституционная ответственность за нарушение / М. И. Клеандров // Журнал российского права. – 2020. – № 2. – С. 58-71. – DOI 10.12737/jrl.2020.017. – EDN PFAUCE.

167. Клеандров, М. И. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ или конституционные (уставные) советы: следовало ли упразднять эти суды? / М. И. Клеандров // Российский судья. – 2023. – № 10. – С. 40-45. – DOI 10.18572/1812-3791-2023-10-40-45. – EDN KDIXDI.

168. Клеандров, М. И. Эволюция статуса российских судей: историографический ракурс / М. И. Клеандров, Е. В. Виноградова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2025. – № 3(69). – С. 351-371. – DOI 10.17072/1995-4190-2025-69-351-371. – EDN AQDCYZ.

169. Клишас, А. А. Развитие Российской Федерации как социального государства в контексте 30-летия Конституции Российской Федерации / А. А. Клишас // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 12. – С. 22-37. – DOI 10.61205/jrp.2023.136. – EDN ZMABPW.

170. Клюева, В. П. Свобода совести в СССР: от декларации до попыток реализации / В. П. Клюева // История государства и права. – 2013. – № 13. – С. 17-20. – EDN QIUQNL.

171. Князев, С. Д. Конституционная природа судебного законотворчества в Российской Федерации / С. Д. Князев // Академический юридический журнал. – 2021. – Т. 22, № 4(86). – С. 386-389. – DOI 10.17150/1819-0928.2021.22(4).386-389. – EDN BSHMYA.

172. Князев, С. Д. Конституционная юстиция в условиях евразийской экономической интеграции (на основе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) / С. Д. Князев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 4(55). – С. 26-33. – DOI 10.17308/law/1995-5502/2023/4/26-33. – EDN RTRMZL.

173. Князев, С. Д. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в контексте их правового качества и значения в национальной правовой системе / С. Д. Князев // Академический юридический журнал. – 2020. – № 1(79). – С. 67-72. – EDN TRYHWU.

174. Ковшарева, Е. И. Современное состояние принципа независимости судебной власти / Е. И. Ковшарева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – № 4. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1812-383X-2025-4-8-11. – EDN BKDEDE.

175. Колесников, Е. В. Решения суда как источник права / Е. В. Колесников // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 3. – С. 139-140. – EDN OIRCIF.

176. Колесников, Ю. А. Правовая защита собственности и капитала как фактор конституционного развития России / Ю. А. Колесников // Российская юстиция. – 2021. – № 12. – С. 36-41. – DOI 10.52433/01316761_2021_12_36. – EDN MSVIQU.

177. Колесников, Ю. А. Судебная реформа 2014 года: итоги и последствия для экономического правосудия, актуальные риски и угрозы, меры по их минимизации / Ю. А. Колесников, Д. Р. Резниченко // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 3(28). – С. 13-17. – EDN YUAHRV.

178. Колюшин, Е. И. Ценности правды в государственном (конституционном) праве России / Е. И. Колюшин // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 2. – С. 8-14. – DOI 10.18572/1812-3767-2023-2-8-14. – EDN COCSAP.

179. Комарова, В. В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) / В. В. Комарова // Актуальные проблемы российского

права. – 2020. – Т. 15, № 8(117). – С. 22-31. – DOI 10.17803/1994-1471.2020.117.8.022-031. – EDN WZQYLQ.

180. Комарова, В. В. Отечественный конституционализм: теоретическое наполнение и практика / В. В. Комарова // Гражданин. Выборы. Власть. – 2025. – № 1(35). – С. 113-125. – EDN HYZZVG.

181. Комарова, В. В. Теория конституционализации: динамика становления в России / В. В. Комарова // Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. – С. 4-12. – EDN GGSQDR.

182. Кондрашев, А. А. Современный политический режим России: ограничения базовых гражданских прав и свобод посредством законодательных новаций и правоприменительной практики / А. А. Кондрашев // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 2. – С. 10-17. – EDN PVVFGB.

183. Кондрашев, А. Свобода собраний в России: системные дефекты законодательства и политико-правовая практика / А. Кондрашев // Сравнительное конституционное обозрение. – 2017. – № 6(121). – С. 24-44. – DOI 10.21128/1812-7126-2017-6-24-44. – EDN ZXLHNF.

184. Конин, В. В. Судебная власть как особый правовой феномен / В. В. Конин, И. И. Эсмантович, Н. С. Феоненко // Мировой судья. – 2022. – № 9. – С. 2-7. – DOI 10.18572/2072-4152-2022-9-2-7. – EDN IGSIED.

185. Коновалов, А. М. Законно ли введены режим повышенной готовности и последовавшие за ним ограничения прав и свобод на территориях субъектов Российской Федерации? / А. М. Коновалов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 7. – С. 32-34. – DOI 10.18572/1813-1247-2020-7-32-34. – EDN FMAPCI.

186. Коновалов, А. М. Обзор некоторых поправок к Конституции Российской Федерации / А. М. Коновалов // Государственная власть и местное

самоуправление. – 2021. – № 3. – С. 40-44. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-3-40-44. – EDN LZGYOS.

187. Конституционные поправки и независимость суда // Закон. – 2020. – № 2. – С. 33-43. – EDN YYZTVV.

188. Коровникова, Е. А. Отрешение Президента от должности как форма парламентского контроля / Е. А. Коровникова // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 17. – С. 18-22. – EDN JXYQBL.

189. Королева, Е. В. Дисциплинарная власть председателей судов / Е. В. Королева // Администратор суда. – 2021. – № 4. – С. 2-5. – DOI 10.18572/2072-3636-2021-4-2-5. – EDN HBTAEH.

190. Кравец, И. А. Делиберативность в современном конституционализме: народ и эксперты в правовой коммуникации / И. А. Кравец // Правовые проблемы укрепления Российской государственности : сборник статей Международной научно-практической конференции, Томск, 25–27 января 2024 года. – Томск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2025. – С. 85-87. – EDN FQXFKX.

191. Кравец, И. А. Конституционный Суд РФ об охране и защите человеческого достоинства: проблема юридического полиморфизма и правовой судебной аргументации / И. А. Кравец // Юрист. – 2025. – № 4. – С. 24-32. – DOI 10.18572/1812-3929-2025-4-24-32. – EDN GOJWFB.

192. Кравцова, Л. Е. Реализация конституционного принципа независимости судебной власти при определении целей судебного управления / Л. Е. Кравцова // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 5. – С. 39-48. – DOI 10.18572/1812-3767-2024-5-39-48. – EDN JTHAXP.

193. Красавчиков, О. А. Основные черты и значение социалистической правовой культуры / О. А. Красавчиков // Советское государство и право. – 1968. – № 6. – С. 17. – EDN XZHJYE.

194. Крусс, В. И. Конституционная идентичность России: актуальность и целеполагание / В. И. Крусс // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, Санкт-Петербург, 09–10 июня 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2022. – С. 571-573. – EDN LBNRZB.

195. Крусс, В. И. Правовые позиции Конституционного Суда РФ - «эхо» редукции абсолютного юридического обоснования / В. И. Крусс // Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд : монография. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. – С. 34-50. – EDN HBDIID.

196. Крусс, В. И. Юридическая наука и законотворческая практика: проблемы адекватной коммуникации / В. И. Крусс // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – № 4(80). – С. 64-72. – DOI 10.26456/vtpravo/2024.4.064. – EDN IKBUOH.

197. Кряжков, В. А. Конституционная культура в зеркале правосудия Конституционного Суда Российской Федерации / В. А. Кряжков // Журнал Конституционного правосудия. – 2008. – № 3. – С. 3-8. – EDN RSEDDT.

198. Кряжков, В. А. Преемственность и новизна в организации и деятельности конституционных Советов республик в составе Российской Федерации / В. А. Кряжков, О. В. Брежнев // Государство и право. – 2025. – № 10. – С. 108-117. – DOI 10.31857/S1026945225100093. – EDN YKSFPS.

199. Кряжкова, О. Право быть услышанным: меморандумы amici curiae в российском Конституционном Суде / О. Кряжкова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. – № 5(126). – С. 87-105. – DOI 10.21128/1812-7126-2018-5-87-105. – EDN VKIPNC.

200. Кузнецова, А. А. Духовно-нравственные ценности в праве России: конституционные основы становления и развития / А. А. Кузнецова // Современное право. – 2025. – № 1. – С. 22-25. – DOI 10.25799/NI.2025.12.93.004. – EDN ZTPCZM.

201. Куляскина, И.Ю. Титлина, Е. Ю. Право: между властью и свободой // Правовая система России: история, современность, тенденции развития :

Сборник материалов IX заочной научно-практической конференции с международным участием, Благовещенск, 25 февраля 2022 года. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2022. – 258 с. – ISBN 978-5-93493-382-2. – DOI 10.22250/9785934933822. – EDN UZEOVD.

202. Курбанова, З. М. Перспективы развития конституционно-правовой ответственности депутатов в России: пути совершенствования законодательства / З. М. Курбанова // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 11. – С. 45-49. – DOI 10.18572/1812-3767-2020-11-45-49. – EDN BDGDTM.

203. Курилова, Л. А. Развитие идей о роли и значении судебных актов в правовой системе России / Л. А. Курилова // Бизнес в законе. – 2008. – № 3. – С. 211-212. – EDN JWSMLH.

204. Лазарев, В. В. Доктрина имплементации решений судебных органов в законодательство / В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2019. – № 7. – С. 5-16. – DOI 10.12737/jrl.2019.7.1. – EDN KBNIVM.

205. Лазарев, В. В. Нормативная природа судебного прецедента / В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2012. – № 4(184). – С. 92-99. – EDN OWQCAP.

206. Лазарев, В. В. Основные источники (формы) судебного права / В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 9. – С. 5-22. – DOI 10.12737/jrl.2022.091. – EDN PNEGCP.

207. Лазарев, В. В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия / В. В. Лазарев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1976. – № 6. – С. 7-15. – EDN UDZRNB.

208. Лазарев, В. В. Судебный активизм в формировании правового пространства / В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 9. – С. 5-17. – DOI 10.12737/jrl.2021.107. – EDN VLBJON.

209. Ланг, П. П. Экзистенция правосудия: постановка проблемы / П. П. Ланг // Вестник гражданского процесса. – 2024. – Т. 14, № 3. – С. 252-276. – DOI 10.24031/2226-0781-2024-14-3-252-276. – EDN HFRVSL.

210. Лапаева, В. В. Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правопонимания / В. В. Лапаева // Журнал российского права. – 2006. – № 4(112). – С. 103-115. – EDN OOUALZ.

211. Лебедев, В. А. Судебная защита прав и свобод человека и гражданина в российской Федерации / В. А. Лебедев // Проблемы права. – 2015. – № 1(49). – С. 9-23. – EDN RTEAFG.

212. Лебедев В.М. Квалификационные коллегии судей в системе органов судейского сообщества России // Квалификационные коллегии судей: вопросы развития, современный опыт. Сборник / Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации. – М., Юрид. лит., 2022. – С. 3-5.

213. Леоненко, Н. Т. Феномен "живой конституции" и статус главы государства / Н. Т. Леоненко // Российский юридический журнал. – 2019. – № 3(126). – С. 63-74. – EDN XBODIX.

214. Либанова, С. Э. Информационное гражданское общество в "эпоху разобщенности" / С. Э. Либанова // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 7. – С. 19-22. – EDN YJDEHG.

215. Ливеровский, А. А. Культурологическое измерение конституционализма / А. А. Ливеровский // Право и государство: культурологическое измерение, Санкт-Петербург, 29 ноября 2019 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2019. – С. 34-36. – EDN ZBFUEN.

216. Ливеровский, А. А. Принципы современного конституционализма: общее и особенное в формально-юридических и социокультурных характеристиках / А. А. Ливеровский // Актуальные проблемы правотворчества, правоприменения и социально-экономического регулирования : Сборник избранных авторских работ. – Ростов-на-Дону : Спутник науки, 2024. – С. 60-77. – EDN FHQULZ.

217. Липень, С. В. Идеи установления и преодоления пробелов в праве в отечественной юридической науке второй половины XIX - начала XX вв / С. В.

Липень // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 3. – С. 190-197. – EDN PBUHSN.

218. Лихтер, П. Л. Античный холизм и современная теория конституционного права / П. Л. Лихтер // Lex Russica (Русский закон). – 2017. – № 12(133). – С. 187-199. – DOI 10.17803/1729-5920.2017.133.12.187-199. – EDN YMMBKO.

219. Лукашева, Е. А. О воспитании правосознания и правовой культуры в период развернутого строительства коммунизма / Е. А. Лукашева // Советское государство и право. – 1962. – № 7. – С. 35-46. – EDN WODHTT.

220. Лупарев, Е. Б. О некоторых проблемах соотношения публичных и частных правоотношений в правоприменительной практике / Е. Б. Лупарев, С. В. Потапенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 382-388. – EDN WPFRJA.

221. Лупарев, Е. Б. Современное состояние и перспективы развития конституционного контроля в России / Е. Б. Лупарев, Д. Д. Титаренко // Очерки новейшей камералистики. – 2023. – № 4. – С. 50-54. – DOI 10.31429/20785224_2023_4_50. – EDN HPJWGK.

222. Лучин, В. О. Социально-психологические факторы реализации Конституции Российской Федерации / В. О. Лучин, Т. М. Пряхина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4(93). – С. 132-139. – EDN RSBTCH.

223. Магеровский Д.С. Советское право и методы его изучения // Советское право. – 1922. – № 1. – С. 22 - 35.

224. Магомедов, Ш. Б. Основные направления развития судебного контроля в деятельности судов общей юрисдикции / Ш. Б. Магомедов, Н. С. Мирошниченко // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 3. – С. 99-102. – DOI 10.24411/2073-3305-2021-3-99-102. – EDN TEVKUD.

225. Маклаков, В. В. Бо О., Лаво Ф. О так называемом "импичменте по-французски": размышления о проекте конституционного закона,

устанавливающего политическую ответственность в отношении Президента Республики Beaud O., Lavaux PH. Sur le SOI-disant impeachment a La fransaise: rйflexions sur le projet de LOI constitutionnelle instorant une responsabilitй politique du President de La Rйpublique // Recueil de Dalloz. - P., 2003. - N 17. - P. 2646-2650 / В. В. Маклаков // Правовые исследования во Франции : Сб. науч. тр / Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; под общ. ред. Маклакова В.В. – МОСКВА, 2007. – С. 68-73. – EDN NCJGHR.

226. Максимов, В. А. Государственная идеология в современной России - конституционно-правовой взгляд / В. А. Максимов // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 11. – С. 54-59. – DOI 10.18572/1812-3767-2024-11-54-59. – EDN DIZJME.

227. Малышкин, А. В. Правовые и неправовые социальные санкции: вопросы взаимодействия и интеграции / А. В. Малышкин // Вестник гражданского процесса. – 2018. – Т. 8, № 4. – С. 25-40. – EDN YJHHBZ.

228. Мальцева, А. М. Роботизация правосудия / А. М. Мальцева // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 12. – С. 64-67. – DOI 10.18572/1812-3767-2022-12-64-67. – EDN ZLYUKP.

229. Мамитова, Н. В. Влияние денонсации Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прекращения юрисдикции Европейского Суда по правам человека на территории Российской Федерации на права граждан / Н. В. Мамитова, Д. А. Полищук // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 9. – С. 37-40. – DOI 10.18572/1812-3767-2022-9-37-40. – EDN DPQXVR.

230. Мамитова, Н. В. Конституционное правосознание в российском обществе как фактор реализации конституционных идей в России / Н. В. Мамитова // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 4. – С. 11-14. – EDN QCUIHL.

231. Мамонов, В. В. Конституционная культура - основа Рссийского государства / В. В. Мамонов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 1(96). – С. 55-61. – EDN SNRLRN.

232. Мамыкин, А. С. Организационно-правовой механизм привлечения судьи к дисциплинарной ответственности / А. С. Мамыкин // Российский судья. – 2019. – № 3. – С. 39-42. – EDN STDKRR.

233. Марей, М. Д. О власти государства и свободе подданных: политические проекты неославянофилов / М. Д. Марей // Антиномии. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 21-39. – DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_21. – EDN VWWJOX.

234. Марино, И. Отрешение Президента Российской Федерации от должности: разработки, концепции, позиции участников Конституционного Совещания 1993 г / И. Марино // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2010. – № 2(8). – С. 71-83. – EDN MNLDLT.

235. Махов, А. Р. Конституционно- правовая ответственность высшего должностного лица субъекта Федерации в связи с выражением недоверия со стороны законодательного (представительного) органа власти субъекта Российской Федерации / А. Р. Махов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 1. – С. 39-44. – DOI 10.18572/1813-1247-2020-1-39-44. – EDN HEOMIY.

236. Мельник, С. В. К вопросу последствий денонсации Россией Европейской конвенции по правам человека: обеспечение прав и свобод участников гражданского судопроизводства / С. В. Мельник, О. Ю. Гомозова // Российский судья. – 2022. – № 8. – С. 45-49. – DOI 10.18572/1812-3791-2022-8-45-49. – EDN TSGRWM.

237. Мигущенко, О. Н. Профессиональная подготовка и правовое воспитание сотрудников милиции в 20-е-30-е годы / О. Н. Мигущенко // Российский следователь. – 2011. – № 7. – С. 37-40. – EDN NUNEOP.

238. Мирошниченко Е.В. Организационные формы осуществления местного самоуправления: новый этап развития // Законодательство. – 2005. –№ 4. – С. 57 - 64.

239. Митин, А. Н. Духовно-нравственные ценности в правовых документах России: отражение в информационном пространстве / А. Н. Митин,

Д. В. Лебедев // Современное право. – 2024. – № 9. – С. 5-17. – DOI 10.25799/NI.2024.13.20.001. – EDN MJJHBR.

240. Митусова, И. А. Ликвидация конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации / И. А. Митусова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 2. – С. 6-8. – DOI 10.18572/1813-1247-2022-2-6-8. – EDN AZPEMV.

241. Митусова, И. А. Пересечение компетенции судов общей юрисдикции и конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации как причина упразднения последних / И. А. Митусова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 2. – С. 28-30. – DOI 10.18572/1812-383X-2022-2-28-30. – EDN ROHFVW.

242. Митусова, И. А. Стагнация в региональном конституционном (уставном) правосудии / И. А. Митусова // Российский судья. – 2022. – № 3. – С. 43-46. – DOI 10.18572/1812-3791-2022-3-43-46. – EDN TRPOXO.

243. Митюков М.А. Судебный конституционный надзор (1924 - 1933 гг.): сущность, назначение и характерные особенности // Право и политика. – 2005. – № 12. – С.48-62.

244. Митюков, М. А. Образ светского государства: по материалам Конституционной комиссии Съезда народных депутатов РСФСР (РФ) (1990-1993 гг.) / М. А. Митюков // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 4. – С. 58-65. – EDN YWETTO.

245. Михайлова, Е. В. Проблемы реализации принципа независимости судей при рассмотрении дел публично-правового характера / Е. В. Михайлова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 6. – С. 49-53. – DOI 10.18572/1812-383X-2021-6-49-53. – EDN LUFMKG.

246. Момотов, В. В. Новеллы Судебной реформы 1864 года и их значение для развития судебной системы современной России / В. В. Момотов // Российская юстиция. – 2024. – № 12. – С. 9-23. – DOI 10.52433/01316761_2024_12_9. – EDN MZPKIO.

247. Момотов, В. В. Пространство права и власть технологий в зеркале судебной практики: современный взгляд / В. В. Момотов // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 2. – С. 112-123. – DOI 10.12737/jrp.2023.021. – EDN MQJNYJ.

248. Морозов, М. Э. Скрытое администрирование в правовых позициях Конституционного Суда РФ / М. Э. Морозов // Третейский суд. – 2024. – № 1/2(137/138). – С. 54-58. – EDN KAFFWK.

249. Мохов, А. А. Традиционные российские духовно-нравственные ценности и отправление правосудия по гражданским делам / А. А. Мохов // Современное право. – 2025. – № 11. – С. 90-95. – DOI 10.25799/NI.2025.95.98.016. – EDN LRKCHE.

250. Мохов, А. В. Цивилизационная идентичность как фактор евразийской интеграции / А. В. Мохов, Т. А. Сенюшкина // Политическое пространство и социальное время: Правда и ложь в политике и искусстве : Сборник научных трудов XXXVI Международного Харакского форума, Ялта, 15–17 мая 2019 года. – Ялта: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2019. – С. 169-174. – EDN GJCRIR.

251. Мушинский, М. А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом / М. А. Мушинский // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 488-499. – EDN TWWGHD.

252. Наквасина, Г. А. Конституционное правосознание и правовая культура в механизме правового регулирования / Г. А. Наквасина, В. В. Хрулева // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – № 3. – С. 133-138. – EDN SNQXNL.

253. Нарутто, С. В. Семья как конституционная ценность / С. В. Нарутто // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5(78). – С. 21-30. – DOI 10.17803/1994-1471.2017.78.5.021-030. – EDN YSRIJX.

254. Нарутто, С. В. Функции Конституции Российской Федерации / С. В. Нарутто // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 10(155). – С. 61-69. – DOI 10.17803/1994-1471.2023.155.10.061-069. – EDN ITPUFU.

255. Неверов, А. Я. Роль квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации в реализации принципа несменяемости судей / А. Я. Неверов // Российский судья. – 2025. – № 3. – С. 56-60. – DOI 10.18572/1812-3791-2025-3-56-60. – EDN ELALHW.

256. Невинский, В. В. Сущность и универсализация конституционных ценностей в современном обществе / В. В. Невинский // Lex Russica (Русский закон). – 2018. – № 11(144). – С. 106-121. – DOI 10.17803/1729-5920.2018.144.11.106-121. – EDN YPCIWT.

257. Нешатаева, Т. Н. Независимость и добросовестность суда и судей в цифровую эпоху: интеграционный опыт / Т. Н. Нешатаева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 1. – С. 107 - 126. – DOI 10.17072/1995-4190-2021-55-107-126. – EDN WJJAUM.

258. Овчинников, А. И. Роль религиозных ценностей в формировании правомерного поведения: теолого-правовой аспект / А. И. Овчинников, В. А. Хажироков // Противодействие преступности: актуальные проблемы теории и практики : Материалы XXVI Международной научно-практической конференции, Краснодар, 20–21 мая 2022 года / Редколлегия: Н.Г. Канунникова, Л.А. Бураева, М.М. Ардавов [и др.]. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2023. – С. 101-103. – EDN KHEZMT.

259. Овчинников, А. И. Теоцентризм русской философии права: история и современность / А. И. Овчинников, Т. А. Фетисов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 3. – С. 59-71. – DOI 10.22394/2074-7306-2021-1-3-59-71. – EDN NCXGRC.

260. Овчинников, А. И. Церковная символика и правовые символы: единство, различие, взаимодействие / А. И. Овчинников // Юридическая техника. – 2026. – № 20. – С. 33-37. – EDN MPPPFA.

261. Огурцов, А. Е. Правовая культура сотрудников оперативно-поисковых подразделений органов внутренних дел Российской Федерации / А. Е. Огурцов // Закон и право. – 2019. – № 2. – С. 139-141. – DOI 10.24411/2073-3313-2019-10076. – EDN YVXCHB.

262. Осавелюк, А. М. Особенности правового статуса главы государства при разных формах правления: миф и реальность / А. М. Осавелюк // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 7. – С. 48-51. – DOI 10.18572/1812-3767-2022-7-48-51. – EDN HPZMRG.

263. Осейчук, В. И. О необходимости нового этапа конституционной реформы в России / В. И. Осейчук // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 5. – С. 6-12. – EDN KXZIML.

264. Осетров, С. А. Российская модель разделения власти: конституционное поправление / С. А. Осетров // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 6. – С. 10-17. – DOI 10.18572/1812-3767-2021-6-10-17. – EDN JPELFS.

265. Осинцев, Д. В. Культурный код российской Конституции / Д. В. Осинцев // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 4. – С. 6-10. – DOI 10.18572/1812-3767-2022-4-6-10. – EDN AZRBYP.

266. Осипов, А. В. Технологии консолидации политической власти: консолидирующий потенциал Посланий Президента Федеральному Собранию РФ и "прямых линий" с президентом / А. В. Осипов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2021. – № 4. – С. 198-202. – DOI 10.22394/2079-1690-2021-1-4-198-202. – EDN EZPQGK.

267. Папаян, Р.А. Христианские корни современного права / Р.А. Папаян. – М.: Норма, 2002. – 403 с.

268. Певцова, Е. А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию / Е. А. Певцова // Журнал российского права. – 2004. – № 3(87). – С. 70-81. – EDN VVKTHL.

269. Пермиловский, М. С. Методология конституционной аксиологии в разъяснениях Конституционного Суда России / М. С. Пермиловский, М. Г. Вилова // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 8. – С. 28-31. – DOI 10.18572/1812-3767-2022-8-28-31. – EDN QYEYWV.

270. Пермиловский, М. С. Н.А. Заозерский о духовной стороне права / М. С. Пермиловский // Юридическое образование и наука. – 2024. – № 5. – С. 42-45. – DOI 10.18572/1813-1190-2024-5-42-45. – EDN EAUYGW.

271. Пермиловский, М. С. Права человека в системе традиционных российских духовно-нравственных ценностей / М. С. Пермиловский // Государственная власть и местное самоуправление. – 2025. – № 8. – С. 3-7. – DOI 10.18572/1813-1247-2025-8-3-7. – EDN GJGCWN.

272. Петренко, Д. С. Взаимодействие органов власти Союза и союзных республик в сфере конституционного нормоконтроля на этапе становления СССР / Д. С. Петренко // Журнал Конституционного правосудия. – 2010. – № 4. – С. 1-12. – EDN MUTVXJ.

273. Петрушак, В. Л. Евразийство как ценностно-мировоззренческое основание цивилизационной интеграции Северной Евразии / В. Л. Петрушак // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. – 2021. – Т. 13, № 2. – С. 106-112. – EDN QXAYWF.

274. Петюкова, О. Н. Влияние религиозного фактора на формирование правосознания современного российского общества в контексте международного права / О. Н. Петюкова // Право и управление. XXI век. – 2008. – № 2(7). – С. 91-97. – EDN MUNXMJ.

275. Поворова, Е. А. Независимость судебной власти:этика и медиа / Е. А. Поворова // Закон. – 2023. – № 11. – С. 164-172. – DOI 10.37239/0869-4400-2023-20-11-164-172. – EDN LOHUXF.

276. Полдников, Д. Ю. Правовая традиция как основа сравнительного изучения устойчивого правового многообразия мира / Д. Ю. Полдников // Право и управление. XXI век. – 2025. – Т. 21, № 1(74). – С. 31-39. – DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-31-39. – EDN USLSVE.

277. Полищук, Н. И. Квазиисточники права и их роль в нормотворческой деятельности государства / Н. И. Полищук // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2019. – № 16. – С. 9-16. – EDN LRVAJT.

278. Полянский, В. В. Некоторые проблемы обеспечения независимости судьи / В. В. Полянский // Российский судья. – 2025. – № 10. – С. 51-55. – DOI 10.18572/1812-3791-2025-10-51-55. – EDN QPXJMA.

279. Полянскова, Л. Ю. Соотношение понятия «традиционные духовно-нравственные ценности» и основ конституционного строя Российской Федерации как смыслообразующий вопрос о российской государственности для общественного дискурса / Л. Ю. Полянскова // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 6(211). – С. 100-113. – DOI 10.17803/1729-5920.2024.211.6.100-113. – EDN АРХЕНА.

280. Поняев, И. М. Политический кризис 1993 года в России: предпосылки, причины и упущенные возможности разрешения / И. М. Поняев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2017. – № 5. – С. 206-215. – DOI 10.18384/2310-676X-2017-5-206-215. – EDN YNEGSI.

281. Портнова, Е. В. Вопросу о причинах, тормозящих создание конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации / Е. В. Портнова // Российский судья. – 2019. – № 10. – С. 45-50. – EDN JBANWO.

282. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 года // Российская газета. 2020. 16 января.

283. Поставнев М. Подача жалобы в квалификационную коллегию судей // Юридический справочник руководителя. – 2023. – № 6. – С. 53 - 59.

284. Постников, А. Е. Конституционное право в контексте правовой культуры / А. Е. Постников // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 8. – С. 42-53. – DOI 10.61205/S160565900030707-1. – EDN BKXXBX.

285. Постников, А. Е. Конституция и развитие конституционного анализа / А. Е. Постников // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 32-44. – DOI 10.61205/S160565900028066-6. – EDN PIKPDJ.

286. Правосознание в условиях современных вызовов человечеству и конституционного обновления / Л. В. Бутько, Е. В. Епифанова, О. В. Лепешкина, И. М. Хиль // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 7(211). – С. 92-95. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_7_92. – EDN BBPYBX.

287. Прокопович, Г. А. Судебное правотворчество в современном понимании: реалии и перспективы / Г. А. Прокопович // Российский судья. – 2015. – № 5. – С. 17-20. – EDN TTKDHB.

288. Прудченко, Е. А. История понятия "антропоцентризм" в контексте современных размышлений о человеке и цивилизации / Е. А. Прудченко, Ю. В. Дюпина, Я. Э. Дизер // Манускрипт. – 2020. – Т. 13, № 5. – С. 150-154. – DOI 10.30853/manuscript.2020.5.29. – EDN SKGNSC.

289. Путин В. Демократия и качество государства // Коммерсант. 2012. № 20.

290. Рахимова, Ю. И. Сравнение процедуры привлечения к уголовной ответственности Президента РФ и Президента другой цивилизационной страны / Ю. И. Рахимова // Наука XXI века: проблемы и перспективы. – 2016. – № 1(4). – С. 183-186. – EDN WKAJET.

291. Романенко, Н. В. История одного дела, или Снова по болевым точкам уголовного преследования судей / Н. В. Романенко // Уголовное судопроизводство. – 2025. – № 3. – С. 16-21. – DOI 10.18572/2072-4411-2025-3-16-21. – EDN MAWGJL.

292. Романенко, Н. В. Неправосудное правосудие / Н. В. Романенко // Уголовное судопроизводство. – 2024. – № 2. – С. 13-17. – DOI 10.18572/2072-4411-2024-2-13-17. – EDN YFAAUS.

293. Романенко, Н. В. Сложные случаи установления обусловленности уголовного преследования профессиональной деятельностью судьи / Н. В. Романенко // Российский судья. – 2023. – № 12. – С. 40-45. – DOI 10.18572/1812-3791-2023-12-40-45. – EDN JGSYTT.

294. Рулев, М. С. Президент как актор формирования повестки дня (по результатам Всероссийского конкурса "Если бы я был президентом") / М. С. Рулев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2020. – № 2. – С. 45-47. – EDN CTMONJ.

295. Румянцев, О. Г. 20-летие Конституции Российской Федерации: уроки истории, перспективы развития / О. Г. Румянцев // Журнал Конституционного правосудия. – 2014. – № 2. – С. 10-21. – EDN QFZUQE.

296. Румянцев, О. Г. Незашоренные размышления в связи с внесением 22 мая 2024 г. в Государственную Думу проекта федерального конституционного закона «О Конституционном Собрании» / О. Г. Румянцев // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 9. – С. 21-28. – DOI 10.18572/1812-3767-2024-9-21-28. – EDN PVEUQC.

297. Русаков, М. И. Местное самоуправление в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации / М. И. Русаков, В. В. Цветков // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 11. – С. 30-33. – DOI 10.18572/1813-1247-2024-11-30-33. – EDN YPFIAU.

298. Рыбакова, О. С. К вопросу о необходимости формирования конституционно-правового мировоззрения современной молодёжи / О. С. Рыбакова // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 5. – С. 53-59. – DOI 10.18572/1812-3767-2024-5-53-59. – EDN ZCJHFO.

299. Рябцева, Е. В. Антикоррупционная этика на государственной службе в судебной системе / Е. В. Рябцева // Российский судья. – 2019. – № 10. – С. 51-56. – EDN RNTEEF.

300. Сазонникова, Е. В. Новеллы Конституции Российской Федерации о культуре / Е. В. Сазонникова // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 2. – С. 15-17. – DOI 10.18572/1812-3767-2021-2-15-17. – EDN QFFQTC.

301. Сазонникова, Е. В. Память о защитниках Отечества и защита исторической правды как конституционные ценности / Е. В. Сазонникова // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 10. – С. 29-32. – DOI 10.18572/1812-3767-2020-10-29-32. – EDN AOVZIJ.

302. Сайбулаева, С. А. Институт президентства в Российской Федерации: вопросы учреждения и реформирования на современном этапе / С. А. Сайбулаева // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 1. – С. 45-48. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-1-45-48. – EDN OXMBHJ.

303. Сайбулаева, С. А. Реформа судебной власти и конституционный строй Российской Федерации: некоторые вопросы истории и теории / С. А. Сайбулаева // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 21-25. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-21-25. – EDN EEWBRL.

304. Саликов, М. С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие и система / М. С. Саликов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – № 5(250). – С. 49-59. – EDN TKSQGZ.

305. Саркисян, О. Л. О некоторых аспектах соотношения понятий "стратегическая культура" и "политическая культура" / О. Л. Саркисян, Т. С. Биджоян // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. – 2014. – № 1(16). – С. 25-32. – EDN UYUJCJ.

306. Саркисян, О. Л. Осмысление победы в Великой Отечественной войне в контексте современных интеграционных процессов1 / О. Л. Саркисян // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. – 2015. – № 1(19). – С. 12-18. – EDN VNWZVR.

307. Сарычев, В. В. Судебные доктрины как источник права / В. В. Сарычев // Вестник науки и образования. – 2020. – № 23-1(101). – С. 47-49. – EDN JBPPZR.

308. Семикин, Д. С. Судебное право и судебная политика / Д. С. Семикин, К. А. Литвинова // Российская юстиция. – 2012. – № 9. – С. 44-46. – EDN PCSXPV.

309. Семикин, Д. С. Судебное право как важнейший элемент судебной системы / Д. С. Семикин, О. В. Люкина, А. В. Малько // Российская юстиция. – 2010. – № 3. – С. 2-4. – EDN LDFBSV.

310. Серенко, С. Б. Материальное обеспечение судьи в отставке: некоторые проблемы правового регулирования / С. Б. Серенко // Российский судья. – 2022. – № 5. – С. 55-59. – DOI 10.18572/1812-3791-2022-5-55-59. – EDN WUYKZU.

311. Серков, П. П. К вопросу о функциональности правосудия / П. П. Серков // Журнал российского права. – 2018. – № 3(255). – С. 97-105. – DOI 10.12737/art_2018_3_9. – EDN YPWWTA.

312. Серков, П. П. Некоторые закономерности правотворчества / П. П. Серков // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 6. – С. 5-21. – DOI 10.12737/jrp.2023.063. – EDN NANTAX.

313. Серков, П. П. Полифункциональность правосудия: реальность или интерпретации правовой действительности? / П. П. Серков // Журнал российского права. – 2016. – № 12(240). – С. 162-174. – DOI 10.12737/22735. – EDN XBDQHJ.

314. Сидорук, А. Ю. Сущность ограничений публичной власти через призму прав и свобод человека / А. Ю. Сидорук // Алтайский юридический вестник. – 2023. – № 4(44). – С. 23-28. – EDN KJQPTR.

315. Синельников, С. П. Советское законодательство о религиозной пропаганде (1918-1930-е гг.) / С. П. Синельников // История государства и права. – 2011. – № 22. – С. 38-41. – EDN OPBOAZ.

316. Сисакьян, А. К. К вопросу о влиянии конституционных ценностей при формировании конституционного правосознания / А. К. Сисакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 5. – С. 16-19. – DOI 10.18572/1812-3767-2022-5-16-19. – EDN DLXURZ.

317. Сисакьян, А. К. Конституционное правосознание и отечественный парламентаризм / А. К. Сисакьян // Конституционное и муниципальное право. –

2023. – № 4. – С. 19-23. – DOI 10.18572/1812-3767-2023-4-19-23. – EDN MMGQOL.

318. Сисакьян, А. К. Конституционные преобразования системы публичной власти и их влияние на формирование положительного конституционного правосознания / А. К. Сисакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 3. – С. 14-17. – DOI 10.18572/1812-3767-2021-3-14-17. – EDN DZRKMQ.

319. Скуратов, Ю. И. Евразийский конституционализм: понятие и содержание / Ю. И. Скуратов // Российский юридический журнал. – 2020. – № 6(135). – С. 18-37. – DOI 10.34076/2071-3797-2020-6-18-37. – EDN IIYPZP.

320. Славова, Н. А. Правовая культура: понятие и функции / Н. А. Славова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2020. – Т. 1, № 3(96). – С. 48-55. – EDN SECNQW.

321. Соловьев, А. А. Иберо-американский кодекс судейской этики / А. А. Соловьев // Российская юстиция. – 2024. – № 4. – С. 37-49. – DOI 10.52433/01316761_2024_04_37. – EDN EUQRMO.

322. Соломчак, К. Б. Позитивная правовая ответственность человека: анализ философско-правовых подходов / К. Б. Соломчак // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 24. – С. 262-266. – EDN RQAZKB.

323. Спиридонов, А. П. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в судебной деятельности / А. П. Спиридонов // Российский судья. – 2024. – № 2. – С. 49-54. – DOI 10.18572/1812-3791-2024-2-49-54. – EDN UFJATK.

324. Спирин, М. Ю. Судебный прецедент как формальный источник права: теоретические вопросы / М. Ю. Спирин // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7, № 4. – С. 109-116. – DOI 10.18287/2542-047X-2021-7-4-109-116. – EDN XXKSJU.

325. Стародубцева, И. А. Трансформация признаков республиканской формы правления после внесения поправок в Конституцию Российской Федерации 2020 г / И. А. Стародубцева // Конституционное и муниципальное

право. – 2023. – № 12. – С. 27-29. – DOI 10.18572/1812-3767-2023-12-27-29. – EDN AWAGQB.

326. Степанов, П. В. Культура правотворчества в цифровую эпоху / П. В. Степанов // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 10. – С. 17-32. – DOI 10.61205/jrp.2024.10.2. – EDN ZFYXVZ.

327. Сулаймонов, М. С. Сравнительно-правовой анализ понятия "института Президента" и "конституционно-правовой статус Президента" / М. С. Сулаймонов, Ф. А. Касимова // Государствоведение и права человека. – 2019. – № 4(16). – С. 74-83. – EDN HWUUIG.

328. Султанов, А. Р. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ / А. Р. Султанов // Журнал российского права. – 2009. – № 9(153). – С. 65-77. – EDN KZVKTJ.

329. Суханова, А. А. Конституционные ценности современной России: иерархия и конкуренция / А. А. Суханова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 23(378). – С. 53-57. – EDN VLZBIN.

330. Тарабан, Н. А. Институт конституционной ответственности: дуализм политических и правовых начал в свете теории общественного договора / Н. А. Тарабан // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 8. – С. 44-47. – DOI 10.18572/1812-3767-2020-8-44-47. – EDN ZDTAEX.

331. Тарабан, Н. А. Феномен "живой" конституции в российском конституционализме / Н. А. Тарабан // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 9. – С. 38-42. – DOI 10.18572/1813-1247-2018-9-38-42. – EDN XYUJFJ.

332. Тарибо, Е. В. Соотношение различных процедур конституционного контроля в контексте диалога со Страсбургским судом: некоторые проблемные аспекты российской практики / Е. В. Тарибо // Российский судья. – 2018. – № 8. – С. 54-62. – EDN XWATWP.

333. Титова, Е. В. К вопросу о структуре конституционного правосознания и его особенностях / Е. В. Титова // Вестник Южно-Уральского

государственного университета. Серия: Право. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 118-125. – DOI 10.14529/law170422. – EDN ZWDYGJ.

334. Титова, Е. В. К вопросу о структуре конституционного правосознания и его особенностях / Е. В. Титова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 118-125. – DOI 10.14529/law170422. – EDN ZWDYGJ.

335. Тиханов, Н. А. Классическое понимание принципа разделения властей и современное государственное устройство: необходимо ли теоретическое переосмысление? / Н. А. Тиханов // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 8. – С. 7-13. – DOI 10.18572/1812-3767-2024-8-7-13. – EDN PBBJPH.

336. Тлехатук, А. К. Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации в системе средств защиты избирательных прав граждан / А. К. Тлехатук, С. Г. Дзыбова // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 8. – С. 56-60. – EDN ZEIZKR.

337. Томилова, И. И. К вопросу о соотношении муниципально-правовой ответственности и конституционно-правовой ответственности / И. И. Томилова, Е. А. Школяренко // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2021. – № 2. – С. 27-29. – DOI 10.18572/2072-4314-2021-2-27-29. – EDN OWZVMI.

338. Трофимов, В. В. Правовое сотворчество власти и общества как проявление культуры правотворческого процесса в современном государстве / В. В. Трофимов, В. Ю. Самородов // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 3(77). – С. 43-53. – DOI 10.33184/pravgos-2024.3.6. – EDN TSTEJU.

339. Трофимова, Г. А. Субъективная сторона конституционного деликта: краткий анализ / Г. А. Трофимова // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 6. – С. 21-25. – EDN YUMVFR.

340. Трубецкой, Е. Н. Звериное царство и грядущее возрождение России / кн. Евгений Трубецкой. — [Б. м. : б. и.], 1919. – 21 с.

341. Туманов, Д. А. Если не суд, то кто? / Д. А. Туманов // Закон. – 2025. – № 4. – С. 54-65. – DOI 10.37239/0869-4400-2025-22-4-54-65. – EDN MPDOVQ.

342. Туманова, Л. В. Обеспечение авторитета судебной власти и защита прав и законных интересов судей как двуединая задача Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации / Л. В. Туманова // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – 2022. – № 6(86). – С. 8-11. – EDN EBCCPO.

343. Тутаринова, Н. Н. Судебная власть в системе средств защиты прав и свобод человека и гражданина / Н. Н. Тутаринова // Российский судья. – 2024. – № 2. – С. 44-48. – DOI 10.18572/1812-3791-2024-2-44-48. – EDN FOGGLT.

344. Тхабисимова, Л. А. Конституционно-правовые проблемы формирования российской национальной идентичности в контексте противодействия враждебным информационным и идеологическим концептам / Л. А. Тхабисимова // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 4. – С. 15-18. – DOI 10.18572/1812-3767-2025-4-15-18. – EDN DJVNJN.

345. Тюленев, Н. И. Дисциплинарная ответственность судей в Российской Федерации: актуальные проблемы и направления совершенствования правоприменения / Н. И. Тюленев // Мировой судья. – 2020. – № 7. – С. 34-40. – EDN HDTNPK.

346. Уваров, А. А. Средства массовой информации, как институт гражданского общества (правовые аспекты) / А. А. Уваров // Российская юстиция. – 2014. – № 6. – С. 45-48. – EDN SFBWTT.

347. Фиошин, А. В. О защите традиционных духовно-нравственных ценностей России в контексте медицинского и семейного законодательства / А. В. Фиошин // Нотариус. – 2025. – № 3. – С. 32-37. – DOI 10.18572/1813-1204-2025-3-32-37. – EDN VLSIPR.

348. Фокин, Е. А. Судебное право: игра в слова или содержательная дискуссия? / Е. А. Фокин // Российская юстиция. – 2025. – № 7. – С. 28-34. – DOI 10.52433/01316761_2025_07_28. – EDN SJFPPG.

349. Фоков, А. П. Доктринальные положения самостоятельности судебной власти в трудах В.И. Анишиной / А. П. Фоков // Известия Юго-

Западного государственного университета. – 2017. – № 6(75). – С. 173-177. – DOI 10.21869/2223-1560-2017-21-6-173-177. – EDN YUVXGH.

350. Фоминская, М. Д. Ценности достоинства человека и равноправия в законодательстве Моисея: государственно-правовые исследования А.П. Лопухина / М. Д. Фоминская // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2020. – № 1. – С. 44-49. – DOI 10.22394/2074-7306-2020-1-1-44-49. – EDN QYHBMA.

351. Хабриева, Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности / Т. Я. Хабриева // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90, № 5. – С. 403-414. – DOI 10.31857/S0869587320050035. – EDN ZSCOQP.

352. Хабриева, Т. Я. Конституционные идеалы и современное законодательство / Т. Я. Хабриева // Вопросы правоведения. – 2013. – № 5(21). – С. 12-22. – EDN SNJCFR.

353. Хабриева, Т. Я. Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву : сборник научных трудов / Т. Я. Хабриева ; под ред. В.М. Баранова. Том Часть 1. – Нижний Новгород : Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1998. – 269 с. – EDN PJJTCY.

354. Харебов, О. Ф. Правовая природа разъяснений Верховного суда РФ / О. Ф. Харебов // Вестник магистратуры. – 2019. – № 4-1(91). – С. 91-93. – EDN OUQOWE..

355. Харитонов, Л. А. Правосудие: между правом и справедливостью / Л. А. Харитонов // Образование и право. – 2023. – № 4. – С. 96-102. – DOI 10.24412/2076-1503-2023-4-96-102. – EDN RYPRZY.

356. Хорунжий, С. Н. Конституционная идеология и баланс защищаемых правовых ценностей / С. Н. Хорунжий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – № 2(29). – С. 45-64. – EDN YSDSCJ.

357. Хорунжий, С. Н. Конституционная идеология как аксиологический элемент современной правовой среды / С. Н. Хорунжий // Журнал Конституционного правосудия. – 2015. – № 3. – С. 31-34. – EDN TUXLYR.

358. Хорунжий, С. Н. Конституционная идеология как элемент правовой среды / С. Н. Хорунжий // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 10. – С. 3-6. – EDN STWUQT.

359. Худякова, В. П. К вопросу об определении понятия "конституционная культура" / В. П. Худякова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 111-116. – DOI 10.14529/law190117. – EDN YZDXZB.

360. Цалиев, А. М. Об актуальности совершенствования правового воспитания и юридического образования как основы повышения правосознания в свете конституционных новелл / А. М. Цалиев // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 1. – С. 58-59. – DOI 10.18572/1812-3767-2023-1-58-59. – EDN HMAFZR.

361. Чеботарев, Г. Н. Трансформация права в сфере сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей / Г. Н. Чеботарев // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 2. – С. 4-8. – DOI 10.18572/1812-3767-2025-2-4-8. – EDN ZCOTXF.

362. Червонюк, В. И. Традиции и инновации в структуре права и конституционном развитии в контексте модернизации российской государственности (в трех выпусках) Выпуск 3 Традиции и инновации в контексте феномена правовой аккультурации и модернизации Российского государства / В. И. Червонюк // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 4. – С. 24-29. – EDN PAUIYH.

363. Червонюк, В. И. Трансформация идеи "живой конституции" в российской конституционной практике / В. И. Червонюк // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 2(182). – С. 124-128. – EDN QARPWU.

364. Чертков А.Н. Практика Конституционного Суда РФ и динамика федеративных отношений // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 109 - 115.

365. Чибисов, Е. В. Об уточнении некоторых положений законодательства Российской Федерации о судоустройстве / Е. В. Чибисов // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 5. – С. 234-236. – EDN VCEYHW.

366. Чирков, Ф. В. Конституционные принципы уголовно-правовой охраны духовно-нравственных ценностей / Ф. В. Чирков // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 7(212). – С. 58-69. – DOI 10.17803/1729-5920.2024.212.7.058-069. – EDN LALSOH.

367. Чунина, М. С. Судебное нормотворчество в дореволюционной России: дискуссионные аспекты / М. С. Чунина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 2(50). – С. 62-70. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-2-7. – EDN TBDIEH.

368. Чупрова, А. А. Об осмыслении религиозной обусловленности правосознания в правоприменении / А. А. Чупрова, И. М. Хиль, Е. В. Епифанова // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 11(179). – С. 57-59. – EDN VJUNTO.

369. Шатманова, О. А. Правовое регулирование предъявления импичмента президенту в правовом государстве / О. А. Шатманова // Социология и право. – 2012. – № 2(13). – С. 101-106. – EDN PAIPVZ.

370. Шахов, А. А. Осторожный разворот: Конституционный Суд РФ о месте местного самоуправления в рамках единой системы публичной власти / А. А. Шахов // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 3. – С. 29-33. – DOI 10.18572/1812-3767-2024-3-29-33. – EDN RGQBCX.

371. Шевченко, И. М. К вопросу о разграничении судебной ошибки и дисциплинарного проступка судьи / И. М. Шевченко // Юрист. – 2026. – № 2. – С. 67-73. – DOI 10.18572/1812-3929-2026-2-67-73. – EDN SFOVJK.

372. Шульженко, Ю. Л. Отечественный конституционный надзор (20-е - первая половина 30-х годов XX в.) / Ю. Л. Шульженко // Государство и право. – 2023. – № 2. – С. 154-162. – DOI 10.31857/S102694520024343-8. – EDN TWCBKN.

373. Шустров, Д. Г. Аксиология Конституции Российской Федерации 1993 года / Д. Г. Шустров // Социально-политические науки. – 2015. – № 4. – С. 14-26. – EDN VDWCUB.

374. Шустров, Д. Г. Полномочия Конституционного Суда РФ по предварительному конституционному контролю за поправками к Конституции РФ: конституционные и законодательные новеллы / Д. Г. Шустров // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 8. – С. 48-59. – DOI 10.18572/1812-3767-2021-8-48-59. – EDN GIHCHV.

375. Щепачев, В. А. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления как форма общественного контроля / В. А. Щепачев // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 2. – С. 57-61. – EDN XXJGET.

376. Юлбердина, Л. Р. Роль Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации в единстве правоприменительной практики / Л. Р. Юлбердина, Е. В. Наумова // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 6(234). – С. 29-31. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_6_29. – EDN NLYGNT.

377. Юрченко, М. В. Власть и свобода: антитезы либерализму и марксизму / М. В. Юрченко // Власть. – 2010. – № 1. – С. 57-59. – EDN KZFNUV.

378. Якимова, Е. М. Проблема бинарности конституционных принципов свободы предпринимательской деятельности и социального государства / Е. М. Якимова // Право и экономика. – 2019. – № 3(373). – С. 35-40. – EDN IKUOYB.

379. Якубов, А. Е. Еще раз об отрешении президента РФ и уголовном праве / А. Е. Якубов // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 7. – С. 20-25. – EDN KDMUQN.

380. Янкевич, С. В. Светский характер общего образования в Российской Федерации / С. В. Янкевич, Н. В. Княгинина // Журнал российского права. – 2018. – № 9(261). – С. 91-101. – DOI 10.12737/art_2018_9_9. – EDN XYUMYP.

381. Ястрембська, С. В. Теоретические проблемы конституционно-правовой культуры общества как основы социальной ответственности / С. В. Ястрембська // Образование и право. – 2018. – № 8. – С. 14-17. – EDN YHJHOP.

382. Яшина, А. А. К вопросу о соотношении понятий правосудие, судебная защита, судебная деятельность, судопроизводство / А. А. Яшина, С. В. Морозов // Наука. Общество. Государство. – 2018. – Т. 6, № 4(24). – С. 169-177. – EDN YYHBXN.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Арановский, К.В. Конституционная традиция и ее распространение в российском обществе : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Арановский Константин Викторович. – Санкт-Петербург, 2004. – 413 с. – EDN NMYTAL.

2. Артамонова, Н. В. Развитие правовой культуры избирателей в России: конституционно-правовой аспект : специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право", 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Артамонова Наталья Вячеславна. – Москва, 2008. – 225 с. – EDN NQDISB.

3. Вересова, Н. А. Нормотворческая функция Федерального Конституционного Суда Федеративной Республики Германии и Конституционного Суда Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) : специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Вересова Надежда Александровна. – Санкт-Петербург, 2008. – 253 с. – EDN NQGLBH.

4. Видергольд, А. И. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и их проявление в уголовном судопроизводстве (теоретические и практические аспекты) : специальность 12.00.09 "Уголовный процесс" :

диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Видергольд Анна Игоревна, 2017. – 252 с. – EDN FWJIND.

5. Вижевитова, Т. А. Формирование правовой культуры в муниципальном образовании (муниципально-правовое исследование) : специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Вижевитова Татьяна Анатольевна. – Омск, 2009. – 211 с. – EDN QEMWIH.

6. Громошина, Н. А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве : специальность 12.00.15 "Гражданский процесс; арбитражный процесс" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Громошина Наталья Андреевна. – Москва, 2010. – 50 с. – EDN QGZFDT.

7. Жогин, О. В. Конституционная ответственность как объект теоретико-правового исследования : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Жогин Олег Валерьевич. – Саратов, 2008. – 18 с. – EDN NKONAJ.

8. Загородский, В. В. Правовая культура в контексте прав человека : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Загородский Владимир Викторович. – Краснодар, 2010. – 204 с. – EDN QESMUT.

9. Карасева, И. А. Конкуренция конституционных ценностей в практике Конституционного суда Российской Федерации и конституционных судов зарубежных стран : специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Карасева Ирина Андреевна, 2015. – 244 с. – EDN PANQUB.

10. Колоколов, Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен (специальность : 12.00.01-теория и история права и государства, история учений о праве и государстве) : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Колоколов Никита Александрович. – Москва, 2007. – 328 с. – EDN QXIJET.

11. Колосова, Н. М. Теория конституционной ответственности: природа, особенности, структура : специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Колосова Нина Михайловна. – Москва, 2006. – 44 с. – EDN ZNRPRH.

12. Кониченко, Е. Б. Правовая культура сотрудников пенитенциарной системы в современном российском обществе (Общеправовой анализ) : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кониченко Елена Борисовна. – Владимир, 2005. – 182 с. – EDN NNIMXF.

13. Кравец, И. А. Формирование российского конституционализма (Проблемы теории и практики) : специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право" : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Кравец Игорь Александрович. – Екатеринбург, 2002. – 584 с. – EDN NMEFGT.

14. Кравцова, Л.Е. Гарантии конституционного принципа независимости судебной власти как основы организации ее деятельности в Российской Федерации : специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2025. – 35 с.

15. Курдюк, П. М. Региональное правотворчество (Состояние, проблемы, перспективы) : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание

ученой степени кандидата юридических наук / Курдюк Петр Михайлович. – Санкт-Петешшрбург, 1997. – 229 с. – EDN NLJAJH.

16. Навальный, С. В. Электорально-правовая культура, вопросы теории и практики : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01. — Нижний Новгород, 1999. – 231 с.

17. Напалков, С. В. Реализация принципа единообразия судебной практики: проблемы конституционно-правового обеспечения : специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Напалков Сергей Валерьевич, 2019. – 171 с. – EDN IFOJLV.

18. Никитяева, В. В. Конституционное правосознание (Вопросы теории и практики) : специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Никитяева Вера Владимировна. – Воронеж, 2002. – 207 с. – EDN NMABXP.

19. Пивоварова, А. А. Правосознание и усмотрение судьи (соотношение понятий, роль при назначении наказания) : специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Пивоварова Анастасия Александровна. – Самара, 2009. – 228 с. – EDN QENLRX.

20. Правкина, И. Н. Правовые стратегии как источник развития современного права : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / И. Н. Правкина. – Москва, 2016. – 230 с. – EDN YFIYNZ.

21. Правкина, И. Н. Правовые стратегии как источник развития современного права : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / И. Н. Правкина. – Москва, 2016. – 230 с. – EDN YFIYNZ.

22. Садовой, М. В. Принцип независимости Конституционного Суда Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Садовой Михаил Витальевич, 2023. – 269 с. – EDN KHVBPK.

23. Сазонникова, Е. В. Наука конституционного права России и концепт "культура": вопросы теории и практики : специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право" : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Е. В. Сазонникова. – Москва, 2012. – 387 с. – EDN RYPETZ.

24. Тореева, Т. А. Концепция ценностей в философии М.М. Тареева : специальность 09.00.03 "История философии" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Тореева Татьяна Александровна. – Москва, 2009. – 15 с. – EDN NLCSRN.

25. Чучелина, Н. Н. Правовая культура в сфере избирательного права и избирательного процесса в Российской Федерации (Вопросы теории) : специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Чучелина Надежда Николаевна. – Москва, 2005. – 214 с. – EDN NNMYCF.

26. Шашин, П. А. Правовая культура в правовой системе общества : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шашин Павел Анатольевич. – Санкт-Петербург, 2006. – 191 с. – EDN NNVACF.